

Николай Иванович

КОСТОМАРОВ



РУССКАЯ ИСТОРИЯ

в жизнеописаниях
ее главнейших деятелей



вся история
в одном томе



Вся история в одном томе

Николай Костомаров

**Русская история в
жизнеописаниях ее
главнейших деятелей**

«Издательство АСТ»

до 1885 г.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4

Костомаров Н. И.

Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей /
Н. И. Костомаров — «Издательство АСТ», до 1885 г. — (Вся
история в одном томе)

ISBN 978-5-17-107838-6

«Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» –
фундаментальный труд выдающегося историка, этнографа, писателя, критика
XIX века Николая Ивановича Костомарова (1817–1885). В него вошли статьи
о виднейших отечественных государственных деятелях, начиная с Владимира
Святого и заканчивая Елизаветой Петровной. Образный язык, богатейший
фактический материал, критическое отношение к официозу, придают трудам
Костомарова непреходящее значение.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-17-107838-6

© Костомаров Н. И., до 1885 г.
© Издательство АСТ, до 1885 г.

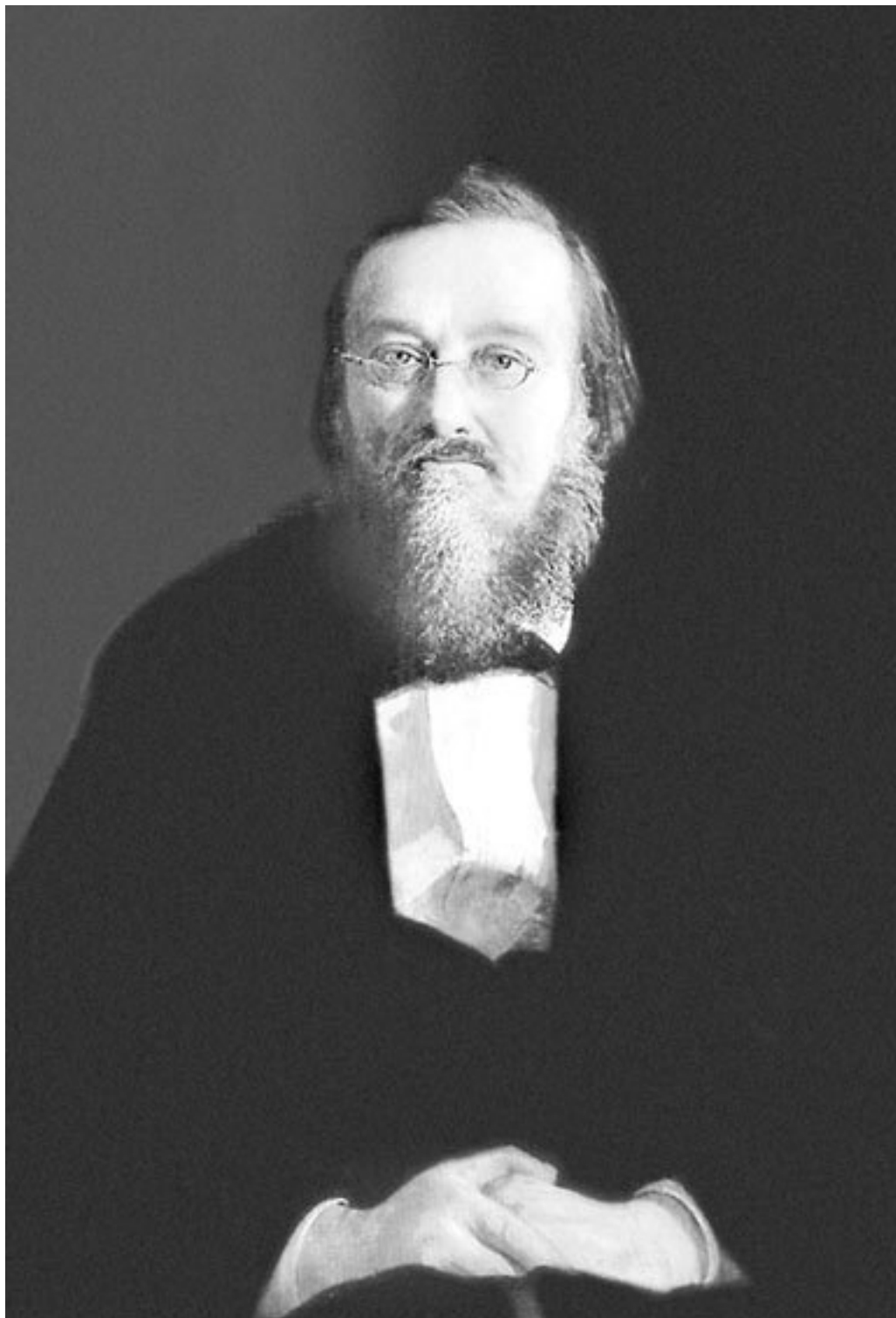
Содержание

Князь Владимир Святой	7
Киевский князь Ярослав Владимирович	18
Князь Владимир Мономах	32
Князь Андрей Боголюбский	61
Князь Александр Невский	88
Московские князья Даниловичи	110
Великий князь Дмитрий Донской	137
Великий князь и государь Иван Васильевич	167
Сильвестр и Адашев	240
Царь Иван Васильевич Грозный	282
Конец ознакомительного фрагмента.	333

Николай Костомаров
Русская история в жизнеописаниях
ее главнейших деятелей

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *



Николай Иванович Костомаров

Князь Владимир Святой

Наша история о временах, предшествовавших принятию христианства, темна и наполнена сказаниями, за которыми нельзя признать несомненной достоверности. Этому причиной то, что наши первые летописцы писали не раньше второй половины XI века и о событиях, происходивших в их отечестве в IX и X веках, и за исключением немногих письменных греческих известий не имели других источников, кроме изустных народных преданий, которые по своему свойству подвергались вымыслам и изменениям. С достоверностью можно сказать, что, подобно всем северным европейским народам, и русский народ только с христианством получил действительные и прочные основы для дальнейшего становления гражданской и государственной жизни, основы, без которых собственно для народа нет истории. С давних времен восточная половина нынешней европейской части России была населена народами племен чудского и тюркского, а в западной половине кроме народов литовского и чудского племен, примыкавших своими поселениями к Балтийскому побережью, жили славяне под разными местными названиями, держась берегов рек: Западной Двины, Волхова, Днепра, Припяти, Сожа, Горыни, Стыри, Случи, Буга, Днестра, Сулы, Десны, Оки с их притоками. Они жили небольшими общинами, которые имели свое средоточие в городах – укрепленных пунктах защиты, народных собраний и управления. Никаких установлений, связующих между собой племена, не было. Признаков государственной жизни мы не замечаем. Славяно-русские племена управлялись своими князьками, вели между собой мелкие войны и не в состоянии были охранять себя взаимно и общими силами против иноплеменников, а потому часто были покоряемы. Религия их состояла в обожании природы, в признании мыслящей человеческой силы за предметами и явлениями внешней природы, в поклонении солнцу, небу, воде, земле, ветру, деревьям, птицам, камням и т. п. и в разных баснях, верованиях, празднествах и обрядах, создаваемых и учреждаемых на основании этого обожания природы. Их религиозные представления отчасти выражались в форме идолов, но у них не было ни храмов, ни жрецов, а потому их религия не могла иметь признаков повсеместности и неизменяемости. У них были неясные представления о существовании человека после смерти; загробный мир представлялся их воображению продолжением настоящей жизни, так что в том мире, как и в здешнем, предполагались одни рабами, другие господами. Они чествовали умерших прародителей, считали их покровителями и приносили им жертвы. Верили они также в волшебство, то есть в знание тайной силы вещей, и питали большое уважение к волхвам и волхвицам, которых считали обладателями такого знания; с этим связывалось множество суеверных приемов: гаданий, шептаний, завязывания узлов и тому подобного. В особенности была велика вера в тайное могущество слова, и такая вера выражалась во множестве заговоров, уцелевших до сих пор у народа. Соответственно такому духовному развитию было состояние их житейской умелости: они умели строить себе деревянные жилища, укреплять их деревянными стенами, рвами и земляными насыпями, делать ладьи и рыболовные снасти, возделывать землю, разводить домашних животных, прясть, ткать, шить, готовить кушанья и напитки – пиво, мед, брагу, ковать металлы, обжигать глину для домашней посуды; знали употребление веса, меры, монеты; имели свои музыкальные инструменты; на войну выходили с метательными копьями, стрелами и отчасти мечами. Все познания их переходили от поколения к поколению, подвигаясь вперед очень медленно, но сношения с Византийской империей и отчасти с арабским Востоком мало-помалу оказывали на русских славян образовательное влияние. Из Византии приходило к ним христианство. В половине IX века русские после неудачного похода на Византию, когда буря истребила их суда, приняли крещение, но вслед за тем язычество опять взяло верх в стране; однако и после того многие из русских служили на службе византийских императоров в Греции, принимали там христианство и приносили его в свое отечество. В половине X века киевская кня-

гиня Ольга приняла святое крещение. Все это, однако, были только подготовительные явления. При князьях так называемого Рюрикова дома господствовало полное варварство. Они облагали русские народы данью и, до некоторой степени подчиняя их себе, объединяли; но их власть имела не государственные, а наезднические или разбойничьи черты. Они окружали себя дружиной, шайкой удалцов, жадных до грабежа и убийств, составляли из охотников разных племен рать и совершали набеги на соседей – на области Византийской империи, на восточные страны прикаспийские и закавказские. Цель их была приобретение добычи. Также они относились и к подчиненным народам: последние присуждались платить дань; и чем более можно было с них брать, тем более брали; за эту дань бравшие ее не принимали на себя никаких обязательств оказывать какую-нибудь выгоду со своей стороны подданным. С другой стороны, князья и их дружинники, имея в виду только дань и добычу, не старались вводить чего-нибудь в жизнь плативших дань, ломать их обычаев и оставляли им их внутренний строй, лишь бы только они давали дани и поборы.



Великий князь Владимир Святославич. Титулярник 1672 г.



Князь Рюрик. Гравюра 1805 г.



Княгиня Ольга. Гравюра 1805 г.

Такой варварский склад общественной жизни изменяется с принятием христианской религии, с которой из Византии – самой образованной в те времена державы – перешли к нам как понятия юридические и государственные, так и начала умственной и литературной деятельности. Принятие христианства было переворотом, обновившим и оживотворившим Русь и указавшим ей историческую дорогу.

Этот переворот был совершен Владимиром, получившим прозвание Святого, человеком великим по своему времени. К сожалению, его жизнь нам мало известна в подробностях, и летописи, сообщающие его историю, передают немало таких черт, в достоверности которых можно скорее сомневаться, чем принимать их на веру. Откидывая в сторону все, что подвергается сомнению, мы ограничимся короткими сведениями, при всей своей скудости все-таки достаточно показывающими чрезвычайную важность значения Владимира в русской истории.

Владимир был сыном воинственного Святослава, киевского князя, который предпринял поход на хазар, господствовавших в Юго-Восточной России, взял их город Саркел на Дону, победил прикавказские народы – ясов и касогов, завоевал Болгарию на Дунае, но должен был после упорной защиты уступить ее греческому императору. На обратном пути из Болгарии в Русь он был убит печенегами, народом тюркского племени. Будучи еще в детском возрасте, Владимир был призван новгородцами на княжение и уехал в Новгород вместе со своим дядей Добрыней, братом его матери Малуши, ключницы его бабки Ольги. После смерти Святослава между его детьми начались усобия. Киевский князь Ярополк убил своего брата, древлянского князя Олега. Владимир со своим дядей убежал в Швецию и возвратился в Новгород с чужеземной ратью. Вражда у них с Ярополком возникла оттого, что дочь полоцкого князя Рогнеда, руки которой просил Владимир, отказала ему такими словами: «Не хочу разуть (разуть жениха – обряд свадебный; «разуть» значит «выйти замуж») сына рабы», – попрекнув его низостью происхождения по матери, и собиралась выходить за Ярополка. Владимир завоевал Полоцк, убил Рогволода, полоцкого князя, и женился насильно на Рогнеде. Вслед за тем он овладел Киевом и убил своего брата Ярополка. Летописец наш изображает вообще Владимира жестоким, кровожадным и женолюбивым; но мы не можем доверять этому, так как по всему видно, что летописец с намерением хочет наложить на Владимира-язычника как можно больше черных красок, чтобы тем ярче указать на чудотворное действие благодати крещения, представить того же князя в самом светлом виде после принятия христианства.



Князь Игорь. Гравюра 1805 г.

С большей достоверностью можно принять вообще известие о том, что Владимир, будучи еще язычником, был повелителем большого пространства нынешней России и стремился как к распространению своих владений, так и к укреплению своей власти над ними. Таким образом, он повелевал Новгородской землей – берегами рек Волхова, Невы, Меты, Луги, – землей Белозерской, землей Ростовской, землей Смоленской в верховьях Днепра и Волги, землей Полоцкой на Двине, землей Северской по Десне и Семи, землей полян или Киевской, землей Древлянской (восточной частью Волыни) и, вероятно, также Западной Вольнью. Радимичи, жившие на Соже, и вятичи, жители берегов Оки и ее притоков, хотели отложиться от подданства и были укрощены. Владимир подчинил дани даже отдаленных ятвягов, полудикий народ, живший в лесах и болотах нынешней Гродненской губернии. Не должно, однако, думать, чтобы это обладание имело характер государственный: оно ограничивалось собиранием дани, где можно было собирать ее, и такое собирание имело вид грабежа. Сам Владимир укрепился в

Киеве с помощью чужеземцев – скандинавов, называемых у нас варягами, и роздал им города, откуда со своими вооруженными дружинами они могли собирать дани с жителей.

В 988 году Владимир принял христианство. Обстоятельства, предшествовавшие этому событию и сопровождавшие его, рассказываются с баснословными чертами, которые вполне свойственны изустным преданиям, записанным спустя уже довольно долгое время после означенного события. Достоверно только то, что Владимир крестился и в то же время вступил в брак с греческой царевной Анной, сестрой императоров Василия и Константина. Его крещение, вероятно, происходило в Корсуне, или Херсоне, греческом городе на юго-западном берегу Крыма; и оттуда Владимир привез в Киев первых духовных и необходимые принадлежности для христианского богослужения. В Киеве он крестил своих сыновей и народ. Жители без явного противодействия крестились в Днепре, отчасти потому, что в самом Киеве уже значительно распространено было христианство и христиане не составляли там незначительного меньшинства, а более всего оттого, что у русских язычников не было жреческого сословия, которое бы разъяснило народу преступность такого переворота с языческой точки зрения и призывало бы толпу к сопротивлению. Самое древнее русско-славянское язычество не имело определенного характера, общего для всех, в смысле положительной религии, и состояло из множества суеверий и представлений, которые при невежестве и впоследствии легко уживались с внешним принятием христианства. Большинство вступало в новую веру и совершало обряд крещения, не понимая, что делает. Борьба язычества с христианством выражалась в продолжительном соблюдении языческих приемов жизни и сохранении языческих суеверий; такая борьба происходила в течение многих веков после Владимира, однако она не мешала русскому народу принять крещение, в котором сначала он не видел ничего противного, потому что не понимал его смысла. Только постепенно и для немногих открывался действительно свет нового учения.



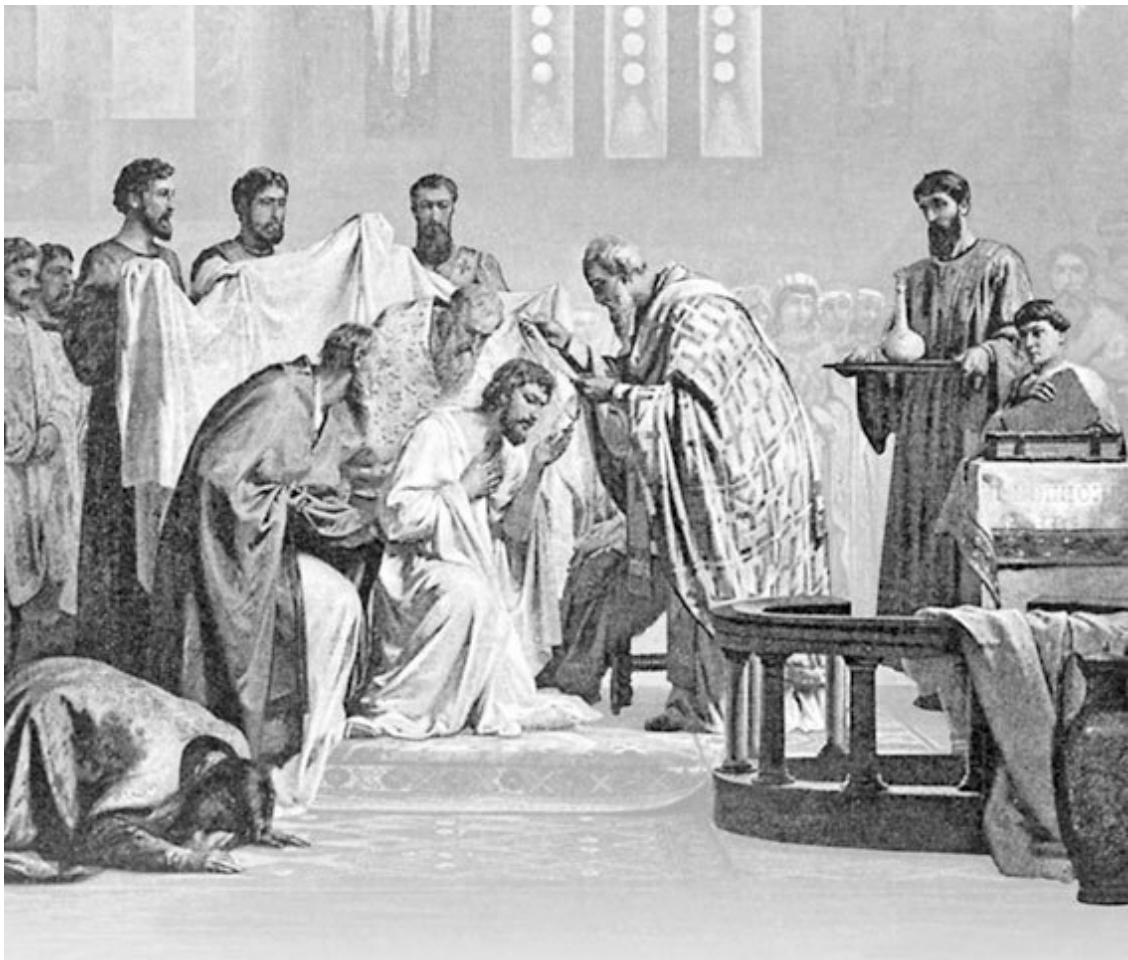
Князь Святослав. Гравюра 1805 г.

Владимир деятельно занимался распространением веры, крестил народ по землям, подвластным ему, строил церкви, назначал духовных. В самом Киеве он построил церковь Св. Василия и церковь Богородицы, или «Десятинную», так названную оттого, что князь назначил на содержание этой церкви и ее духовенства десятую часть княжеских доходов. Для прочного укрепления новопринятой веры Владимир вознамерился распространить книжное просвещение и с этой целью в Киеве и в других городах приказал набирать у значительных домохозяев детей и отдавать их в обучение грамоте. Таким образом на Руси за какие-нибудь лет двадцать выросло поколение людей, по уровню своих понятий и по кругозору своих сведений далеко шагнувших вперед от того состояния, в каком находились их родители; эти люди стали не только основателями христианского общества на Руси, но также проводниками переходившей вместе с религией образованности, борцами за начала государственные и гражданские. Одна

эта черта уже показывает во Владимире истинно великого человека: он вполне понял самый верный путь к прочному водворению начал новой жизни, которые хотел привить своему полудикому народу, и проводил свое намерение, несмотря на встречаемые затруднения. Летописец говорит, что матери, отпуская детей в школы, плакали о них, как о мертвых.

Владимир после крещения является чрезвычайно благодушным. Проникнутый духом христианской любви, он не хотел даже казнить злодеев и, хотя сначала согласился было на увещания корсунских духовных, находившихся около него в Киеве, но потом, по совету бояр и городских старцев, установил наказывать преступников только денежной пеней – вирой, по старым обычаям, рассуждая при этом, что такого рода наказание будет способствовать умножению средств для содержания войска.

Сохраняя племенную славянскую веселость, Владимир примирял ее с требованиями христианского благочестия. Князь любил пиры и празднества, но пировал не с одними своими боярами, а хотел делиться своими утехами со всем народом – и со старыми и малыми; он отправлял пиршества преимущественно в большие церковные праздники или по случаю освящения церквей (что в то время было памятным событием).



В.П. Верещагин. Крещение Святого Владимира



В.П. Верещагин. Закладка Десятинной церкви в Киеве

Владимир созывал народ отовсюду, кормил, поил всех пришедших, раздавал неимущим потребное и, заботясь даже о тех, которые почему-нибудь сами не в состоянии были явиться на княжий двор, приказывал развозить по городу пищу и питье. Но такое мирное препровождение времени не мешало ему, однако, воевать против врагов. Тогда Киевскую Русь беспокоили печенеги, народ кочевой и наезднический. Уже около столетия нападали они на русский край и при отце Владимира, во время его отсутствия, чуть было не взяли Киев. Владимир отразил их с успехом и, заботясь как об умножении ратной силы, так и об увеличении населения в крае, прилежащем Киеву, населял построенные им по берегам рек Сулы, Стугны, Трубежа, Десны города или укрепленные места переселенцами из разных земель не только русско-славянских, но и чудских. В 992 году он отнял у польского короля червенские города, нынешнюю Галицию, и присоединил к Руси этот край, населенный хорватами, ветвью русско-славянского племени.

Перед концом жизни Владимир понес сильное огорчение: его сын Ярослав оказал непослушание отцу, и Владимир готовился идти на него. «Теребите путь и мостите мосты», – приказывал он; однако смерть застигла его в этих сборах. Князь умер 15 июля 1015 года в своем подгородном селе Берестове.

Киевский князь Ярослав Владимирович

Княжение Ярослава может называться продолжением княжения Владимира как по отношениям киевского князя к подчиненным землям, так и по содействию к расширению в Руси новых начал жизни, внесенных христианством. Ярослав появляется первый раз в истории мятежным сыном против отца. По известиям летописи, будучи на княжении в Новгороде в качестве подручника киевского князя, Ярослав собирал с Новгородской земли три тысячи гривен, из которых две тысячи должен был отсылать в Киев своему отцу. Ярослав не стал доставлять этих денег, и разгневанный отец собирался идти с войском наказывать непокорного сына. Ярослав убежал в Швецию набирать иноплеменников против отца. Смерть Владимира помешала этой войне. По соображениям с тогдашними обстоятельствами можно, однако, полагать, что были еще более глубокие причины раздора, возникшего между сыном и отцом. Дети Владимира были от разных матерей¹.

Владимир перед кончиной более всех сыновей любил Бориса. Вместе со своим младшим братом Глебом он в наших летописях называется сыном «болгарыни», а по другим, позднейшим, известиям – сыном греческой царевны. Наши историки, желая согласовать эти известия, полагали, что царевна, отданная в замужество за Владимира Святого, была не родная, а двоюродная сестра греческих императоров, дочь болгарского царя Петра. Была ли она двоюродной сестрой Василия и Константина или же родной – до сих пор не решено, но во всяком случае очень вероятно, что Борис и Глеб были дети этой царевны, и Владимир как христианин оказывал им предпочтение перед другими сыновьями, считая их более законными по рождению, так как с их матерью он был соединен христианским браком, и они, кроме того, предпочтительно перед другими имели право на знатность происхождения по матери от царской крови.

Владимир, разместив сыновей по землям, держал близ себя Бориса, явно желая передать ему после себя Киевское княжество. Это, видимо, и вооружало против отца Ярослава, который по возрасту был старше Бориса, однако еще более вооружало это обстоятельство Святополка, князя, который был по годам старше Ярослава. В летописи Святополк признается сыном монахини гречанки, жены Ярополка, которую Владимир взял себе после брата, как говорят, беременной, и потому неизвестно, был ли Святополк сын Ярополка или Владимира; но в том или в другом случае Святополк по возрасту был старше всех прочих сыновей Владимира. Смерть не допустила Владимира до войны с сыном. Бориса в то время не было в Киеве: отец отправил его на печенегов. Бояре, благопритествовавшие Борису, три дня скрывали смерть Владимира, вероятно, до того времени, пока может возвратиться Борис, но, не дождавшись Бориса, должны были похоронить Владимира. Святополк дарами и ласкательством расположил к себе киевлян;

¹ Одни летописные известия называют Ярослава сыном Рогнеды, но другие противоречат этому, сообщая, что Владимир имел от несчастной княжны полоцкой одного только сына Изяслава и отпустил Рогнеду с сыном в землю ее отца Рогволода; с тех пор потомки Рогнеды княжили особо в Полоцке, и между ними и потомством Ярослава существовала постоянно родовая неприязнь, поддерживаемая преданиями о своих предках. Из рода в род переходило такое предание: прижив от Рогнеды сына Изяслава, Владимир покинул ее, увлекаясь другими женщинами. Рогнеда из мщения за своего отца и за себя попыталась умертвить Владимира во время сна, но Владимир успел проснуться вовремя и схватил ее за руку в ту минуту, когда она заносила над ним нож. Владимир приказал ей одеться в брачный наряд, сесть в богато убранном покое и ожидать его: он обещал собственноручно умертвить ее. Но Рогнеда научила своего малолетнего сына Изяслава взять в руки обнаженный меч и, выйдя навстречу отцу, сказать: «Отец, ты думаешь, что ты здесь один!» Владимир был тронут видом сына: «Кто бы думал, что ты будешь здесь!» – сказал он и бросил меч, затем, призвав «бояр», передал на их суд свое дело с женой. «Не убивай ее, – сказали бояре, – ради ее дитяти; возврати ей с сыном отчину ее отца». Так рассказывает предание, без сомнения, общераспространенное в древние времена. Внуки Рогволода, помня, по преданию, об этом событии, находились во враждебных отношениях к внукам Ярослава, сына Владимира, которым кроме Полоцкой земли, оставшейся в руках потомков Рогволода с материнской стороны, досталась в княжение вся остальная Русская земля. При существовании такого предания, подтверждаемого вековым обособлением полоцких князей от рода Ярослава, едва ли можно считать Ярослава сыном Рогнеды. Но, не будучи единоутробным братом полоцкого князя, отделенного уже при жизни Владимира, Ярослав не был единоутробным братом и других сыновей своего отца.

они признали его киевским князем: хотя старшинство рождения давало ему право на княжение, но нужно было еще утвердить его и народным согласием, особенно в такое время, когда существовали другие соискатели. Положение его, однако, и при этом было не твердо. Купленное расположение киевлян могло легко измениться. Дети христианской царицы имели перед ним нравственное преимущество, могли, кроме того, призвать чужеземцев, и особенно Борис мог во всяком случае быть для него опасным соперником. Святополк избавился от обоих, подослав тайных убийц. Борис был умерщвлен на берегах Альты близ Переяславля; Глеб – на Днепре близ Смоленска. Такая же участь постигла и третьего брата, Святослава Древлянского, который, услышав об опасности, бежал в Венгрию, но был настигнут в Карпатских горах и убит. Двух первых впоследствии причислили к лику святых: описание их смерти послужило предметом риторических повествований. Эти князья долго считались покровителями княжеского рода и охранителями Русской земли, так что многие победы русских над иноплеменниками приписывались непосредственному вмешательству Святых сыновей Владимира. Третий брат, Святослав, не удостоился такой чести, вероятно, оттого, что первых возвысило в глазах церкви рождение от матери, принесшей с собой христианство в Русскую землю.



Великий князь Ярослав Владимирович. Титулярник 1672 г.

Ярослав, ничего не зная о смерти отца, привел в Новгород варягов и расставил их по дворам². Пришельцы начали бесчинствовать; составился против них заговор, и последовало избиение варягов во дворе какого-то Поромони. Ярослав в отмщение за это зазвал к себе в

² Варягами (Varingiar) назывались жители скандинавских полуостровов, служившие у византийских императоров и перешедшие из отечества в Грецию через русские земли водным путем, по рекам от Балтийского до Черного моря. Так как русские в образе этих людей познакомились со скандинавами, то перенесли их сословное прозвание на название вообще обитателей скандинавских полуостровов, а впоследствии это название расширилось в своем значении, и под именем «варягов» стали подразумевать вообще западных европейцев, подобно тому как в настоящее время простой народ называет всех западных европейцев «немцами».

Раком (близ Новгорода, за Юрьевым монастырем) зачинщиков заговора под видом угощения и приказал перебить. В следующую ночь за тем пришло ему из Киева известие от сестры Предславы о смерти отца и об избиении братьев. Тогда Ярослав явился на вече (народная сходка), изъявлял сожаление о своем вероломном поступке с новгородцами и спрашивал: согласятся ли ему помочь. «Хотя, князь, ты и перебил нашу братию, но мы можем за тебя бороться», – отвечали ему. У новгородцев был расчет помогать Ярославу; их тяготила зависимость от Киева, которая стала бы еще тягостнее при Святополке, судя по его жестокому нраву; новгородцев оскорбляло и высокомерное поведение киевлян, считавших себя их господами. Они поднялись за Ярослава, но вместе с тем поднялись и за себя, и не ошиблись в расчете, так как впоследствии Ярослав, обязанный новгородцам своим успехом, дал им льготную грамоту, освобождавшую их от непосредственной власти Киева и возвращавшую Новгороду с его землей древнюю самобытность.



А.Д. Кившенко. Ярослав Мудрый. Чтение народу «Русской Правды»



Новгородская торговля

Ярослав выступил в поход против киевского князя в 1016 году с новгородцами, которых летописец насчитывает до 40 000; с ним было также до 1000 варягов под начальством Эймунда, сына норвежского князя Ринга. Святополк выступил против него осенью с киевлянами и печенегами. Враги встретились под Любечем и долго (по летописям, три месяца) стояли друг против друга на разных берегах Днепра; ни те, ни другие не смели первыми перебраться через реку; наконец киевляне раздражили новгородцев презрительными насмешками. Воевода Святополка, выехав вперед, кричал: «Ах вы, плотники этакие, чего пришли с этим хоромцем (охотником строить); вот мы заставим вас рубить нам хоромы!» – «Князь, – закричали новгородцы, – если ты не пойдешь, то мы сами ударим на них», – и они переправились через Днепр. Ярослав, зная, что один из воевод киевских расположен к нему, послал к этому воеводе ночью отрока и приказал сказать ему такого рода намек: «Что делать? Меду мало варено, а дружины много». Киевлянин отвечал: «Хотя меду мало, а дружины много, но к вечеру нужно дать». Ярослав понял, что следует в ту же ночь совершить нападение, и двинулся в битву, отдав такой приказ своей дружине: «Повяжите свои головы платками, чтобы отличать своих!» Святополк заложил свой стан между двумя озерами и, не ожидая нападения, всю ночь пил и веселился с дружиной. Новгородцы внезапно ударили на него. Печенеги стояли за озером и не могли помочь Святополку. Новгородцы притиснули киевлян к озеру. Киевляне бросились на лед, но лед был еще тонок, и многие утонули в озере. Разбитый Святополк бежал в Польшу к своему тестю Болеславу, а Ярослав вступил в Киев.



Великий князь Владимир Мономах

Болеслав, прозванный Храбрым, стремился к расширению своих польских владений. Он увидел благоприятный случай вмешаться в междоусобия русских князей ради своей выгоды и в 1018 году пошел вместе со Святополком на Ярослава. Ярослав, предупреждая врагов, двинулся против них на Волынь и встретился с ними на берегах Буга. Тут опять повторился русский обычай поддразнивать врагов. Кормилец и воевода Ярослава Будый, скача по берегу, кричал, указывая на Болеслава: «Вот мы тебе щепкою проколем череву твою толстую». Не стерпел такого оскорбления храбрый Болеслав: «Если вас не трогает такой укор, – сказал он своим, – я один погибну», – и бросился вброд через Буг, а поляки за ним. Ярослав не был готов к бою, не выдержал напора и убежал с четырьмя из своих людей в Новгород.

Болеслав овладел Киевом, не возвратил его Святополку, а засел в нем сам и приказал развести свою дружину по городам. Киев представлял много привлекательного для завоевателей. Дань с подчиненных русских земель обогащала этот город; торговля с Грецией и Востоком накапливала в нем произведения тогдашней образованности. Жить в нем было весело. Болеслав хотел, пребывая в Киеве, править своим государством и отправлять оттуда посольства в Западную и Восточную империи. Но такое поведение вскоре раздражило как Святополка, так и

киевлян. Святополк очутился в своем княжестве подручником иноземного государя, а поляки начали обращаться с киевлянами, как господа с рабами. Тогда с согласия Святополка русские начали избивать поляков. Расставленные по городам поляки не в силах были помогать друг другу. Болеслав убежал, но успел захватить с собой княжеское имущество и сестер Ярослава. Он прежде сватался за одну из его сестер, Предславу, но, получив отказ, в отместку взял ее теперь к себе насильно.



Великий князь Мстислав Владимирович

Тем временем Ярослав, прибежав впопыхах в Новгород, хотел бежать дальше, за море. Но бывший тогда новгородским посадником Коснятин, сын Добрыни, не пустил его и велел разрубить лодки; новгородцы кричали: «Будем еще биться за тебя с Болеславом и Святополком». Наложили поголовную подать: с каждого человека по четыре куны; однако старосты платили по 10 гривен, а бояре по восемнадцати³; наняли варягов, собрали многочисленную рать и двинулись на Киев.

³ Куна, первоначально куница; куний мех, так как меха были мерилем ценности вещей, отсюда слово «куна» стало означать

Святополк, освободившись от Болеслава вероломным образом, не мог уже более на него надеяться. Будучи не в силах удержать Киев, Болеслав все-таки захватил червенские города, отнятые у Польши Владимиром. Святополк обратился к печенегам: на помощь киевлян, видимо, он также не рассчитывал. Ярослав остановился на берегу Альты, на том месте, где был убит его брат Борис. Там в одну из пятниц 1019 года на восходе солнца произошла кровавая сеча. Святополк был разбит и бежал. По известиям нашей летописи, на него нашел какой-то безумный страх; он так ослаб, что не мог сидеть на коне и его тащили на носилках. Так достиг он Берестья (Брест). «Бежим, бежим, за нами гонятся!» – кричал Святополк в беспомощности. Бывшие с ним отроки посылали разведать, не гонятся ли кто за ними; но никого не было, а он все кричал: «Вот, вот, гонятся, бежим!» – и не давал остановиться ни на минуту; и забежал он куда-то «в пустыню между чехов и ляхов» и там окончил жизнь. «Могила его в этом месте и до сего дня, – говорит летописец, – и из нее исходит смрад»⁴. В памяти потомков имя Святополка покрылось позором, и прозвище «Окаянного» осталось за ним в истории.

монетную единицу. Гривна – собственно весовая единица, но в перенесении понятия сделалась крупной монетной единицей вроде английского фунта стерлингов. Первоначально гривна серебра – фунт, потом, уменьшаясь, – около полфунта; гривна кун приблизительно в семь с половиной раз меньше гривны серебра.

⁴ По скандинавским известиям, Святополк погиб в пределах Руси, убитый варягами.



Интерьер киевского Софийского собора

Ярослав сел на столе⁵ в Киеве и должен был выдержать борьбу и с другими родичами. Полоцкий князь Брячислав, сын его брата Изяслава, в 1021 году напал на Новгород, ограбил, взял в плен многих новгородцев и ушел к Полоцку; но Ярослав догнал его на реке Судомири, отбил новгородских пленников, отнял награбленное в Новгороде, но потом помирился с ним, уступив ему во владение Витебск и Усвят.

В 1023 году Ярославу пришлось бороться с братом Мстиславом. Этот князь, по древним известиям, плотный телом, краснолицый, с большими глазами, отважный в битве, щедрый к

⁵ С этих пор о вступающем на княжение князе почти всегда в летописях говорится, что «он сел на стол». Выражение это согласовывалось с обрядом: нового князя действительно сажали на стол в главной соборной церкви, что и знаменовало признание его князем со стороны земли.

дружине, получил от отца удел в отдаленной Тмутаракани, прославился своей богатырской удачью и особенно единоборством с касожским князем Редедей, которое долго помнилось на Руси и составляло один из любимых предметов старинных песнопений. Русские, владея Тмутараканской страной, часто воевали со своими соседями касогами. Касожский князь по имени Редедя предложил Мстиславу единоборство с тем, чтобы тот из них, кто в борьбе останется победителем, получил имущество, и жену, и детей, и землю побежденного. Мстислав принял предложение. Редедя был исполинского роста и необыкновенный силач; Мстислав изнемогал в борьбе с ним, но взмолился к Пресвятой Богородице и дал обет построить во имя ее церковь, если одолеет своего врага. Затем он собрал все свои силы, повалил Редедию на землю и зарезал ножом. Согласно сделанному условию, Мстислав после того овладел его имуществом, женой, детьми и наложил на касогов дань, а в благодарность Пресвятой Богородице, оказавшей ему помощь свыше в минуту опасности, построил храм во имя ее в Тмутаракани. Этот-то князь-богатырь поднялся на своего брата Ярослава с подчиненными ему касогами и призвал на помощь хазар. Пользуясь отъездом Ярослава в Новгород, Мстислав хотел сначала овладеть Киевом, но киевляне его не приняли; насильно покорять их он, видимо, не хотел или не мог. Ярослав пригласил из-за моря варягов. Достоинно замечания, что почти всегда в междоусобиях князей того времени они вынуждены были приглашать каких-нибудь чужеземцев. Так было и в этом случае. Приглашенными варягами предводительствовал Якун (Гакон), который оставил по себе на Руси память тем, что на нем был плащ, затканый золотом. Мстислав и Ярослав вступили в бой в Северной земле близ Листвена. Ночью была страшная гроза. Бой был жестоким. Мстислав выставил против варягов северян; варяги одолевали северян, но бросился на варягов отважный князь Мстислав со своей удалой дружиной – и побежали варяги; Якун потерял даже свой золототканый плащ. Утром, обзревая поле битвы, Мстислав говорил: «Ну как этому не порадоваться! Здесь лежит варяг, там северянин, а своя дружина цела!» Русские князья еще долго проявляли свое древнее значение предводителей воинственных шаек, и только принятое христианство мало-помалу преобразовало их в земских правителей.

Победитель не стал более вести войну с братом. Он послал Ярославу, забежавшему в Новгород, такое слово: «Ты, старейший брат, сиди в Киеве, а мне пусть будет левая сторона Днепра!» Ярослав должен был согласиться. Мстислав избрал себе столицей Чернигов и заложил там церковь Св. Спаса. С тех пор братья жили между собой душа в душу и в 1031 году, пользуясь слабостью преемника Болеслава Храброго Мечислава, возвратили отнятые Болеславом червенские города (Галичину); тогда Ярослав привел из Польши много пленников и поселил их у себя по берегам Роси; Мстиславу также достались пленники для поселения в своем уделе. Таким образом в народонаселение Киевской земли вливалась, между прочим, польская народная стихия.

В 1036 году Мстислав умер, выехав на охоту. Он не оставил после себя детей. Его удел достался Ярославу, и с тех пор киевский князь остался до смерти единым властителем русских земель за исключением Полоцкой. Был кроме него жив еще один сын Владимира Святого, Судислав, княживший во Пскове, но Ярослав по какому-то оговору тотчас после смерти Мстислава посадил его в тюрьму в том же Пскове, и несчастный сидел там безвыходно до кончины Ярослава. В Новгород сначала Ярослав часто наезжал и жил там подолгу, а в свое отсутствие управлял им через посадников. Коснятин, сын Добрыни, не пустивший Ярослава бежать за море, впоследствии подвергся его гневу, был сослан в Ростов, а потом убит в Муроме. В 1038 году Ярослав посадил в Новгород своего сына Владимира, а после его смерти в 1052 году – сына Изяслава, и с тех пор в Новгороде постоянно уже были особые князья; преимущественно же в первое время выбирались старшие сыновья киевского князя.

Ярослав расширял область русского мира подчинением новых земель. Кроме приобретения червенских городов от Польши он успешно воевал с Чудью и в 1030 году основал в Чудской земле город Юрьев, названный таким образом по христианскому имени Ярослава,

нареченного Юрием в крещении. В 1038 и 1040 годах он предпринимал походы на ятвягов и Литву и заставил их платить дань. Червенские города все еще составляли спорную область между Польшей и Русью, но Ярослав укрепил их за Русью тем, что помирился и породнился с польским князем Казимиром. Ярослав отдал за него свою сестру. Казимир возвратил вместо вена⁶ восемьсот русских пленных, некогда захваченных Болеславом: в те времена очень дорожили людьми по скудости рук, необходимых для обработки полей и для защиты края. Вероятнее всего, в то время Казимир уступил русскому великому князю окончательно и червенские города, а за то Ярослав помог ему подчинить себе Мазовию. Не так счастливо закончилась морская война Ярослава с Грецией, последняя в русской истории. Раздор произошел по поводу ссоры между русскими купцами и греками, во время которой убили одного русского. Ярослав в 1043 году отправил против Византии своего сына Владимира и воеводу Вышату, но буря разбила русские суда и выбросила на берег Вышату с шестью тысячами воинов. Греки окружили их, взяли в плен и привели в Царьград. Там Вышате и многим русским выкололи глаза. Но Владимир на море успешно отбил нападение греческих судов и вернулся в отечество. Через три года был заключен мир; слепцов отпустили со всеми пленными, а в утверждение мира греческий император Константин Мономах отдал свою дочь за сына Ярослава Всеволода. Это было не единственное родство Ярослава с иноземными государями своего времени. Одна его дочь, Елизавета, была за норвежским королем Гаральдом, оставившим даже потомству стихотворение, в котором, воспевая свои бранные подвиги, жаловался, что русская красавица холодна к нему. Другая дочь, Анна, вышла замуж за французского короля Генриха I и в новом отечестве присоединилась к римско-католической церкви, тогда еще только что отпавшей от единения с Восточной. Сыновья Ярослава (вероятно, Вячеслав и Святослав) были женаты на немецких княжнах.

Ярослав более всего оставил о себе память в русской истории своими делами внутреннего устройства. Недаром во время борьбы со Святополком киевляне называли его «хоромцем», охотником строить. Он действительно имел страсть к сооружениям. В 1037 году напали на Киев печенеги. Ярослав был в Новгороде и поспешил на юг с варягами и новгородцами. Печенеги огромной силой подступили к Киеву, но были разбиты наголову. (С тех пор уже набеги их не повторялись. Часть печенегов поселилась в Русской земле, и мы в последующие времена видим их наравне с русскими в войсках русских князей). В память об этом событии Ярослав воздвиг церковь Святой Софии в Киеве на том месте, где происходила самая жестокая сеча с печенегами.

Храм Святой Софии был построен греческими зодчими и украшен греческими художниками. Несмотря на все последующие перестройки и пристройки, храм этот до сих пор может служить образцом византийского зодчества того времени не только на Руси, но и во всей Европе. У нас это единственное здание XI века, сохранившееся сравнительно в большей целостности. В первоначальном своем виде это было продолговатое каменное здание, сложенное из огромных кирпичных плит и отчасти дикого камня. Длина его составляла пятьдесят два аршина, ширина – около семидесяти шести аршин, высота – от шестидесяти до семидесяти аршин. На северной, западной и южной сторонах сооружены были каменные хоры, поддерживаемые толстыми столбами с тремя арками внизу и вверху на южной и северной сторонах; алтарь троечастный, полукруглый, с окнами, а рядом с ним – два придела. Здание освещалось пятью куполами, из которых самый большой приходился над серединой церкви, а четыре – над хорами. Алтарные стены, алтарные столбы и главный купол украшали мозаики, а прочие стены – фресковая живопись⁷. Снаружи церковь была обведена папертью, из которой на двух

⁶ Плата, даваемая женихом родителям или братьям невесты по древнему обычаю.

⁷ В настоящее время от прежней мозаики остались на главном алтарном своде изображение Богородицы с поднятыми руками, внизу на той же стене – часть Тайной Вечери, а еще ниже под ней – часть изображений разных святых; на алтарных столбах – изображение Благовещения (на левой стороне – ангел с ветвью, а на противоположном столбе – прядущая Богоро-

сторонах, южной и северной, шли две витые лестницы на хоры. Эти лестницы расписали изображениями разных случаев из светской жизни: княжеской охоты, княжеского суда, народных увеселений и т. п. (фрески эти существуют и до сих пор, хотя несколько подправленные).



Софийский собор в Киеве. Реконструкция

Кроме храма Св. Софии Ярослав построил в Киеве церковь Св. Ирины (теперь уже не существующую), монастырь Св. Георгия, распространил Киев с западной стороны и построил так называемые Золотые Ворота с церковью Благовещения над ними. По повелению Ярослава его сын Владимир в 1045 году воздвиг в Новгороде церковь Св. Софии по образцу киевской, хотя меньших размеров. Церковь эта сделалась главной святыней Новгорода.

Время Ярослава ознаменовалось распространением христианской религии по всем русским землям. Тогда уже выросло поколение тех детей, которых Владимир отдавал в книжное учение. Ярослав в этом отношении продолжал дело своего отца; по крайней мере мы имеем известие, что он в Новгороде собрал 300 детей у старост и попов и отдал их «учиться книгам». В Суздальской земле в 1024 году сам Ярослав боролся против язычества. Случился в этой стране голод. Волхвы говорили людям, будто старые бабы скрывают в себе жито и всякое обилие. Народ волновался, и несколько женщин было убито. Ярослав прибыл в Суздаль, казнил волхвов, их соумышленников посадил в тюрьмы и поучал народ, что голод происходит от кары Божией, а не от чародейства старых баб. Христианство сильнее стало распространяться в этой земле среди Мери. Глубже всего пустила свои корни новая вера в Киеве, и потому там строились один за другим монастыри. Умножение епископских кафедр потребовало установления главной кафедры над всеми, или митрополии. Ярослав положил начало русской митрополии вместе с основанием Св. Софии. Первым митрополитом при нем является Феопемпт,

лица). Кроме того уцелела часть мозаики в куполе. Древняя стенная живопись в XVII веке была заштукатурена, и на штукатурке нарисовали другие изображения; в XIX столетии эту штукатурку отбили, открыли прежнюю и подправили, однако не совсем удачно и в некоторых местах слишком произвольно.

освящавший в 1039 году Десятинную церковь, вновь перестроенную Ярославом. В 1051 году вместо Феопемпта поставлен был собором русских епископов Иларион, родом русский, человек замечательно ученый для своего времени, как показывает оставшееся от него сочинение «О благодати и законе». Сам Ярослав любил чтение и беседы с книжными людьми: он собрал знатоков и поручил переводить с греческого на русский язык разные сочинения духовного содержания и переписывать уже переведенные; таким образом составила библиотека, которую Ярослав приказал хранить в храме Св. Софии. Киевский князь, видимо, имел намерение освятить в глазах народа свой княжеский род и с этой целью вскоре после своего утверждения в Киеве перенес тело Глеба и положил рядом с телом Бориса в Вышгороде: с этих пор они начали привлекать к себе народ на поклонение; говорили, что тела их были нетленны и у гроба их совершались исцеления. В 1044 году Ярослав совершил странный обряд: он приказал выкопать из земли и крестить в Десятинной церкви кости своих дядей Олега и Ярополка, а потом похоронить их в церкви.



Оранта. Мозаичное изображение в апсиде центрального алтаря Софийского собора в Киеве. Рисунок Ф.Г. Солнцева

Ярославу принадлежит начало сборника древних законов под названием «Русской Правды». Сборник этот, существующий в нескольких различных, то более, то менее полных редакциях, включает законоположения, установленные в разные времена и в разных местах, чего в точности определить невозможно. Самая старейшая дошедшая до нас редакция не восходит ранее конца XIII века. Несомненно, что некоторые из статей были составлены при сыновьях и внуках Ярослава, о чем прямо говорится в самих статьях. Ученые признают принадлежащими времени Ярослава первые семнадцать статей этого сборника, хотя нельзя отрицать, что, быть может, многие из последующих статей первоначально относятся к его же времени. Главный предмет законоположений Ярослава – случаи обид и вреда, наносимых одними лицами другим. Вообще как за убийства, так и за увечье и побои предоставлялась месть; за убийство могли законно мстить брат за брата, сын за отца, отец за сына и племянник за дядю. Если же мести не было, тогда платилась князю «вира», имевшая разные размеры, смотря по свойству обиды и по званию обиженного: таким образом, за убийство всякого свободного человека платилось 40 гривен, а за княжеского мужа – 80. Вероятно, ко временам Ярослава можно отнести постановление о «дикой вире», которая платилась князю всей общиной или вервью (от названия веревки, которой обмерялась принадлежавшая общине земля) в том случае, когда на земле общины совершено было убийство, но на убийцу не было предоставлено иска. Нашедший у кого-нибудь украденную у него вещь мог взять ее тотчас, если объявил предварительно о краже на торгу, а если не объявил, то должен был вести вора на свод, то есть доискиваться, каким путем пришла к нему вещь. Такой же порядок соблюдался по отношению к беглому или украденному холопу. В случае несогласия ответчика дело решалось судом 12 выбранных человек.

Еще перед смертью Ярослав разместил по русским землям своих сыновей. В Новгороде сначала был его старший сын Владимир (умерший еще при жизни отца в 1052 году); в Турове – второй сын, Изяслав, которому отец после смерти Владимира отдал новгородское княжение и назначил после своей смерти киевское; в Чернигове – Святослав, в Переяславе – Всеволод, во Владимире-Волынском – Игорь, а в Смоленске – Вячеслав.

Ярослав скончался 20 февраля 1054 года на руках у любимого сына Всеволода и погребен в церкви Св. Софии в мраморной гробнице, уцелевшей до сих пор.

Князь Владимир Мономах

Из древних князей дотатарского периода после Ярослава никто не оставил о себе такой громкой и доброй памяти, как Владимир Мономах, князь деятельный, сильный волей, выделявшийся здравым умом среди своей братии князей русских. Около его имени вращаются почти все важные события русской истории во второй половине XI – первой четверти XII века. Этот человек может по справедливости назваться представителем своего времени. Славяно-русские народы, с незапамятных времен жившие отдельно, мало-помалу подчинились власти киевских князей, и, таким образом, задачей их совокупной истории стало постепенное и медленное образование государственной цельности. В каких формах и в какой степени могла проявиться эта цельность и достигнуть полного своего осуществления – это зависело уже от последующих условий и обстоятельств. Общественное устройство у этих народов имело те общие для всех признаки, что они составляли земли, которые тянули к городам, пунктам своего средоточия, и в свою очередь дробились на части, хотя сохраняли до известной степени связь как между частями дробления, так и между более крупными единицами, и отсюда происходило, что города были двух родов: старейшие и меньшие; последние зависели от первых, но с признаками внутренней самобытности. Члены земли собирались в городах совещаться о своих делах, а творить расправу, защищать землю и управлять ею должен был князь. Сначала политическая власть киевских князей выражалась только тем, что они собирали дань с подчиненных, потом шагом к более прочному единству и связи между землями явилось размещение сыновей киевского князя в разных землях, а следствием этого было разветвление княжеского рода на линии, более или менее соответствовавшие расположению и разветвлению земель.

Это размещение княжеских сыновей началось еще в язычестве, но грубые варварские нравы не допускали развиваться какому-нибудь новому порядку; сильнейшие братья истребляли слабейших. Так, из сыновей Святослава остался только один Владимир; у Владимира было много сыновей, и всех их он разместил по землям; однако Святополк по примеру языческих предков начал истреблять братьев, и дело окончилось тем, что за исключением особо выделенной Полоцкой земли, которая досталась старшему сыну Владимира Изяславу как удел его матери, вся остальная Русь находилась под властью одного киевского князя Ярослава. Это не было единодержавие в нашем смысле слова и вовсе не вело к прочному сцеплению земель между собой, а напротив, чем более земель могло скопиться под властью единого князя, тем менее было возможности этой единой власти наблюдать над ними и иметь влияние на течение событий в этих подвластных землях. Напротив, когда после принятия христианства вместе с одной верой входили в Русь и единый письменный язык, и одинаковые нравственные, политические и юридические понятия, если в различных землях и пребывали свои князья, то эти князья, происходя из единого княжеского рода, сохраняя более или менее одинаковые понятия, привычки, предания, воззрения, руководимые при этом единой церковью, своим управлением способствовали распространению таких свойств и признаков, которые были одинаковы во всех землях и, следовательно, вели их к единению между собой.



Великий князь Владимир Мономах. Титулярник 1672 г.

После Ярослава начинается уже тот непрерывный период, который обычно называют удельным. Особые князья появились в земле северян или черниговцев, в земле смоленских кривичей, в земле Волынской, в земле Хорватской или Галицкой. В земле Новгородской сначала как бы соблюдалось правило, что там князем должен быть старший сын киевского князя, но это правило очень скоро уступило силе народного выбора. Земля Полоцкая уже раньше имела особых князей. В земле Русской, или Киевской, выделилось княжество Переяславское, и к этому княжеству по разделу Ярослава присоединена отдаленная Ростовская область. Собственно, не было ни правил для размещения князей, ни порядка их преемственности, ни даже прав каждого лица из княжеского рода на княжение где бы то ни было, а потому, естественно,

должен был возникать ряд недоразумений, которые приводили неизбежно к междоусобиям. Само собой разумеется, что это задерживало ход развития тех начал образованности, которые Русь получила вместе с христианской верой. Но еще более препятствовали этому развитию соседство с кочевыми народами и непрерывные столкновения с ними. Русь как будто приговором судьбы осуждена была видеть у себя приходивших с востока гостей, сменявших друг друга: в X веке и в первой половине XI века она терпела от печенегов, а с половины XI века их сменили половцы. При внутренней безладнице и княжеских усобицах Русь никак не могла оградить себя и избавиться от такого соседства, тем более когда князья сами приглашали иноплеменников в своих междоусобиях друг против друга.

При таком положении дел важнейшей задачей тогдашней политической деятельности было, с одной стороны, установление порядка и согласия между князьями, а с другой – дружное обращение всех сил Русской земли на свою защиту против половцев. В истории дотатарского периода мы не видим ни одной такой личности, которой бы удалось совершить прочно и плодотворно такой великий подвиг; но из всех князей никто не стремился к этой цели с такой ясностью взгляда и с таким, хотя временным, успехом, как Мономах, и потому его имя долго пользовалось уважением. Кроме того, о его жизни сложилось понятие как об образцовом князе.

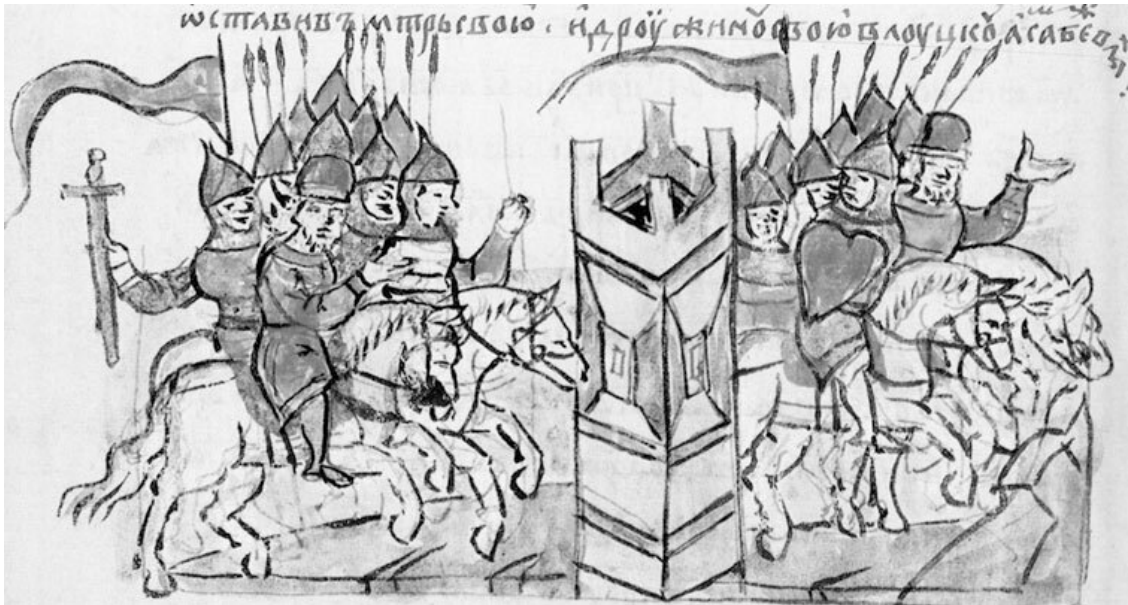
Владимир родился в 1053 году, за год до смерти своего деда Ярослава. Он был сыном Всеволода, любимейшего из сыновей Ярослава; тогда как прочих сыновей Ярослав разместил по землям, назначив им уделы, Всеволода отец постоянно держал возле себя, хотя дал ему в удел близкий от Киева Переяславль и отдаленный Ростов. Ярослав умер на руках у Всеволода. Мать Владимира, последняя супруга Всеволода, была дочерью греческого императора Константина Мономаха; Владимир по деду со стороны матери получил имя Мономаха. Таким образом, у него было три имени: одно княжеское – Владимир, другое крестное – Василий, третье дедовское по матери – Мономах.



Киевская Русь в X–XII вв.

Будучи тринадцати лет от роду, он начал заниматься войной и охотой, которые, по тогдашним понятиям, были приличны княжескому званию. Владимир в этом случае не был исключением, так как в те времена князья вообще очень рано делали то, что, по нашим понятиям, прилично только возмужавшим; их даже женили в отрочестве. Отец послал Владимира в Ростов, и путь его лежал через землю вятичей, которые тогда еще не хотели спокойно подчиняться княжеской власти Рюрикава дома. Владимир недолго был в Ростове и вскоре появился в Смоленске. На Руси тем временем случились одна за другой две беды, терзавшие страну целые века. Сначала поднялись княжеские междоусобия. Начало им было положено тем, что Ростислав, сын умершего Ярослава сына Владимира, бежал в Тмутаракань, город, находившийся

на Таманском полуострове и принадлежавший тогда черниговскому князю, который поместил там своего сына Глеба. Ростислав выгнал Глеба, но и сам не удержался после него. Это событие, само по себе одно из множества подобных в последующие времена, кажется замечательным именно потому, что было тогда первым в этом роде. Затем прорвалась вражда между полоцкими князьями и Ярославичами. В 1067 году полоцкий князь Всеслав напал на Новгород и ограбил его; за это Ярославичи пошли на него войной, разбили и взяли в плен.



Выступление Ярополка Изяславича Волынского с дружиной против Всеволода Ярославича Киевского и Владимира Всеволодича Мономаха (Черниговского); бегство Ярополка к полякам. Миниатюра из Радзивилловской летописи

В следующем году (1068) беда другого рода. Нахлынули с востока половцы, кочевой народ тюркского племени; они стали нападать на русские земли. Первое столкновение с ними оказалось неудачным для русских. Киевский князь Изяслав был разбит и вслед за тем прогнан самими киевлянами, с которыми он и прежде не ладил. Изяслав возвратился в Киев с помощью чужеземцев-поляков, а его сын варварски казнил и мучил киевлян, изгнавших его отца; потому-то киевляне при первой же возможности опять избавились от своего князя. Изяслав снова бежал, и вместо него сел на киевский стол его брат Святослав, княживший прежде в Чернигове; тогда Черниговской землей стал управлять Всеволод, а его сына Владимира Мономаха посадили на княжение в Смоленске.



Приход Владимира Всеволодича Мономаха (Черниговского) в Луцк; отправка матери и жены Ярополка Изяславича Волынского – Гертруды и Ирины – в Киев. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Во все продолжение княжения Святослава Владимир служил ему, как старейшему князю, так как отец Владимира Всеволод находился в согласии со Святославом. Таким образом, Владимир по поручению Святослава ходил на помощь полякам против чехов, а также в интересах всего Ярославова племени воевал против полоцких князей. В 1073 году Святослав умер, и на киевский стол опять сел Изяслав, на этот раз, как кажется, поладивший с киевлянами и со своим братом Всеволодом. Этот князь вывел прочь из Владимира-Волынского Олега, сына Святослава, с тем чтобы там посадить своего собственного сына. Олег, оставшись без удела, прибыл в Чернигов к Всеволоду: Владимир находился тогда в дружеских отношениях с этим князем и, приехав из Смоленска в Чернигов, угощал его вместе со своим отцом. Но Олегу досадно было, что земля, где княжил его отец и где протекало его детство, находится не у него во власти. В 1073 году он убежал из Чернигова в Тмутаракань, где после Ростислава жил уже подобный ему князь, беглец Борис, сын умершего Вячеслава Ярославича. Не следует думать, чтобы такого рода князья действительно имели какие-нибудь права на то, чего добивались. Тогда еще не было установлено и не вошло в обычай, чтобы все лица княжеского рода непременно имели удел, как равным образом не утвердилось правило, чтобы во всякой земле были князьями лица, принадлежавшие к одной княжеской ветви в силу своего происхождения. В самом распоряжении Ярослава не видно, чтобы, размещая своих сыновей по землям, он заранее имел в виду распространить право посаженных сыновей на их потомство. Сыновья Ярослава также не установили такого права, как это видно в Смоленске и на Волыни⁸. Только ветвь полоцкая держалась упорно и последовательно в своей Кривской земле, хотя Ярославичи хотели ее оттуда вытеснить. При совершенной неопределенности отношений, при отсутствии общепринятых и освященных временем прав князей на княжение понятно, что всякий князь, как только обстоятельства давали ему силу, старался устроить своих ближних, главное – сыно-

⁸ Еще раньше Вячеслав, княживший в Смоленске, умер; князья перевели туда из Волыни Игоря, а после смерти Игоря назначили в Смоленск князем Владимира Мономаха помимо детей Игоря. Равным образом на Волыни не было наследственной преемственности между князьями, а киевские князья помещали там своих сыновей; так что когда княжил в Киеве Изяслав, на Волыни был его сын, а когда Святослав овладел Киевом, то поместил там своего сына; когда же Святослав умер и Изяслав опять сделался князем в Киеве, на Волыни стал княжить сын Изяслава.

вей, если у него они были, и в таком случае не стеснялся столкнуть с места иного князя, который был ему менее близок: от таких поступков не могла останавливать князей мысль о нарушении чужого права, потому что такого права еще не существовало. Со своей стороны очень естественно было князю искать княжения так же, как княжили его родитель и родные, и преимущественно там, где был князем его отец, где, быть может, он сам родился и где с детства привыкал к мысли заступить место отца. Такой князь легче всего мог найти себе помощь у воинственных иноплеменников. И вот бежавшие в Тмутаракань Олег и Борис обратились к половцам. Не они первые вмешали этих врагов Руси в ее внутренние междоусобия. Насколько нам известно, первым, показавшим им дорогу к такому вмешательству, был Владимир Мономах, так как по его собственному известию, помещенному в его поучении, он еще прежде них, при жизни своего дяди Святослава Ярославича, водил половцев на Полоцкую землю.



Уход Владимира Всеволодича Мономаха из Чернигова в Переяславль на отцовский стол; приближение к Чернигову Олега Святославича Тмутараканского. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Олег и Борис с половцами бросились на Северскую землю. Всеволод вышел против них из Чернигова и был разбит. Олег легко овладел Черниговым; черниговцы приняли его сами, так как знали его издавна: вероятно, он и родился в Чернигове. Когда после того Всеволод вместе с киевским князем Изяславом хотел отнять Чернигов у Олега, черниговцы показали себя преданными Олегу, и после того как Всеволод и Изяслав успели овладеть стенами окольного города и сожгли строения, находившиеся в черте, образуемой этим окольным городом, жители не сдавались, ушли во внутренний город, так называемый «большой», и защищались в нем до последних сил. Олега с ними в городе не было: упорство, с которым тогда стояли за него черниговцы, не поддерживалось его присутствием или стараниями и, вероятно, происходило от искренней привязанности к нему черниговцев.



Выдача Владимиром Всеволодичем Мономахом (Переяславским) своего сына Святослава в заложники половецкому князю Кытану; пребывание половецкой дружины во главе с Итларем в Переяславле. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Владимир был тогда с отцом. Услышав, что Олег с Борисом идут против них на выручку Чернигова и ведут с собой половцев, князья оставили осаду и пошли навстречу врагам. Битва произошла на Нежатиной Ниве близ села этого имени. Борис был убит, Олег бежал. Но их победители дорого заплатили за свою победу. Киевского князя Изяслава убили в этой сече.

Смерть Изяслава доставила Киев Всеволоду. Чернигов, потеряв надежду на Олега, сдался, и в этом городе посадили Владимира Мономаха. Олег и его брат Роман Святославич в 1079 году попытались выгнать Владимира из Чернигова, но безуспешно. Владимир предупредил их, вышел с войском к Переяславлю и без битвы избавился от соперников; он заключил мир с половцами, помогавшими Святославичам. Половцы и находившиеся с ними хазары предательски поступили со своими союзниками: Олега отправили в Царьград, а Романа убили. Умение рассорить своих противников показывает большую сметливость Владимира.

Оставшись на княжении в Чернигове, Владимир со всех сторон должен был справляться с противниками. Тмутаракань опять ускользнула из-под его власти: там утвердились два другие безудельные князя, сыновья Ростислава Владимировича. Половцы беспрестанно беспокоили Черниговскую землю. Союз с ними, устроенный Владимиром под Переяславлем, не мог быть прочен: во-первых, половцы – народ хищнический, не слишком свято держали всякие договоры; во-вторых, половцы разбивались на орды, находившиеся под предводительством разных князьков или ханов и называемые в наших летописях «чадью»; тогда как одни мирились с русским князем, другие нападали на его область. Владимир справлялся с ними, насколько это было возможно. Таким образом, когда двое половецких князьков опустошили окрестности северского пригорода Стародуба, Владимир, пригласив на помощь другую орду, разбил их, а потом под Новым Городом (Новгородом-Северским), рассеял орду другого половецкого князя и освободил пленников, которых половцы уводили в свои становища, называемые в летописях «вежами». На севере у Владимира были постоянные враги – полоцкие князья. Князь Всеслав напал на Смоленск, который оставался во власти Владимира и после того, как отец посадил его в Чернигове. В отмщение за это Владимир нанял половцев и водил их опустошать землю Полоцкую; тогда досталось Минску: там, по собственному свидетельству Владимира, не оставлено было ни челядина (слуги), ни скотины. С другой стороны Владимир вое-

вал с вятичами: этот славянский народ все еще упорно не поддавался власти Рюрика дома, и Владимир два раза ходил войной на Ходоту и его сына – предводителей этого народа. По приказанию отца Владимир занимался делами и на Волыни: сыновья Ростислава овладели было этой страной; Владимир выгнал их и посадил Ярополка, сына Изяслава, а когда этот князь не поладил с киевским, то Владимир по велению отца прогнал его и посадил на Волыни князя Давида Игоревича, а в следующем за тем году (1086) опять посадил Ярополка. Тогда власть киевского князя в этом крае была еще сильна, и князья ставились и сменялись по его верховной воле.

В 1093 году умер Всеволод. Владимир не захотел воспользоваться своим положением и овладеть киевским столом, так как предвидел, что от этого произойдет междоусобие; он сам послал звать на киевское княжение сына Изяслава Святополка (княжившего в Турове), который был старше Владимира и за которого, по-видимому, была значительная партия в Киевской земле. Во все продолжение княжения Святополка Владимир оставался его верным союзником, действовал с ним заодно и не показал ни малейшего покушения лишить его власти, хотя киевляне уже не любили Святополка, а любили Владимира.

Владимир сделался, так сказать, душой всей Русской земли; вокруг него вращались все ее политические события.

Едва только уселся Святополк в Киеве, как половцы прислали к нему послов с предложением заключить мир. Святополк привел с собой из Турова дружину, людей ему близких. С ними он во всем совещался, и они посоветовали ему засадить половецких послов в погреб; когда после того половцы начали воевать и осадили один из пригородов Киевской земли – Торцкий, Святополк выпустил задержанных послов и сам предлагал мир, но половцы уже не хотели мира. Тогда Святополк начал совещаться с киевлянами; советники его разделились во мнениях: одни, более отважные, порывались на бой, хотя у Святополка было наготове с оружием только восемьсот человек; другие советовали быть осторожнее; наконец порешили на том, чтобы просить Владимира помогать в обороне Киевской земли от половцев.

Владимир отправился со своей дружиной, пригласил также своего брата Ростислава, бывшего на княжении в Переяславле. Ополчение трех князей сошлось на берегу реки Стугны, и там собрался совет.

Владимир держался того мнения, что лучше, как бы то ни было, устроить мир, потому что половцы были тогда соединены силами; то же доказывали боярин по имени Ян и еще кое-кто из дружины, но киевляне горячились и хотели непременно биться. Им уступили.

Ополчение перешло реку Стугну, пошло тремя отрядами, соответственно трем предводительствовавшим князьям, прошло Триполье и остановилось между валами. Это было 20 мая 1093 года.

Здесь половцы наступили на русских, гордо выставив в их глазах свои знамена. Сначала пошли они на Святополка, смяли его, потом ударили на Владимира и Ростислава. У русских князей силы было мало в сравнении с неприятелем; они не выдержали и бежали. Ростислав утонул при переправе через Стугну; Владимир сам чуть не пошел ко дну, бросившись спасать утонувшего брата. Тело утонувшего привезли в Киев и погребли у Св. Софии. Смерть Ростислава была приписана к Божию наказанию за жестокий поступок с печерским иноком старцем Григорием. Встретив этого старца, о котором тогда говорили, что он имеет дар предвидения, Ростислав спросил его: от чего приключится ему смерть. Старец Григорий отвечал: от воды. Ростиславу это не понравилось, и он приказал бросить Григория в Днепр; и за это злодеяние, как говорили, Ростислава постигла смерть от воды.

Дело этим не окончилось. Половцы дошли до Киева и между Киевом и Вышгородом на урочище Желани еще раз жестоко разбили русских 23 июля того же года.

После этой победы половцы рассеялись по русским селам и пленили много людей. Современник в резких чертах описал состояние бедных русских, которых толпами гнали враги в

свои вежи: «Печальные, измученные, истомленные голодом и жаждою, нагие и босые, черные от пыли, с окровавленными ногами, с унылыми лицами шли они в неволю и говорили друг другу: я из такого-то города, я из такой-то деревни, рассказывали о родных своих и со слезами возводили очи на небо к Всевышнему, ведущему все тайное».

В следующем году (1094) Святополк надеялся приостановить бедствия русского народа, заключил с половцами мир и женился на дочери половецкого хана Тугоркана. Но и этот год был не менее тяжел для Русской земли: саранча истребила хлеб и траву на полях, а родство киевского князя с половецким не спасло Руси и от половцев. Когда одни половцы мирились и роднились с русскими, другие вели на Владимира его неумолимого соперника Олега. Олег, высланный византийцами на Родос, недолго там оставался. В 1093 году он уже был в Тмутаракани, выгнал оттуда двух князей, таких же безместных, как и он (Давида Игоревича и Володаря Ростиславича), и сидел некоторое время спокойно в этом городе, но в 1094 году, пригласив половцев, отправился добывать ту землю, где княжил его отец. Владимир не дрался с Олегом, уступил ему добровольно Чернигов, вероятно, потому, что в Чернигове, как и прежде, были сторонники Олега. Сам Владимир уехал в Переяславль.

Тогда уже, видимо, выработался вполне характер Владимира; у него созрела мысль действовать не для личных своих выгод, а для пользы всей Русской земли, насколько он мог понимать ее пользу; главное же – энергично соединенными силами избавить Русскую землю от половцев. До того времени мы видели, что Владимир, насколько было возможно, старался устроить мир между русскими и половцами, но с той поры он становится постоянным и непримиримым врагом половцев, воюет против них, подвигает на них всех русских князей и с ними все силы русских земель. Вражду эту он открыл поступком с двумя половецкими князьями – Китаном и Итларем. Эти князья прибыли к Переяславлю договариваться о мире, разумеется, с намерением нарушить этот мир, как делалось прежде. Китан остановился между валами за городом, а Итларь со знатнейшими лицами приехал в город; с русской стороны отправился к половцам заложником сын Владимира Святослав.



Объяснение причин ослепления Василька Ростиславича Теребоелгского Владимиру Всеволодичу Мономаху (Переяславскому) послами Святополка Изяславича Киевского; уход послов Святополка от Владимира. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Тогда же прибыл от Святополка киевлянин Славята и стал советовать убить Итляря, приехавшего к русским. Владимир сначала не решался на такое вероломство, но к Славяте пристали дружинники Владимира и говорили: «Нет греха в том, что мы нарушим клятву, потому что сами они дают клятву, а потом губят Русскую землю и проливают христианскую кровь».

Славята с русскими молодцами взялся проникнуть в половецкий стан за городом и вывести оттуда Святослава, сына Владимира Мономаха, посланного к половцам заложником. С ним вместе взялись за это дело торки (народ того же племени, к которому принадлежали и половцы, но, будучи поселены на Киевской земле, они верно служили Руси). В ночь 24 февраля они не только успешно освободили Святослава, но умертвили Китана и перебили его людей.



Встреча Владимира Всеволодича Мономаха (Переяславского) с отрядами князей Давида Святославича Черниговского и Олега Святославича Муромского для совета о совместных действиях против Давида Игоревича Волынского и Святополка Изяславича Киевского. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Итлярь находился тогда во дворе у боярина Ратибора; поутру 24 февраля Итлярь с его дружиной пригласили завтракать к Владимиру; но только что половцы вошли в избу, куда их позвали, как за ними затворили двери, и сын Ратибора Ольбег перестрелял их сверху через отверстие, сделанное в потолке избы. После такого вероломного поступка, который русские оправдывали тем, что их враги были так же вероломны, Владимир начал созывать князей против половцев, и в том числе Олега, от которого потребовал выдачи сына убитого Итляря. Олег не выдал его и не пошел к князьям.

Киевский князь Святополк и Владимир звали Олега в Киев на совет об обороне Русской земли. «Иди в Киев, – говорили ему князья, – здесь мы положим поряд о Русской земле пред епископами, игуменами, перед мужами отцов наших и перед городскими людьми, как нам оборонять Русскую землю». Но Олег высокомерно ответил: «Не пристало судить меня епископам, игуменам и смердам» (то есть мужичью, переводя на наш способ выражения).

Тогда князья, пригласившие Олега, послали ему от себя такое слово: «Если ты не идешь на неверных и не приходишь на совет к нам, то, значит, ты мыслишь на нас худое и хочешь помогать поганым. Пусть Бог нас рассудит».

Это было объявление войны. Итак, вместо того чтобы идти соединенными силами на половцев, Владимиру приходилось идти войной на своих. Владимир со Святополком выгнали Олега из Чернигова, осадили его в Стародубе и держали в осаде до тех пор, пока Олег не попросил мира. Ему даровали мир, но с условием, чтобы он непременно прибыл в Киев на совет. «Киев, – говорили князья, – старейший город на Русской земле; там надлежит нам сойтись и положить поряд». Обе стороны целовали крест. Это было в мае 1096 года.

Между тем раздраженные половцы совершали набеги на Русь. Хан половецкий Боняк со своей ордой жег окрестности Киева, а тесть Святополка Тугоркан, несмотря на родство с киевским князем, осадил Переяславль. Владимир со Святополком разбили его 19 мая; сам Тугоркан пал в битве, и его зять Святополк привез тело тестя в Киев. Похоронили его между двумя дорогами: одной, ведущей в Берестово, и другой – в Печерский монастырь. В июле Боняк повторил свое нападение и 20 числа утром ворвался в Печерский монастырь. Монахи, отстояв заутреню, почивали в кельях; половцы выломали ворота, ходили по кельям, брали что попадалось под руки, сожгли церковные южные и северные двери, вошли в церковь, таскали из нее иконы и произносили оскорбительные слова над христианским Богом и законом. Тогда половцы сожгли загородный княжеский двор, называемый красным, построенный Всеволодом на Выдубичском холме, где впоследствии выстроен был Выдубицкий монастырь.

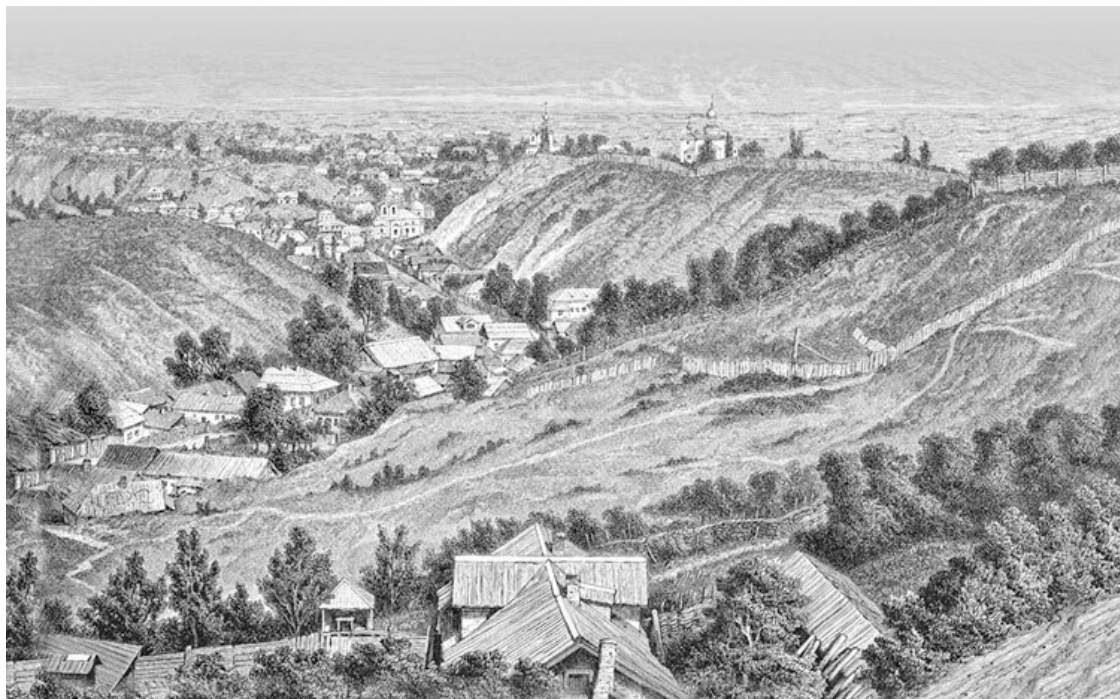
Олег не собирался исполнять договор и являться в Киев на княжеский съезд. Вместо того он явился в Смоленск (где тогда неизвестно каким путем сел брат его Давид), набрал там войска и, выйдя оттуда, пошел вниз по Оке, ударил на Муром, который достался в управление сыну Мономаха Изяславу, посаженному на княжение в соседней Ростовской земле. (Отец Олега Святослав, сидя в Чернигове, был в то же время на княжении и в Муроме, и потому Олег считал Муром своей отчиной). 6 сентября 1096 года Изяслав был убит в сече. Олег взял Муром и оковал всех найденных там ростовцев, белозерцев и суздальцев: видимо, князь Изяслав управлял муромцами при помощи людей своей земли. В Муроме и его волости в то время еще господствовало язычество; край был населен народом финского племени, муромой, и держался за князьями только посредством дружины, составлявшей здесь, вероятно, еще единственное славянское население в те времена. В Ростове, Суздале и Белозерске, напротив, славяно-русская стихия уже прежде пустила свои корни, и эти края имели свое местное русское население.

Олег, отвоевав Муром, взял Суздаль и поступил сурово с его жителями: одних взял в плен, других разослал по своим городам и отнял их имущество. Ростов сдался Олегу сам. Возгордившись успехами, Олег затевал подчинить своей власти и Новгород, где на княжении был другой сын Мономаха – Мстислав, молодой князь, очень любимый новгородцами. Новгородцы предупредили покушение Олега и, прежде чем он мог встать с войском на Новгородской земле, сами отправились на него на Ростовско-Суздальскую землю. Олег убежал из Суздаля, приказав в досаде сжечь за собой город, и остановился в Муроме. Мстислав удовлетворился тем, что выгнал Олега из Ростовско-Суздальской земли, которая никогда не была уделом ни Олега, ни его отца; он предложил Олегу мир и предоставил возможность снестись со своим отцом. Мстислава располагало к уступчивости то, что Олег был его крестным отцом. Олег притворно согласился, а сам собрался внезапно напасть на своего крестника; но новгородцы узнали об его намерении заблаговременно и вместе с ростовцами и белозерцами приготовились к бою. Враги встретились друг с другом на реке Колакше в 1096 году. Олег увидел у противников распущенное знамя Владимира Мономаха, подумал, что сам Владимир Мономах пришел с большой силой на помощь сыну, и убежал. Мстислав с новгородцами и ростовцами пошел по его следам, взял Муром и Рязань, мирно обошелся с муромцами и рязанцами, освободил людей Ростовско-Суздальской области, которых Олег держал в городах Муроме и Рязани пленниками; после того Мстислав послал к своему сопернику такое слово: «Не бегай более, пошли с мольбой к

своей брати; они тебя не лишат русской земли». Олег обещал сделать так, как предлагал ему победитель.

Мономах дружелюбно обошелся со своим соперником, и памятником тогдашних отношений его к Олегу осталось современное письмо Владимира Олегу, очень любопытное не только потому, что во многом объясняет личность князя Владимира Мономаха, но и потому, что вообще оно составляет один из немногих образцов тогдашнего способа выражения: «Меня, – пишет он, – принудил написать к тебе сын мой, которого ты крестил и который теперь недалеко от тебя; он прислал ко мне мужа своего и грамоту и говорит так: сладимся и примиримся, а братцу моему суд пришел; не будем ему мстителями; возложим все на Бога; пусть они станут пред Богом, мы же Русской земли не погубим. Я послушался и написал; примешь ли ты мое писание с добром или с поруганием – покажет ответ твой. Отчего, когда убили мое и твое дитя перед тобою, увидав кровь его и тело его, увянувшее подобно едва распустившемуся цветку, отчего, стоя над ним, не вник ты в помыслы души своей и не сказал: зачем это я сделал? Зачем ради кривды этого мечтательного света причинил себе грех, а отцу и матери слезы? Тебе было бы тогда покаяться Богу, а ко мне написать утешительное письмо и прислать сноху мою ко мне... Она тебе не сделала ни добра, ни зла; я бы с нею оплакал мужа ее и свадьбу их вместо свадебных песен. Я не видел прежде их радости, ни их венчания; отпусти ее как можно скорее, я поплачу с нею заодно и посажу на месте, как грустную горлицу на сухом дереве, а сам утешусь о Боге. Так было и при отцах наших. Суд пришел ему от Бога, а не от тебя! Если бы ты, взяв Муром, не трогал Ростова, а прислал бы ко мне, мы бы уладились; рассуди сам, тебе ли следовало послать ко мне или мне к тебе? Если пришлешь ко мне посла или попа и грамоту свою напишешь с правдою, то и волость свою возьмешь, и сердце наше обратится к тебе, и будем жить лучше, чем прежде; я тебе не враг, не мститель».

Тогда наконец состоялось то, что долго замышлялось и никак не могло прийти к исполнению. В городе Любече съехались князья Святославичи – Олег, Давид и Ярослав, киевский Святополк, Владимир Мономах, волынский князь Давид Игоревич и червонорусские князья Ростиславичи – Володарь и Василько. С ними были их дружинники и люди их земель. Цель их совещания была устроить и принять меры к охране русских земель от половцев. Всем делом заправлял Мономах.



Урочища киевские: Кожемяки

«Зачем губим мы Русскую землю, – говорили тогда князья, – зачем враждуем между собою? Половцы разоряют землю; они радуются тому, что мы друг с другом воюем. Пусть же с этих пор будет у всех нас единое сердце; соблюдаем свою отчину».

На этом съезде князья решили, чтобы все они владели своими волостями: Святополк – Киевом; Владимир – уделом отца своего Всеволода (Переяславлем, Суздалем и Ростовом); Олег, Давид и Ярослав – уделом Святослава, их отца (Северской землей и Рязанской); Давид Игоревич – Волынью, а Василько и Володарь – городами Теревовлем и Перемышлем с их землями, составлявшими тот край, который впоследствии назовется Галичиной. Все целовали крест на том, что если кто-нибудь из князей нападет на другого, то все должны будут ополчиться на зачинщика междоусобия. «Да будет на того крест честный и вся земля Русская», – такой приговор произнесли они в то время.

До тех пор Владимир находился в самых приятельских отношениях к Святополку Киевскому. Последний был человек ограниченного ума и слабого характера и подчинился Владимиру, как вообще люди с подобными чертами подчиняются лицам, более их сильным волей и более их умным. Но известно, что такие люди склонны подозревать тех, кому они невольно повинуются. Они им покорны, но в душе ненавидят их. Давид Игоревич был заклятый враг теревовльского князя Василька и хотел присвоить себе его землю. Возвращаясь на Волынь из Любеча через Киев, он уверил Святополка, что у Василька с Владимиром составился злой умысел лишить Святополка Киевской земли. Сам Василько был человек предприимчивого характера; он уже водил половцев на Польшу; затем, как он сам потом признавался, думал идти на половцев, но, если верить ему, не думал делать ничего дурного русским князьям.

Натравленный Давидом Святополк звал к себе Василька на именины в то время, когда последний, возвращаясь из Любеча домой, проезжал мимо Киева и, не заезжая в город, остановился в Выдубицком монастыре, отослав свой обоз вперед. Один из слуг Василька, или подозревая коварство, или, быть может, даже предостерегаемый кем-то, не советовал своему князю ехать в Киев: «Тебя хотят схватить», – говорил он. Но Василько понадеялся на крестное целование, немного подумал, перекрестился и поехал.

Было утро 5 ноября. Василько вошел в дом к Святополку и застал у него Давида. После первых приветствий они сели. Давид молчал. «Оставайся у меня на праздник», – сказал Святополк. «Не могу, брат, – отвечал Василько, – я уже отослал свой обоз вперед». – «Ну так позавтракай с нами», – сказал Святополк. Василько согласился. Тогда Святополк сказал: «Посидите здесь, а я пойду велю кое-что приготовить». Василько остался с Давидом и стал было вести разговор с ним, но Давид молчал и как будто ничего не слышал. Наконец Давид спросил слуг: «Где брат?» – «Стоит на сенях», – отвечали ему. «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди», – сказал он Васильку и вышел. Тотчас слуги наложили на Василька оковы и приставили к нему стражу. Так прошла ночь.

На другой день Святополк созвал вече из бояр и людей Киевской земли и сказал: «Давид говорит, что Василько убил моего брата Ярополка и теперь совещается с Владимиром; хотят убить меня и отнять мои города». Бояре и люди киевские сказали: «Ты, князь, должен охранять свою голову. Если Давид говорит правду, пусть Василько будет казнен, а если неправду, то пусть Давид примет месть от Бога и отвечает перед Богом».

Ответ был двусмысленный и увертливый. Игумены были смелее и стали просить за Василька. Святополк ссылался на Давида. Сам Святополк готов был отпустить Василька на свободу, но Давид советовал ослепить его и говорил: «Если ты его отпустишь, то не будет княжения ни у меня, ни у тебя». Святополк колебался, но потом совершенно поддался Давиду и согласился на гнусное злодеяние.

В следующую ночь Василька повезли в оковах в Белгород, ввели в небольшую избу. Василько увидел, что ехавший с ним торчин стал точить нож, догадался, в чем дело, начал кричать и взывать к Богу с плачем. Вошли двое конюхов: один Святополка, по имени Сновид Изечевич, другой Давида – Дмитрий; они постлали ковер и взялись за Василька, чтобы положить его на ковер. Василько стал с ними бороться; он был силен; двое не могли с ним справиться; подоспели на помощь другие, связали его, повалили и, сняв с печи доску, положили на грудь; конюхи сели на эту доску, но Василько сбросил их с себя. Тогда подошли еще двое людей, сняли с печи другую доску, навалили ее на князя, сами сели на доску и придавили так, что у Василька затрещали кости на груди. Вслед за тем торчин Беренда, овчар Святополка, приступил к операции: намереваясь ударить ножом в глаз, он сначала промахнулся и порезал Васильку лицо, но потом уже вынул у него оба глаза один за другим. Василько лишился чувств. Его взяли вместе с ковром, на котором он лежал, положили на воз и повезли дальше по дороге во Владимир.

Проезжая через город Звиждень, привезли его к какой-то попадье и отдали ей мыть окровавленную сорочку князя. Попадья вымыла, надела на Василька и горько плакала, тронутая этим зрелищем. В это время Василько очнулся и закричал: «Где я?» Ему отвечали: «В Звиждене городе». – «Дайте воды!» – сказал Василько. Ему подали воды, он выпил и мало-помалу совсем пришел в себя, вспомнил, что с ним происходило и, ощутив на себе сорочку, спросил: «Зачем сняли? Я бы в этой окровавленной сорочке принял смерть и стал перед Богом».

Пообедав, злодеи повезли его во Владимир, куда прибыли на шестой день. Давид поместил Василька на дворе какого-то владимирского жителя Вакея и приставил к нему тридцать сторожей под начальством двух своих княжеских отроков, Улана и Колчка.

Услышал об этом прежде других князей Владимир Мономах и ужаснулся. «Этого не бывало ни при дедах, ни при прадедах наших», – говорил он. Немедленно позвал к себе черниговских князей Олега и Давида на совещание в Городец. «Надобно поправить зло, – говорил он, – а иначе еще большее зло будет, начнет брат брата умерщвлять, и погибнет земля Русская, и половцы возьмут землю Русскую». Давид и Олег Святославичи также пришли в ужас и говорили: «Подобного не бывало еще в роде нашем». Действительно не бывало: в княжеском роде раньше случались варварские братоубийства, но ослеплений еще не было. Этот вид злодеяния принесла в варварскую Русь греческая образованность.



Перемирие Святополка Изяславича Киевского, Владимира Всеволодича Мономаха (Переяславского), Давида Святославича Черниговского и Олега Святославича Муромского на съезде в Уветичах. Миниатюра из Радзивилловской летописи



Переговоры Святополка Изяславича Киевского и Владимира Всеволодича Мономаха (Переяславского) в шатре в Долобске перед походом на половцев. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Все три князя отправили к Святополку своих мужей с таким словом: «Зачем наделал ты зла в Русской земле, зачем вверг нож в братью? Зачем ослепил брата? Если бы он был виноват перед тобою, ты бы должен был обличить его перед нами и доказать вину его; он был бы наказан, а теперь скажи: в чем его вина?» Святополк отвечал: «Мне сказал Давид Игоревич, что Василько убил брата моего Ярополка и меня хочет убить, чтобы захватить волость мою: Туров, Пинск, Берестье и Погорынье, говорил, что у него положена клятва с Владимиром: чтобы Владимиру сесть в Киеве, а Васильку в городе Владимире. Я поневоле оберегал свою голову. Не я его ослепил, а Давид; он его и увез к себе».

«Этим не отговаривайся, – отвечали князья, – Давид его ослепил, но не в Давидовом городе, а в твоём».

Владимир с князьями и дружинами хотел переходить через Днепр против Святополка; Святополк в страхе собирался бежать, но киевляне не пустили его и послали к Владимиру его мачеху и митрополита Николая с таким словом: «Молим тебя, князь Владимир, и вместе с тобою братию твою князей, не губите Русской земли; если вы начнете воевать между собою, поганые возрадуются и возьмут землю нашу, которую приобрели отцы ваши и деды ваши трудом и храбростью; они боролись за Русскую землю и чужие земли приобретали, а вы хотите погубить Русскую землю».

Владимир очень уважал свою мачеху и склонился на ее мольбы. «Правда, – сказал он, – отцы и деды наши соблюдали Русскую землю, а мы хотим ее погубить».

Княгиня, возвратившись в Киев, принесла радостную весть киевлянам, что Владимир склоняется на мир.

Князья стояли на левой стороне Днепра, в бору, и пересылались со Святополком. Наконец последнее их слово было таково: «Если это преступление Давидово, то пусть Святополк идет на Давида, пусть либо возьмет его, либо сгонит с княжения».

Святополк целовал крест поступать по требованию Владимира и его товарищей.

Князья собрались идти на Давида, а Давид, узнав об этом, стал пытаться поладить с Васильком и заставить его самого отклонить от Давида опасность, которой подвергался Давид за Василька.

Призвал ночью Давид какого-то Василия, рассказ которого включен в летопись целиком. Давид сказал ему: «Василько в эту ночь говорил Улану и Колчке, что ему хочется послать от себя мужа своего к князю Владимиру. Посылаю тебя, Василий, идти к одноименнику своему и скажи ему от меня: если ты пошлешь своего мужа к Владимиру и Владимир воротится, я дам тебе какой хочешь город: либо Всеволож, либо Шепель, либо Перемиль».

Василий отправился к Васильку и передал ему речь Давида. «Я ничего такого не говорил, – сказал Василько, – но готов послать мужа, чтобы не проливали из-за меня крови; дивно только, что Давид дает мне города свои, а мой Теребовль у него. Ступай к Давиду и скажи, пусть пришлет ко мне Кульмея. Я пошлю его к князю Владимиру». Василий сходил к Давиду и, вернувшись, сказал, что Кульмея нет.

Василько сказал: «Посиди со мной немного». Он велел слуге выйти вон и говорил Василию: «Слышу, что Давид хочет меня отдать ляхам, не насытился он еще моей кровью; еще больше хочет упиться ею. Я много зла наделал ляхам и хотел еще наделать и мстить им за Русскую землю. Пусть выдает меня ляхам, смерти я не боюсь. Скажу только тебе по правде. Наказал меня Бог за мое высокомерие; ко мне пришла весть, что идут ко мне берендичи, печенеги, торки, и я сказал себе в уме: как будут у меня берендичи, печенеги, торки, скажу я брату своему Володарю и Давиду: дайте мне свою меньшую дружину, а сами пейте себе и веселитесь; я же зимою пойду на ляхскую землю, а на лето завоюю ляхскую землю и отомщу за Русскую землю. Потом я хотел овладеть дунайскими болгарями и поселить их у себя, а потом хотел проситься у Святополка и Владимира идти на половцев: либо славу себе найду, либо голову сложу за Русскую землю; иного помышления у меня в сердце не было ни на Святополка, ни на Давида. Клянусь Богом и его пришествием, не мыслил я никакого зла брату; но за мое возношение низложил меня Бог и смирил!» Неизвестно, чем закончились эти сношения Давида с Васильком, но, вероятно, Василько остановил Владимира, потому что в том году не было от него нападения на Давида. Наступала Пасха. Давид не выпустил Василька и, напротив, хотел захватить волость ослепленного; он пошел туда с войском, но у Божска встретил его Володарь. Давид был такой же трус, как и злодей. Он не осмелился вступить в бой и заперся в Божске. Володарь осадил его и послал к нему такое слово: «Зачем наделал зла и еще не каешься. Опомнись!» – «Разве я это сделал, – отвечал Давид, – разве в моем городе это случилось? Виною всему Святополк: я боялся, чтобы и меня не взяли и не сделали со мною того же; поневоле пришлось мне пристать к нему в совет, был у него в руках».

Володарь не перечил ему, стараясь только о том, как бы выручить брата из неволи. «Бог свидетель всему этому, – послал он сказать Давиду, – а ты выпусти моего брата, и я с тобой примирюсь».

Давид обрадовался, приказал привести слепого и отдал его Володарю. Они заключили мир и разошлись.

Но на другую весну (1098) Володарь и Василько с войском отправились на Давида и подошли к городу Всеволожу, взяли его приступом и зажгли; жители бежали, Василько приказал всех их истребить и мстил за себя невинным людям, как замечает летописец. Василько показал, что хотя он и был несчастен, но вовсе не любил Русскую землю в той мере, как говорил. Братья подошли к Владимиру. Трусливый Давид заперся в нем. Братья князя послали к владимирцам такое слово: «Мы пришли не на ваш город и не на вас, а пришли мы на врагов своих: на Туряка, Лазаря и Василия – они подговорили Давида; он их послушал и сделал зло. Если хотите биться за них – и мы готовы; а не хотите – так выдайте врагов наших».

Владимирские граждане собрались на вече и так сказали Давиду: «Выдай этих мужей, мы за них не бьемся; за тебя же биться можем; если не выдашь – мы отворим город, а ты сам о себе промышляй как знаешь».

Давид отвечал: «Их нет здесь, я послал их в Луцк; Туряк бежал в Киев, Василий и Лазарь в Турийске».

«Выдай тех, кого они хотят, – крикнули горожане, – а не то мы сдадимся!»

Давиду нечего было делать. Он послал за своими любимцами Василием и Лазарем и выдал их.

Братья Ростиславичи по заре повесили Василия и Лазаря перед городом, а сыновья Василька расстреляли их стрелами. Совершив казнь, они отступили от города.

После этой расправы на Давида пошел Святополк, который до сих пор медлил исполнением княжеского приговора наказать Давида за его злодеяние. Давид искал помощи у польского князя Владислава Германа, но последний взял с него деньги за помощь и не помог. После семинедельной осады во Владимире Давид сдался и уехал в Польшу.

В великую субботу 1098 года Святополк вошел во Владимир. Овладев Волынью, киевский князь думал, что не худо таким же способом овладеть и волостями Ростиславичей, за которые он начал войну с Давидом. Володарь, предупреждая нападение, вышел против киевского князя и взял с собой слепого брата. Враги встретились на урочище, называемом Рожново поле. Когда рати готовы были ударить друг против друга, вдруг явился слепой Василько с крестом в руке и кричал, обращая речь свою к Святополку: «Вот крест, который ты целовал перед тем, как отнял у меня зрение! Теперь ты хочешь отнять у меня душу. Этот честный крест рассудит нас!»

Произошла жестокая битва. Ростиславичи победили. Святополк бежал во Владимир. Победители не погнались за ним. «С нас довольно стать на своей меже», – говорили они.

Тогда у Ростиславичей и у их врага Давида появилось общее дело: защищать себя от Святополка, тем более что киевский князь не думал оставлять их в покое и, посадив одного из своих сыновей, Мстислава, во Владимире-Волинском, другого – Ярослава – послал к уграм (венграм) подвигать их на Володаря, а сам ушел в Киев, вероятно, замышляя посадить этого самого Ярослава в уделе Ростиславичей, выгнав последних, подобно тому как он уже выгнал Давида. Святополк хотел воспользоваться вспыхнувшей враждой между Давидом и Ростиславичами для того, чтобы доставить на их счет владения своим сыновьям. Давид прибыл из Польши и сошелся с Володарем. Заклятые враги помирились, и Давид оставил свою жену у Володаря, а сам отправился нанимать половецкую орду, которой управлял воинственный и свирепый хан Боняк. Вероятно, Давид успел уверить Володаря, что в самом деле виной злодеяния, совершенного над Васильком, был не он, а Святополк.

Володарь сидел в Перемышле. Пришли венгры со своим королем Коломаном, приглашенные Ярославом Святополковичем, и осадили Перемышль. На счастье Володаря Давиду не пришлось далеко ездить за половцами: он встретил Боняка где-то недалеко и привел его в Перемышль.

Накануне ожидаемой битвы с венграми Боняк в полночь отъехал от войска в поле и стал выть по-волчьи. Ему вторили голоса множества волков. Таково было половецкое гаданье. «Завтра, – сказал Боняк, – мы победим угров». Дикое предсказание половецкого хана сбылось. «Боняк, – говорит современный летописец, – сбил угров в мяч так, как сокол сбивает галок». Венгры бежали. Много их утонуло и в Вагре, и в Сане. Давид двинулся к Владимиру и овладел Владимирской волостью. В самом городе сидел Мстислав Святополкович с засадой (гарнизон), состоявшей из жителей владимирских пригородов: берестьян, пинян и выгошевцев. Давид начал делать приступы: дождем сыпались с обеих сторон стрелы; осаждавшие закрывались подвижными вежами (башнями); осажденные стояли на стенах за досками; таков был тогдашний способ войны. В одну из таких перестрелок, 12 июня 1099 года, стрела сквозь скважину доски поразила насмерть князя Мстислава. Осажденные после его смерти терпели тягостную осаду до августа, наконец Святополк прислал к ним на выручку войско. 5 августа Давид не устоял в битве с присланным войском и бежал к половцам. Победители ненадолго овладели Владимиром и Луцком. Давид, пришедший с Боняком, отнял у них и тот и другой город.



Отправка Владимиром Всеволодовичем Мономахом (Переяславским) отрока Бяндюка заИтларем; беседа Бяндюка сИтларем. Миниатюра из Радзивилловской летописи



Целование креста Владимиром Всеволодовичем Мономахом (Переяславским) и Святополком Изяславичем Киевским в знак примирения. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Намерение Мономаха соединить князей на единое дело против половцев не только не привело к желанной цели, а напротив, повело к многолетней войне между князьями; для Русской земли от этого умножилось горе. Однако на следующий год (1100) Мономаху удалось-таки опять устроить между князьями совещание и убедить Давида Игоревича отдаться на княжеский суд. Давид сам прислал к князьям послов по этому делу. К сожалению, мы не

знаем подробностей подготовки к этой встрече. 10 августа князя Владимир Мономах, Святополк, Олег с братом Давидом сошлись в Витичеве, а через двадцать дней, 30 августа, они снова сошлись на том же месте, и уже тогда был с ними Давид Игоревич.

«Кому есть на меня жалоба?» – спросил Давид Игоревич. «Ты присылал к нам, – сказал Владимир, – объявил, что хочешь жаловаться перед нами за свою обиду. Вот теперь ты сидишь с братьей на одном ковре. На кого у тебя жалоба?»

Давид ничего не отвечал.

Тогда князя сели на лошадей и стали врознь каждый со своей дружиной. Давид Игоревич сидел особо. Князя рассуждали о Давиде: сначала каждый князь со своей дружиной, а потом совещались между собой и послали Давиду от каждого князя мужей. Эти мужи сказали Давиду такую речь: «Вот что говорят тебе братья: не хотим тебе дать стола Владимирского за то, что ты вверг нож между нас, сделал то, чего еще не бывало в Русской земле; но мы тебя не берем в неволю, не делаем тебе ничего худого, сиди себе в Бужске и в Остроге; Святополк придает тебе Дубен и Чарториск, а Владимир дает тебе 200 гривен да еще Олег и Давид дают тебе 200 гривен». Потом князя послали к Вол одарю такое слово: «Возьми к себе брата своего Василька; будет вам обоим Перемышль. Хотите – живите вместе, а не хотите – отпусти Василька к нам; мы будем его кормить!»

Володарь с гневом принял такое предложение; Святополк и Святославичи хотели выгнать Ростиславичей из их волости и послали приглашать к участию в этом предприятии Владимира, который после съезда в Витичеве поехал в свои северные области и был на Волге, когда пришел к нему вызов от Святополка идти на Ростиславичей: «Если ты не пойдешь с нами, то мы будем сами по себе, а ты сам по себе». Видно, что и на витичевском съезде Владимир не ладил с князьями и не совсем одобрял их постановления: «Я не могу идти на Ростиславичей, – отвечал он им, – и преступать крестное целование. Если вам не нравится последнее, принимайте прежнее» (то есть постановленное в Любече). Владимир был тогда огорчен, как показывают и слова в его духовной, касающиеся описываемого события. По этому поводу он счел уместным привести выражение из Псалтиря: «Не ревнуй лукавствующим, не завиди творящим беззаконие!»

В самом деле, то, чем покончили князья свои междоусобия, мало представляло справедливости. Владимир не противоречил им во многом, потому что желал как бы то ни было прекратить междоусобия, чтобы собрать силы русских земель против общих врагов – половцев.

Святополку как киевскому князю хотелось, подобно своим предшественникам, власти над Новгородом, и для этого желал он посадить в Новгороде своего сына, между тем там уже был князем сын Мономаха Мстислав. Владимир уступил Святополку, а вместо новгородского княжения Святополк обещал Мстиславу владимирское.

Мономах призвал Мстислава из Новгорода в Киев, но вслед за Мстиславом приехали новгородские послы и повели такую речь Святополку: «Приславшие нас велели сказать: не хотим Святополка и сына его; если у него две головы, то посылай его. Нам дал Мстислава Всеволод, мы его вскормили, а ты, Святополк, уходил от нас».

Святополк не мог их переспорить и не в состоянии был принудить новгородцев исполнить его волю. Мстислав опять вернулся в Новгород. Новгород благодаря местоположению за неприступными болотами и дремучими лесами чувствовал свою безопасность. Туда нельзя было навести ни половцев, ни ляхов; нельзя было с иноземной помощью овладеть Новгородом.

С тех пор Владимир непрерывно обращал свою деятельность на ограждение Русской земли от половцев. В 1101 году Владимир поднял князей против них, но половцы, услышав о сборах русских князей, одновременно от разных орд прислали просьбы о мире. Русские согласились на мир, готовые наказать половцев за первое вероломство. В 1103 году этот мир был нарушен половцами, и Мономах побудил русских князей предпринять первый наступательный поход на Половецкую землю соединенными силами. В летописи этот поход описан с большим сочувствием, и видно, что он произвел впечатление на современников. Киевский князь

со своей дружиной и Владимир со своей сошлись на Долобске (на левой стороне Днепра близ Киева). Князья совещались в шатре. Дружина Святополка была против похода. Тогда раздавались такие голоса: «Теперь весна, как можно отрывать смерда от пашни; ему надобно пахать».

Но Владимир на это возразил: «Удивительно, что вы не жалеете смерда, а жалеете лошадь, на которой он пашет. Начнет смерд пахать, прибежит половчин и отымет у него лошадь, и его самого ударит стрелой, и ворвется в село, и жену и детей его возьмет в полон».

Дружина Святополка ничего на это не могла возразить, и Святополк сказал: «Я готов».

«Ты много добра сделаешь», – сказал ему на это Мономах.

После долобского совещания князья стали приглашать черниговских князей принять участие в походе, а за ними и других князей. Давид послушался, а Олег отговорился нездоровьем. Он неохотно ссорился с половцами, которые помогли ему взять Чернигов, и, быть может, рассчитывал, что дружба с ними пригодится ему и его детям. Прибыл со своей дружиной полоцкий князь Давид Всеславич, прибыли и некоторые другие князья. Русские шли конные и пешие: последние на ладьях по Днепру до Хортицы. После четырехдневного пути степью от Хортицы на урочище, называемом Сутень, русские 4 апреля встретили половцев и разбили их наголову. Половцы потеряли до двадцати князей. Один из их князей, Белдюзь, попался в плен и предлагал за себя большой выкуп золотом, серебром, лошадьми и скотом, но Владимир сказал ему: «Много раз поставляли вы с нами договор, а потом ходили воевать Русскую землю; зачем ты не учил сынов своих и род свой не преступать договора и не проливать христианской крови?» Он приказал затем убить Белдюзя и рассечь по членам его тело. Русские набрали тогда много овец, скота, верблюдов и невольников.

В 1107 году воинственный Боняк и старый половецкий князь Шарукан задумали отомстить русским за прежнее поражение, но были разбиты наголову под Лубнами. В 1109 году Владимир посылал воеводу Дмитрия Иворовича к Дону: русские нанесли большое разорение половецким вежам. За это на другой год половцы опустошили окрестности Переяславля, а в следующем году Владимир опять с князьями предпринял поход, который более всех других облекся славой в глазах современников. Предание связало с ним чудодейственные предзнаменования. Рассказывают, что 11 февраля ночью над Печерским монастырем появился огненный столб: сначала он стал над каменной трапезной, перешел оттуда на церковь, потом стал над гробом Феодосия, наконец поднялся по направлению к востоку и исчез. Явление это сопровождалось молнией и громом. Грамотеи растолковали, что это был ангел, возвещавший русским победу над неверными. Весной Владимир с сыновьями, киевский князь Святополк со своим сыном, Ярослав и Давид с сыном на второй неделе поста отправились к Суле, перешли через Псёл, Ворсклу и 23 марта пришли к Дону, а 27-го, в страстной понедельник, разбили наголову половцев на реке Сальнице и вернулись обратно со множеством добычи и пленников. Тогда, как говорит летопись, слава о подвигах русских прошла ко всем народам: грекам, ляхам, чехам – и дошла даже до Рима. С тех пор надолго половцы перестали тревожить Русскую землю.

В 1113 году умер Святополк, и киевляне, собравшись на вече, избрали Владимира Мономаха своим князем; но Владимир медлил; между тем киевляне, недовольные поборами своего покойного князя, напали на дом его любимца Путяты и разграбили жидов, которым потакал Святополк во время своего княжения и поверял сбор доходов. В другой раз послали киевляне к Владимиру послов с такой речью: «Иди, князь, в Киев, а не пойдешь, так разграбят и княгиню Святополкову, и бояр, и монастыри; и будешь ты отвечать, если монастыри ограбят». Владимир прибыл в Киев и сел на столе по избранию Киевской земли.

Время его княжения до смерти, последовавшей в 1125 году, было самым цветущим периодом в древней истории Киевской Руси. Уже ни половцы и никакие другие иноплеменники не беспокоили русского народа. Напротив, сам Владимир посылал своего сына Ярополка на Дон, где он завоевал у половцев три города и привел себе жену, дочь яского князя, необычно-

венную красавицу. Другой сын Владимира, Мстислав, с новгородцами нанес поражение Чуди на Балтийском побережье; третий сын, Юрий, победил на Волге болгар. Удельные князья не смели заводить междоусобиц, повиновались Мономаху и в случае строптивости чувствовали его сильную руку. Владимир прощал первые попытки нарушить порядок и строго наказывал вторичные. Так, например, когда Глеб Мстиславич, один из кривских князей, напал на Слуцк и сжег его, Владимир пошел на Глеба войной, но Глеб поклонился Владимиру, просил мира, и Владимир оставил его княжить в Минске; но спустя несколько лет, вероятно, за такой же проступок, Владимир вывел Глеба из Минска, где он и умер. Точно так же в 1118 году Владимир, собрав князей, пошел на волынского князя Ярослава Святополковича, и когда Ярослав покорился ему и ударил челом, он оставил его во Владимире, сказав ему: «Всегда иди, когда я тебя позову». Но потом Ярослав напал на Ростиславичей и навел на них ляхов; кроме того, он дурно обращался со своей женой; Владимир сердился на него и за это. Владимир выгнал Ярослава, отдав Владимир-Волынский своему сыну Андрею. Ярослав покушался возвратить себе Владимира с помощью ляхов, венгров и чехов, но не успел и был изменнически убит ляхами.

Не так удачны были дела Мономаха с Грецией. Он отдал свою дочь за Леона, сына византийского императора Диогена, но вслед за тем в Византии произошел переворот. Диоген был низвергнут Алексеем Комнином. Леон с помощью тестя хотел приобрести себе независимую область в греческих владениях на Дунае, но был умерщвлен убийцами, подосланными Комнином. Леон оставил сына, для которого Мономах хотел приобрести то же самое владение в Греции, которого добивался Леон, и сначала воевода Владимира Войтишич посадил было посадников Владимира в греческих дунайских городах, но греки прогнали их, а в 1122 году Владимир помирился с преемником Алексея Иоанном Комнином и отдал за него свою внучку, дочь Мстислава.

Владимир Мономах является в русской истории законодателем. Еще ранее его, при детях Ярослава, в «Русскую Правду» вошли важные изменения и дополнения. Важнейшее из изменений было то, что месть за убийство была устранена, а вместо нее введено наказание платежом вир. Это повлекло к усложнению законодательства и к установлению многих статей, касающихся разных случаев обид и преступлений, которые влекли за собой платеж вир в различном размере. Таким образом, различные размеры вирных платежей назначались за разного рода оскорбления и побои, наносимые одними лицами другим, как равно и за кражу разных предметов. Независимо от платежа виры за некоторые преступления, как, например, за разбойничество и поджигательство, виновный подвергался потоку и разграблению – древнему народному способу наказания преступника. Убийство вора не считалось убийством, если было совершено при самом воровстве, когда вор еще не был схвачен. При Мономахе на совете, при званном им и составленном из киевского, белгородского, переяславского тысяцких и людей своей дружины, постановлено было несколько важных статей, клонившихся к ограждению благосостояния жителей. Ограничили произвольное взимание рез (процентов), которое при Святополке доходило до больших злоупотреблений и вызвало после смерти этого князя преследование жидов, бывших ростовщиками. При Владимире установили, что ростовщик может брать только три раза проценты, и если возьмет три раза, то уже теряет самый капитал. Кроме того, установлен был дозволенный процент: 10 кун за гривну, что составляло около трети или несколько более, если принимать упоминаемую гривну гривной куна⁹.

⁹ Гривна была – гривна серебра и гривна кун. Гривна серебра была двоякая: гривна большая, состоявшая в серебряных кусках, которые попадают весом от 43 до 49 золотников, и гривна малая – в кусках от 35 до 42 золотников. Семь гривен кун равнялись гривне серебра, следовательно, гривна кун составляла приблизительно от 6 до 7 или от 5 до 6 золотников серебра.



Византийский император Константин Мономах. Фрагмент росписи Грановитой палаты Московского Кремля

Частые войны и нашествия половцев разоряли капиталы, являлись неоплатные должники, а под их видом были и плуты. Торговые предприятия подвергали купца опасностям; от этого и те, которые давали ему деньги, также находились в опасности потерять свой капитал. Отсюда и высокие проценты. Некоторые торговцы брали у других купцов товары, не платя за них деньги вперед, а выплачивали после выручки с процентами; по этому поводу возникали обманы. При Владимире положено было различие между тем неоплатным купцом, который пострадает нечаянно от огня, воды или неприятеля, и тем, который испортит чужой товар, или пропьет его, или «пробьется», то есть заведет драку, а потом должен будет заплатить виру или «продажу» (низший вид виры). При несостоятельности купца следовало принимать во вни-

мание: от какой причины он стал несостоятелен. В первых случаях, то есть при нечаянном разорении, купец не подвергался насилию, хотя не освобождался от платежа долга. Некоторые брали капитал от разных лиц, а также и у князей. В случае несостоятельности такого торговца его вели на торг и продавали его имущество. При этом гость, то есть человек из иного города или чужеземец, имел первенство перед другими займодавцами, а за ним князь, потом уже прочие займодавцы получали остальное. Набеги половцев, процентщина, корыстолюбие князей и их чиновников – все способствовало тому, что в массе народа умножались бедняки, которые, не будучи в состоянии прокормить себя, шли в наемники к богатым. Эти люди назывались тогда «закупам». С одной стороны, эти закупы, взяв от хозяина деньги, убегали от него, а с другой – хозяева возводили на них разные траты по хозяйству и на этом основании притесняли и даже обращали в рабство. Закон Мономаха позволял закупу жаловаться на хозяина князю или судьям, налагал определенную пеню за сделанные ему обиды и притеснения, охранял его от притязания господина в случае пропажи или порчи какой-нибудь вещи, когда на самом деле закуп был не виноват; но зато, с другой стороны, угрожал закупу полным рабством в случае, если он убежит, не выполнив условия. Кроме закупов, служащих во дворах хозяев, были закупы «ролей-ные» (поселенные на землях и обязанные работой владельцу). Они получали плуги и бороны от владельца, что показывает обеднение народа; хозяева нередко придирались к таким закупам под предлогом, что они испортили данные им земледельческие орудия, и обращали в рабство свободных людей. Отсюда возникла необходимость определить: кто именно должен считаться холопом. Законодательство Владимира Мономаха определило только три случая обращения в холопство: первый случай – когда человек сам добровольно продавал себя в холопы или когда господин продавал его на основании прежних прав над ним. Но такая покупка должна была непременно совершаться при свидетелях. Второй случай обращения в рабство – принятие в супружество женщины рабского происхождения (вероятно, случалось, что женщины искали освобождения от рабства посредством замужества). Третий случай – когда свободный человек без всякого договора делается должностным лицом у частного человека (тиунство без ряду или привяжет ключ к себе без ряду). Вероятно, это было принято потому, что некоторые люди, приняв должность, позволяли себе разные беспорядки и обманы, и за неисполнением условий хозяева не могли искать на них управы. Только перечисленные здесь люди могли быть обращены в холопы. За долги нельзя было обращать в холопство, и всякий, кто не имел возможности заплатить, мог отработать свой долг и отойти. Военнопленные, по видимому, также не становились холопами, потому что об этом нет речи в «Русской Правде» при перечислении случаев рабства. Холоп был тесно связан с господином: господин платил его долги, а также выплачивал цену украденного его холопом. Прежде, при Ярославе, за побои, нанесенные холопом свободному человеку, следовало убить холопа, но теперь постановили, что в таком случае господин платил за раба пеню. Холоп вообще не мог быть свидетелем, но когда не было свободного человека, тогда принималось и свидетельство холопа, если он был должностным лицом у своего господина. За холопа и рабу вира не полагалась, но убийство холопа или рабы без вины наказывалось платежом князю «продажи». По некоторым данным, ко временам Мономаха следует отнести постановления о наследстве.



Князь Владимир Мономах. Фрагмент росписи Грановитой палаты Московского Кремля

Вообще, по тогдашнему русскому обычному праву, все сыновья наследовали поровну, а дочерям обязывались выдавать приданое при замужестве; меньшому сыну доставался отцовский двор. Каждому, однако, предоставлялось распорядиться своим имуществом по завещанию. В правах наследства бояр и дружинников и в правах смердов существовала та разница, что наследство бояр и дружинников ни в каком случае не переходило к князю, а наследство смерда (простого земледельца) доставалось князю, если смерд умирал бездетным. Имение жены оставалось неприкосновенным для мужа. Если вдова не выходила замуж, то оставалась полной хозяйкой в доме покойного мужа, и дети не могли удалить ее. Замужняя женщина пользовалась

одинаковыми юридическими правами с мужчиной. За убийство или оскорбления, нанесенные ей, платилась одинаковая вира, как за убийство или оскорбления, нанесенные мужчине.

Местом суда в древности были княжеский двор и торг, и это означает, что был суд и княжеский, но был суд и народный – вечевой, и, вероятно, постановления «Русской Правды», имеющие главным образом в виду соблюдение княжеских интересов, не обнимали всего вечевого суда, который придерживался давних обычаев и соображений, внушенных данными случаями. Доказательствами на суде служили показания свидетелей, присяга и, наконец, испытание водой и железом; но когда было введено последнее – мы не знаем.



А.Д. Кившенко. Владимир Мономах: Долобский съезд в 1103 г.



В.М.Васнецов. Отдых Владимира Мономаха после охоты

Эпоха Владимира Мономаха была временем расцвета состояния художественной и литературной деятельности на Руси. В Киеве и в других городах воздвигались новые каменные церкви, украшенные живописью: так, при Святополке построен был в Киеве Михайловский Златоверхий монастырь, стены которого существуют до сих пор, а близ Киева – Выдубицкий монастырь на месте, где был загородный двор Всеволода; кроме того, Владимир перед смертью построил прекрасную церковь на Альте, на том месте, где был убит Борис. К этому же времени относится составление нашей первоначальной летописи. Игумен Сильвестр (около 1115 года) соединил в один свод уже прежде существовавшие отрывки и, вероятно, сам прибавил к ним сказания о событиях, которых был свидетелем. В числе вошедших в его свод сочинений были и писания летописца Печерского монастыря Нестора, отчего весь летописный свод Сильвестра носил потом в ученом мире название «Несторовой летописи», хотя и неправильно, потому что далеко не все в ней написал Нестор, и притом не все могло быть написано одним только человеком. Мысль описывать события и расставлять их последовательно по годам появилась вследствие возникшего знакомства с византийцами-летописцами; некоторые из них, как, например, Амартол и Малала, были тогда известны в славянском переводе. Сильвестр положил начало русскому летописанию и указал путь другим после себя. Его свод продолжили другие летописцы по годам, и он разветвился на многие отрасли, соответственно различным землям русского мира, имевшим свою отдельную историю. Непосредственным и ближайшим по местности продолжением летописного свода Сильвестра была летопись, занимающаяся преимущественно киевскими событиями и написанная в Киеве разными людьми, сменявшими друг друга. Летопись эта называется «Киевской»; она захватывает время Мономаха, идет через все XII столетие и прерывается на событиях начальных годов XIII столетия. Во времена Мономаха, вероятно, было переведено многое из византийской литературы, как показывают случайно уцелевшие рукописи, которые относят именно к концу XI – началу XII

века. Из нашей первоначальной летописи видно, что русские грамотные люди могли читать на своем языке Ветхий Завет и жития разных святых. Тогда же по образцу византийских жизнеописателей стали составлять жития русских людей, которых уважали за святость жизни и смерти. Так, в то время уже были написаны жития первых основателей Печерской обители, Антония и Феодосия, и преподобный Нестор, печерский летописец, положил начало Патерика, или сборника житий печерских святых, – сочинения, которое, расширяясь в объеме от новых добавлений, составляло впоследствии один из любимых предметов чтения благочестивых людей. В этот же период написаны были жития Святой Ольги и Святого Владимира монахом Иаковом, а также два отличных одно от другого повествования о смерти князей Бориса и Глеба, из которых одно приписывается тому же монаху Иакову. От современника Мономаха, киевского митрополита Никифора, родом грека, остались одно Слово и три Послания: из них два обращены к Владимиру Мономаху, одно из которых – обличительное против латин. Тогда уже окончательно образовалось разделение церквей; вражда господствовала между писателями той и другой церкви, и греки старались привить русским свою ненависть и злобу к Западной церкви. Другой современник Мономаха, игумен Даниил, совершил путешествие в Иерусалим и составил описание этого путешествия. Несомненно, кроме оригинальных и переводных произведений собственно религиозной литературы тогда на Руси была еще поэтическая самобытная литература, носившая на себе более или менее отпечаток старинного язычества. В случайно уцелевшем поэтическом памятнике конца XII века «Слово о полку Игореве» упоминается о певце Бояне, который прославлял события старины и между прочим события XI века; по некоторым признакам можно предположить, что Боян воспевал также подвиги Мономаха против половцев. Этот Боян был так уважаем, что потомки прозвали его «Соловьем старого времени». Сам Мономах написал «Поучение своим детям», или так называемую «Духовную». В ней Мономах излагает подробно события своей жизни: свои походы, свою охоту на диких коней (зубров?), вепрей, туров, лосей, медведей, свой образ жизни, занятия, в которых видна его неутомимая деятельность. Мономах дает детям своим советы, как вести себя. Эти советы кроме общих христианских нравоучений, подкрепляемые множеством выписок из Священного Писания, свидетельствующих о начитанности автора, содержат в себе несколько черт, любопытных для характеристики как личности Мономаха, так и его века. Он вовсе не велит князьям казнить смертью кого бы то ни было. «Если бы даже преступник и был достоин смерти, – говорит Мономах, – то и тогда не следует губить души». По-видимому, князья в то время не были окружены царственным величием и являлись доступными для всех, кто в них нуждался: «Да не посмеются приходящие к вам ни дому вашему, ни обеду вашему». Мономах поучает детей все делать самим, во все вникать, не полагаться на тиунов и отроков. Он завещает им самим судить и защищать вдов, сирот и убогих, не давать сильным губить слабых, приказывает кормить и поить всех приходящих к ним. Гостеприимство считается у него первой добродетелью: «Более всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел: посол ли, знатный ли человек или простой, всех угощайте брашном и питием, а если можно, дарами. Этим прославится человек по всем землям»; завещает им посещать больных, отдавать последний долг мертвым, помня, что все смертны, всякого встречного обласкать добрым словом, любить своих жен, но не давать им над собой власти, почитать старших как отцов, а младших – как братьев, обращаться к духовным за благословением, отнюдь не гордиться своим званием, помня, что все поручено им Богом на малое время, и не хоронить в земле богатств, считая это великим грехом. Относительно войны Мономах советует детям не полагаться на воевод, самим наряжать стражу, не предаваться пирам и сну в походе, и во время сна в походе не снимать с себя оружие, а проходя с войском по русским землям ни в каком случае не позволять причинять вред жителям в селах или портить хлеб на полях. Наконец он велит им учиться и читать и приводит пример своего отца Всеволода, который, сидя дома, выучился пяти языкам.

Мономах скончался близ Переяславля, у любимой церкви, построенной на Альте, 19 мая 1125 года, семидесяти двух лет от роду. Тело его привезли в Киев. Сыновья и бояре понесли его к церкви Святой Софии, где он и был погребен. Мономах оставил о себе память лучшего из князей. «Все злые умыслы врагов, – говорит летописец, – Бог дал под руки его; украшенный добрым нравом, славный победами, он не возносился, не величался, по заповеди Божией добро творил врагам своим и паче меры был милостив к нищим и убогим, не щадя имения своего, но все раздавая нуждающимся». Монахи прославляли его за благочестие и за щедрость монастырям. Это благодушное, соединенное в нем с энергичной деятельностью и умом, вознесло его так высоко и в глазах современников, и в памяти потомков.

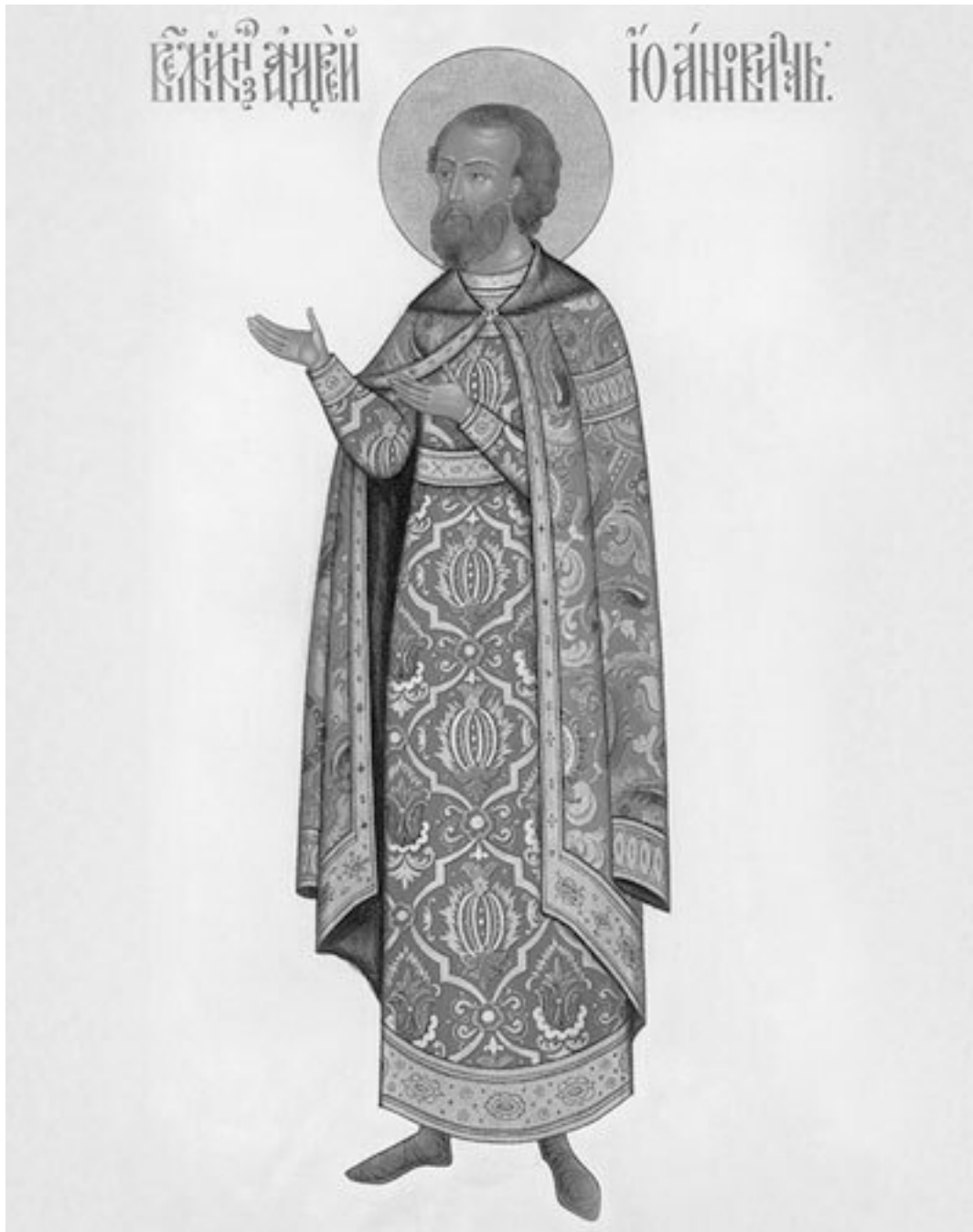
Вероятно, народные эпические песни о временах киевского князя Владимира Красное Солнышко, так называемые былины Владимирового цикла, относятся не к одному Владимиру Святому, но и к Владимиру Мономаху, так что в поэтической памяти народа эти два лица слились в одно. Наше предположение может подтверждаться следующим: в Новгородской летописи под 1118 годом Владимир со своим сыном Мстиславом, княжившим в Новгороде, за беспорядки и грабежи призвал из Новгорода и посадил в тюрьму сотского Ставра с несколькими его соумышленниками, новгородскими боярами. Среди былин Владимирового цикла есть одна былина о Ставре боярине, которого киевский князь Владимир посадил в погреб (тюрьмами в то время служили погреба), но Ставра освободила его жена, переодевшись в мужское платье. Имя Владимира Мономаха было до того уважаемо потомками, что впоследствии сложили сказку о том, будто византийский император прислал ему знаки царского достоинства, венец и бармы, и в течение нескольких столетий после него московские государи венчались венцом, который называли «шапкою» Мономаха.

Рассуждая беспристрастно, нельзя не заметить, что Владимир Мономах в своих наставлениях и в отрывках о нем летописцев является более безупречным и благодушным, чем в своих поступках, в которых проглядывают пороки времени, воспитания и среды, в которой он жил. Таков, например, поступок с двумя половецкими князьями, убитыми с нарушением данного слова и прав гостеприимства; завещая сыновьям умеренность в войне и человеколюбие, сам Мономах, однако, мимоходом сознается, что при взятии Минска, в котором он участвовал, не оставили в живых ни челядина, ни скотины. Наконец, Владимир, хотя и радел о Русской земле, однако и себя не забывал и, наказывая князей действительно виноватых, отбирал их уделы и отдавал своим сыновьям. Но за ним в истории останется то великое значение, что, живя в обществе, едва выходявшем из самого варварского состояния, вращаясь в такой среде, где всякий гонялся за узкими своекорыстными целями, еще почти не понимая святости права и договора, один Мономах держал знамя общей для всех правды и собирал под него силы Русской земли.

Князь Андрей Боголюбский

Во второй половине XII века русской истории появляются зародыши того хода событий, который развился и установился уже под влиянием татарского завоевания. Наш древний летописец, перечисляя ветви славяно-русского племени, указывает на полян, древлян, северян и т. д., но уже говоря по преданиям о событиях IX и X веков, причисляет к системе русского мира Мерю, страну, населенную финским племенем того же имени, занимавшую пространство в нынешних губерниях Владимирской, Ярославской, Костромской и отчасти Московской и Тверской, относя наравне с этим народом соплеменные и соседние ему племена: Мурому на юг от Мери и Весь на севере от той же Мери по течению Шексны и около Белоозера. Уже в незапамятные времена славянские поселенцы проникали в страны этих народов и селились там, как это показывают славянские названия города Ростова в земле Мери и Белоозера в земле Веси. Нам, к сожалению, неизвестен ход славянской колонизации в этих землях; несомненно, что с принятием христианства она усиливалась, возникали города с русскими жителями, а самые туземцы, принимая христианство, утрачивали вместе с язычеством свою народность и постепенно сливались с русскими, некоторые же покидали свое прежнее отечество и убежали далее к востоку. Раскопки могил, произведенные графом Уваровым в земле Мери, показывают, что язычество и древняя народность уже угасали в XII веке, по крайней мере позднейшие могилы с признаками мерянской народности могут быть отнесены к этому периоду. По письменным памятникам, в XII столетии мы встречаем в этих местах значительное количество городов, без сомнения, русских: Ростов, Суздаль, Переяславль-Залесский, Дмитров, Углич, Зубцов, Мологу, Юрьев, Владимир, Москву, Ярославль, Тверь, Галич-Мерьский, Городец и др. Беспоконья в Южной Руси побуждали ее тамошних жителей переселяться в эту страну. Народ Меря стоял на низкой степени образованности, не составлял самобытного политического тела и притом не был воинственным, как показывает скудость оружия в его могилах; оттого-то он легко подчинился власти и влиянию русских. В этом крае, колонизованном пришельцами из разных славяно-русских земель, образовалась новая ветвь славяно-русской народности, положившая начало великорусскому народу; ветвь эта в течение последующей истории охватила все другие народные ветви в Русской земле, поглотила многие из них совершенно и елила с собой, а другие ветви подчинила своему влиянию. Недостаток сведений о ходе русской колонизации в этом крае составляет важнейший, ничем не заменимый пробел в нашей истории. Тем не менее, однако, можно даже в отдаленные времена подметить те свойства, которые вообще составляли отличительные признаки великорусской народности: сплочение сил в собственной земле, стремление к расширению своего местожительства и к подчинению себе других земель. Это проглядывает уже в истории борьбы Юрия Суздальского за Киев с Изяславом Мстиславичем. То был первый зачаток стремления подчинить русские земли первенству восточнорусской земли. Юрий хотел утвердиться в Киеве, потому что, по видимому, тяготился пребыванием в восточной стране; но если мы вникнем в смысл событий того времени, то увидим, что уже тогда вместе с этим соединилось стремление русских жителей Суздальской земли властвовать в Киеве. Это видно из того, что Юрий, овладев Киевом, держался в нем с помощью пришедших с ним суздальцев. Киевляне смотрели на княжение Юрия, как на чуждое господство, а потому после смерти Юрия, в 1157 году, перебили всех суздальцев, которым Юрий поверил управление края. Впоследствии сын Юрия Андрей не думал уже переселяться в Киев, а хотел, оставаясь в Суздальской земле, властвовать над Киевом и прочими русскими землями таким образом, чтобы Суздальская земля приобрела то значение первенствующей земли, какое было прежде за Киевом. С Андрея начинают обозначаться яркими чертами самобытность Суздальско-Ростовской земли и вместе с тем стремление к первенству в русском мире. В эту эпоху выступил в первый раз на историческое поприще народ велико-

русский. Андрей был первый великорусский князь; он своей деятельностью положил начало и показал образец своим потомкам; последним, при благоприятных обстоятельствах, предстояло совершить то, что намечено было их прародителем.

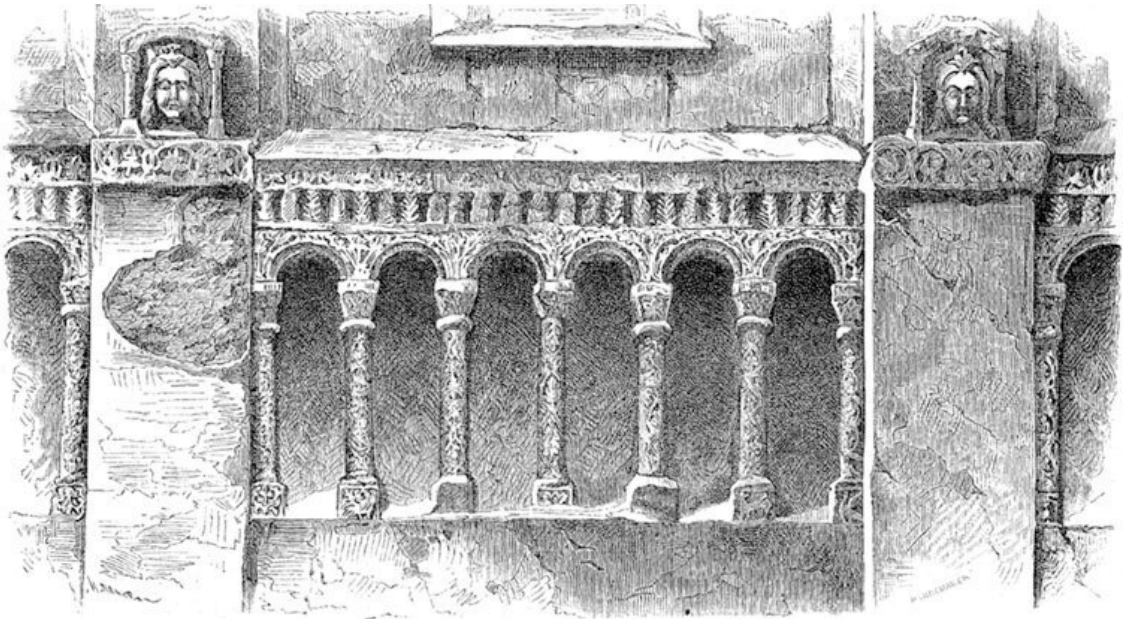


Князь Андрей Боголюбский

Андрей родился в Суздальской, или точнее, Ростовско-Суздальской земле, там провел он детство и начало юности, там усвоил первые впечатления, по которым сложились у него взгляды на жизнь и понятия. Судьба бросила его в омут безвыходных междоусобий, господствовавших в Южной Руси. После Мономаха, который был киевским князем по выбору земли, в Киеве княжили один за другим два сына его, Мстислав и Ярополк; спора у них за землю не было, и их можем мы причислить к истинным земским избранным князьям, как и отца их, потому что киевляне дорожили памятью Мономаха и любили его сыновей. Но в 1139 году

черниговский князь Всеволод Ольгович выгнал третьего сына Мономаха, слабого и ограниченного Вячеслава, и овладел Киевом посредством оружия. Этим открыт был путь нескончаемой неурядице в Южной Руси. Всеволод держался в Киеве при помощи своих черниговцев. Ему хотелось упрочить за своим родом Киев: Всеволод предложил киевлянам выбрать его брата Игоря. Киевляне поневоле согласились. Но как только Всеволод умер, в 1146 году киевляне избрали себе князем Изяслава Мстиславича, сына старшего Мономаховича, низложили Игоря; потом, когда за последнего подняли войну его братья, киевляне убили Игоря всенародно, несмотря на то что он уже отрекся от мира и вступил в Печерский монастырь.

Изяслав успешно разделался с Ольговичами, но против него поднялся новый неутомимый соперник, его дядя, князь суздальский Юрий Долгорукий, младший сын Владимира Мономаха. Началась долголетняя борьба, и в этой борьбе участвовал Андрей. Дела запутывались так, что междоусобию, казалось, не будет конца. Киев несколько раз переходил то в руки Изяслава, то в руки Юрия; киевляне совершенно сбились с пути: уверят Изяслава в своей готовности умирать за него, а потом перевозят Юрия через Днепр к себе и заставляют бежать Изяслава; принимают к себе Юрия и вслед за тем сносятся с Изяславом, призывают Изяслава к себе и прогоняют Юрия; вообще, однако, легко уступают всякой силе. Киевляне, несмотря на такое непостоянство, вынуждаемое обстоятельствами, неизменно любили Изяслава и ненавидели Юрия с его суздальцами. В течение этой усобицы Андрей не раз показывал храбрость в битвах, но также не раз пытался установить мир между раздраженными спорившими сторонами: все было напрасно. В 1151 году, когда Изяслав временно взял решительный перевес, Андрей убеждал отца удалиться в Суздальскую землю и сам прежде него поторопился уйти в этот край – во Владимир-на-Клязьме, пригород, данный ему отцом в удел. Но Юрий ни за что не хотел оставлять юга, опять начал добиваться Киева, наконец, после смерти Изяслава, в 1154 году овладел им и посадил Андрея в Вышгороде. Юрию хотелось иметь этого сына близ себя, вероятно, потому, чтобы передать ему киевское княжение, и с этой целью он назначил отдаленные от Киева города Ростов и Суздаль своим меньшим сыновьям. Но Андрея не пленяли никакие надежды в Южной Руси. Андрей был настолько же храбр, насколько и умен, настолько же расчетлив в своих намерениях, насколько и решителен в исполнении. Он был слишком властолюбив, чтобы поладить с тогдашним складом условий в Южной Руси, где судьба князя постоянно зависела и от покушений других князей, и от своенравия дружин и городов; притом соседство половцев не давало и впредь никакого ручательства на установление порядка в южнорусском крае, потому что половцы представляли собой удобное средство князьям, замышлявшим добывать себе силой города. Андрей решился самовольно бежать навсегда в Суздальскую землю. Шаг был важный; современник летописец счел нужным особенно заметить, что Андрей решился на это без отцовского благословения.



Резной пояс, уцелевший на стенах Суздальского собора



Строительство Успенского собора во Владимире по повелению Андрея Юрьевича Боголюбского (Ростовского). Миниатюра из Радзивилловской летописи

У Андрея, по-видимому, созрел тогда план не только удалиться в Суздальскую землю, но утвердить в ней средоточие, из которого можно будет вершить дела Руси. Летопись говорит, что с ним в соумышлении были его свойственники бояре Кучковы. Мы думаем, что у него было тогда много сторонников как и в Суздальской земле, так и в Киевской. Первое показывается тем, что в Ростовско-Суздальской земле любили его и вскоре выказали эту любовь, посадив князем по избранию; о втором свидетельствуют признаки значительного переселения жителей из Киевской земли в Суздальскую; однако Андрею, действовавшему в этом случае против отцовской воли, нужно было освятить свои поступки в глазах народа каким-нибудь правом. До сих пор в сознании русских для князей существовало два права – происхождения и избрания,

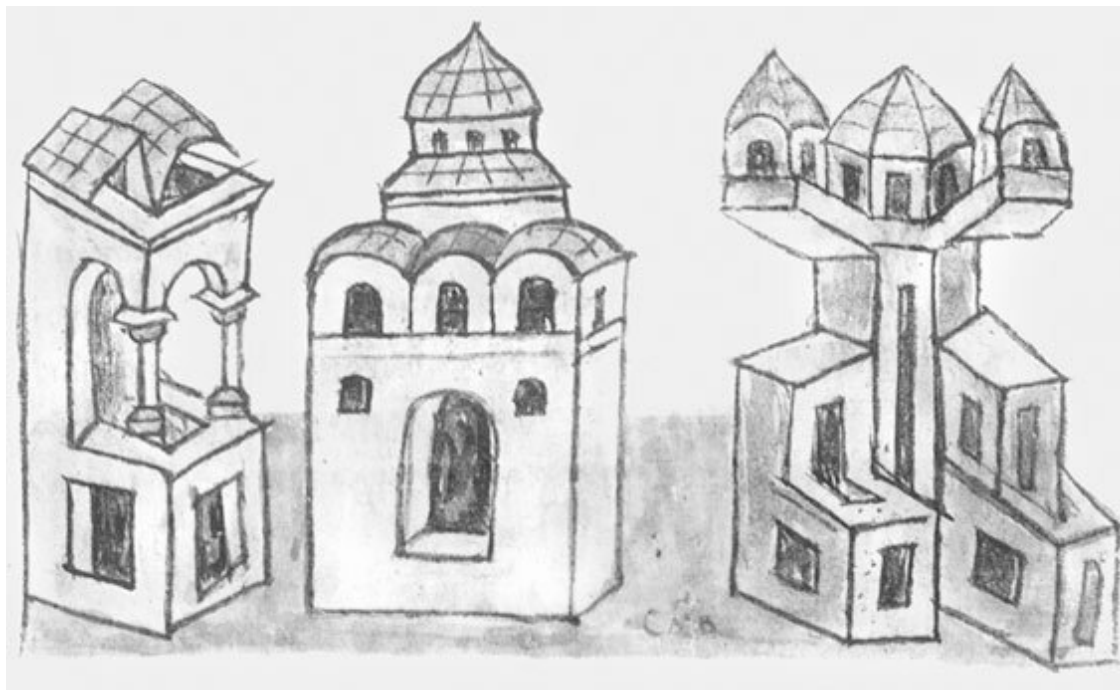
но оба эти права перепутались и разрушились, особенно в Южной Руси. Князя, игнорируя старейшинство по рождению, добивались княжеских столов, а избрание перестало быть единоклассным выбором всей земли и зависело от военной толпы – от дружин, так что в сущности удерживалось еще только одно право – право быть князьями на Руси лицам из Рюрикова дома; но какому князю где княжить – для того уже не существовало никакого другого права, кроме силы и удачи. Необходимо было создаться новому праву. Андрей нашел его – этим правом стало высшее непосредственное благословение религии.

Была в Вышгороде в женском монастыре икона Святой Богородицы, привезенная из Царьграда и написанная, как гласит предание, евангелистом Лукой. Рассказывали о ней чудеса, говорили между прочим, что, будучи поставлена у стены, она ночью сама отходила от стены и становилась посреди церкви, как будто показывая, что желает уйти в другое место. Взять ее явно было невозможно, потому что жители не позволили бы этого. Андрей задумал похитить ее, перенести в Суздальскую землю, даровать таким образом этой земле святыню, уважаемую на Руси, и тем показать, что на эту землю распространяется особое благословение Божие. Подговорив священника женского монастыря Николая и дьякона Нестора, Андрей ночью унес чудотворную икону из монастыря и вместе с княгиней и соумышленниками тотчас после того убежал в Суздальскую землю. Путешествие этой иконы в Суздальскую землю сопровождалось чудесами: на своем пути она творила исцеления. Уже в голове Андрея родилась мысль поднять город Владимир выше старейших городов Суздаля и Ростова, но он хранил эту мысль до поры до времени втайне, а потому проехал с иконой мимо Владимира и не оставил ее там, где, по его плану, ей впоследствии быть надлежало. Но не хотел Андрей возвести ее ни в Суздаль, ни в Ростов, потому что, по его расчету, этим городам не следовало давать первенства. За десять верст от Владимира по пути в Суздаль произошло чудо: кони под иконой вдруг стали; запрягают других, посильнее, – и те не могут сдвинуть воз с места.



Поставление Андреем Юрьевичем Боголюбским (Владимирским) иконы Богоматери, вывезенной из Киева, во Владимирской Богородицкой церкви. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Князь остановился; раскинули шатер. Андрей заснул, а поутру объявил, что ему являлась во сне Божия Матерь с хартией в руке, приказала не везти ее икону в Ростов, а поставить во Владимире; на том же месте, где произошло видение, соорудить каменную церковь во имя Рождества Богородицы и основать при ней монастырь. В память такого видения написана была икона, изображавшая Божию Матерь в том виде, как она явилась Андрею с хартией в руке. Тогда на месте видения заложено было село, называемое Боголюбовым. Андрей построил там богатую каменную церковь; ее утварь и иконы украшены были драгоценными камнями и финифтью, столпы и двери блистали позолотой. Там поставил он временно икону Св. Марии; в окладе, сделанном для нее Андреем, было пятнадцать фунтов золота, много жемчуга, драгоценных камней и серебра.



Условное изображение города Владимира (справа), Успенского собора в архитектурных формах времени Андрея Боголюбского и великокняжеского терема (слева). Миниатюра из Радзивилловской летописи

Заложенное им село Боголюбово стало его любимым местопребыванием и усвоило ему в истории прозвище Боголюбского.

Мы не знаем, что делал Андрей до смерти отца, но, без сомнения, он в то время вел себя так, что угодил всей земле. Когда отец умер в Киеве после пира у какого-то Петрила, 15 мая 1157 года, ростовцы и суздальцы со всей землей, нарушив распоряжение Юрия, отдававшего Ростов и Суздаль меньшим сыновьям, единодушно избрали Андрея князем всей своей земли. Но Андрей не поехал ни в Суздаль, ни в Ростов, а основал свою столицу во Владимире, построил там великолепную церковь Успения Богородицы с позолоченным верхом¹⁰ из белого камня, привезенного по воде из Болгарии. В этом храме поставил он похищенную из Вышгорода икону, которая с того времени начала носить имя Владимирской.

С той поры Андрей явно показал свое намерение сделать Владимир, бывший до того времени только пригородом, главным городом всей земли и поставить его выше старых городов, Ростова и Суздаля. Андрей имел в виду то, что в старых городах были старые предания и при-

¹⁰ По одним известиям, был один купол, по другим – пять; вероятнее первое, потому что в те времена обычно строились церкви с одним верхом.

вычки, которые ограничивали власть князя. Ростовцы и суздальцы избрали Андрея на вече. Они считали власть князя ниже своей вечевой власти; живя в Ростове или Суздале, Андрей мог иметь постоянные пререкания и должен был подлаживаться к горожанам, которые гордились своим старейшинством. Напротив, во Владимире, который ему обязан был своим возвышением, своим новым старейшинством над землей, воля народная должна была идти об руку с волей князя. Город Владимир, прежде малый и незначительный, сильно разросся и населился при Андрее. Жители его состояли в значительной степени из переселенцев, ушедших к Андрею из Южной Руси на новое жительство. На это явно указывают названия урочищ во Владимире; там были река Лыбедь, Печерный город, Золотые Врата с церковью над ними, как в Киеве, и Десятинная церковь Богородицы: Андрей из подражания Киеву дал построенной им во Владимире церкви десятину от своих стад и от торгового города Гороховец и села. Андрей строил много церквей, основывал монастыри, не жалел издержек на украшение храмов. Кроме церкви Успения, вызывавшей удивление современников великолепием и блеском иконостаса, паникадил, стеной живописью и обильной позолотой, он построил во Владимире монастыри Спасский, Вознесенский; соборный храм Спаса в Переяславле, церковь Св. Федора Стратилата, которому он приписывал свое спасение во время одной битвы, когда вместе с отцом участвовал в княжеских междоусобиях на юге; церковь Покрова при устье Нерли и много других каменных церквей. Андрей приглашал для этого мастеров с Запада, а между тем начало развиваться и русское искусство, так что при преемнике Андрея русские мастера уже без помощи иностранцев строили и расписывали свои церкви.



Вокняжение Мстислава Изяславича в Киеве; отъезд Мстислава во Владимир-Волынский после передачи Киевского княжения Ростиславу Мстиславичу. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Сооружение богатых церквей указывает столько же на благосостояние края, сколько и на политический такт Андрея. Всякая новая церковь была важным событием, вызывавшим внимание народа и уважение к ее строителю. Понимая, что духовенство составляло тогда единственную умственную силу, Андрей умел приобрести его любовь, а тем самым укреплял свою власть в народе. В приемах жизни князя современники видели набожного и благочестивого

человека. Его всегда можно было увидеть в храме на молитве, со слезами умиления на глазах, с громкими воздыханиями. Хотя его княжеские тиуны и даже покровительствуемые им духовные позволяли себе грабительства и бесчинства, но Андрей всенародно раздавал милостыню убогим, кормил чернецов и черниц и за то слышал похвалы своему христианскому милосердию. Нередко по ночам он входил в храм, сам зажигал свечи и долго молился перед образами.

В то время к числу благочестивых подвигов князя, составлявших его славу, относились и его войны с неверными. По соседству с волостью Андрея, на Волге, было царство Болгарское. Болгары, народ финского, или, вероятнее, смешанного племени, еще в десятом веке приняли магометанство. Они давно уже жили не в ладах с русскими, делали набеги на русские области, и русские князья не раз ходили биться против них: такие битвы считались богоугодным делом. Андрей два раза воевал с этим народом и первый раз отправился с войском против него в 1164 году. Он взял с собой икону Св. Богородицы, привезенную из Вышгорода; духовенство шло пешком и несло ее под знаменами. Сам князь и все войско перед походом причащались Св. Тайн. Поход окончился удачно; князь болгарский бежал; русские взяли город Ибрагимов (в наших летописях – Бряхимов). Князь Андрей и духовные приписывали эту победу чудотворному действию иконы Богородицы; событие это поставлено было в ряду многочисленных чудес, истекавших от этой иконы, и в память его было установлено празднество с водосвятием, совершаемое до сих пор 1 августа. Патриарх царьградский по желанию Андрея утвердил этот праздник тем охотнее, что русское торжество совпало с торжеством греческого императора Мануила, одержавшего победу над сарацинами, которую приписывали действию Животворящего Креста и хоругви с изображением Христа Спасителя.

Но не так благосклонно отнесся к желаниям Андрея патриарх Лука Хризотерх, когда Андрей обратился к нему с просьбой посвятить в митрополиты во Владимир своего любимца Феодора. Этим нововведением Андрей хотел решительно возвысить Владимир, зависевший от ростовской епархии; тогда Владимир не только стал бы выше Ростова и Суздаля, а получил бы еще первенствующее духовное значение в ряду русских городов иных земель. Но патриархи, следуя давнему обычаю Восточной церкви, нелегко и не сразу соглашались на всякие изменения в порядке церковного управления. И на этот раз не согласился патриарх на такую важную перемену, тем более что ростовский епископ Нестор был еще жив и, преследуемый не любившим его Андреем, бежал тогда в Царьград. Через несколько лет, однако, в 1168 году, любимец Андрея Феодор, съездив в Царьград, выхлопотал себе посвящение если не в сан митрополита, то в сан епископа ростовского. По желанию Андрея он, хотя и числился ростовским, должен был жить во Владимире, так как на это патриарх дал дозволение. Таким образом, его любимый Владимир если и не мог в духовном управлении получить того первенства на Руси, которое принадлежало Киеву, по крайней мере делался выше Ростова как местопребывание епископа. Любимец Андрея Феодор до того возгордился, что подобно своему князю, ни во что ставившему Киев, не хотел знать киевского митрополита: не поехал к нему за благословением и считал для себя достаточным поставление в епископы от патриарха. Так как это было нарушением давнего порядка на Руси, то владимирское духовенство не хотело ему повиноваться; народ волновался. Феодор закрыл церкви и запретил богослужение. Если верить летописям, то Феодор по этому поводу, принуждая повиноваться своей верховной власти, позволял себе ужасные варварства: мучил непокорных игуменов, монахов, священников и простых людей, рвал им бороды, рубил головы, выжигал глаза, резал языки, отбирал имения у своих жертв. Хотя летописец и говорит, что он поступал таким образом, не слушая Андрея, послывшего его ставиться в Киев, но трудно допустить, чтобы все это могло происходить при таком властолюбивом князе против его воли. Если подобные варварства не плод преувеличения, то они могли совершаться только с ведома Андрея, или по крайней мере Андрей смотрел сквозь пальцы на проделки своего любимца и пожертвовал им только тогда, когда увидел, что народное волнение возрастает и может иметь опасные последствия. Как бы то ни было, Андрей наконец отправил

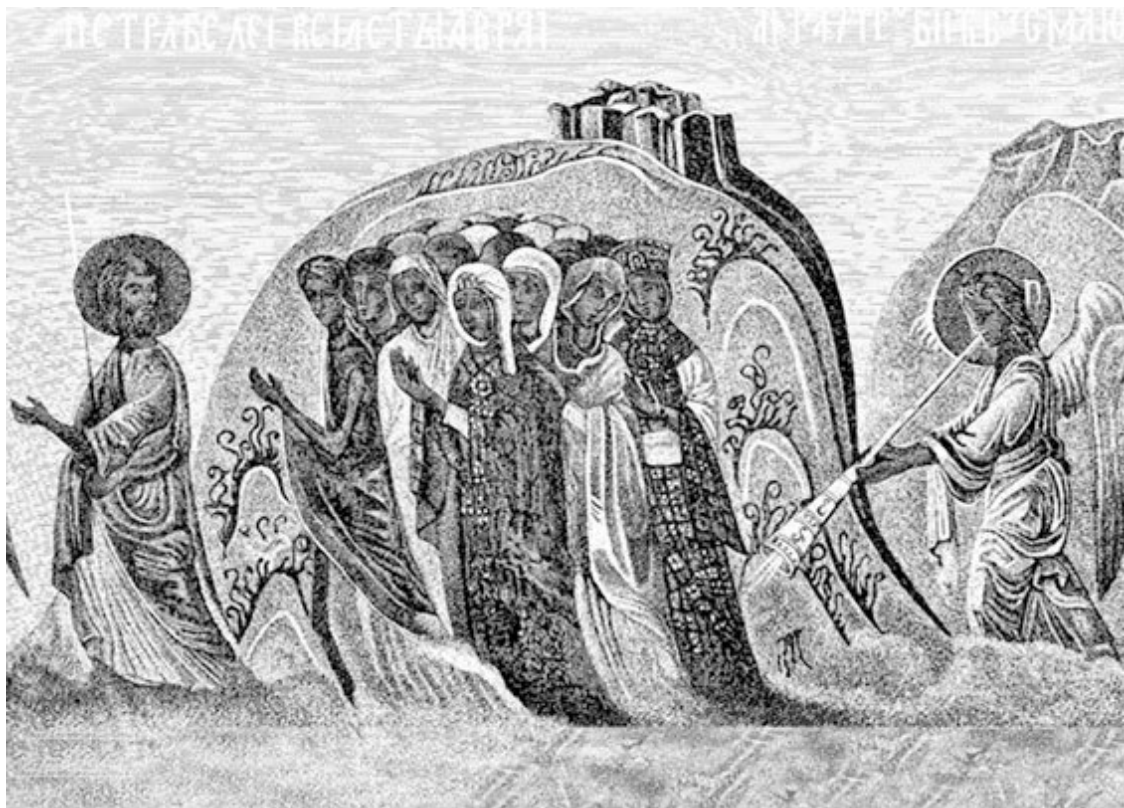
Феодора к киевскому митрополиту, который приказал отрубить злодею правую руку, отрезать язык и выколоть глаза. Это – по византийскому обычаю.

Андрею не удалось возвысить свой Владимир в церковном отношении на степень митрополии. Тем не менее князь в этом отношении наметил заранее то, что совершилось впоследствии, при его преемниках.

Андрей был посажен на княжение всей землей в ущерб правам меньших братьев, которые должны были княжить там по распоряжению родителя. Решительный в своих действиях, Андрей предупредил всякие с их стороны попытки к междоусобиям, разом выгнал своих братьев Мстислава, Василька, восьмилетнего Всеволода (1162) и удалил от себя двух племянников Ростиславичей. Братья вместе со своей матерью, греческой царевной, отправились в Грецию, где император Мануил принял их дружелюбно. Это изгнание не только не было событием, противным земле, но даже в летописях оно приписывается как бы земской воле. Андрей выгнал также и бояр, которых не считал себе достаточно преданными. Подобные меры сосредоточивали в его руках единую власть над всей Ростовско-Суздальской землей и таким образом давали этой земле значение самой сильнейшей земли среди русских земель, тем более, что будучи избавлена от междоусобий, она была в то время спокойна от всякого внешнего вторжения. Но, с другой стороны, эти же меры увеличивали количество врагов Андрея, готовых при случае погубить его всеми возможными средствами.



Боголюбов монастырь близ Владимира-на-Клязьме



Древние фрески Дмитриевского собора во Владимире-на-Клязьме

Забрав в свои руки власть в Ростовско-Суздальской земле, Андрей ловко пользовался всеми обстоятельствами, чтобы показывать свое первенство во всей Руси; вмешиваясь в междоусобия, происходившие в других русских землях, он хотел разрешать их по своему произволу. Главной и постоянной целью его деятельности было унижить значение Киева, лишить древнего старейшинства над русскими городами, перенести это старейшинство на Владимир, а вместе с тем подчинить себе вольный и богатый Новгород. Он добивался того, чтобы по своему желанию отдавать эти два важнейших города с их землями в княжение тем князьям, которых он захочет посадить и которые в благодарность за то будут признавать его старейшинство. Когда после смерти Юрия Долгорукого возник спор за Киев между черниговским князем Изяславом Давидовичем и Ростиславом, братом Изяслава Мстиславича, Андрей мирволил Изяславу, хотя прежде этот князь был врагом его отца. В 1160 году он съехался с ним на Волоке и замыслил выгнать Святослава, сына Ростислава, из Новгорода. В Новгороде уже несколько лет происходили неурядицы; призывали и выгоняли то тех, то других князей. Незадолго до того, еще при Юрии, княжил там брат Андрея Мстислав. В 1158 году новгородцы прогнали его и призвали сыновей Ростислава, Святослава и Давида: из них первого посадили в Новгороде, а другого – в Торжке, но и против них вскоре образовалась в Новгороде враждебная партия. Рассчитывая на помощь этой партии, Андрей послал в Новгород такое требование: «Да будет вам ведомо, я хочу искать Новгорода добром или злом; чтобы вы целовали мне крест иметь меня своим князем, а мне вам добра хотеть». Такой отзыв усилил волнение в Новгороде, часто стали собираться бурные вече. Сначала новгородцы, руководимые благоприятелими Андрея, придрались к тому, что Новгород содержит одновременно двух князей, и требовали удаления Давида из Торжка. Святослав исполнил требование и выслал брата из Новгородской земли, но после того противники его не оставили Святослава в покое, подучали против него народ и довели до того, что толпа схватила Святослава на Городище, отправила под стражей в Ладогу; его жену заключили в монастырь Св. Варвары; перековали лиц, составлявших княжескую дру-

жину, имение их разграбили, а потом послали просить у Андрея сына на княжение. Андрей рассчитывал давать им по возможности не тех князей, каких они пожелают, а тех, каких он сам им дать захочет. Андрей послал им не сына, а своего племянника Мстислава Ростислав ича. Но в следующем году (1161), когда Изяслав Давидович был побежден Ростиславом и убит, а Ростислав укрепился в Киеве, Андрей поладил с ним и приказал новгородцам взять опять к себе на княжение того Святослава Ростиславича, которого они недавно выгнали, и притом, как выражается летописец, «на всей воле его». Андрею, очевидно, было все равно, тот или другой князь будет княжить в Новгороде, лишь бы только этот князь был посажен от его руки, чтобы таким образом для новгородцев вошло в обычай получать себе князей от суздальского князя. В 1166 году умер киевский князь Ростислав, человек податливый, под конец поладивший с суздальским князем и угождавший ему. На киевское княжение был избран Мстислав Изяславич. Кроме того, что этот князь был сыном ненавистного Андрею Изяслава Мстиславича, с которым так упорно боролся его отец, Андрей лично ненавидел этого князя, да и Мстислав был не из таких, чтобы угождать кому бы то ни было, кто бы вздумал показать над ним власть. У покойного Ростислава было пять сыновей: Святослав, княживший в Новгороде, Давид, Роман, Рюрик и Мстислав. Сначала Мстислав Изяславич был с этими своими двоюродными братьями заодно, но потом, к большому удовольствию Андрея, между ними дружба стала нарушаться. Началось из-за Новгорода. Новгородцы по-прежнему не поладили со своим князем Святославом и прогнали его, а потом послали к киевскому Мстиславу просить у него сына. Мстислав, не желая ссориться с Ростиславичами, медлил решением. Тем временем оскорбленный Святослав обратился к Андрею; за Святослава встали смоленские князья, его братья. К ним присоединились и полочане, которые прежде не ладили с Новгородом. Тогда Андрей решительно потребовал от новгородцев, чтобы они вновь приняли изгнанного ими Святослава. «Не будет вам иного князя, кроме этого», – приказал он сказать им и прислал на помощь Святославу и его союзникам войско против Новгорода. Союзники сожгли Новый Торг, опустошали новгородские села и отрезали сообщение Новгорода с Киевом, чтобы не дать новгородцам сойтись с Мстиславом Киевским. Новгородцы почувствовали оскорбление своих прав, увидели чересчур решительное посягательство на свою свободу, разгорячились и не только не сдались на требования Андрея, но убили посадника Захария и некоторых других лиц, сторонников Святослава, за тайные сношения с этим князем, выбрали другого посадника по имени Якуна, нашли возможность дать знать обо всем Мстиславу Изяславичу и еще раз просили у него сына на княжение. В то время, кстати, киевские бояре Бориславичи успели поссорить Мстислава с двумя Ростиславичами – Давидом и Рюриком¹¹. Когда вслед за тем новгородцы снова прислали к Мстиславу просить сына, он уже не колебался и послал к ним своего сына Романа. Ростиславичи после этого поступка сделались отъявленными врагами Мстислава. Андрей тотчас воспользовался этим, чтобы идти на Мстислава. Рязанские и муромские князья уже прежде были с Андреем заодно, соединенные войной против болгар. Полочане вошли с ним в союз по вражде к Новгороду; на Волыни был у него союзник дорогобужский князь Владимир, дядя Мстислава, бывший его соперник за Киев. Андрей тайно снесся с северскими князьями Олегом и Игорем; в Переяславле Русском княжил брат Андрея Глеб, неизменно ему преданный; с Глебом был

¹¹ Ссора началась из-за того, что слуги Ростиславичей украли коней Мстислава и наложили на них свои клейма. Бояре Бориславичи, Петр и Нестор, уверили Давида, что Мстислав в отмщение за то хочет, зазвав их на обед, взять под стражу. Через некоторое время Мстислав действительно призвал на обед Давида и Рюрика. Эти князья, возбужденные наговорами бояр, прежде всего потребовали, чтобы Мстислав поцеловал крест, что им не будет ничего дурного. Мстислав обиделся; оскорбилась за него и его дружина. «Не годится тебе крест целовать, – говорили его дружинники, – без нашего ведома тебе нельзя было ни замыслить, ни сделать того, что они говорят, а мы все знаем твою истинную любовь к братьям, ведаем, что ты прав перед Богом и людьми. Пошли им и скажи: я целую вам крест в том, что не мыслил ничего дурного против вас, только вы мне выдайте того, кто на меня клеветает». Обе стороны поцеловали на этом друг другу крест, но Давид потом не исполнил желания Мстислава. «Если я выдам тех, которые мне говорили, – сказал он, – то вперед мне никто ничего не скажет». От этого возникла холодность в отношениях Мстислава и Ростиславичей.

также другой брат, молодой Всеволод, вернувшийся из Царьграда и получивший княжение в Остерском Городце в Южной Руси. Всего, таким образом, было до одиннадцати князей с их дружинами и ратью. Суздальским войском предводительствовали сын Андрея Мстислав и боярин Борис Жидиславич. На стороне Мстислава был брат Андрея Михаил, княживший в Торжке; не предвидя против себя ополчения, Мстислав Изяславич отправил его с берендеями на помощь к сыну в Новгород; но Роман Ростиславич перерезал ему путь и взял в плен.



Посольство новгородцев к Андрею Юрьевичу Боголюбскому (Ростовскому) с просьбой о присылке князя и выбор князя из предложенных Андреем кандидатов: Мстислава Юрьевича и Мстислава Ростиславича. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Подручники Андрея с войсками разных русских земель сошлись в Вышгороде и в начале марта заложили стан под Киевом, близ Кирилловского монастыря, и, раздвигаясь, окружили весь город. Вообще киевляне никогда и прежде не выдерживали осады и обычно сдавались князьям, приходившим добывать Киев силой. И теперь у них хватило выдержки только на три дня. Берендеи и торки, стоявшие за Мстислава Изяславича, склонны были к измене. Когда враги стали сильно напирать в тыл Мстиславу Изяславичу, киевская дружина сказала ему: «Что, князь, стоишь, нам их не пересилить». Мстислав бежал в Василев, не успев взять с собой жену и сына. За ним гнались; по нему стреляли. Киев был взят 12 марта, в среду на второй неделе поста 1169 года, весь разграблен и сожжен в продолжение двух дней. Не было пощады ни старым, ни малым, ни полу, ни возрасту, ни церквям, ни монастырям. Зажгли даже Печерский монастырь. Вывезли из Киева не только частное имущество, но иконы, ризы и колокола. Такое свирепство становится понятным, когда мы вспомним, как за двенадцать лет перед тем киевляне перебили у себя всех суздальцев после смерти Юрия Долгорукого; конечно, среди суздальцев были люди, мстившие теперь за своих родственников; что же касается черниговцев, то у них уже была давняя вражда к Киеву, возраставшая от долгой вражды между Мономаховичами и Ольговичами.

Андрей достиг своей цели. Древний Киев потерял свое вековое старейшинство. Некогда город богатый, заслуживавший от посещавших его иностранцев название второго Константинополя, он уже и прежде постоянно утрачивал свой блеск от междоусобий, а теперь был ограблен, сожжен, лишен значительного количества жителей, перебитых или отведенных в неволю, поруган и посрамлен от других русских земель, которые как будто мстили ему за прежнее господство над ними. Андрей посадил в нем своего покорного брата Глеба с намерением и впредь сажать в Киеве такого князя, какого ему будет угодно дать.



Захват полна в Волжской Болгарии дружиной Мстислава Андреевича, посланной Андреем Юрьевичем Боголюбским. Миниатюра из Радзивилловской летописи



Князь Георгий (Юрий) Долгорукий. Гравюра 1805 г.

Разделавшись с Киевом, Андрей последовательно хотел поступить так же и с Новгородом. Те же князья, которые ходили с ним на Киев, с теми же ратями, уничтожившими древнюю столицу Русской земли, пошли на север с тем, чтобы приготовить ту же судьбу и Новгороду, какая постигла Киев. «Не будем говорить, – рассуждает суздальский летописец, преданный Андрею и его политике, – что новгородцы правы, что они издавна от прародителей князей наших свободны; а если б и так было, то разве прежние князья велели им преступать крестное целование и ругаться над внуками и правнуками их?» Уже в трех церквах новгородских на трех иконах плакала Пресвятая Богородица: она предвидела беду, собиравшуюся над Новгородом и его землей; она молила Сына своего не предавать новгородцев погибели, как Содом и Гоморру, но помиловать их, как ниневитян. Зимой 1170 года появилась грозная рать под Новгородом – суздальцы, смольняне, рязанцы, муромцы и полочане. В течение трех дней они устраивали острог около Новгорода, а на четвертый начали приступ. Новгородцы бились храбро, но потом стали ослабевать. Враги Новгорода, надеясь на победу, заранее в предположениях делили между собой по жребью новгородские улицы, жен и детей новгородских подобно

тому, как это сделали с киевлянами; но в ночь со вторника на среду второй недели поста – как гласит предание – новгородский архиепископ Иоанн молился перед образом Спаса и услышал глас от иконы: «Иди на Ильину улицу в церковь Спаса, возьми икону Пресвятой Богородицы и вознеси на забрало (платформу) стены, и она спасет Новгород». На другой день Иоанн с новгородцами вознес икону на стену у Загородного конца между Добрыниной и Прусской улицами. Туча стрел посыпалась на него; икона обратилась назад; из глаз ее потекли слезы и упали на фелонь епископа. На суздальцев нашло одурение: они пришли в беспорядок и стали стрелять друг в друга. Так гласит предание. Князь Роман Мстиславич к вечеру 25 февраля с новгородцами победил суздальцев и их союзников. Современный летописец, рассказывая об этом событии, ничего не говорит об иконе, но приписывает победу «силе честного креста, заступлению Богородицы и молитвам владыки». Враги бежали. Новгородцы поймали так много суздальцев, что продавали их за бесценок (по 2 нагаты)¹². Легенда об избавлении Новгорода имела важное значение на будущие времена, поддерживая нравственную силу Новгорода в его борьбе с суздальскими князьями. Впоследствии она приняла даже общее церковное во всей Руси значение: икона, которой приписывали чудотворное избавление Новгорода от рати Андрея, стала под именем Знаменской одной из первоклассных икон Божией Матери, уважаемых всей Русью. Праздник в ее честь был установлен новгородцами 27 ноября и до сих пор соблюдается православной русской церковью.

¹² В гривне 20 нагат. По исчислению Карамзина, 6 нагат приблизительно равняются 50 копейкам. Т. II. Прим. 79.



Князь Андрей Боголюбский. Гравюра 1805 г.

Вскоре, однако, вражда поостыла, и новгородцы поладили с князем Андреем. На следующий же год они невзлюбили Романа Мстиславича и прогнали его от себя. Тогда был неурожай и сделалась дороговизна в Новгороде. Новгородцам нужно было получать хлеб из Суздальской области, и это явилось главной причиной скорого мира с Андреем. С его согласия они взяли себе в князья Рюрика Ростиславича, а в 1172 году, прогнав его от себя, выпросили у Андрея сына Юрия. Новгород все-таки остался в выигрыше в том отношении, что Андрей должен был показывать уважение к правам Новгорода и хотя посылал ему князей, но уже не иначе, как на всей воле новгородской.



Князь Михаил. Гравюра 1805 г.

Несмотря на поражение, нанесенное Киеву, Андрею пришлось еще раз посылать туда войско с целью удержать его в своей власти. Посаженный им князь Глеб умер. С согласия Ростиславичей Киев захватил было их дядя Владимир Дорогобужский, бывший союзник Андрея, но Андрей приказал ему немедленно выехать и объявил, что уступает Киев Роману Ростиславичу, князю кроткого и покорного нрава. «Вы назвали меня своим отцом, – приказал Андрей сказать Ростиславичам, – хочу вам добра и даю Роману, брату вашему, Киев». Через некоторое время Андрей задумал прогнать Романа Ростиславича: был ли он недоволен Ростиславичами, находя, что они зазнаются, или же просто намеревался посадить туда брата, и потому нужно было ему их выгнать, – как бы то ни было, только он придрался к этим князьям, послал к ним своего мечника Михна с требованием выдачи Григория Хотовича и двух других лиц. «Они, – говорил он, – уморили брата моего Глеба; они все нам враги». Ростиславичи, зная, что со стороны Андрея это не более как придирка, не решились выдать людей, которых считали невиновными, и дали им средства спастись. Этого только и нужно было Андрею. Он написал им такие грозные слова: «Если не живете по моей воле, то ты, Рюрик, ступай вон из Киева,

а ты, Давид, ступай из Вышегорода, а ты, Мстислав, из Белгорода; остается вам Смоленск: там себе делитесь как знаете». Роман повиновался и уехал в Смоленск. Андрей отдал Киев брату Михаилу, с которым помирился. Михаил остался пока в Торческе, где находился прежде на княжении, и послал в Киев своего брата Всеволода с племянником Ярополком Ростиславичем. Однако другие Ростиславичи не были так безгласны, как Роман. Они отправили к Андрею посла с объяснениями; но Андрей не дал ответа. Тогда они ночью вошли в Киев, схватили Всеволода и Ярополка, осадили самого Михаила в Торческе, вынудили его отказаться от Киева и довольствоваться Переяславлем, который ему уступили, а сами возвратились в Киев и посадили на киевском столе одного из своей среды – Рюрика Ростиславича. Непостоянный Михаил, которого Андрей прочил в Киев, отступил снова от Андрея и пристал к Ростиславичам, так же как он против Андрея и Ростиславичей уже стоял за Мстислава Изяславича. Андрей, услышав обо всем этом, сильно разгневался, а тут кстати пришло к нему предложение подать помощь против Ростиславичей: черниговский князь Святослав Всеволодич, помышлявший во время сумятицы овладеть Киевом, подстрекал Андрея на Ростиславичей; заодно с ним были и другие князья Ольговичи. Посол, присланный от имени этих князей, говорил Андрею: «Кто тебе враг, тот и нам враг; мы с тобой готовы».

Гордый Андрей призвал своего мечника Михна и сказал: «Поезжай к Ростиславичам, скажи им вот что: вы не поступаете по моей воле; за это ты, Рюрик, ступай в Смоленск к брату в свою отчину, а ты, Давид, ступай в Берлад, не велю тебе быть в Русской земле; а Мстиславу скажи так: ты всему зачинщик, я не велю тебе быть в Русской земле».

Михно передал Ростиславичам поручение своего князя. Всех более не стерпел этой речи Мстислав. «Он, – говорит современник, – от юности своей не привык никого бояться, кроме единого Бога». Мстислав приказал остричь Михну волосы на голове и бороде и сказал: «Ступай к своему князю и передай от нас своему князю вот что: мы тебя до сих пор считали отцом и любили, ты же прислал к нам такие речи, что считаешь меня не князем, а подручником и простым человеком; делай что замыслил. Бог всему судья!»



Князь Всеволод III. Гравюра 1805 г.

Андрей пришел в ярость, когда увидел остриженного Михна и услышал, что сказал Мстислав. Большое ополчение Суздальской земли – ростовцы, суздальцы, владимирцы, переяславцы, белозерцы, муромцы и рязанцы – под главным начальством сына Андрея Юрия и боярина Жидиславича пошло в путь. Андрей, отправляя их, говорил: «Изгоните Рюрика и Давида из моей отчины, а Мстислава возьмите: ничего ему не делайте и привезите ко мне». К ним присоединились новгородцы. Они шли через Смоленскую землю; бедный Роман, видя у себя таких гостей, не мог сопротивляться и должен был по требованию Андрея послать с ними своих смольнян. Вся эта сила вступила в Черниговскую землю, и там соединился с ней Святослав Всеволодич с братьями. С другой стороны Андрей подвинул на Киев силы Полоцкой земли: туровских, пинских и городенских князей, подчиненных Полоцку. Михаил Юрьевич отступил от Ростиславичей и вместе со Всеволодом и двумя племянниками поспешил овладеть Киевом. Ростиславичи не препятствовали ему. Рюрик заперся в Белгороде, Мстислав – в Вышгороде, а Давида послали в Галич просить помощи у Ярослава (Осмомысла). Все ополчение главным образом напирало на Вышгород, чтобы взять Мстислава, как приказал Андрей.

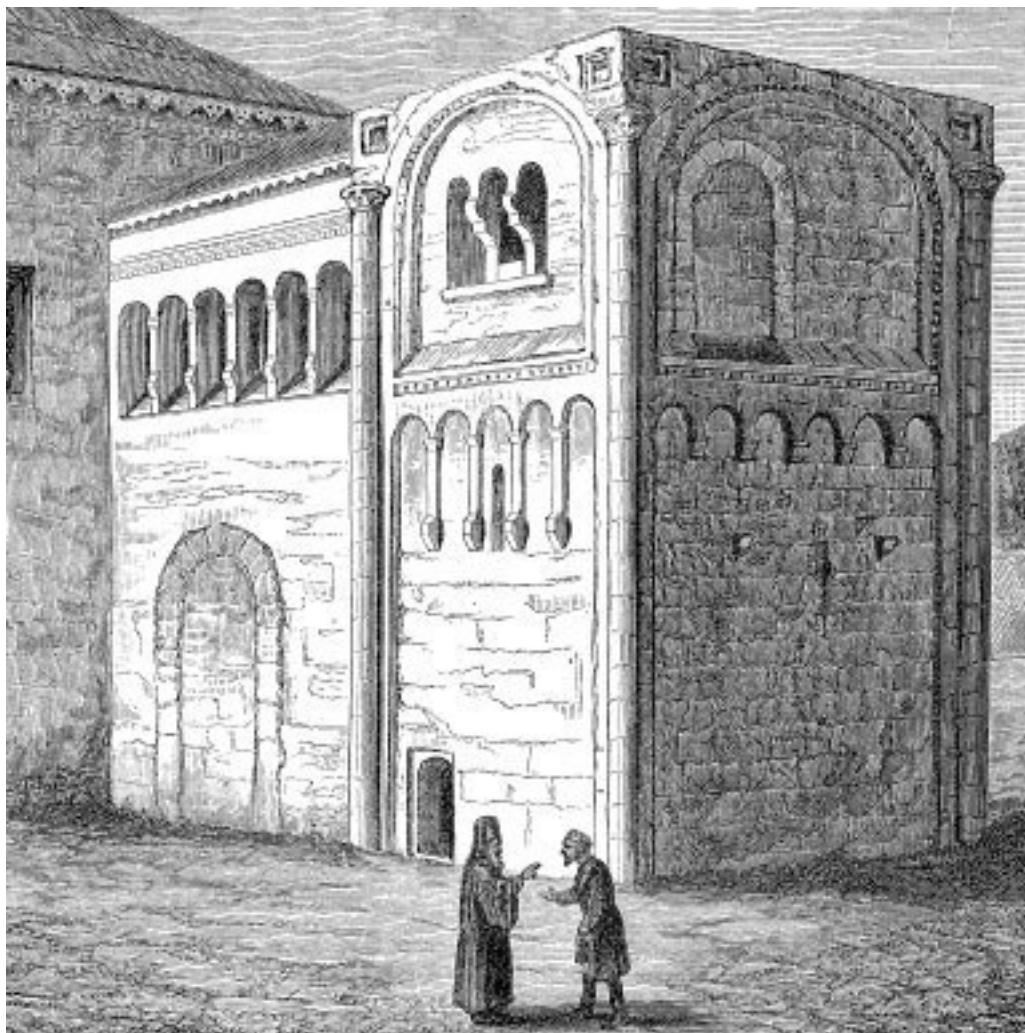
Много было крику, шуму, треску, пыли, мало убитых, но много раненых. 9 недель стояло это ополчение. Двоюродный брат Ростиславичей, Ярослав Изяславич Луцкий, пришедший со всей волынской землей, искал для себя старейшинства и киевского стола, чего добивался также Святослав Всеволодич Черниговский, старейший князь в ополчении. Самого Андрея здесь не было, чтобы решить возникший спор своей могучей волей; а все эти князья, сами того не сознавая, только за тем и явились под Вышгород, чтобы дать возможность Андрею назначить в Киев такого князя, какого ему будет угодно. Ярослав, не поладив со Святославом Всеволодичем, отступился от союзников, передался к Ростиславичам и двинулся к Белгороду, чтобы, соединившись с Рюриком Ростиславичем, ударить на осаждавших. В то же время союзникам угрожало прибытие галичан по призыву Давида на помощь Ростиславичам. Со своей стороны большая часть союзников не имела ни поводов, ни охоты продолжать упорную войну. Смольняне завлечены были совершенно поневоле. Новгородцы, всегда беспокойные и переменчивые, легко охладели к делу, к которому приступили мимоходом; вероятно, также полочане и другие ополчения из белорусских городов не отличались особым рвением, так как для них в то время был совершенно безразличен вопрос, кому будет принадлежать Киев. Все это вместе было причиной того, что как только союзники увидели, что сила их врагов возрастает, то в стане их сделался переполох, и они ночью, перед рассветом, бежали в таком беспорядке, что многие, переправляясь через Днепр, утонули. Мстислав сделал вылазку, погнался за ними, овладел их обозом и захватил пленных. Эта победа над двадцатью князьями и силами стольких земель прославила Мстислава Ростиславича среди своих современников и дала ему прозвание Храброго. «Так-то, – говорит летописец, – князь Андрей какой был умник во всех делах, а погубил смысл свой невоздержанием: распалился гневом, возгордился и напрасно похвалился; а похвалу и гордость дьявол вселяет в сердце человеку».

Киев Ростиславичи уступили Ярославу Луцкому, который, как и следовало ожидать, недолго просидел в нем, и бедная старая столица опять начала переходить из рук в руки. Но судьба ее не зависела уже от воли суздальских князей, как это хотелось Андрею. В следующем году Ростиславичи готовы были помириться с Андреем, если только на киевском престоле сядет брат их Роман. Андрею, конечно, было бы приятнее видеть там покорного себе Романа, чем ненавистную ветвь Изяслава Мстиславича или Ольговичей, родовых врагов Мономахова племени; вероятно, и Ростиславичи имели это в виду, вступив с Андреем в сношения. Но Андрей медлил решительным ответом. «Подождите немного, – сказал он, – пошлю к братьям своим на Русь». Андрей, по-видимому, не решил еще, в чью пользу высказать приговор. Неожиданная насильственная смерть пресекла все его планы.

При всем своем уме, хитрости, изворотливости Андрей не установил ничего прочного в русских землях. Единственным побуждением всей его деятельности было властолюбие; ему хотелось создать около себя такое положение, в котором бы он мог перемещать князей с места на место, как пешки, посылать их с дружинами туда и сюда, по своему произволу принуждать дружить между собой и ссориться и заставить их всех волей-неволей признавать себя старейшим и первенствующим. Для этой цели он довольно ловко пользовался неопределенными и часто бессмысленными отношениями князей, существовавшей рознь между городами и землями, возбуждал и разжигал страсти партий; в этом случае ему оказывали услуги и новгородские внутренние неурядицы, и неурожаи новгородской земли, и давнее отчуждение Полоцкой земли от других русских земель, и родовая неприязнь Ольговичей и Мономаховичей, и неожиданные вспышки вроде ссоры Ростиславичей со Мстиславом Изяславичем, и более всего те дикие противогражданственные свойства еще неустановившегося общества, при которых люди не умеют согласовывать личные цели с общественными, и легко можно расшевелить страсти надеждой на взаимный грабеж; все это, однако, были временные средства и имели временный характер. Кроме желания лично властвовать над князьями у Андрея едва ли был какой-нибудь идеал нового порядка для русских земель. Что же касается его отношений к собственно Суз-

дальско-Ростовской волости, то Андрей смотрел на нее как на особую землю от остальной Руси, которая, однако, должна властвовать над Русью. Таким образом он заботился о благосостоянии своей земли, старался обогатить ее религиозной святыней и в то же время предал на разорение Киев со всем тем, что было там исстари святого для всей Руси. В какой степени оценила его заботы сама Суздальско-Ростовская земля, показывает его смерть.

Властолюбивый князь, изгнав братьев и тех бояр, которые недостаточно ему повиновались, правил в своей земле самовластно, забыв, что он был избран народом, отягощал народ поборами через своих посадников и тиунов и по произволу казнил смертью всякого, кого хотел. Ужасные варварства, сообщаемые летописями об епископе Феодоре, его любимце, достаточно бросают мрачную тень на эпоху княжения Андрея, если бы даже половина из того, что рассказывалось, была правдой. Андрей, как видим, час от часу становился более и более жестоким. Он постоянно жил в селе Боголюбове; там постиг его конец. Был у него любимый слуга Яким Кучкович. Князь приказал казнить его брата. Яким стал говорить своим приятелям: «Сегодня того, другого казнил, а завтра казнит и нас: разделаемся-ка с этим князем!» В пятницу 28 июня 1175 года собрался совет в доме Петра, Кучкова зятя. Было там человек 20, и в их числе – ключник Андрея Амбал, родом ясин (ясы – народ кавказского племени: предполагают, что это кабардинцы), и еврей Ефрем Моизич. Замечательно (как вообще черта подобных людей), что приближенными Андрея были иноземцы: полагая, что свои имеют повод не любить его, он, конечно, надеялся обезопасить себя этим средством – и ошибся. На совете решили убить князя в эту же ночь. Андрей, по известию одной летописи, спал один, заперев дверь, а по другим – близ него находился кощей (мальчик). Заговорщики, отправляясь на свое дело, зашли прежде в медушу (погреб), напились для смелости вина и потом направились к ложнице Андрея.



Сени и переходы палат князя Андрея в Боголюбовом монастыре

«Господине, господине!» – сказал один, толкаясь в дверь.

«Кто там?» – откликнулся Андрей.

«Прокопий», – отвечали ему. Прокопий был верный слуга Андрея.

«Нет, паробче, ты не Прокопий», – ответил, догадавшись, Андрей и бросился искать меч. Был у него меч Св. Бориса, которому он приписывал особую силу, но меча при нем не оказалось: ключник Амбал заранее унес его.

Заговорщики выломали дверь и бросились на Андрея. Князь был силен, начал бороться с ними. Впотьмах убийцы ранили одного из своих, но потом, различив князя, поражали его мечами, саблями и копьями. Думая, что уже покончили с ним, они ушли, но князь, собрав последние силы, выскочил за ними, спустился с лестницы и спрятался под сени. Убийцы услышали его стоны. «Князь сошел с сеней вниз», – закричал один.

«Посмотрим», – сказали другие и бросились назад в ложницу. Андрея там не было.

«Мы погибли, – закричали они, – скорее, скорее ищите его!»

Зажгли поспешно свечи и по следам крови на лестнице нашли князя: он сидел, прижавшись за лестничным столбом, и молился.

Петр Кучкович отсек ему руку. Андрей успел проговорить: «Господи, в руки твои передаю дух мой!» – и окончил жизнь.

Уже рассветало. Убийцы нашли Прокопия, княжеского любимца, и убили его. Оттуда опять взошли они на сени, набрали золота, драгоценных камней, жемчуга, разного имущества и отправили, возложив на приготовленных их соумышленниками коней, а сами, надев на себя

княжеское вооружение, собрали своих: «Что, – говорили они, – если на нас приедет дружина владимирская?» – «Пошлем во Владимир», – решили злоумышленники.

Они послали к владимирцам, извещали о случившемся и велели сказать: «Если кто из вас что-нибудь помыслит на нас, то мы с теми покончим. Не у вас одних была дума; и ваши есть в одной думе с нами».

Владимирцы отвечали: «Кто с вами в думе, тот с вами пусть и будет, а наше дело сторона».

Весь дом Андрея был разграблен. Так поступали соответственно тогдашним обычаям и понятиям. Все имущество казненного общей волей отдавалось на «поток и разграбление». Обнаженное тело князя выбросили в огород.

Был среди слуг Андрея один киевлянин – Кузьмище. Узнав, что князя убили, он ходил и спрашивал то того, то другого: «Где мой господин?»

Ему отвечали: «Вон там в огороде лежит, да не смей его трогать. Это тебе все говорят; хотим его бросить собакам. А кто приберет его, тот наш враг и того убьем».

Но Кузьмище не испугался угроз, нашел тело князя и начал голосить над ним. К нему шел Амбал.

«Амбал, враг, – закричал, завидев его, Кузьмище, – сбрось ковер или что-нибудь постлать и прикрыть нашего господина!»

«Прочь, – сказал Амбал, – мы его выбросим псам».

«Ах ты еретик, – воскликнул Кузьмище, – как псам выбросить? А помнишь ли, жид, в каком платье ты пришел сюда? Ты весь в бархате стоишь, а князь лежит голый! Сделай же милость, брось что-нибудь».

Амбал бросил ему ковер и корзно (верхний плащ). Кузьмище обернул ими тело убитого и пошел в церковь.

«Отоприте божницу!» – сказал Кузьмище людям, которых там встретил. Эти люди были уже на радости пьяны. Они отвечали: «Брось его тут в притворе. Вот нашел еще себе печаль с ним!»

Кузьмище положил тело в притворе, покрыв его корзном, и причитал над ним так: «Уже, господине, тебя твои паробки не знают, а прежде, бывало, гость придет из Царьграда или из иных сторон Русской земли, а то хоть и латинин, христианин ли, поганый, ты, бывало, скажешь: поведите его в церковь и на полаты, пусть видят все истинное христианство и крестятся; и болгары, и жида, и всякая погань – все, видевшие славу Божию и церковное украшение, плачут о тебе; а эти не велят тебя в церкви положить».

Тело Андрея лежало два дня и две ночи в притворе. Духовенство не решалось отпереть церковь и совершать над ним панихиды. На третий день пришел игумен монастыря Козьмы и Дамиана, обратился к боголюбским клирошанам и говорил: «Долго ли нам смотреть на старейших игуменов? Долго ли этому князю так лежать? Отомкните божницу, я отпою его; вложим его в гроб, пусть лежит здесь, пока злоба перестанет: тогда приедут из Владимира и понесут его туда».

По его совету отперли церковь, положили тело в каменный гроб, пропели над ним панихиду. Этому, видимо, никто уже не мешал.

Между тем оказалось, что убийцы совершили поступок, угодный очень многим. Правление Андрея было ненавидимо. Народ, услышав, что его убили, бросился не на убийц, а напротив, стал продолжать начатое ими. Боголюбцы разграбили весь княжий дом, в котором накоплено было золота, серебра, дорогих одежд, перебили его детских и мечников (посыльных и стражу), досталось и мастерам, которых собирал Андрей, заказывая им работу.

Грабеж происходил и во Владимире, но там один из духовных по имени Микулица (быть может, тот самый поп Никола, который помог в 1155 году Андрею похитить в Вышгороде икону Богородицы) в ризах прошел по городу с чудотворной иконой; это произвело такое впечатле-

ние, что волнение улеглось. Весть об убиении Андрея скоро разошлась по земле: везде народ волновался, нападал на княжеских посадников и тиунов, которые всем омерзели способами своего управления; их дома ограбили, а иных и убили.

Не ранее как через шесть дней после смерти князя владимирцы, как бы опомнившись, решили привезти тело убитого. 5 июля они отправили игумена Богородицкого монастыря Феодула с деместником (уставщиком) Лукой и с носильщиками за телом в Боголюбово, а Микулице сказали: «Собери всех попов, облачитесь в ризы, станьте с образом Богородицы перед Серебряными воротами и ждите князя!» Серебряными воротами назывались те ворота города, которые выходили на дорогу в Боголюбово; с противоположной стороны были Золотые ворота.

Народная толпа вышла из города. Когда похоронное шествие стало приближаться, показалось княжеское знамя, послышалось погребальное пение, тогда злоба уступила место печали; вспомнили, что за умершим были не одни дурные дела, но были и добрые, вспомнили его усердие к храмам и оплакивали князя.

Его погребли в церкви Св. Богородицы. Несомненно, что ненависть к Андрею не была уделом одной незначительной партии, а разделялась и народом. Иначе нельзя объяснить того обстоятельства, что тело князя оставалось непогребенным целую неделю, и народ, услышав о насильственной смерти своего князя, обратился не на убийц его, а на его доверенных и слуг. Но, с другой стороны, если поступки этого князя, руководимого безмерным властолюбием, вызывали злобу у народа, то все-таки его деятельность в своем основании согласовывалась с духом и характером той земли, правителем которой он был. Это всего яснее можно увидеть из последующих событий и всей истории Ростовско-Суздальского края до самого татарского нашествия.



Отсечение руки и убийство Андрея Юрьевича Боголюбского заговорщиками-боярами при активном участии злокозненной жены князя. Миниатюра из Радзивилловской летописи



Отпевание и погребение убитого Андрея Юрьевича Боголюбского. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Ростовцы и суздальцы, в особенности первые, были недовольны Андреем за предпочтение, оказываемое городу Владимиру, и чувство досады тотчас прорвалось после смерти Андрея. Первые пригласили племянников Андрея, Ростиславичей, которые, не смея явиться во владения дяди, проживали в Рязанской земле; а владимирцы пригласили брата Андрея Михаила, проживавшего в Чернигове. Дошло было дело до междоусобия; ростовцы взяли верх, принудили владимирцев принять одного из Ростиславичей, Ярополка, и отзывались о Владимирцах так: «Они наши холопы и каменщики: мы их город сождем или посадника в нем от себя посадим». Но посаженные князья Ростиславичи, угождая одним ростовцам, вооружили против себя несправедливыми поборами и владимирцев, и всю землю. «Мы вольных князей принимаем к себе», – говорили владимирцы. По этой причине, когда владимирцы прогнали от себя Ярополка Ростиславича и снова пригласили к себе Михаила, то вся земля была на стороне города Владимира. Михаил вскоре умер, и владимирцы на вече выбрали меньшого сына Юрия Долгорукого Всеволода (крестное имя его было Димитрий). Ростовцы попытались подняться против него с Ростиславичами, но неудачно. За Ростиславичей пошел против Всеволода рязанский князь Глеб, однако был разбит наголову и взят в плен вместе с Ростиславичами и ростовскими боярами, которые их поддерживали. Глеб умер в тюрьме. Озлобление владимирцев против Ростиславичей было так велико, что они покусились было ослепить их против воли Всеволода. Причина этого озлобления объясняется тем, что Ростиславичи вместе с рязанцами навели на землю половцев. С тех пор волнения надолго утихают в Ростовско-Суздальской земле. По всему видно, что и в Ростове партия, ненавидевшая город Владимир, искавшая власти и первенства над всей землей, состояла главным образом из бояр, которые не могли приобрести любви всего народа и увлечь его за собой. В самом Ростове жители вязали бояр и отдавали их Всеволоду. После того как с поражением рязанцев рассеяна была партия ростовских бояр, враждебная Всеволоду, Ростов оставался спокоен. Всеволод княжил долго (до 1212 года) и во многом продолжал политику Андрея, хотя поступал с гораздо большей умеренностью и мягкостью. В Ростовско-Суздальской земле Всеволод был вообще любим народом. По отношению к Новгороду он пользовался всеми обстоятельствами, чтобы поддерживать свое

первенство и влияние над ним. Но он уступал новгородцам в случае крайнего упорства с их стороны и всегда показывал, что уважает новгородскую волю. Замечательно при этом, что Всеволод в делах с Новгородом должен был прибегать к крутым мерам не по личному побуждению, а по желанию дружины. Таким образом, когда он, не поладив с новгородцами, осадил Торжок и уже готов был отступить и помириться, дружина кричала: «Князь, мы не целоваться с ними пришли», – и Торжок был взят и сожжен. По многим признакам видно, что мысль о подчинении Новгорода была мыслью всей Ростовско-Суздальской земли, а не одних ее князей, и оттого-то впоследствии новгородцы с таким озлоблением воевали не с одними князьями, а вообще с суздальцами, и ненавидели их даже тогда, когда ладили с их князьями. С другой стороны, Всеволод поддерживал первенство над рязанскими князьями, а в 1208 году, воспользовавшись неурядицами в Рязанской земле, посадил там своего сына Ярослава. Но так как вместе с этим князем наводнили Рязанскую землю суздальцы и взяли в свои руки все управление, то рязанцы, которые сами прежде выдали Всеволоду своих князей и добровольно выбрали Ярослава, вышли из терпения, поднялись всей землей, заковали суздальцев и посадили в погреба, где многие задохнулись. Поэтому Всеволод не в состоянии был удержать Рязанской земли за собой.

Князь Всеволод пользовался уважением и в Южной Руси, мирил между собой ссорившихся южнорусских князей, и даже в отдаленном Галиче один князь отдавался ему под покровительство. После смерти Всеволода произошло короткое междоусобие, вызванное главным образом новгородцами. Однако в 1219 году, после смерти старшего сына Всеволода Константина, был посажен во Владимире на княжение второй его сын, Юрий, и Ростовско-Суздальская земля до самого татарского нашествия избавилась от княжеских междоусобий. Достоинно замечания, что в этой земле княжило сразу несколько князей, братьев и племянников Юрия, но все они действовали заодно. Все они управляли в согласии с народом, и самая власть их зависела от народа. Таким образом, когда Всеволод распределил уделы между своими сыновьями и Ярославу отдал Переяславль-Залесский, то Ярослав, приехав в этот город и созвав народ в соборной церкви Св. Спаса, сказал: «Братья переяславцы! Отец мой отошел к Богу, вас отдал мне, а меня отдал вам на руки. Скажите, братья, желаете ли иметь меня своим князем?» Переяславцы отвечали: «Очень хотим, пусть так будет. Ты наш господин». И все целовали ему крест.

Это был период благосостояния Восточной Руси. Земля населялась; строились церкви и монастыри; искусство поднялось до такой степени, что русские не нуждались более в иностранных мастерах: у них были свои зодчие и иконописцы. Вместе с тем распространялось там и книжное просвещение. Ростовский владыка Кирилл составил книгохранилище; под его руководством переводились с греческого языка и переписывались разные сочинения, принадлежащие духовной литературе. Несколько рукописей, уцелевших от той эпохи, показывают, что искусство переписывания доходило до значительного изящества. Княжна черниговская Евфросинья, дочь Михаила Всеволодича, завела в Суздале училище для девиц, где учила грамоте, письму и церковному пению. Правда, книжная образованность была односторонняя и вела к монастырской жизни, а потому вращалась только в избранном кругу духовных, мало проникала в народную массу, не обнимала жизненных потребностей, но при всем том нельзя не заметить, что Ростовско-Суздальская земля и с этими бедными начатками просвещения стояла тогда выше южных земель, где прежде появившиеся зачатки всякой умелости погибали от внутренних неурядиц и половецких разорений. Время Юрия было также периодом значительного расширения Руси на северо-востоке. На месте соединения рек Сухони и Юга построен был город Устюг, вскоре получивший важное торговое значение. Камские болгары были завладел им, но Юрий разбил их, заставил заключить мир, отпустить всех пленников, дать заложников и утвердить мир клятвой. С другой стороны русские двигались по Волге, вошли в землю Мордовскую и при слиянии Оки с Волгой основали Нижний Новгород. Управляемая многими

князьками, Мордва не в силах была устоять против натиска русского племени; тогда как одни мордовские князьки искали помощи болгар против русских, другие, захваченные врасплох, отдавались русским князьям в подручники и назывались «ротниками» (потому что произносили «роту», то есть присягу). Так, в 1228 году князья двух мордовских племен, Мокши и Эрзи, Пуреша и Пургас отчаянно воевали между собой. Пуреша стал ротником князя Юрия и просил у него помощи против своего соперника, а Пургас приглашал к себе на помощь против Пуреша болгарского князя, но болгарский князь не успел ничего сделать, а русские вошли в землю Пургаса Эрзю (называемая в летописи Русь Пургасова), опустошили ее и загнали Мордву в неприступные дремучие леса. В 1230 году Пургас покушался на Нижний Новгород, но был отбит, а сын Пуреша напал на него с половцами и вконец опустошил его волость. Эти события сильно способствовали русской колонизации на востоке. Инородцы покидали свои прежние жилища, бежали на юг или удалялись за Волгу, а остатки их, удерживаясь в прежней земле, принимали крещение и вскоре превращались в русских. Восточнорусская народная стихия, расширяясь далее на восток, вместе с тем принимала в себя иноплеменную кровь и таким образом, сохраняя основание славянской народности, становилась все более и более смешанной с другими. Так развивался и устанавливался тип великорусского народа.

Князь Александр Невский

Тринадцатый век был периодом самого ужасного потрясения для Руси. С востока на нее нахлынули монголы с бесчисленными полчищами покоренных татарских племен, разорили, обезлюднили большую часть Руси и поработили остаток народонаселения; с северо-запада угрожало ей немецкое племя под знаменем западного католичества. Задачей политического деятеля того времени было поставить Русь по возможности в такие отношения к разным врагам, при которых она могла удержать свое существование. Человек, который принял на себя эту задачу и положил твердое основание на будущие времена дальнейшему исполнению этой задачи, по справедливости может назваться истинным представителем своего века.

Таким является в русской истории князь Александр Ярославич Невский.

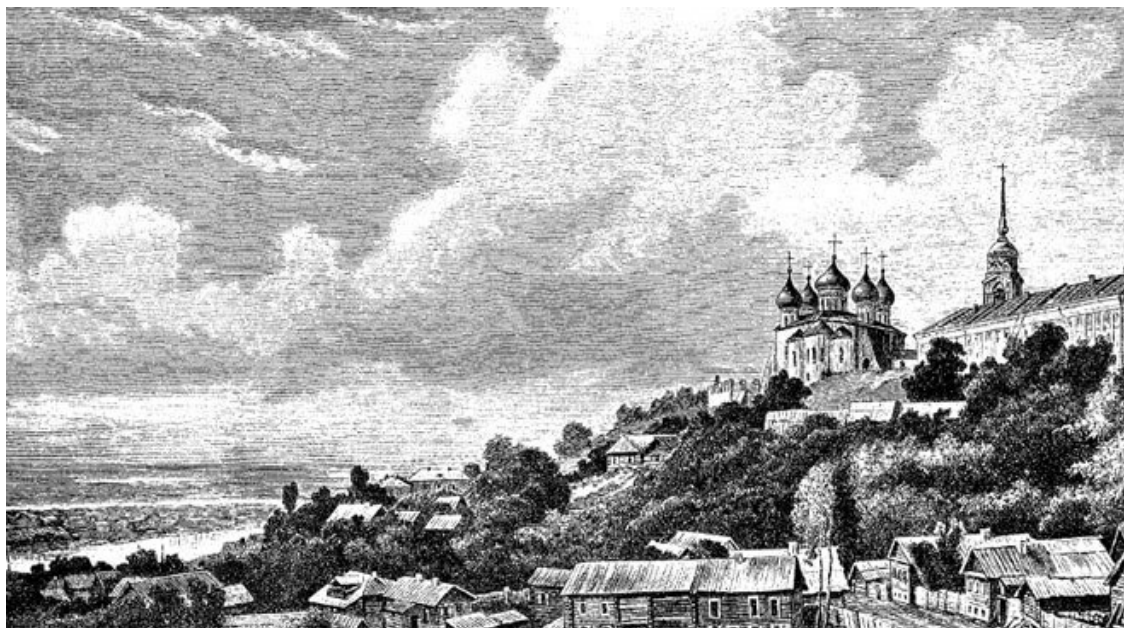
Его отрочество и юность большей частью протекали в Новгороде. Отец Александра Ярослав всю жизнь то ссорился с новгородцами, то опять ладил с ними. Несколько раз новгородцы прогоняли его за крутой нрав и насилие и несколько раз приглашали снова, как бы не в состоянии обойтись без него. Князь Александр уже в молодости подвергался тому же вместе с отцом. В 1228 году, оставленный со своим братом Федором и с двумя княжескими мужами в Новгороде, он должен был бежать, не выдержав поднявшегося в то время междоусобия – явления обычного в вольном Новгороде. В 1230 году юноша снова вернулся в Новгород с отцом и с тех пор, как кажется, долго не покидал Новгорода. С 1236 года начинается его самостоятельная деятельность. Ярослав уехал в Киев, а Александра посадил князем в Великом Новгороде. Через два года (1238) Новгород праздновал свадьбу своего молодого князя: он женился на Александре, дочери Брячислава Полоцкого, как кажется, последнего из Рогволодичей, вскоре замененных в Полоцке литовскими князьками. Венчание происходило в Торопце. Князь отпраздновал два свадебных пира, называемых тогда «кашею», – один в Торопце, другой в Новгороде, как бы для того, чтобы сделать новгородцев участниками своего семейного торжества. Молодой князь был высок ростом, красив собой, а голос его, по выражению современника, «гремел перед народом как труба». Вскоре важный подвиг предстоял ему.



Великий князь Александр Ярославич Невский. Титулярник 1672 г.

Вражда немецкого племени со славянским принадлежит к таким всемирным историческим явлениям, начало которых недоступно исследованию, потому что скрывается во мраке доисторических времен. При всей скудости наших сведений мы не раз видим в отдаленной древности признаки давления немецкого племени над славянским. Уже с IX века в истории открывается непрерывное многовековое преследование славянских племен; немцы поработали их, теснили к востоку и сами двигались за ними, поработая их снова. Просторный Прибалтийский край, некогда населенный многочисленными славянскими племенами, подпал насильственному немецкому игу для того, чтобы потерять до последних следов свою народность. За прибалтийскими славянами к востоку жили литовские и чудские племена, отделяв-

шие первых от их русских соплеменников. К этим племенам в конце XII и начале XIII века проникли немцы в образе воинственной общины под знаменем религии, и, таким образом, стремление немцев к порабощению чужих племен соединилось с распространением христианской веры среди язычников и с подчинением их папскому престолу. Эта воинственная община была рыцарским орденом крестоносцев, разделившимся на две ветви: орден Тевтонский, или Св. Марии, и позднее его основанный (в 1202 году) орден Меченосцев, предназначенный для поселения в чудских и леттских краях, соседних с Русью. Оба эти ордена впоследствии соединились для совместных действий.



Вид на Успенский собор во Владимире со стороны Клязьмы. Гравюра XIX в.

Полоцкий князь Владимир по своей простоте и недалёковидности сам уступил пришельцам Ливонию (нынешние прибалтийские губернии) и этим поступком навел на Северную Русь продолжительную борьбу с исконными врагами славянского племени.

Властолюбивые замыслы немцев после уступки им Ливонии обратились на Северную Русь. Возникает предположение, что призыванием ливонских крестоносцев было не только крестить язычников, но и обратить к истинной вере русских. Русские представлялись на Западе врагами Св. отца и римско-католической церкви, даже самого христианства.

Борьба Новгорода с немцами была неизбежной. Новгородцы еще прежде владели значительным пространством земель, населенных чудью, и постоянно, двигаясь на запад, стремились к подчинению чудских племен. Вместе с тем они распространяли среди последних православие более мирным, хотя и более медленным путем, чем западные рыцари. Как только немцы утвердились в Ливонии, тотчас начались нескончаемые и непрерывные столкновения и войны с Новгородом; и так продолжалось до самой войны Александра. Новгородцы подавали помощь язычникам, не желавшим креститься от немцев, и потому-то в глазах западного христианства сами представлялись поборниками язычников и врагами Христовой веры. Такие же столкновения происходили у новгородцев с католической Швецией по поводу Финляндии, куда с одной стороны проникали новгородцы с православным крещением, а с другой – шведы с западным католичеством; спор между обеими сторонами был также и за земное обладание Финляндской страной.

Папа, покровительствуя ордену, побуждал как немцев, так и шведов к такому покорению Северной Руси, каким уже было покорение Ливонии и Финляндии. В завоеванной Ливонии

немцы насильно обращали в христианство язычников, точно так же приневоливали принимать католичество крещенных в православную веру туземцев; этого мало: они насильствовали совесть и тех коренных русских поселенцев, отцы которых еще прежде прибытия рыцарей водворились в Ливонии.

Силы ордена Меченосцев увеличились от соединения с Тевтонским орденом. Между тем рыцари по решению папы должны были уступить датчанам часть Ливонии (Гаррию и Вирландию), а папа предоставил им право вознаградить себя за это покорением русских земель. Вследствие этого по призыву дерптского епископа Германа рыцари и с ними толпа немецких охотников бросились на Псков. Один из русских князей, Ярослав Владимирович, вел врагов на своих соотечественников. В 1240 году немцы овладели Псковом: среди псковитян нашлись изменники; один из них, Твердила Иванкович, стал управлять городом от немецкой руки.



Древний собор Святой Софии в Новгороде



Немецкие рыцари

Между тем на Новгород ополчились шведы. Папская булла поручала шведам начать поход на Новгород, на мятежников, непокорных власти наместника Христова, на союзников язычества и врагов христианства. В Швеции вместо больного короля управлял тогда его зять Биргер. Этот правитель сам взял начальство над священным ополчением против русских. В войске его были шведы, норвежцы, финны и много духовных особ с их вассалами. Биргер прислал в Новгород князю Александру надменное и грозное объявление войны: «Если можешь, сопротивляйся, знай, что я уже здесь и пленю землю твою». У новгородцев война также приняла религиозный характер. Дело шло о защите православия, на которое посягали враги, побуждаемые благословением папы. Александр Ярославич помолился у Св. Софии и выступил с новгородской ратью к устью Волхова. К нему пристали ладожане, подручники Великого Нов-

города. Шведы вошли в Неву и бросили якорь в устье Ижоры. Вероятно, это был отдых: они намеревались плыть через озеро и незамеченными достичь Ладоги; прежде всего следовало взять этот новгородский пригород, а потом вступить в Волхов и идти на Великий Новгород. В Новгороде уже знали о них. Александр не медлил и, опередив их, приблизился к Ижоре в воскресенье 15 июля (1240). Шведы не ждали неприятеля и расположились спокойно; их шнеки стояли у берега; раскинуты были на побережье их шатры. Часов в одиннадцать утра новгородцы внезапно появились перед шведским лагерем, бросились на врагов и начали рубить их топорами и мечами, прежде чем те успевали брать оружие. Немало было молодцов, которые отличились здесь своей богатырской удачью: один из них, новгородец Савва, бросился на шатер Биргера, что красовался посреди лагеря своим золотым верхом. Савва подсек столб у шатра. Новгородцы очень обрадовались, когда увидели, как упал этот шатер златоверхий. Сам Александр нагнал Биргера и ударил его острым копьём по лицу. «Возложил ему печать на лицо», – говорит повествователь. У шведов было много убитых и раненых. Похоронили они наскоро часть убитых на месте, свалили остальных на свои шнеки, чтобы похоронить в отечестве, и в ночь до света все уплыли вниз по Неве в море¹³.

Велико было торжество новгородцев. Но вскоре не поладил с ними Александр и ушел в Переяславль.

А тем временем на Новгород шли другие такие же враги. Немцы, завоевав Псков, заранее считали уже своим приобретенным достоянием Водь, Ижору, берега Невы, Карелию (края нынешней Петербургской и отчасти Олонецкой губерний); они отдавали эти страны католичеству, и папа присудил их церковному ведомству эзельского епископа. 13 апреля 1241 года эзельский епископ Генрих заключил с рыцарями договор: себе брал десятину от десятины со всех произведений, а им отдавал все прочее, рыбные ловли, управления и все вообще мирские доходы с будущих владений.

¹³ У новгородцев был обычай ставить стражу при впадении Невы в море. Начальство над этой стражей было тогда поручено какому-то крещеному вожанину (принадлежавшему к Води, народу чудского или финского племени, населявшему нынешнюю Петербургскую губернию) Пельгусию, получившему в крещении имя Филиппа. Пельгусий был очень благочестив и богоугоден, соблюдал посты и потому сделался способным видеть видения. Когда шведы явились, он пошел к Александру известить об их прибытии и рассказал ему, как расположились шведы. «Мне было видение, – сказал он, – когда я еще стоял на краю моря; только что стало восходить солнце, услышал я шум страшный по морю и увидел один насад; посреди насада стояли Святые братья Борис и Глеб; одежда на них была вся красная, а руки держали они на плечах; на краю их ладьи сидели гребцы и работали веслами, их одевала мгла, и нельзя было различить лика их, но я услышал, как сказал Борис мученик брату своему Святому Глебу: “Брате Глебе! Вели грести, да поможем мы сроднику своему, великому князю Александру Ярославичу!” И я слышал глас Бориса и Глеба; и мне стало страшно, так что я трепетал; и насад отошел из глаз у меня». – «Не говори же этого никому другому», – сказал ему Александр. Такое благочестивое предание осталось об этом событии.



Немецкие рыцари

Немцы и покоренные ими латыши и эсты бросились на новгородские земли, предавали их опустошению, взяли пригород Лугу, Тесово, построили укрепление в погосте Копорье. Вожане поневоле приставали к ним; те, которые не хотели, – разбежались в леса и умирали с голода. Неприятельские шайки металась в разные стороны, приближались на расстояние тридцати верст к Новгороду и убивали новгородских гостей, ездивших за товарами. В таких обстоятельствах новгородцы послали к Ярославу просить князя. Ярослав прислал им сына Андрея. Немцы причиняли им все более и более зла: у поселян по Луге отобрали всех коней и скот, и не на чем было пахать поселянам. Новгородцы рассудили, что один Александр может их выручить, и отправили к нему владыку Спиридона. Дело касалось не одного Новгорода, а всей Руси, – Александр не противился.

Немедленно отправился он с новгородцами очищать Новгородскую землю от врагов, разогнал их отряды, взял Копорье, милостиво обращаясь с пленниками, перевешал, однако, изменников Новгороду из числа вожан и чуди. Затем он достиг Пскова, освободил его от немцев, отправил в оковах в Новгород двух немецких наместников Пскова.

Оставаясь во Пскове, Александр ждал против себя новой неприятельской силы и вскоре услышал, что она идет на него. В первых числах апреля 1242 года Александр двинулся навстречу врагам, и у скалы, называемой Вороний Камень на Узмени, произошла другая битва, знаменитая не менее Невской, известная в истории под названием «Ледовое побоище». Враги встретились в субботу 5 апреля при солнечном восходе. Увидев приближавшихся врагов, Александр поднял руки вверх и громко сказал: «Рассуди, Боже, спор мой с этим высокомерным народом!» Битва была упорной и жестокой. С треском ломались копья. Лед побагровел от крови и местами начал трескаться. Многие утонули. Потерявшие строй немцы бежали: русские с торжеством гнали за ними семь верст до Суболичского берега.



Г.И. Угрюмов. Торжественный въезд Александра Невского в город Псков после одержанной им победы над немцами

С торжеством возвращался Александр в освобожденный Псков. Близ его коня вели знатных рыцарей, за ним гнали толпу простых пленных. Навстречу ему вышло духовенство. Народ приветствовал победителя радостными кликами.

Эти две победы имеют важное значение в русской истории. Правда, проявления вражды немцев с русскими не прекращались и после того, в особенности для Пскова, который не раз вступал с орденом в кровавые столкновения, но уже мысль о покорении северных русских земель, о порабощении их наравне с Ливонией, которое подвергло бы их участи прибалтийских славян, навсегда оставила немцев. Сами папы вместо грозных булл, призывавших к крестовым походам на русских наравне с язычниками, избрали другой путь в надежде подчинить себе Русь – путь посольств и убеждений, оказавшийся, как известно, настолько же бесплодным, как и прежние воинственные буллы.

Таким образом, папа Иннокентий IV прислал к Александру в 1251 году (булла написана в 1248 году) кардиналов Гальда и Гемонта. Папа уверял Александра, будто отец Алек-

сандра изъявлял обещание монаху Платону Карпини подчиниться римскому престолу, но смерть не допустила его до исполнения этого намерения. Папа убеждал Александра идти по следам отца, представлял выгоды, какие русский князь и Русь получают от этого подчинения, и обещал против татар помощь тех самых рыцарей, от которых недавно Александр освобождал русские земли. В летописях есть ответ Александра папе, явно сочиненный впоследствии, но не подлежит сомнению, что Александр не поддавался увещаниям и отказал наотрез. Посольство это повлекло за собой в последующей русской истории множество подобных посольств, столь же бесполезных.

Александр мог оружием переведаться с западными врагами и остановить их покушения овладеть Северной Русью; но не мог он с теми же средствами действовать против восточных врагов. Западные враги только намеревались покорить Северную Русь, а восточные уже успели покорить прочие русские земли, опустошить и обезлюдить их. При малочисленности, нищете и разрозненности остатков тогдашнего русского населения в восточных землях нельзя было и думать о том, чтобы выбиться оружием из-под власти монголов. Надо было выбирать другие пути. Руси предстояла другая историческая дорога, для русских политических людей – другие идеалы. Оставалось отдаться на великодушные победителей, кланяться им, признать себя их рабами и тем самым как для себя, так и для своих потомков усвоить рабские черты. Это было тем легче, что монголы, безжалостно истреблявшие все, что им сопротивлялось, были довольно великодушны и снисходительны к покорным. Александр как передовой человек своего века понял этот путь и вступил на него. Еще его отец Ярослав отправился в Орду, однако не вернулся оттуда. Путешествие Ярослава не могло служить образцом, потому что оно не было успешным: говорили даже, что его отравили в Орде. Александр совершил свое путешествие с таким успехом, что оно послужило образцом и примером для поведения русских князей.

Наши летописцы говорят, что Батый сам приказал Александру в качестве князя новгородского явиться к себе и сделал это в таких выражениях: «Мне покорил Бог многие народы: ты ли один не хочешь покориться державе моей? Но если хочешь сохранить за собой землю свою, приходи ко мне: увидишь честь и славу царства моего». Александр приехал в Волжскую Орду вместе с братом Андреем в 1247 году. В то время, после смерти Ярослава, достоинство старейшего князя оставалось незанятым и от воли победителей зависело, кто его получит.

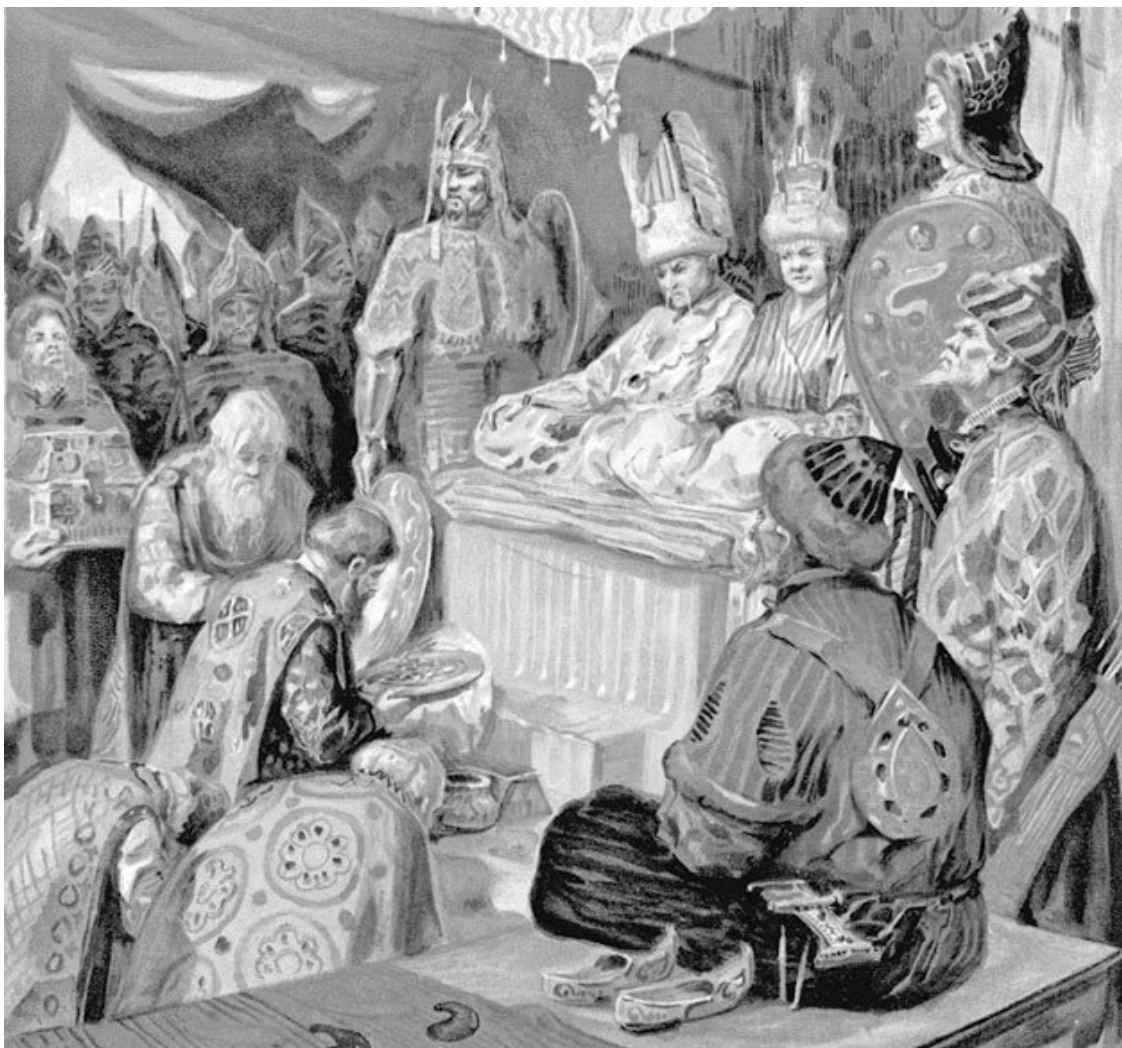


Невская битва 1240 года

Монголы жили тогда еще совершенно кочевой жизнью, хотя и окружали себя роскошью цивилизации тех стран, которые они покорили и опустошили. Еще постоянных городов у них на Волге не было; зато имелись, так сказать, подвижные огромные города, состоявшие из киби-ток, перевозимых на телегах с места на место и разбиваемых по прихоти властелина. Где пожелает хан, там устраивался и существовал более или менее долгое время многолюдный кочевой город. Появлялись ремесла и торговля; потом – по приказанию хана – все укладывалось, и огромный обоз в несколько сот и тысяч телег, запряженных волами и лошадьми, со стадами овец, скота, с табунами лошадей, двигался для того, чтобы через несколько дней пути опять расположиться станом. В такой стан прибыли наши князья. По обычаю их заставили пройти между двумя огнями для очищения от зловредных чар, которые могли пристать к хану. Выдержав это очищение, они допускались к хану, перед которым должны были появиться с обычными земными поклонами. Хан принимал завоеванных подручников в разрисованной войлочной палатке, на вызолоченном возвышении, похожем на постель, с одной из своих жен, окруженный своими братьями, сыновьями и сановниками; по его правую руку сидели мужчины, по левую – женщины. Батый принял наших князей ласково и сразу понял, что Александр, о котором уже он много слышал, выделяется по уму своему из ряда прочих русских князей.



С.В. Иванов. Сбор дани баскаками



В. Курдюмов. Александр Невский в Орде

По воле Батыея Ярославичи должны были отправиться в Большую Орду к великому хану. Путь нашим князьям лежал через необозримые степные пространства Средней Азии. Ханские чиновники сопровождали их и доставляли переменных лошадей. Ярославичи видели разоренные города и остатки цивилизации народов, поработанных варварами. До монгольского погрома многие из этих стран находились в цветущем состоянии, а после него оказались в развалинах и покрытыми горами костей. Поработанные остатки народонаселения должны были служить завоевателям. Везде была крайняя нищета, и нашим князьям не раз приходилось переносить голод; немало терпели они там от холода и жажды. Только немногие города, в том числе Ташкент, уцелели. У самого великого хана столицей являлся Кара-Корум, город многолюдный, обнесенный глиняной стеной с четырьмя воротами. В нем имелись большие здания для ханских чиновников и храмы разных вероисповеданий. Тут толпились пришельцы всевозможных наций, покоренных монголами; были и европейцы: французы и немцы, прибывавшие сюда с европейским знанием ремесел и художеств, – самая пестрая смесь племен и языков. За городом находился обширный и богатый ханский дворец, где хан зимой и летом на торжественные празднества являлся как божество, сидя с одной из своих жен на возвышении, украшенном массой золота и серебра. Но оседлое житье в одном месте было не во вкусе монголов. Посещая только временами столицу, великий хан, как и волжские ханы, проводил жизнь, переезжая с места на место с огромным обозом: там, где ему нравилось, располагались станом, раскидывали бесчисленные палатки, и одна из них, обитая внутри листовым золотом и

украшенная драгоценностями, отнятыми у побежденных народов, служила местопребыванием властелина. Возникал многолюдный город и исчезал, появляясь снова в ином месте. Все носило вид крайнего варварства, смешанного с нелепой пышностью. Безобразные и нечистоплотные монголы, считавшие опрятность даже пороком, питавшиеся такой грязной пищей, одно описание которой вызывает омерзение, безвкусно украшали себя несметными богатствами и считали себя по воле Бога обладателями всей вселенной.

Нам неизвестно, где именно Ярославичи поклонились великому хану, но они были приняты ласково и возвратились благополучно домой. Андрей получил княжение во Владимире, Александру дали Киев; по-видимому, в этом было предпочтение Александру, так как Киев был старше Владимира, но Киевская земля была в те времена до такой степени опустошена и малолюдна, что Александр мог быть только по имени великим князем. Вероятно, монголы сообразили, что Александр, будучи умнее других, мог быть для них опасен, и потому, не испытывая его верности, не решились дать ему тогда Владимир, с которым соединилось действительное старейшинство над покоренными русскими землями.

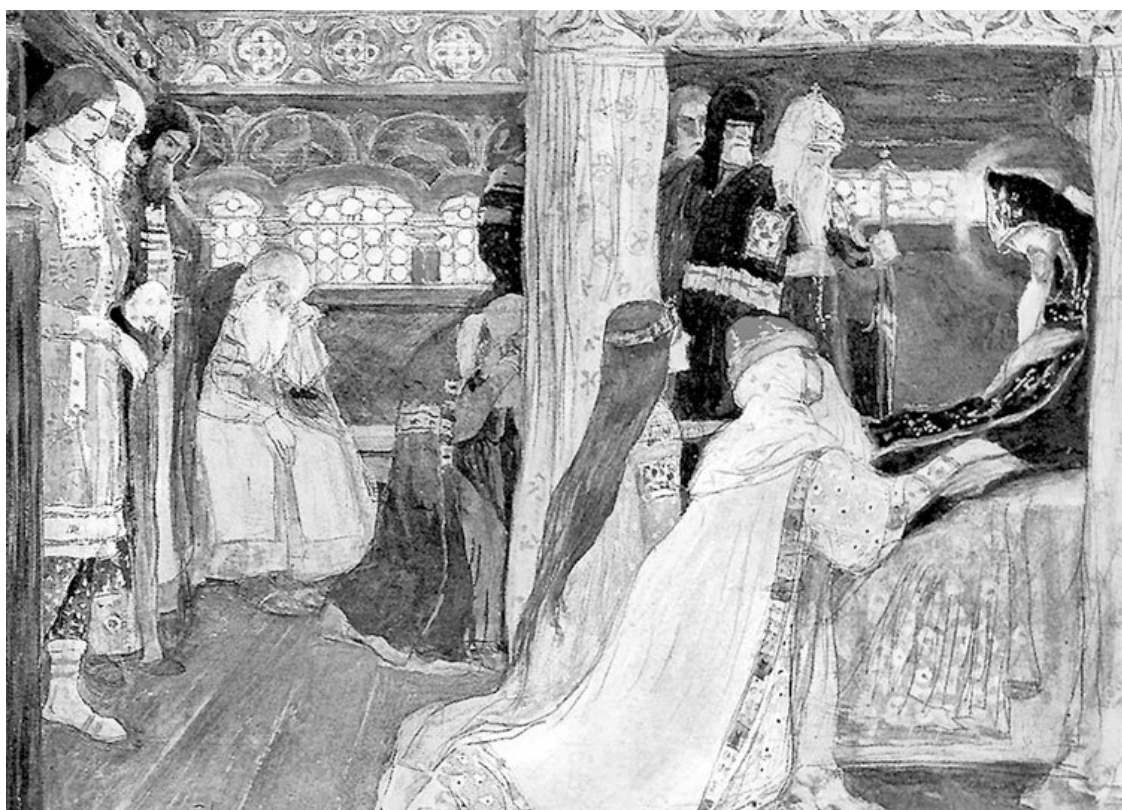
Посещение монголов должно было многому научить Александра и во многом изменить его взгляды. Он познакомился близко с завоевателями Руси и понял, с какой стороны с ними можно ужиться. Свирепые ко всему, что сопротивлялось им, монголы требовали одного – раболепного поклонения. Это было в их нравах и понятиях, как и вообще у азиатских народов. Чрезвычайная сплоченность сил, безусловное повиновение старшим, совершенная безгласность отдельной личности и крайняя выносливость – вот качества, способствовавшие монголам совершать свои завоевания, качества, совершенно противоположные свойствам тогдашних русских, которые, будучи готовы защищать свою свободу и умирать за нее, еще не умели сплотиться для этой защиты. Чтобы ужиться теперь с непобедимыми завоевателями, оставалось и самим усвоить их качества. Это было тем удобнее, что монголы, требуя покорности и дани, считая себя вправе жить на счет побежденных, не думали насиловать ни их веры, ни их народности. Напротив, они оказывали какую-то философскую терпимость к вере и приемам жизни побежденных, но покорных народов. Поклоняясь единому Богу с примесью грубейших суеверий, естественно, свойственных варварскому состоянию умственного развития, они не только позволяли свободное богослужение иноверцам, но и отзывались с известным уважением о всех верах вообще. Проницательный ум Александра, вероятно, понял также, что покорность завоевателю может доставить такие выгоды князьям, каких они не имели прежде.

До тех пор наши князья волей-неволей должны были разделять власть свою с народной властью веча или подбирать себе сторонников в рядах народа. Собственно, они были только правителями, а не владельцами, не вотчинниками, не государями. Монголы как по своим понятиям, так и по расчету, естественно, усиливали власть и значение князей за счет веча: легче и удобнее им было вести дело с покорными князьями, чем с непостоянными собраниями веча. Вот отчего все русские князья, побив челом хану, получали тогда свои княжения в вотчину, и власть их в большей части русских земель очень скоро подавила древнее вечевое право. Звание старейшего князя было прежде почти номинальным: его слушались только тогда, когда хотели, теперь же это звание вдруг получило особую важность потому, что старейшего сам хан назначал быть выше прочих князей.

Александр не поехал в данный ему Киев, а отправился в Новгород. Пока он не был старейшим, он еще ладил с новгородской вольностью. Новгородцы считали себя независимыми от татар, но через два года произошел на Руси переворот.

Андрей не удержался на владимирском княжении. Этот князь не мог так скоро изменить понятий и чувствований, свойственных прежнему русскому строю и шедших вразрез с потребностями новой политической жизни. Ему тяжело было сделаться рабом. В то время он женился на дочери Даниила Галицкого, который еще не кланялся хану, не признал себя его данником и искал средств избавиться от такой тяжелой необходимости. Летописные известия

об этих событиях до того сбивчивы, что не дают возможности выявить, как и чем Андрей восстановил против себя победителей. Однако известно, что в 1252 году Александр отправился в Волжскую Орду и там получил старейшинство и владимирское княжение от Сартака, управлявшего делами за дряхлостью своего отца Батыея. Андрей, посоветовавшись со своими боярами, счел лучшим бежать в чужую землю, нежели «служить царю». Но татары уже шли на него под начальством Неврюя и других предводителей, догнали его под Переяславлем и разбили. Андрей убежал в Новгород; там его не приняли; изгнанник через Псков и Кольвань (Ревель) убежал с женой в Швецию. Татары опустошили Переяславль и рассеялись по земле, истребляя людей и жилища, увозя пленных и скот, так как по правилу монгольскому, да и вообще как везде делалось в те времена, за вину князя должна была расплачиваться вся земля. В то время схватили и убили жену князя Ярослава Ярославича. Александр, получив старейшинство, сел во Владимире и на первый раз пришлось ему отстраивать церкви и людские жилища, разоренные полчищем Неврюя.



М.В. Нестеров. Александр Невский на смертном одре



Князь Ярослав Ярославич

С этих пор Александр, чувствуя свое старейшинство и силу, готовый найти поддержку в Орде, поднял голову и иначе показал себя, что особенно видно в его отношениях к Новгороду. Живя во Владимире, Александр поставил князем в Новгороде сына своего Василия. В 1255 году новгородцы невзлюбили Василия и прогнали его, призвав вместо него брата Александра Ярослава, князя тверского, жившего тогда во Пскове. Явление совершенно обычное, множество раз повторявшееся; и сам Александр, испытывая то же в былое время, уходил из Новгорода, когда его прогоняли, и опять являлся в Новгород по призыву и мирился с новгородцами. Но на этот раз Александр уже не спустил Великому Новгороду. Василий убежал в Торжок, где жители были за него. Отец тотчас собрал в своей Владимирской земле рать и отправился в Торжок с тем, чтобы по своей воле опять восстановить сына на княжении. Призванный князь Ярослав убежал из Новгорода. Новгород остался без князя, и какой-то переветчик Ратишка дал об этом знать великому князю. Александр с Василием пошел на Новгород.



Князь Михаил Ярославич

Между тем внутри Новгорода происходила безледица. Прорвалась не раз проявлявшаяся в его истории вражда лучших, или вящих, людей и меньших, иначе – бояр и черни. Посадником был тогда Анания, представитель и любимец меньших людей, прямодушный ревнитель новгородской старины и вольности. Ожидая приближения великого князя, новгородцы вооружились и выставили полки за церковью Рождества и от Св. Ильи напротив Городища, ограждая Торговую (на правом берегу Волхова) сторону, которая была главным образом местопребыванием меньших людей. Но некоторые вящие люди замыслили иное: из них составила партия под начальством Михалки Степановича, человека коварного и своекорыстного, смекнувшего, что наступают иные времена, и сообразившего, на чьей стороне сила. В тревоге собрались новгородцы на вече на обычном месте у Св. Николая (Дворищенского). «Братья, – говорили они между собой, – а что если князь скажет: выдайте моих врагов?» Тогда меньшие по прадедовскому обычаю «целовали Богородицу» на том, чтобы стоять всем на живот и на смерть за правду новгородскую, за свою отчину. Но Михалка, замышлявший убить Ананию и какими бы то ни было путями сделаться самому посадником, убежал со своими единомышленниками в Юрьев монастырь. Разнеслась весть, что вящие хотят напасть на Новгород и бить меньших. Новгородцы кричали, что нужно убить Михалку и ограбить его двор, но тут заступился за

него посадник Анания. Он послал предостеречь своего тайного врага, и когда рассвирепевшие новгородцы кричали: «Убить Михалку», – Анания сказал им: «Братья, если его убьете, убейте прежде меня».

Приехал в Новгород посол от Александра с такими словами: «Выдайте мне Ананию посадника, а не выдадите, я вам не князь: иду на город ратью!» Новгородцы послали к Александру владыку Далмата и тысяцкого Клима: «Князь, иди на свой стол, а злодеев не слушай; не гневайся на Ананию и на всех мужей новгородских».

Владыка и тысяцкий возвратились с отказом. Александр упорно добивался своего. Тогда новгородцы приговорили на вече: «Если князь такое задумал с нашими клятвopепреступниками – пусть их судит Бог и Святая София, а на князя мы не кладем греха!» Все вооружились и три дня стояли наготове. Выдавать миром своих было для новгородцев неслыханным бесчестным делом. Александр рассудил, что раздражать далее народ и доводить дело до драки нет нужды, когда главная цель его может быть достигнута более мирным соглашением, и послал сказать новгородцам: «Я не буду держать на вас гнева; пусть только Анания лишится посадничества».



Князь Андрей Ярославич

Анания лишился посадничества, и новгородцы примирились с Александром. Александр прибыл в Новгород и был радушно встречен народом, издавна знавшим его. Василий был восстановлен на княжении. Новгородцы в угоду Александру поставили посадником Михалку.

Это событие, несмотря на черты, слишком обычные в новгородском строе жизни, имело, однако, важное и новое значение в новгородской истории. Новгородцы выгоняли своих князей, иногда терпели от них и, забывая старое, опять приглашали, как, например, было с Ярославом, отцом Александра; но то делалось по новгородской воле, при обычном непостоянстве новгородцев. Не было еще примера, чтобы великий князь силой заставил принять только что изгнанного ими князя. Александр показал новгородцам, что над их судьбой есть внешняя сила, повыше их веча и их партий – сила власти старейшего князя всей Руси, поставленного волей могущественных иноземных завоевателей и владык Русской земли. Правда, Александр, вступив в Новгород, обласкал новгородцев, заключил с ними мир на всей вольности новгородской, однако в проявлении его могучей воли слышались уже предвестники дальнейшего наложения на Новгород великокняжеской руки.

Через некоторое время Новгород увидел в своих стенах того же Александра, уже не так мирно улаживающего недоразумения с новгородской вольностью. В Орде произошел переворот: Батый умер. Его сына Сартака умертвил дядя Берке, объявивший себя ханом. Последний вверил дела Руси своему наместнику Улагчи. Тогда пришла весть, что хан посылает своих чиновников для переписи народа и собирания дани. Александр поспешил в Орду, думая предотвратить грядущие бедствия; русских страшил не сам платеж дани; они покорялись необходимости платить ее через своих князей, но долгое пребывание татар в земле Русской навело всеобщий страх. Александр не успел умиловить хана. В земли Рязанскую, Муромскую и Суздальскую явились татарские численники, поставили своих десятников, сотников, тысячников, темников, переписывали жителей для обложения их поголовной данью, не включали в перепись только духовных лиц. Вводилось таким образом чуждое управление внутри Руси. Народу было очень тяжело. В следующем году (1257) Александр вновь отправился в Орду со своими братьями Ярославом Тверским и Андреем Суздальским, с которыми, прежде не ладив, помирился. Улагчи требовал, чтобы Новгород также подвергся переписи и платежу дани. Как ни близок был Александру Новгород, но он счел за лучшее покориться. Между тем Новгорода уже достигла весть о том, что туда идут татарские численники. Все лето там царил тревога и смятение. Новгород не был до сих пор покорен, подобно прочим русским землям, татарским оружием и не помышлял, чтобы ему добровольно пришлось платить постыдную дань наравне с покоренными. Вящие люди, и в том числе посадник Михалка, готовые угождать силе ради своей выгоды и сохранения своих богатств, уговаривали новгородцев покориться, но меньшие слышать об этом не хотели. Их любимец Анания скончался в августе. Волнение после его смерти усилилось, и ненавистный для меньших, насильно поставленный против их воли, Михалка был убит. Князь Василий разделял чувства новгородцев. Наконец прибыл в Новгород Александр с татарскими послами требовать десятины и тамги. Василий, с одной стороны, не смел противиться отцу, с другой – стыдился изменить новгородскому делу и бежал во Псков. Новгородцы наотрез отказались платить дань, но ласково приняли ханских послов и отпустили домой с честью и дарами. Этим Великий Новгород заявлял, что он относится с уважением к ханской власти, но не признает ее над собой. Тогда Александр выгнал своего сына из Пскова и отправил на Суздальскую землю, а некоторых новгородских бояр, стоявших заодно с меньшими и имевших, по его мнению, влияние на Василия, схватил и наказал бесчеловечным образом: иным обрезаю носы, другим выколол глаза и т. п.



Князь Андрей Александрович

Такова была награда, которую получили эти защитники новгородской независимости в угоду поработителям от того самого князя, который некогда так блистательно защищал независимость Новгорода от других врагов.

Зимой (с 1258 на 1259 год) прибыл с низу Михайло Пинещинич и объявил новгородцам, что ханские полки идут на Новгород и будут добывать его оружием, если новгородцы не согласятся на перепись. Весть эта была несправедлива, но правдоподобна. Само собой разумеется, что хан не согласился бы удовольствоваться дарами. Весть эта нагнала такой страх, что с первого раза новгородцы согласились. Вероятно, об этом было дано знать в Орду, потому что той же зимой прибыли в Новгород ханские чиновники Беркай и Касачик с женами и множество татар. Они остановились на Городище¹⁴ и стали собирать тамгу по волости. Новгородцы, увидев необычное зрелище, снова возмутились. Бояре, соблюдая свои корыстные цели, уговаривали народ смириться и быть покорным, но меньшие собирались у Св. Софии и кричали: «Умрем честно за Святую Софию и дома ангельские». Тогда татары стали бояться за свою жизнь, и Александр приставил посадничьего сына и боярских детей стеречь их по ночам. Такое поло-

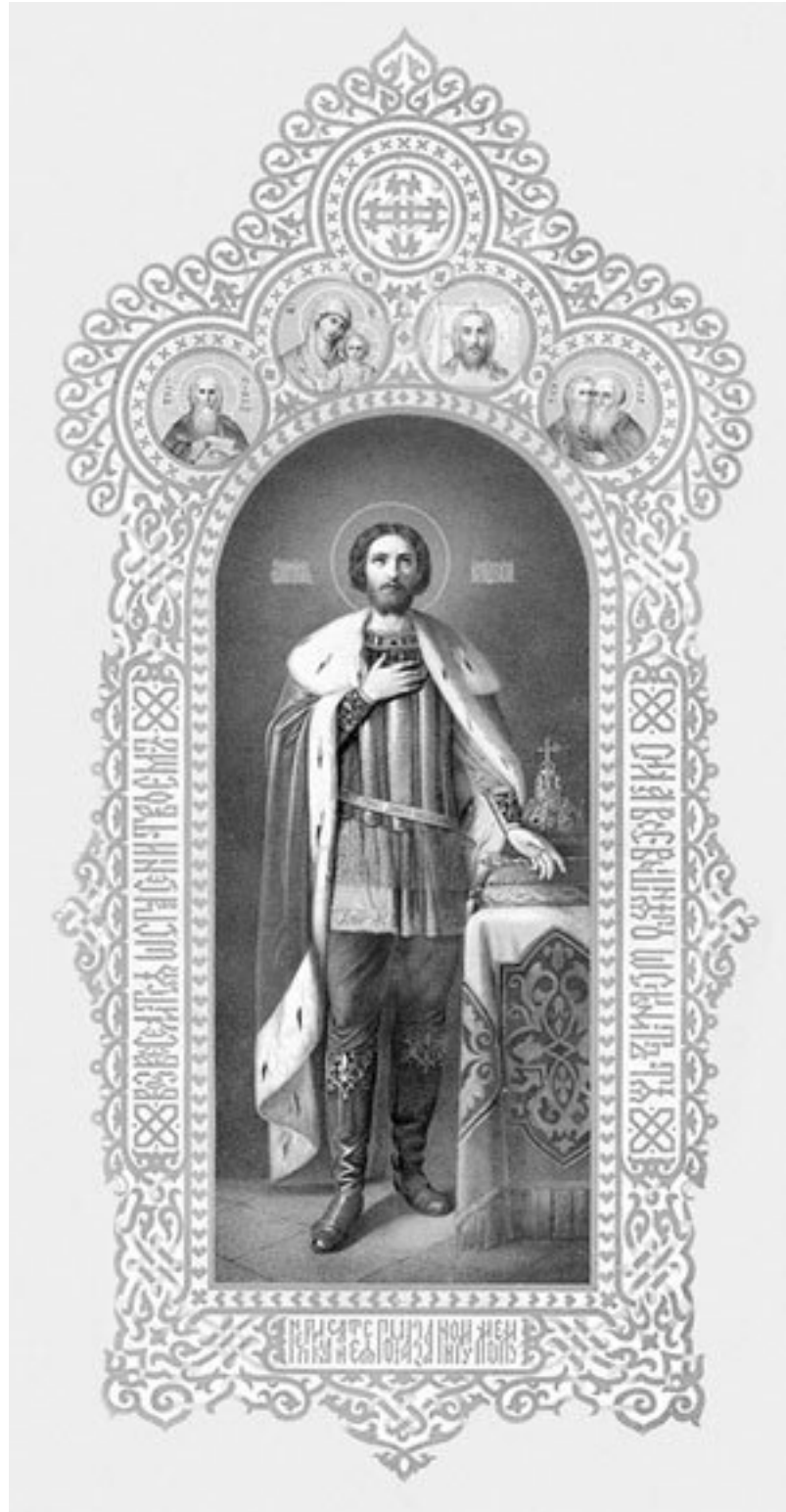
¹⁴ В двух с половиной верстах от Новгорода, где, по преданию, был город прежде Новгорода.

жение вскоре наскучило татарам, и они объявили решительно: «Давайте нам число, или мы побежим прочь». Вящие люди стали добиваться уступки. Тогда в Новгороде распространилась молва, что вящие хотят вместе с татарами напасть на Новгород. Толпы народа собирались на Софийской стороне поближе к Св. Софии и кричали: «Положим головы у Святой Софии». Наконец на другой день Александр выехал из Городища с татарами. Тогда вящие люди смогли убедить меньших не противиться и не навлекать на Новгород неминуемой беды. Они, как говорит летописец, себе делали добро, а меньшим людям зло: дань одинаково распределялась как на богатых, так и на бедных! Александр прибыл в город с татарами. Ханские чиновники ездили по улицам, переписывали дворы и, сделав свое дело, удалились. Александр посадил на княжение сына своего Дмитрия и уехал во Владимир.

С тех пор Новгород, хотя не видел потом у себя татарских чиновников, но участвовал в платеже дани, доставляемой великими князьями хану от всей Руси. Эта повинность удерживала Новгород в связи с прочими русскими землями.

Но не в одном Новгороде – и в покоренных русских землях прежние свободные привычки не вынесли еще рабства и утеснения. Монгольскую дань взяли тогда на откуп хивинские купцы, носившие название «бесермен», – люди магометанской веры. Способ сбора дани был очень отяготителен. В случае недоимок откупщики насчитывали большие проценты, а при совершенной невозможности платить брали людей в неволю. Кроме того, они раздражали людей неуважением к христианской вере. Народ вскоре пришел в ожесточение; в городах Владимире, Суздале, Ростове, Переяславле, Ярославле и других по старому обычаю зазвонили на вече и по народному решению перебили откупщиков дани. В их числе в Ярославле был Изосим, русский по происхождению. Прежде он был монах, пьяный и развратный; съездив в Орду, принял там магометанство и, вернувшись в отечество, стал откупщиком дани, безжалостно утеснял своих соотечественников и нагло ругался над святыней христианской церкви. Ярославцы убили его и бросили труп на растерзание собакам и воронам. Зато в Устюге один природный татарин, будучи также сборщиком дани, спасся от общей беды. Его звали Буга. В Устюге он взял себе наложницу, дочь одного тамошнего обывателя, по имени Мария, которая полюбила его и заранее известила о грозившей ему опасности. Буга изъявил желание креститься. Народ простил его. Он был назван в крещении Иоанном, женился на Марии, навсегда остался на Руси и приобрел всеобщую любовь. Память о нем осталась навсегда в местных преданиях, а воспоминание о бесерменах до сих пор слышится в бранном слове «басурман», которым русский человек называл некрещеных, а иногда только неправославных людей.

Само собой разумеется, что это событие вызвало гнев властителей Руси. В Орде уже собирали полки наказывать мятежников; Александр поспешил в Орду. Кроме сбора дани русским угрожала еще иная тягость: войском помогать татарам в их войнах с другими народами.



Св. благоверный князь Александр Невский. Гравюра XIX в.

Тогда в Волжской Орде происходило важное преобразование. Хан Берке принял магометанство, которое быстро распространилось в его народе, тем легче, что и прежде в полчищах монголов большинство народов, ими покоренных и за них воевавших, исповедовало магометанство. В то же время кочевая жизнь мало-помалу начала сменяться оседлой. На Волге строился Кипчак, обширный город, который хан украшал всем великолепием, какое только было возможно при его могуществе. Хан Берке оказался более милостив к русским, чем можно

было даже ожидать. Он не только простил русским избиение бесерменов (погибель которых как народа подвластного не могла раздражать его в той мере, в какой действовало бы на него избиение ханских чиновников), но по просьбе Александра освободил русских от обязанности идти на войну. Александр, однако, прожил тогда в Орде всю зиму и лето, и это заставляет предполагать, что не сразу удалось ему приобрести такую милость для своих соотечественников. Возвращаясь оттуда по Волге больным, он остановился в Нижнем Новгороде, через силу продолжал путь далее, но, приехав в Городец, окончательно слег и, приняв схиму, скончался 14 ноября 1263 года. Тело Александра было встречено народом близ Боголюбова и погребено во Владимире в церкви Рождества Богородицы. Говорят, что митрополит Кирилл, услышав во Владимире о смерти Александра, громко сказал: «Зашло солнце земли Русской». Духовенство более всех уважало и ценило этого князя. Его угодливость хану, умение ладить с ним, твердое намерение держать Русь в повиновении завоевателям и тем самым отклонять от русского народа бедствия и разорения, которые постигали бы его при всякой попытке к освобождению и независимости, – все это вполне согласовывалось с учением, всегда проповедуемым православными пастырями: считать целью нашей жизни загробный мир, безропотно терпеть всякие несправедливости и угнетения, покоряться всякой власти, хотя бы иноплеменной и поневоле признаваемой.

Московские князья Даниловичи

У Александра Невского было четыре сына: старший, Василий, княжил в юности в Новгороде, а впоследствии в Костроме, где и умер. Дмитрий и Андрей вели между собой кровавый спор за великое княжение; последний отличился тем, что дважды наводил на Русь татар, которые произвели в ней ужаснейшие опустошения (в 1282 и 1294 годах), отозвавшиеся на целые десятилетия. Четвертый сын Невского, Даниил, остался после отца ребенком. Ему в удел досталась Москва.

Даниил был первым князем, поднявшим значение этого города, являвшегося до тех пор незначительным пригородом Владимира. Участвуя в междоусобиях своих братьев, Даниил хитростью взял в плен рязанского князя Константина, воспользовавшись изменой рязанских бояр, и держал его в неволе. Это событие было первым проявлением тех приемов самоусиления, которыми так отличалась Москва, в то время только что возникавшая. Вместе с тем Даниил положил зачаток тому расширению владений, которое так последовательно вели все его преемники. Племянник Даниила Иван Дмитриевич Переяславский, умирая бездетным, завещал ему Переяславль. Даниил тотчас захватил его и отстоял от посягательств своего брата Андрея. Даниил умер в 1303 году, приняв перед смертью схиму. По летописным известиям, он был погребен в деревянной церкви Св. Михаила, которая стояла на месте нынешнего Архангельского собора в Москве; однако предание, записанное в его Житии, помещает его могилу в Данииловом монастыре, будто бы им основанном. Как бы то ни было, имя Даниила как родоначальника дома московских князей находилось в большом уважении у его потомков¹⁵.

Даниил оставил сыновей Юрия, Ивана, Александра, Бориса и Афанасия. Из них Юрий и Иван по своей деятельности были важнейшими людьми в истории Руси в XIV веке. Они подняли значение Москвы и твердо поставили историческую задачу, которую предстояло постепенно разрешить их преемникам в последующие времена.

¹⁵ Рассказывают, что после того как сын Даниила Иван перенес построенную его отцом обитель внутрь Кремля при сооруженной им церкви Спаса на Бору, могила Даниила оставалась неизвестной до самого Ивана III. Этот великий князь ехал однажды со своей дружиной вдоль Москвы-реки, мимо того места, где прежде был положен Даниил; вдруг под одним из отроков споткнулся конь, и перед ним явился неведомый ему князь и сказал: «Я господин месту сему, князь Даниил Московский, здесь положенный; скажи великому князю Ивану: ты сам себя утешаешь, а меня забыл». С тех пор московские князья начали совершать панихиды по своему прародителю. Вслед за тем, как рассказывает предание, были и другие видения. Князь Иван Васильевич построил Даниилов монастырь на месте, где считали погребенным Даниила и где, по преданию, стоял прежде монастырь, поставленный Даниилом, а при царе Алексее Михайловиче открыты были его мощи.



Князь Даниил Александрович. Титулярник 1612 г.



Князь Дмитрий I Александрович. Гравюра 1850 г.

Умер великий князь Андрей Александрович в 1304 году. Звание великого князя, которое при новых условиях татарского господства сделалось гораздо важнее и знаменательнее, чем было прежде, зависело исключительно от воли хана, верховного повелителя и истинного государя Русской земли. Собственно никаких прав, принадлежавших в этом отношении тому или другому князю, той или другой княжеской ветви, не существовало. Князья могли считаться между собой старейшинством; но эти счета уже и в прежние времена, до татар, перестали быть обязательными, так что действительное старейшинство признавалось несомненным только по отношению к возрасту. В Орде эти счета еще менее могли быть обязательными. Кто приходился по нраву властителю, того он, не стесняясь ничем, мог назначить великим князем. Но в Орде, как вообще в азиатских деспотических государствах, милость властителя и доступ к нему покупались угождением и задариванием близких к царю вельмож; и русский князь, искавший в Орде какой бы то ни было ханской милости, а тем более первенствующего сана, должен был достигать своей цели, во-первых, обещанием большого выхода (дани) хану, а во-вторых,

подарками и подкупом разных лиц, имевших при ханском дворе влияние. Поэтому выходило, что собственно звание великого князя было продажным. Его мог приобрести тот из князей, у кого в руках было более богатств и кто обладал умением употребить эти богатства кстати. Не переставая зависеть от произвола хана, звание великого князя могло, однако, утвердиться в одной княжеской линии и сделаться фактически наследственным. Нужно было только, чтобы овладевший этим званием умел накапливать в своих руках богатства, поддерживать постоянно дарами доброе расположение к себе влиятельных лиц в Орде и подготовить своему сыну приобретение этого звания после своей смерти. Вместе с таким возвышением одной княжеской ветви неизбежно поднималась бы и получала в ряду русских земель первенство та земля, где княжила эта более удачливая княжеская ветвь. Город Владимир почти потерял уже признаки первенства: князья, получавшие от хана старейшинство, не обязаны были пребывать во Владимире; они могли быть великими князьями и жить в прежних своих уделах. В то время перед Русью стоял важный вопрос: в каком городе утвердится великокняжеское достоинство, переходя от одного князя к другому князю той же земли? В будущем этому городу предстояло великое значение. Орда, несмотря на все свое видимое могущество, уже пошатнулась, признаки разложения стали ощутимыми. Уже на берегах Черного моря возникла другая Орда, отложившаяся от Волжской, иначе Золотой, – Орда Ногая, не хотевшая признавать власти волжских ханов. Это было началом дальнейших отложений и распада монгольской монархии. В Волжской Орде достоинство хана перестало переходить правильным путем и подвергалось насильственным переворотам. Хан Тудай-Менгу был умерщвлен своими племянниками, которых в свою очередь умертвил их двоюродный брат Тохта, сын Менгу-Тимура. Эти события явились предвестниками того, что впоследствии сделалось в Орде обычным делом. Пока еще Орда была сильна, власть великого князя могла утвердиться в одной княжеской ветви и в одной из русских земель именно только при посредстве этой ордынской силы; но раз получив в Руси твердость, великокняжеская власть не должна была уже потерять ее и тогда, когда Орда совершенно ослабнет, потому что в самой Руси должен был устроиться такой порядок, который получит значение обычая. Одним из способов усиления такой власти являлось то неперемное условие, что с возвышением князей неизбежно должны были приливать в их землю военные силы из других земель, а следовательно, другие земли ослабевали и их князья невольно должны были уступать тому, кто становился сильнее благодаря их средствам. Русские бояре приняли обычай переходить туда, где князь был сильнее и где, следовательно, им предстояло больше выгоды. Бояре приходили в таком случае не одни, а тянули за собой и людей, составлявших их дружину и получивших в те времена название детей боярских. Естественно, с падением Орды хана для Руси должен был заменить тот князь, которому прежние ханы во время своего могущества передали свою силу, лишь бы только те, кто получал эту силу, умели усвоить от поколения к поколению искусство поддерживать свое значение. Начало XIV века было той роковой эпохой, когда был поставлен к разрешению вопрос: какая из княжеских линий выдвинется выше всех и какая русская земля со своим главным городом делается средоточием русского мира и будет стягивать к себе разрозненные его части?



Князь Михаил III. Гравюра 1850 г.

После смерти Андрея тотчас начал добиваться великокняжеского достоинства его двоюродный брат Михаил Ярославич Тверской, сын Ярослава – брата Александра Невского. Но ему объявился соперник – московский князь Юрий Данилович. Тверские бояре по повелению своего князя хотели заступить Юрию путь в Орду и схватить его на дороге, но не успели в этом; Юрий пробрался в Орду иным путем.

Пока два соперника боролись в Орде за великое княжение, на Руси во имя их уже происходили усобицы. Князь Иван Данилович отстаивал Переяславль от тверичей. Против него пошел с тверичами его бывший боярин Акинф, который не захотел в Москве быть ниже другого боярина – Родиона Нестеровича, прибывшего в Москву из Киева с тысячью семьями человек дружины, или детей боярских. Акинф с сыновьями перешел к тверскому князю. Произошла кровопролитная схватка; москвичи одержали верх, и Родион собственноручно убил своего личного врага Акинфа, воткнул его голову на копье и принес своему князю Ивану Даниловичу.



Князь Даниил Московский. Гравюра 1850 г.

В Орде взял верх тверской князь Михаил; Юрий тогда не в состоянии был обещать хану выходу больше, чем его соперник. Михаил по возвращении в Русь (1305) тотчас пошел войной к Москве на Юрия: вероятно, его побуждали к этому и дети убитого Акинфа. Тверской князь не мог взять Москвы и заключил мир с московскими князьями. Но взаимная злоба от этого не улеглась.

Не сумев добиться великого княжения, Юрий выбирал другие пути к усилению своей власти и самой Москвы. Вскоре после смерти отца он захватил Можайск и привел пленным в Москву тамошнего князя Святослава. В 1306 году Юрий задушил рязанского князя Константина, взятого в плен его отцом Даниилом и содержавшегося в Москве в неволе. Московский князь думал вместе с тем присвоить себе и Рязань; но это ему не удалось: молодой рязанский

князь Ярослав выпросил у хана ярлык на рязанское княжение. Юрий все-таки не остался в проигрыше и присоединил к Москве Коломну, принадлежавшую до того времени Рязанской земле. Со своим братом Иваном Юрий всегда жил дружно, но с другими братьями, Александром и Борисом, не ладил до того, что они убежали в Тверь к его непримиримому врагу. Тверской князь Михаил в 1308 году еще раз покусился на Москву и опять не взял ее. Взаимная злоба еще более усилилась после нового нападения на Москву и, наконец, прорвалась отчаянной борьбой по поводу Новгорода.

Со времени татарского завоевания Новгород, пользуясь своей внутренней самостоятельностью, принужден был допускать у себя пребывание на Городище великокняжеских наместников и платить великому князю дань в качестве участия в общем платеже выхода хану. С той поры отношения между Новгородом и великим князем всегда были натянутыми и нередко становились открыто враждебными. Великие князья, пользуясь правом взимания выхода, старались как можно больше сорвать с Новгорода и как можно тяжелее наложить на него свою руку. Со своей стороны Новгород старался допустить у себя как можно меньше влияния и власти великого князя. Отсюда ряд договоров Новгорода с великими князьями: в этих договорах мы видим постоянное стремление Новгорода всеми силами избавиться от их притязаний и ограбить свою самостоятельность. Вопросы были до того усложнены, что кто бы ни был великим князем, отношения между ним и Новгородом являлись в сущности почти одинаковыми, и до самого падения Великого Новгорода в конце XV века не было ни одного великого князя, за исключением Юрия Даниловича, с которым бы новгородцы находились в дружеской и искренней связи. Новгородцам трудно было поладить с Михаилом Тверским по причине его придирчивого и корыстолюбивого характера. Видимо, они с самого начала не любили этого князя, не хотели, чтобы он получал великое княжение, и выразили это нежелание перед его поездкой в Орду. Когда Михаил возвратился из Орды, новгородцы приняли его наместников и заключили с ним договор, по которому великому князю, по старине, не дозволялось управлять новгородскими волостями посредством своих, а не новгородских мужей, не дозволялось, кроме того, приобретать в Новгородской области как князю, так и его княгине, боярам и всем подданным сел и угодий, выводить новгородских людей в свою волость, брать их в залог, давать без посадника грамоты, раздавать волости, творить суд без посадника, отнимать волости у новгородских мужей, стеснять новгородскую торговлю и т. п. Эта грамота определяла также и доходы, собственно предоставленные великому князю.



Князь Георгий (Юрий) III. Гравюра 1850 г.

Но в 1312 году Михаил Тверской поссорился с Новгородом, вывел оттуда своих наместников, захватил пограничные новгородские волости Торжок и Бежичи (Бежецк) и не допускал в Новгород подвоз хлеба, в котором была большая нужда в Новгороде, незадолго до того пострадавшем от сильного пожара. Новгородцы послали своего владыку Давида в Тверь. Михаил согласился на мир только тогда, когда новгородцы заплатили ему 1500 гривен (около 700 фунтов серебра). По заключении мира Михаил вновь отправил к новгородцам своих наместников. Новгородцы, поплатившись такой данью, окончательно озлобились против Михаила и в следующем году (1313), когда Михаил поехал в Орду поклониться новому хану Узбеку, решились поступить так, как делалось у них встарь: призвать к себе иного, вольного князя; они обратились к Юрию Даниловичу. Московский князь отправил к ним предвзвременно своего боярина Феодора Ржевского, который схватил наместников Михаила, поса-

дил их под стражу на владычном дворе, а сам повел новгородцев на Волгу против Твери. В отсутствие Михаила вышел против них с войском его сын Дмитрий. Обе стороны, простояв до заморозков друг против друга на противоположных берегах Волги, заключили мир. Условия этого мира неизвестны, но они были выгодны для Новгорода. Перед заговеньем прибыл в Новгород избранный князь Юрий со своим братом Афанасием. Новгородцы посадили его на стол и радовались – в этом видели они возрождение своей вольности.



Князь Дмитрий II Михайлович. Гравюра 1850 г.

Но недолго довелось им радоваться. Весной 1315 года пришло Юрию от хана приказание явиться в Орду. Должно быть, Михаил нажаловался на него хану. Юрий не посмел ослушаться и поехал, а в Новгороде оставил своего брата Афанасия.

Тем временем Михаил возвращался на Русь не только обласканный ханом, но и вел с собой татар карать непокорный Новгород. К ним присоединилась по ханскому приказанию рать Низовской земли. Михаил осадил Торжок. Новгородцы с князем Афанасием отправились к Торжку. Произошла кровопролитная сеча. Новгородцы потеряли много убитыми и наконец, не выдержав, заперлись в Торжке. «Выдайте мне князя Афанасия и князя Феодора Ржевского, а потом я с вами стану мириться», – послал сказать новгородцам Михаил. Новгородцы отвечали: «Не выдадим князя Афанасия, но умрем честно за Святую Софию». Михаил вторично послал к ним требование: «Так выдайте князя Феодора Ржевского». Новгородцы, как говорит летописец, не хотели выдавать его, а выдали поневоле и заключили мир, обязавшись заплатить двенадцать тысяч гривен серебра. После этого Михаил пригласил к себе князя Афанасия и новгородских бояр и вероломно отправил их в Тверь заложниками платежа. Вдобавок Михаил ограбил остальных новгородцев и новоторжцев, отняв у них доспехи, оружие и коней. После такого притеснения новгородцы отправили своих послов в Орду жаловаться на Михаила, но тверичи переловили этих послов на дороге.

Такой мир мог только еще больше раздражить новгородцев. Война с тверским князем вспыхнула в 1317 году. Наместники Михаила выехали из Новгорода. Михаил пошел на Новгород со всей низовской землей¹⁶, а новгородцы укрепили свой город острогом по обеим сторонам Волхова и подняли на ноги свою землю: вооружились псковичи, ладожане, корела, жители Русы, ижора и воль. Но до Новгорода из-за неудобства путей Михаилу было трудно добраться. Дойдя до Устьян, Михаил повернул назад и был жестоко наказан за свою смелость. Войско его заблудилось среди озер и болот и умирало от голода. Воины съели всех своих лошадей, грызли ремни, голенища, кожу со щитов, многие умерли от стужи, и только жалкие остатки вернулись домой со своим князем, пешие и больные. Думая, что великий князь будет теперь сговорчивее, новгородцы отправили к нему владыку Давида и умоляли отпустить их коварно задержанных братьев. Михаил сначала упрямялся, но потом помирился с новгородцами в Торжке, когда услышал, что Юрий возвратился из Орды и идет на него. Новгородцы со своей стороны заключили мир, потому что не знали, где Юрий, и не догадывались, что он близко. В договоре, заключенном в то время, говорится о возвращении пленных, но не упоминается о платеже серебра, так что, вероятно, дань, наложенная Михаилом на Новгород под Торжком, не была ему никогда уплачена.

¹⁶ Низовской землей назывался в собственном смысле край вниз по течению Волги, но новгородцы придавали этому названию более широкое значение, включая в него Суздальско-Ростовскую землю с разветвлениями, а впоследствии даже Москву.



Князь Иван Калита. Гравюра 1850 г.

Юрий, отправившись в Орду по приказанию Узбека еще в 1315 году, прожил там более двух лет. К сожалению, мы не знаем, что он там делал, но последствием такого долгого пребывания было то, что Юрий вошел в милость к Узбеку и женился на его сестре Кончаке, которая приняла в крещении имя Агафы. Сам Узбек был магометанином, но, верный преданиям предков, оказывал уважение ко всяким верам, а с христианами был особенно милостив; при нем в Сарае проживало много христиан: они отправляли свободно свое богослужение и имели там местного епископа. С такой терпимостью вполне согласовывалось то обстоятельство, что он породнился с русским князем и позволил своей сестре принять веру своего мужа.

Юрий вел теперь (в 1317 году) на своего врага татар под начальством татарского князя Кавгадыя, ехавшего с ним в качестве посла. Послы от хана бывали часто на Руси в те времена, а иные только под видом послов шатались по Руси. Все они были настоящими бичами для жителей. Когда послы со своими татарами проходили среди русского населения, то на каж-

дом шагу желали показать, что они – господа, а русские – рабы, грабили, совершали всякого рода насилия жителям. Так было и в этом случае. Суздальские князья, сообразив, что Юрий в милости у царя, присоединились к нему; но это не помешало татарам бесчинствовать на пути в Костроме, Ростове, Дмитрове и Клину. С татарами были хивинцы и мордва. Путь их лежал в Тверскую землю. Юрий хотел наказать своего противника. Если, проходя по Суздальской земле, татары не слишком уважали собственность и личность русского человека, то, вступив в Тверскую землю, они без разбора жгли всякое жилье, попадавшееся на пути, и мучили разными муками людей, которых захватывали в свои руки. Михаил выступил против них и 22 декабря 1317 года встретился с ними за сорок верст от Твери на урочище, называемом Борте-нево. Рать Юрия была разбита. Сам Юрий ушел в Торжок, а его брат Борис, жена Агафья и Кавгадый попали в плен.

Юрий из Торжка прибежал в Новгород. Если известие о походе Юрия на Тверь не могло вовремя прийти к новгородцам и побудить их подать помощь Юрию, то теперь они дружно принялись за дело своего союзника; к ним присоединились псковичи. С новгородским ополчением пошел и новгородский владыка Давид. Не так давно был заключен новгородцами мир с Михаилом; нападать на Михаила было бесчестно; поэтому новгородцы решили прежде послать к Михаилу требование сделать все угодное Юрию, а вступить с ним в войну предполагали только тогда, когда он откажет.

Михаил был сговорчив, потому что боялся ханского гнева. Отпустить жену Юрия было невозможно: она умерла в плену; говорили, что ее там отравили зельем. Михаил выдал Юрию только ее тело, которое отвезли для погребения в Ростов, в церковь Пресвятой Богородицы. При посредничестве новгородцев соперники порешили на том, чтобы им обоим идти в Орду. Кавгадый, находясь в плену у Михаила, уверил его, что он помогал Юрию и напал на Михаила без ханского дозволения.

После своего освобождения из тверского плена Кавгадый соединился с Юрием, и они положили между собой совет собрать всех князей низовских (то есть Суздальско-Ростовской земли), пригласить бояр от русских городов, особенно от Новгорода, и ехать в Орду с обвинением на Михаила. Так и сделали. Все они поехали к Узбеку. Михаил, услышав, что на него собирается такая гроза, послал в Орду своего сына Константина, а сам в течение некоторого времени раздумывал, что ему делать, и наконец решился пуститься в путь. Он отправился с сыновьями Дмитрием и Александром. Во Владимире встретил он ханского посла Ахмыла, который ехал к нему.

«Зовет тебя царь, – сказал Ахмыл, – ступай скорее. Если не поспеешь через месяц, то хан уже назначил послать войско на тебя и на твой город. Кавгадый оговорил тебя перед ханом, уверяет, что ты не приедешь в Орду».

Бояре и сыновья уговаривали Михаила не ездить, а послать в Орду еще одного из сыновей. «Не вас, детей моих, требует царь к себе, – сказал Михаил, – головы моей он хочет. Если я уклонюсь, вотчина моя будет полонена и множество христиан перебито. И после того придется мне умереть, так уж лучше положить свою душу за многие души!» Он отправился и 6 сентября 1318 года достиг устья Дона, где находился тогда хан Узбек с ордой, по обычаю предков странствовавший передвижными городами. Там встретил Михаила его сын Константин. Михаил по обычаю поднес дары царю, царице и вельможам. Узбек приказал приставить к Михаилу, как к подсудимому, приставов, но велел обращаться с ним почтительно.

Так прошло полтора месяца. Наконец хан приказал князьям рассудить дело Михаила Ярославича с Юрием и представить ему: тогда хан оправданного пожалует, а виновного казнит. И вот по такому повелению собрались в кибитку князья и положили разные грамоты, свидетельствующие о преступности Михаила. Его обвиняли в том, что он брал дани с городов,

управляемых этими князьями, и не отдавал царю¹⁷. На этом суде был и Кавгадый и старался всеми способами очернить Михаила. Через неделю Михаила поставили на другом суде (должно быть, уже только татарском) и тут ему произнесли такое обвинение: «Не давал царевой дани, бился против царского посла и уморил княгиню жену Юриеву».

После этого осуждения к Михаилу приставили стражу, состоявшую из семи человек от семи князей. Князю Михаилу на шею надели тяжелую колоду, которая столько же причиняла мучения, сколько означала поругание. Хан отправился в поход против Персии; Михаила потащили за ним в обозе. Когда хан в степи во время похода расположился станом и в стане открылся торг, Кавгадый приказал поставить всенародно Михаила с колодой и созвать заимодавцев, то есть тех, кто жаловался на его несправедливые поборы. Это был правож, обычай, который впоследствии вошел в русское судопроизводство: неисправного должника выставляли на торгу и били по ногам. Не видно, чтобы Михаила при этом били; но колода на шее имела смысл муки правежа. «Знай, Михаил, – сказал ему Кавгадый, – таков у нашего царя обычай: как рассердится на кого-нибудь, хоть бы на своего племянника, прикажет положить на него колоду, а как гнев его минет, то по-прежнему чтит его; так и с тобой будет: минет твоя тягота, и ты будешь у царя еще в большей чести». Кавгадый велел сторожам поддерживать колоду, висевшую на шее Михаила, чтобы облегчить его. Наконец после двадцатishестидневного томления за рекой Терекон, по ту сторону гор, 22 ноября в среду, Кавгадый и Юрий Данилович со своими людьми подъехали к веже (кибитке), где находился несчастный Михаил; в кибитку вошли убийцы, повалили князя на землю, и один русский по имени Романец вонзил нож в сердце страдальца. Когда Юрий и Кавгадый вошли в кибитку и увидели обнаженное тело Михаила, Кавгадый с суровым видом сказал Юрию: «Ведь он тебе старейшим братом был, словно отец; для чего же тело его лежит брошенное и голое!» Юрий приказал прикрыть труп епанчей. Видимо, хан колебался исполнить приговор суда, но Юрий настаивал и добивался смерти Михаила.

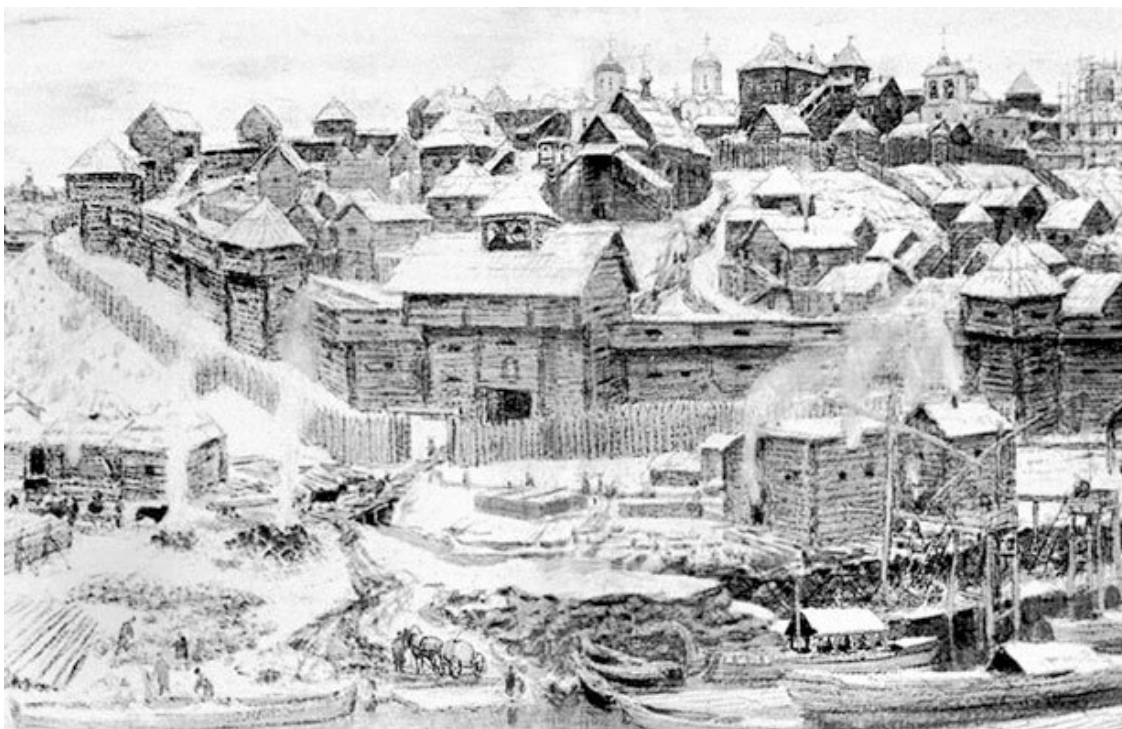
¹⁷ Хотя в сказании об убиении Михаила эти князья называются ордынскими и наши историки полагают, что Михаила судили татарские вельможи, но по смыслу выходит, что слово «ордынские» прибавлено позднее, и здесь идет речь о русских князьях. Татарские князья не могли обвинять Михаила в том, что он брал с их городов дань, так как Михаил не мог брать дани ни с каких татарских городов, тогда как действительно с русских городов брал Михаил дань в звании великого князя для выхода в Орду. Кроме того, в этом же сказании говорится, что Юрий, уезжая судиться с Михаилом, пригласил князей низовских и бояр от городов, которые должны были судить Михаила.



А.М.Васнецов. Основание Москвы. Постройка первых стен Кремля в XII в.

Юрий мстил Михаилу и после его смерти: бояре Юрия, которые повезли на Русь тело убитого, не допускали ставить тело Михаила в церквах, а ставили в хлеву. Его привезли в Москву и погребли в Спасском монастыре.

Юрий, получив от хана великое княжение, возвратился в Русь с большой честью; он вез с собой, как пленных, Константина – сына Михаила, его бояр и слуг. Вдова Михаила и другие его сыновья, узнав о печальном конце тверского князя, обратились к Юрию с просьбой отдать им тело убитого для погребения в Твери. Юрий согласился, но прежде поглумился над ними. Один из сыновей убитого князя, Александр, ездил за телом отца в Москву. Михаила погребли в церкви Спаса в Твери.



А. М. Васнецов. Московский Кремль при Иване Калите



Церковь Спаса на Бору

Старший сын Михаила Дмитрий (названный в родословной «Грозные Очи») злобствовал на Юрия за смерть отца, но вынужден был до поры до времени смириться. В 1321 году при посредничестве тверского епископа Варсонофия между Дмитрием и Юрием заключен был мир; тверской князь заплатил две тысячи гривен серебра и обязался не искать великого княжения.

Юрий, став великим князем, послал в Новгород своего брата Афанасия, но после смерти последнего в 1322 году сам переехал в Новгород и остался в нем. Он, по-видимому, уступил Москву брату Ивану и, считаясь великим князем, жил в Новгороде. Юрий любил Новгород, и новгородцы любили Юрия. Он воевал за новгородцев со шведами, построил город Орешек (ныне Шлиссельбург), заключил от имени Новгорода мир со шведским королем и успешно прогонял литву, совершавшую частые набеги на новгородские владения; в 1324 году по поводу оскорблений, причиненных новгородским промышленникам устюжанами, Юрий с новгородцами ходил в Устюг, взял этот город и заключил с устюжанами мир, выгодный для новгородцев. Здесь он навсегда простился с ними: они отправились домой, а Юрий, доехав до Камы, спустился вниз по этой реке в Орду. Его позвали.

Дмитрий Михайлович Тверской обвинял Юрия в том, что он, взяв выход с тверских князей, не отдал его татарскому послу, а уехал с деньгами в Новгород¹⁸. Юрий, прибыв в Орду 21 ноября 1325 года, был умерщвлен князем Дмитрием Михайловичем. Тело Юрия привезли в Москву и предали земле митрополит Петр и архиепископ новгородский Моисей. Хан казнил убийцу, но не ранее как спустя десять месяцев после убийства.

Брат Юрия Иван по прозванию Калита (от обычая носить с собой кошелек с деньгами для раздачи милостыни) оставался долго в тени при старшем брате, но когда Юрий получил великое княжение и уехал в Новгород, Москва осталась в полном управлении Ивана; с этого пор он вступает на историческое поприще. Восемнадцать лет его правления были эпохой первого прочного усиления Москвы и ее возвышения над русскими землями. Главным способом к этому усилению было то, что Иван особенно умел ладить с ханом, часто ездил в Орду, приобрел особое расположение и доверие Узбека и оградил свою Московскую землю от вторжения татарских послов, которые – как уже сказано выше, – называясь этим именем, ездили по Руси, творили бесчинства и опустошения. В то время, когда другие русские земли поражены были этим несчастьем и, кроме того, подвергались другим бедствиям, владения московского князя оставались спокойными, наполнялись жителями и по сравнению с другими русскими землями находились в цветущем состоянии. «Перестали поганые воевать Русскую землю, – говорит летописец, – перестали убивать христиан; отдохнули и опочили христиане от великой истомы и многой тягости, и от насилия татарского; и с этих пор наступила тишина по всей земле».

Город Москва расширялся в княжение Ивана. Кроме Кремля, составлявшего ее центр или внутреннее укрепление, посад за пределами Кремля уже при Иване был обнесен дубовой стеной. Вокруг Москвы одно за другим возникали села.

Бояре оставляли других князей, переходили к московскому князю и получали от него земли с обязанностью службы; за боярами следовали вольные люди, годные к оружию. Таким образом, соседние князья слабели и поневоле должны были угождать московскому князю и подчиняться ему. В Москву переселялись и иноземцы, и даже татары приходили на поселение не врагами, не господами, а принимали крещение и становились русскими. В числе таких татарских выходцев был мурза Чет, родоначальник фамилии Годуновых и предок Бориса, царствовавшего на русском престоле. Иван заботился о внутренней безопасности, строго преследовал и казнил разбойников и воров; и тем самым он дал возможность ездить торговым людям по дорогам. Москва тогда уже наполнялась торговцами с разных сторон. На устье Мологи возникла славная в те времена молодежская ярмарка, куда съезжались купцы с востока и запада. Оживляя народное благосостояние, эта ярмарка доставляла доходы великому князю.

¹⁸ Вообще события того времени и отношения к Орде как Юрия, так и Дмитрия для нас остаются неясными по причине скудости источников. Есть известие, что Дмитрий получил великое княжение; мы не знаем достоверно: утвердил ли хан Узбек на княжении Дмитрия, рассердившись на Юрия, сам ли Дмитрий присвоил себе имя великого князя или его ошибочно так называли летописцы.

В первые же годы своего правления Иван придал Москве нравственное значение переводом митрополичьей кафедры из Владимира в Москву. Еще в XIII столетии русские первосвятители нашли невозможным оставаться в Киеве, в крае малолюдном, в опустошенном и обнищавшем городе, где древняя святыня находилась в запустении, где Десятинная церковь лежала в развалинах, где от Св. Софии оставались одни стены, а Печерская обитель стояла безлюдная. Митрополиты Кирилл и Максим, хотя и считались киевскими, но не жили в Киеве, вели странническую жизнь и более всего пребывали во Владимире. После смерти митрополита Максима было два соискателя митрополичьего престола: один из Северной Руси, владимирский игумен Геронтий, другой из Южной Руси – Петр, игумен ратский, родом волынец. Галицкий князь Юрий Львович, внук Даниила, послал Петра в Константинополь для посвящения с целью утвердить у себя митрополию в Галичине. Петр был предпочтен Геронтию, получил сан митрополита (1308), но вместо того чтобы жить в Южной Руси, удержав титул киевского митрополита, переселился на север во Владимир; однако и тут не жил постоянно, а переезжал с места на место, поставляя духовных. Вместе с князем Михаилом Ярославичем Тверским Петр совершил поездку в Орду к Узбеку и получил от него знаменитую грамоту, по которой православное русское духовенство со своими семействами и со всеми лицами, принадлежавшими к духовному ведомству, освобождалось от всякой дани и ограждалось от каких бы то ни было обид и притеснений со стороны ханских чиновников и подданных.



Митрополит Петр закладывает Успенский собор в Московском Кремле



Князь Симеон Гордый. Гравюра 1850 г.

Во время своих обычных переездов с места на место Петр сошелся с князем Иваном Даниловичем и полюбил более всех других городов его Москву. Здесь он стал проживать подолгу, заботился об украшении Москвы святынями храмов и 4 августа 1325 года вместе с князем Иваном заложил первую каменную церковь в Москве Успения Богородицы (нынешний Успенский собор). Этот храм должен был сделаться главной святыней Москвы и перенести на нее то благословение, которое некогда давала городу Владимиру построенная Андреем подобная церковь Богоматери во Владимире. Близ места, на котором должен был стоять жертвенник, Петр собственноручно устроил себе гроб. «Бог благословит тебя, – говорил он Калите, – и поставит выше всех других князей, и распространит город этот паче всех других городов; и будет род твой обладать местом сим вовеки; и руки его взыдут на плечи врагов ваших; и будут жить в нем святители; и кости мои здесь положены будут». Эти пророческие слова, переходя по преданию от поколения к поколению, помнились и приводились для поддержания могущества

и величия Москвы. В следующем году (1326) 21 декабря Петр скончался, оставшись навсегда в воспоминаниях потомков святым покровителем Москвы, первым виновником ее нравственного возвышения. Иван, исполняя завещание Петра, окончил постройку храма Успения; кроме этого храма он построил каменную церковь Архангела Михаила на месте прежней, деревянной, и завещал себя похоронить в ней: это был нынешний Архангельский собор, послуживший местом погребения для всех потомков Ивана. Близ своих палат Иван основал монастырь Св. Преображения и построил в нем каменную церковь (единственную из московских церквей, стены которой до сих пор существуют от тех времен в церкви Спаса на Бору) и кроме того церковь Иоанна Лествичника на месте нынешней колокольни Ивана Великого. Стремлению Ивана поднять церковное значение Москвы способствовало то, что преемник Петра, Феогност, поселился в Москве, а за ним впоследствии все митрополиты один за другим пребывали в этом городе и таким образом сообщили ему значение столицы всей русской церкви.



Князь Иван Красный. Гравюра 1850 г.

Иван Данилович во все продолжение своего княжения ловко пользовался обстоятельствами, чтобы, с одной стороны, увеличить свои московские владения, а с другой – иметь первенствующее влияние на князей в прочих русских землях. В этом случае помогла ему более всего вновь вспыхнувшая вражда с Тверью. Там княжил другой сын Михаила Тверского – Александр. После казни брата Александр, как говорит летописец, носил имя великого князя¹⁹. Татары, видимо, не доверяли Александру и находили нужным особенно наблюдать над Тверью. В 1327 году приехал в Тверь ханский чиновник Чолкан с вооруженной толпой татар, выгнал Александра с его двора и расположился в нем, как хозяин. Это, естественно, возбудило страх и ропот в народе. Начали толковать, что татары хотят перебить русских князей, управлять Русью посредством своих чиновников и насильно обращать христиан в басурманскую веру. Татары по привычке обращаться с русскими, как с рабами, совершали в Твери разные бесчинства. 15 августа поднялся мятеж против татар. По одним известиям, сам Александр возбуждал тверичей из мести за своего отца и брата, по другим же – он, напротив, приказывал им терпеть, но неожиданный случай произвел вспышку в народе. Татары хотели отнять у диакона Дюдка молодую и жирную кобылу. Диакон сделал клич к народу, который уже прежде был раздражен наглостью татар. Ударили в вечерней колокол, народ собрался и перебил Чолкана и его татар. Только немногие табунщики успели уйти и дали знать в Орде о происшествии.

Мщение было неизбежно. Князь Иван Данилович, услышав о том, что сделалось в Твери, наскоро побегал в Орду и оттуда в звании старейшего князя шел с татарами наказывать Тверь. Татарская рать была под предводительством пяти темников. Иван Данилович потребовал, чтобы суздальский князь присоединился к нему. Суздальский князь не посмел ослушаться. Рать зимой вошла в Тверскую землю, жгла города, села, убивала жителей и старых, и малых; иных брала в неволю; другие, лишённые приюта, замерзали. Так разорены были Кашин и Тверь. Князь Александр с братом Константином ушел в Новгород; новгородцы не приняли Александра; он бежал в Псков. Тем временем татары, вероятно, не зная, что новгородцы прогнали Александра, напали на Новоторжскую землю, принадлежавшую Новгороду, и опустошили ее. Дело разъяснилось тогда, когда монгольские послы прибыли в Новгород и получили там 2000 гривен серебра и много даров.

Тверская область была до того опустошена и обезлюдела, что в течение целого столетия носила на себе следы этого погрома.

Расправившись с Тверью, Иван поехал в Орду явиться к Узбеку. Узбек очень хвалил его, и с тех пор положение Ивана стало еще крепче. Тогда же прибыл к Узбеку с поклоном брат Александра Константин. Узбек принял и его милостиво, не помянул вины, которую считал за его братом, утвердил на тверском княжении, но приказал Ивану и с ним всем русским князьям отыскать Александра и представить в Орду на расправу. По ханскому приказу Иван в 1329 году с митрополитом, суздальским князем и двумя тверскими князьями, братьями Александра, прибыл в Новгород и оттуда послал к Александру послов. В Псков поехал сам новгородский владыка Моисей с некоторыми знатными новгородцами; он убеждал Александра ехать добровольно в Орду, «не давать христиан на погибель поганым». Александр совсем было согласился, но псковичи удержали его и говорили: «Не езд, господине, в Орду; что бы с тобою ни было, заодно умрем с тобою!»

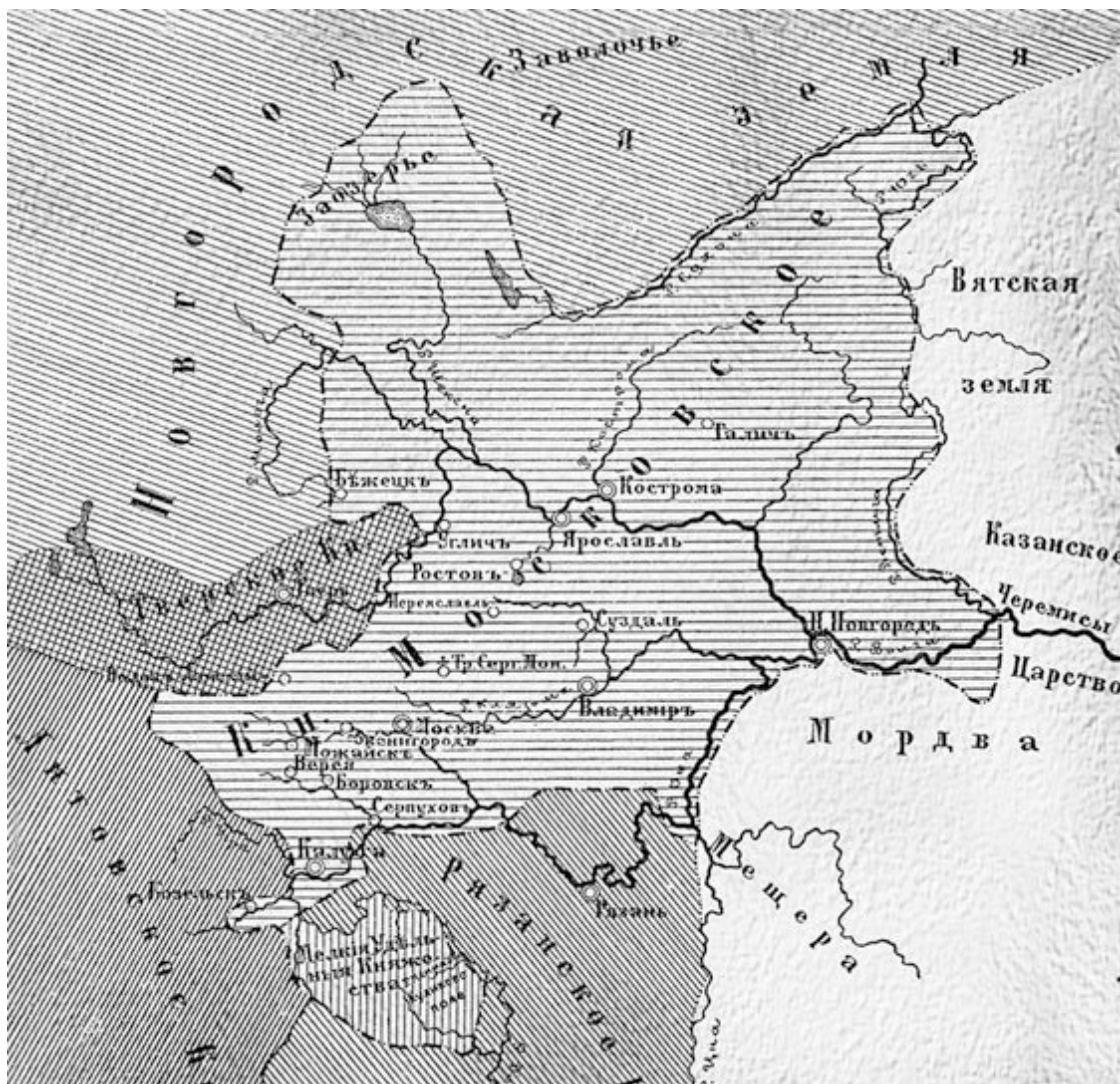
¹⁹ Факт этот представляется нам до крайности странным: каким образом Узбек, убив отца и брата Александра, мог доверить этому князю старейшинство на Руси? Так как более старые редакции наших летописей ничего ровно не говорят о назначении его великим князем, а известия об этом назначении находятся только в позднейших редакциях, то мы бы отвергли этот факт как ложный, если бы нас в этом случае не останавливала новгородская грамота, из которой видно, что новгородцы в 1327 году признавали над собой власть Александра в качестве старейшего, или великого, князя. Во всяком случае в этом есть что-то для нас неизвестное и непонятное.

Иван Данилович, получив отказ, поднял всю землю Новгородскую и пошел ратью на Псков, а митрополит Феогност в угоду Ивану наложил на псковичей проклятие и отлучение от церкви.

Тогда Александр сказал псковичам: «Братья и друзья мои! Пусть не будет на вас из-за меня проклятия и отлучения; я уеду, а вы целуйте крест не выдавать моей княгини».

Александр уехал в Литву, а псковичи послали послов к Ивану с таким словом: «Князь Александр уехал, весь Псков кланяется тебе, князю великому, от мала до велика: и попы, и чернецы, и черницы, и сироты, и жены, и малые дети». Это было первое заявление покорности Пскова Москве, новый шаг к возвышению значения московского князя.

Иван удовольствовался этим заявлением, и митрополит снял со псковичей проклятие, употребив свою духовную власть в пользу московского князя. Обстоятельства продолжали благоприятствовать Москве. Александр хотя вернулся во Псков и прожил там десять лет, но был уже бессилён; его брат Константин, управляя разоренной Тверской землей, угождал московскому князю, любимцу царя, так как страшился повторения над своей областью того, что она испытала при его брате. В собственно Московской земле Иван уже владел Можайском, Коломной, Рузой, Звенигородом, Серпуховым, к ней присоединялся и Переяславль со своей волостью. Князья других русских земель оказались поставленными в такое положение, что должны были подчиняться Ивану со своими землями. Суздальский князь Александр Васильевич и все другие удельные князья Ростовско-Суздальской земли стали его подручниками. После смерти Александра Васильевича Иван удержал за собой Владимир, а новый суздальский князь Константин Васильевич должен был довольствоваться тем, что ему оставил московский князь. Иван отдал одну из своих дочерей за Василия Давидовича Ярославского, а другую – за Константина Ростовского и самовластно распоряжался уделами своих зятьев. «Горе, горе городу Ростову и князьям его, – говорит одно старинное сказание, – отнялась у них власть и княжение; и немало было ростовцев, которые поневоле отдавали москвичам имущество свое, терпели побои и язвы на теле своем». Посланный в Ростов от Ивана Даниловича боярин Кочевяков свирепствовал над жителями, как будто над завоеванными, и одного старейшего боярина, Аверкия, приказал при всем народе повесить за ноги и нещадно бить палками. Подобные поступки совершались не в одном Ростове, но и во всех местах, подпавших под власть москвичей, которые, где только могли, показывали себя высокомерными господами над прочими русскими людьми. Эти поступки вывели из терпения ярославского князя; несмотря на свое родство с московским князем, он соединился против него с Александром Михайловичем Тверским. Князья рязанские поневоле должны были повиноваться Ивану Даниловичу и ходить со своей ратью, куда он им прикажет: Иван был в чести у хана, а Рязанская земля находилась на пути из Орды в Москву и за строптивость своих князей первой могла подвергнуться жестокой каре от Орды, требовавшей повиновения Москве. Города Углич, Галич и Белозерск были приобретены Иваном посредством купли от князей. Кроме того, он покупал и променивал села в разных местах: около Костромы, Владимира и Ростова, на реках Маса, Киржаче и даже в Новгородской земле вопреки новгородским грамотам, запрещавшим князьям покупать там земли. Он заводил в Новгородской земле слободы, населял их своими людьми и таким образом имел возможность внедрять там свою власть и подобным путем.



Карта Московского княжества

Новгород, находившийся пока в дружбе с Москвой, вскоре испытал на себе плоды ее усиления, которому он так содействовал. Новгородцы слишком много оказали услуг московским князьям: казалось, нужно было пройти долгому времени и явиться очень важным причинам и непредвиденным столкновениям, чтобы между Новгородом и Москвой могло вспыхнуть несогласие. Но Иван не задумывался в выборе средств для своей выгоды. В 1332 году он возвратился из Орды, где достаточно поистратился на подарки, и стал приискивать средств, как бы и чем ему вознаградить себя. Он вспомнил, что у новгородцев есть закамское серебро. В сибирских странах с незапамятных времен велось добывание руды и обрабатывались металлы. До сих пор так называемые чудские копи по берегам Енисея служат памятниками древней умелости народов алтайского племени. Новгород, владевший северо-востоком нынешней европейской России под названием Заволочья (берегов Двины), Печоры и Перми и частью азиатской России под именем Югры, получал отсюда серебро отчасти путем торговых сношений, отчасти же посредством дани, вносимой туземцами подчиненной Новгороду Пермской страны. Иван Данилович потребовал от Новгорода это серебро, которое в то время называлось закамским серебром, и, чтобы иметь в своих руках залог этого требования, захватил Торжок и Бежецкий Верх с их волостями неожиданно и вероломно, не объявив Новгороду, что он считает мирный договор почему-нибудь нарушенным. В Новгороде тогда происходили внутренние смятения: в один год сменили двух посадников, ограбили дворы и села двух бояр; вероятно, эти волне-

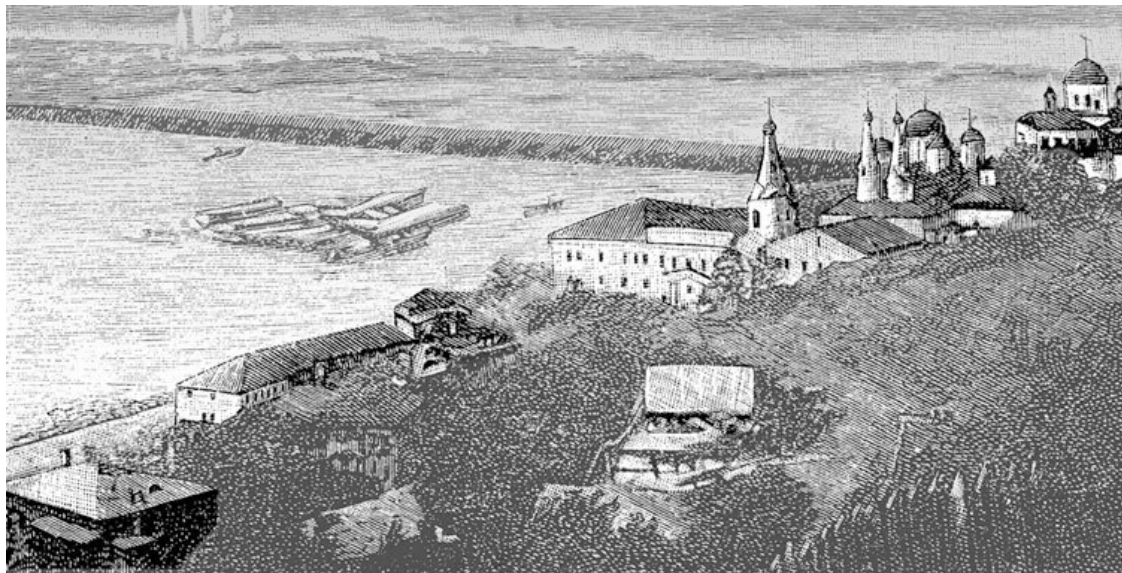
ния состояли в связи с тогдашними неприязненными поступками московского князя, так как всегда во время размолвок с великими князьями в Новгороде были лица, считавшиеся их сторонниками и благоприятелями и за то испытывавшие озлобление раздраженного народа. На другой год Иван Данилович повторил свое требование, вошел в Торжок с подручными себе князьями земель Суздальской и Рязанской и сидел в Торжке около двух месяцев. Новгородцы посылали к нему дружественное посольство, просили приехать в Новгород мирно, но Иван не хотел слушать их и уехал прочь. Новгородским волостям нелегко было от его посещения. Иван вывел своих наместников из Городища и таким образом находился уже в открытой вражде с Новгородом, «в розратье», как тогда говорили.

Тогда новгородцы принялись укреплять свой город; владыка строил каменные стены детинца; юрьевский архимандрит возводил около своего монастыря стены, а между тем еще раз новгородцы пытались поладить с московским князем. Владыка Василий поехал к нему с двумя новгородскими боярами и застал его в Переяславле. От лица Новгорода он предлагал великому князю пятьсот рублей серебра и просил, чтобы великий князь отступился от слобод, заведенных им на Новгородской земле вопреки договору, им же утвержденному крестным целованием. Иван Данилович не послушал его.

Тогда новгородцы пожалели, что в угоду московской власти так преследовали тверского князя. Александр жил в Пскове: новгородцы из-за него были не в ладах со Псковом; новгородский владыка семь лет не бывал в Пскове и наказывал своим пастырским неблагословением Псков, непослушный Новгороду и великому князю; теперь он отправился в Псков, был там принят с честью, благословил князя Александра и крестил у него сына Михаила. Этого было недостаточно. Новгороду нужен был сильный союзник, который бы мог составить противовес могуществу московскому, и Новгород сошелся тогда с литовским князем Гедимином, завоевавшим почти всю Западную Русь: он, заступившись за Новгород, один мог остановить Ивана. В октябре 1333 года приехал в Новгород сын Гедимины Наримонт, нареченный при крещении Глебом и избранный новгородцами на княжение. По обычаю своих дедов новгородцы посадили его на столе у Св. Софии и дали ему в отчину и дедину Ладогу, Ореховский город, Корельск и половину Копорья.

Иван Данилович между тем снова съездил в Орду и, вернувшись назад в 1334 году, стал податливее. Если путешествие московского князя в Орду пугало новгородцев, так как они думали, что князь хочет подвинуть на них татарскую силу, то со своей стороны Иван, человек характера невоинственного, хотя и хитрый, тревожно смотрел на дружбу новгородцев с его заклятым врагом Александром и еще более на союз их с Гедимином. Новгород, хотя и готовился отразить насильственные покушения Москвы, был не прочь помириться с ней: новгородцы не могли быть уверены, что Гедимин заступится за них в такой мере, чтобы воевать с ханом, да и при помощи Гедимины нелегко было отважиться Новгороду на борьбу с Ордой и с силами русских земель, находившихся под рукой Ивана Даниловича; к тому же призванный новгородцами Наримонт оказывался малоспособным к доблестным подвигам и к геройской защите земли, пригласившей его так радушно. Владыка Василий еще до возвращения Ивана из Орды ездил к митрополиту Феогносту, виделся с ним во Владимире и располагал его действовать на Ивана примирительно. После своего возвращения из Орды Иван Данилович, кроме других соображений, побуждаемый к миру и митрополитом, принял новгородского посла Варфоломея Юрьевича уже не так, как он принимал прежних послов, не высокомерно, а любовно, и вслед за тем сам приехал в Новгород 16 февраля 1334 года. В Новгороде примирение с великим князем произвело большую радость. Люди, расположенные к Москве и не смевшие до тех пор проявить своего расположения, теперь взяли верх и оказывали влияние на народ. В угоду московскому князю новгородцы готовы были вместе с москвичами идти войной на Псков и доставать оттуда князя Александра Михайловича. Они забыли и незадолго до того показанное неуважение московского князя ко всякого рода договорам и крестному целованию, и свою

недавнюю дружбу со псковичами, вынужденную поступками московского князя. До войны со Псковом не дошло, но после этого новгородцы со псковичами остались не в мирных отношениях. Иван Данилович позвал к себе в Москву новгородского владыку, посадника, тысяцкого, бояр и оказывал им большие почести. Казалось, восстановились самые прочные дружеские отношения между Новгородом и Москвой.



Благовещенский монастырь в Нижнем Новгороде

Но прошло три года, и в 1337 году Иван Данилович, опять нарушив договор, послал свое войско в Двинскую землю с целью овладеть этим важным краем; покушение его не удалось; посланное войско вернулось оттуда пораженное со срамом. Новгородцы тогда обратились к псковичам, владыка Василий отправился во Псков, но уже его приняли там не так, как прежде; псковичи научены были опытом, как новгородцы в беде обращаются к ним, а потом, когда думают, что беда для них минула, готовы идти на них вместе с теми, против которых прежде искали опоры. Они не хотели дать владыке «подъезда» или части судных пошлин, которые собирал владыка в свою пользу. Архиепископ проклял псковичей.

Десять лет прожил Александр Михайлович во Пскове, и несносна была ему изгнанническая судьба. Думал он и передумывал, что делать ему. Жаль ему было детей и потомков своих, которые должны были не только лишиться владения, но мало-помалу выйти из рода князей. Продолжало, вероятно, томить его и то, что псковичи, даровавшие ему приют у себя, из-за него подвергались проклятию от своего архиепископа. Еще в 1336 году отправил он в Орду сына своего Федора узнать: есть ли надежда ему получить прощение и милость хана Узбека. Федор, возвратившись из Орды, принес утешительные известия. Тогда в 1337 году Александр отправил посольство к митрополиту Феогносту и просил от него благословения идти в Орду. Феогност дал ему благословение, вероятно, в то время, когда не было рядом Ивана Даниловича, иначе последний не допустил бы этого. Александр отправился в Орду и явился прямо перед Узбеком.

Наши летописи представляют Александра, произносящего такую речь перед своим царем: «Господин самовластный (вольный) царь! Если я и много дурного сделал тебе, то теперь пришел к тебе принять от тебя либо жизнь, либо смерть. Как Бог тебе на душу положит, а я на все готов!»

Узбеку очень понравились такая прямота и вместе рабская покорность. «Видите ли, – сказал Узбек окружающим его (так передают летописи), – как Александр Михайлович смиренную мудростью избавил себя от смерти».



Князь Иван Данилович. Титулярник 1672 г.

Узбек простил Александра, оказал ему большой почет у себя и отпустил на Русь с правом сесть на столе в отеческой Твери. Двое вельмож татарских, Киндяк и Авдул, провожали его. Брат Константин, владевший Тверью, добровольно уступил ее Александру.

Возвращение Александра было страшным ударом для московского князя. Если его заклятый враг, которого он по приказанию хана преследовал и добивался взять живьем для

казни, теперь приобрел милость того же хана, то отсюда могло произойти то, что помилованный князь войдет в доверие к хану и постарается в свою очередь насолить своему сопернику. Иван Данилович поспешил в Орду, взял с собой сыновей, чтобы представить хану как будущих вернейших его слуг, и старался всеми мерами очернить и оклеветать тверского князя. Ему это удалось. Узбек послал одного из своих приближенных, Истрочей, звать Александра.

Истрочей по приказанию Узбека и по наставлению Ивана принял перед Александром самый ласковый вид и говорил: «Самовластный царь Узбек зовет тебя с сыном Федором; царь сделает для тебя много хорошего; ты примешь великое княжение, и большой почет тебе будет».

Но Александр догадался, что тут что-то не так. «Если я пойду в Орду, – говорил он своим, – то буду предан смерти, а если не пойду, то придет татарская рать и много христиан будет убито и взято в плен, и на меня вина падет: лучше мне одному принять смерть».

Он начал снаряжаться в Орду и послал вперед своего сына Федора узнать, что значит этот призыв и чего он может ждать в Орде. А между тем тверские бояре, рассудив, что служить московскому князю выгоднее, отъезжали от Александра к его врагу. К этому, быть может, побуждало их еще и то, что Александр вернулся из Пскова с новыми боярами и между прочим с иноземцами; так был у него в чести немец Матвей Доль; и старым боярам пришлось не по сердцу стать ниже этих новичков и пришельцев.

Федор не приехал обратно; его удержали в Орде, но он известил отца, что царь Узбек гневается на него. Возврата не было Александру. Если он решится бежать куда-нибудь по-прежнему, то сын в Орде должен будет выпить за него горькую чашу. Князь поехал в Орду. Иван Данилович, решив свои дела, вернулся домой и наблюдал, что станется с его соперником, которому он, насколько сил его было, подготовил гибель.

Осталось предание, что когда Александр Михайлович плыл по Волге, тогда поднимался противный ветер и относил его судно назад, как будто давая несчастному князю предсказание, что будет ему беда там, куда он держит путь. Когда Александр Михайлович проплыл с большим трудом через русские земли, ветер перестал обращать его судно назад. Поехали одновременно с ним князья ярославский и белозерский, ненавидевшие Ивана Даниловича и готовые защищать Александра Михайловича; однако никто не мог ему тогда помочь: Ивану Даниловичу больше всех верил властитель Руси, и, вероятно, Иван Данилович представил этому властителю какие-то убедительные доводы против тверского князя, если Узбек так скоро изменил к последнему свою милость.

Когда заранее осужденный на смерть князь прибыл в Орду, сын Федор первый со слезами известил его, что дела плохи. Затем татары, расположенные к нему, сказали: «Царь хочет тебя убить! Тебя крепко оклеветали перед ним!» – «Что же я буду делать! – отвечал Александр. – Если Бог захочет предать меня смерти, кто же может меня избавить?»

Александр привез дары царю, царице, вельможам. Прошел месяц в тревожном ожидании. 26 ноября 1338 года сказали Александру, что через три дня ему будет конец. Александр употребил это время на молитву. Наконец настал роковой день. Отслушав заутреню, Александр послал к царице узнать, что его ожидает, а сам сел на коня и ездил, расспрашивая: долго ли ему ждать смерти. Князю сообщили, что через час придет его смерть. Александр вернулся в свой шатер, обнял сына и своих бояр и причастился Св. Тайн. Его слуги прибежали с известием, что идут палачи, ханские посланцы Беркан и Черкас. Александр вышел к ним навстречу. Его схватили, сорвали с него одежды и повели нагого со связанными руками к ханскому вельможе Тавлугбегу, сидевшему на коне. «Убейте!» – крикнул Тавлугбег. Татары повалили на землю Александра и его сына Федора, убили их, а потом отрубили им головы. Бояре и слуги Александра в страхе разбежались, но потом с дозволения татар взяли тела убитых своих князей и повезли в Тверь, где оба князя положены были рядом с другими двумя, также убитыми в Орде.

Иван Данилович радовался. Смерть Александра не только избавляла его от непримиримого врага, но была новым свидетельством чрезвычайного доверия к нему хана Узбека. Иван

Данилович мог быть спокоен не только за себя, но и за своих сыновей. Он оставил их в Орде. После смерти Александра они вернулись из Орды с большой честью. Великая радость и великое веселье были тогда в Москве. Иван Данилович, унижая ненавистную Тверь, приказал снять с тверской церкви Спаса колокол и привезти в Москву.

Когда Александр Михайлович вошел было в милость у хана, Иван Данилович, испугавшись этого, постарался поладить с новгородцами и отправил к ним сына Андрея. Все притязания его на Заволочье были тогда оставлены; но когда Александра убили, Иван, уверившись, что он более, чем когда-нибудь, крепок ханским благоволением, опять заговорил иным языком с новгородцами. Новгородцы привезли ему свою часть ордынского выхода. «Этого мало, – сказал им Иван, – царь с меня еще больше запросил, так вы мне дайте запрос царев!» – «Так и сначала никогда не бывало, – отвечали новгородцы. – Ты, господин, целовал крест Новгороду поступать по старым пошлинам новгородским, по грамотам прадеда своего Ярослава Владимировича». Иван не слушал, приказал своим наместникам уехать с Городища и готовился идти на Новгород. Призванного новгородцами князя Наримонта (Глеба) уже не было там; ему не по вкусу был новгородский хлеб; он ушел в свою Литву и утвердился князем в Пинске. Новгородцам пришлось искать другого князя. Но опасность войны с Москвой на этот раз миновала Новгород.

Получил Иван ханское приказание идти с войском в другую сторону, против смоленского князя Ивана Александровича (племени Ростислава Мстиславича от его сына Давида), не желавшего повиноваться хану. С этой целью прибыл в Москву ханский посол Тавлугбег. По его требованию Иван Данилович послал на Смоленск разных подручных князей и московскую рать под начальством своих воевод, но сам не пошел на войну. Этот поход окончился ничем; хорошо укрепленный Смоленск не был взят; осаждавшее его полчище отступило через несколько дней осады. Иван опять стал помышлять о Новгороде, но тут постигла его смертельная болезнь. 31 марта 1341 года он умер, приняв перед смертью схиму, и на другой день был погребен в построенной им церкви Архангела Михаила, оставив своим преемникам из рода в род завет продолжать прочно поставленное им дело возвышения Москвы и распространения ее власти над всеми русскими землями.

Великий князь Дмитрий Донской

Первенство Москвы, которому начало положили братья Даниловичи, опиралось главным образом на покровительство могущественного хана. Иван Калита был силен среди князей русских и заставлял их слушаться себя благодаря тому, что все знали об особой милости к нему хана и потому боялись его. Он умел воспользоваться как нельзя лучше таким положением. При двух его преемниках условия были все те же. Хан Узбек и затем его сын Джанибек давали старейшинство московским князьям одному за другим. С 1341 по 1353 год был великим князем старший сын Калиты Симеон, а с 1353 по 1359 год – другой сын, Иван. Оба князя ничем важным не ознаменовали себя в истории. Последний как по уму, так и по характеру был личностью совершенно ничтожной. Но значение Москвы для прочих князей держалось в продолжение этих двух княжений временной милостью хана к московским князьям. После смерти Ивана Москва подверглась большой опасности потерять это значение. Преемником Ивана был девятилетний Дмитрий; тут-то оказалось, что стремление к возвышению Москвы не являлось делом одних князей, что понятия и поступки московских князей стали выражением той среды, в которой они жили и действовали. За малолетнего Дмитрия стояли московские бояре; в основном это были люди, по своему происхождению не принадлежавшие Москве; отчасти они сами, а отчасти их отцы и деды пришли с разных сторон и нашли себе в Москве общее отечество; вот они и ополчились дружно за первенство Москвы над Русью. То обстоятельство, что они приходили в Москву с разных сторон и не имели между собой иной политической связи, кроме той, что всех их приютила Москва, способствовало их взаимному содействию в интересах общего для них нового отечества. В это же время в Орде произошел перелом, с которого началось ее быстрое окончательное падение. Джанибека убил его сын Бердибек, а Бердибека – полководец Наврус, объявивший себя ханом. Суздальский князь Дмитрий Константинович отправился в Орду и получил там великое княжение. За него стояли новгородцы, чувствовавшие тягость московского первенства, так как по следам Калиты его сын Симеон теснил и обирал Новгород, придумав новый вид поборов с черных людей Новоторжской волости под названием «черного бора» (то есть побора). Суздальский князь, приехав с ханским ярлыком, сел на великокняжеском столе во Владимире, и этому городу опять, по видимому, предстояло возратить себе отнятое Москвой первенство. Но покровитель суздальского князя Наврус был в свою очередь убит другим полководцем, Хидырем, и последний объявил себя ханом. Московские бояре повезли к нему десятилетнего Дмитрия Ивановича. Было естественно новому повелителю изменить распоряжения прежнего: он дал ярлык на княжение Дмитрию. Таким образом, на этот раз уже не московский князь, неспособный по малолетству управлять, а сама Москва как одна из земских единиц приобретала первенствующее значение среди других земель и городов на Руси; прежде ее возвышало то, что московский князь был по воле хана старейшим, а теперь наоборот – малолетний князь делался старейшим именно потому, что являлся московским князем. Но Хидырь был вскоре умерщвлен своим сыном, которого также немедленно убили. Орда разделилась. Сильный темник Мамай поставил ханом какого-то Абдула, а сарайские вельможи – брата Хидыря Мюрида. Москвичам показалось сначала, что партия Мюрида сильнее, и они выхлопотали у него ярлык для Дмитрия, но в следующем году (1362) они увидели, что партия Мамаева берет верх, и тотчас обратились к нему и получили для Дмитрия ярлык на великое княжение от имени Абдула. Таким образом, несовершеннолетний московский князь был утвержден сразу двумя соперниками, готовыми растерзать друг друга. Мюрид, узнав, что московский князь получил ярлык от его врага, послал ярлык суздальскому князю. Началась было междоусобная война между двумя соискателями. Однако у Дмитрия Суздальского в то же время произошла ссора с братом Борисом за Нижний Новгород, и Дмитрий Константинович, желая после смерти своего брата Андрея овладеть

Нижним Новгородом, помирился с Москвой и с ее помощью утвердил за собой Нижний Новгород. В 1365 году пятнадцатилетний Дмитрий сочетался браком с его дочерью Евдокией.



Великий князь Дмитрий Иванович Донской. Титулярник 1672 г.



Митрополит Петр

Уже во время несовершеннолетия Дмитрия бояре от его имени распоряжались судьбой удельных князей. В 1363 году они стеснили ростовского князя и выгнали галицкого и стародубского князей из их волостей. Гонимые и теснимые Москвой, князья обращались к суздальскому князю, но после примирения с Москвой сам суздальский князь признал над собой первенство московского.

Среди руководителей делами в то время важное место, бесспорно, занимал митрополит Алексей, уважаемый не только Москвой, но и в Орде, так как еще прежде он исцелил жену Джанибека Тайдулу, и на него смотрели как на человека, обладающего высшей чудотворной силой. Под его благословением составлен был в 1364 году договор между Дмитрием Московским и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем, получившим в удел Серпухов. Этот договор может до известной степени служить образцом тогдашних отношений зависимых князей к старейшему: Владимир Андреевич имел право распоряжаться своей властью как вотчинник, но обязан был повинаться Дмитрию, давать ему дань, следуемую хану,

считать врагами врагов великого князя, участвовать со своими боярами и слугами во всех походах, предпринимаемых Дмитрием, получая от него во время походов жалованье. Бояре из уделов обоих князей могли переходить свободно; но это позволение не простиралось на остальных жителей; князья не имели права покупать имений в чужом уделе, и в случае тяжб между жителями того и другого удела производился совместный суд, как бы между особыми государствами, а если судьи обеих сторон не могли между собой согласиться, то назначался суд третейский. Таким образом, в то время, когда Москва возвышалась над прочими русскими землями и распоряжалась их судьбой, в самой Московской земле возникало удельное дробление, естественно замедлявшее развитие единовластия, но в то же время и принимались меры, чтобы при таком дроблении сохранялась верховная власть лица, княжившего в самой Москве.



Митрополит Алексий

Личность великого князя Дмитрия Донского представляется по источникам неясной. Мы видим, что во время его отрочества, когда он никак не мог действовать самостоятельно, бояре вели дела точно в таком же духе, в каком бы их вел и совершеннолетний князь. Летописи, уже описывая его кончину, говорят, что он во всем советовался с боярами и слушался их, что бояре были у него как князья; также завещал он поступать и своим детям. От этого невозможно отделить: что из его действий принадлежит собственно ему и что – его боярам; по некоторым чертам можно даже допустить, что он был человек малоспособный и потому руководимый другими и этим отчасти объяснить те противоречия в его жизни, которые бросаются в глаза, то смешение отваги с нерешительностью, храбрости с трусостью, ума с бестактностью, прямодушия с коварством, что выражается во всей его истории.

Из князей других русских земель всех опаснее для Москвы казался Михаил, сын Александра Михайловича Тверского. Он естественно питал родовую ненависть к московским князьям и был при этом человеком предприимчивым, упрямого и крутого нрава. Будучи сначала князем в Микулине, он овладел Тверью, назывался великим князем тверским и в качестве старейшего хотел подчинить своей власти ближайших родственников, князей Тверской земли. Между ним и его дядей Василием Кашинским возник спор за владение умершего князя Семена Константиновича, который завещал его Михаилу Александровичу. Так как дело по завещанию касалось церкви, то его разбирал тверской епископ Василий и решил в пользу Михаила Александровича. Первопрестольник русской церкви митрополит Алексей, сильно радевший о величии Москвы и ее выгодах, был очень недоволен таким решением и призвал Василия в Москву. Современники говорят, что тверской епископ потерпел там большие «протори». Между тем Василию Кашинскому послали из Москвы рать на помощь против Михаила Александровича, и Василий отправился силой выгонять своего племянника из Твери, однако у Михаила Александровича также был могучий покровитель, его зять, литовский великий князь Ольгерд, женатый на его сестре Иулиании. Кашинцы и москвичи не взяли Твери, а только успели наделать разорения Тверской волости, как явился Михаил с литовской помощью. Дядя и стоявший за дядю племянник князь Иеремий уступили во всем Михаилу и целовали крест повиноваться ему, но Иеремий немедленно после того бежал в Москву и умолял московского князя распорядиться тверскими уделами.

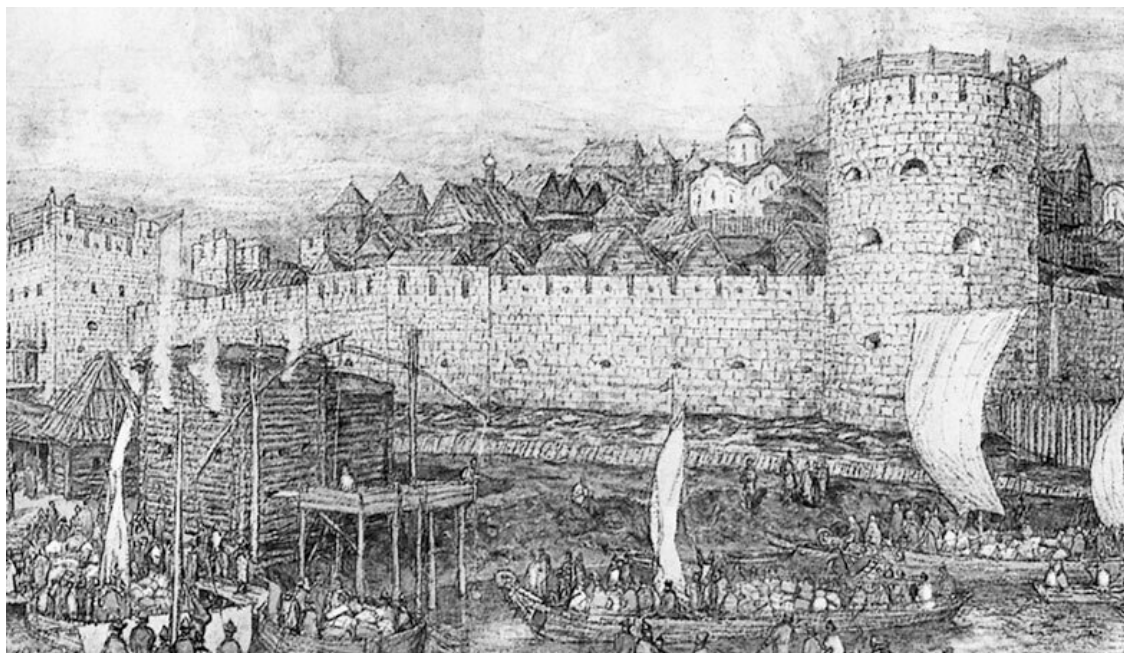
Москвичи придумали иным способом расправиться с Михаилом. Митрополит Алексей и великий князь приглашали «любовно» Михаила приехать в Москву на третейский суд. Митрополит уверил его своим пастырским словом в безопасности. Михаил приехал: его взяли под стражу и разлучили с боярами, которых также заточили. Но Москва не воспользовалась этим поступком, а напротив, только повредила себе. Вскоре после того прибыли из Орды татарские послы; неизвестно, требовали ли они освобождения Михаила или же москвичи боялись, что татарам будет неприятен этот поступок, только Михаил был выпущен и, как говорят, его принудили целовать крест на том, чтобы повиноваться московскому князю. Москва тем временем овладела Городком (на реке Старице). Московский князь послал туда князя Иеремию, а вместе с этим князем и своего наместника.

С этих пор Михаил решил во что бы то ни стало отомстить Москве и нанести ей жестокий удар. Он в особенности обвинял митрополита Алексея: «Я всего больше любил митрополита и доверял ему, – говорил Михаил, – а он так посрамил меня и поругался надо мною».

Михаил отправился в Литву к Ольгерду и побудил его идти на Москву. Разгневав Михаила, москвичи не сообразили, что он может навести на Москву опасного врага, и не приняли никаких мер обороны. В Москве узнали о нашествии Ольгерда только тогда, когда литовский князь уже приближался с войском к границе вместе со своим братом Кейстутом, племянником Витовтом, разными литовскими князьями, смоленской ратью и Михаилом Тверским. В обычае этого воинственного князя было не сообщать заранее никому, куда собирается идти на войну, совершать походы скорые и нападать внезапно. Князья, подручные Дмитрию, не успели

по его призыву прибыть на защиту Москвы. Оставалось обороняться силами одной Московской земли: Дмитрий выслал против врага воеводу Дмитрия Минина, а Владимир Андреевич – Акинфа Шубу. Литовцы на своем пути жгли, грабили селения, истребляли людей; высланная московская рать была ими разбита в прах, 21 декабря 1368 года на реке Тростне воеводы пали в битве. «Где есть великий князь со своею силою?» – спрашивал Ольгерд пленных. Все в один голос давали такой ответ: «Князь в городе своем Москве, а рати не успели собраться к нему». Ольгерд поспешил прямо к Москве. Великий князь Дмитрий, князь Владимир Андреевич, митрополит, бояре со множеством народа заперлись в Кремле, который был незадолго перед тем укреплен каменной стеной. Москвичи сами сожгли посад около Кремля. Ольгерд три дня и три ночи простоял под стенами Кремля. Взять его приступом было трудно, а морить осажденных голодом Ольгерд не решался, так как зимой стоять долгое время в открытом поле было бы слишком тяжело для осаждающих; притом же на выручку Москве могли подоспеть рати подручных князей. Ольгерд приказал сжечь вокруг Москвы все, что еще не сожгли сами русские. Тогда кроме посада, обнесенного дубовой стеной, за его пределами было поселение, носившее название Загородье, а за Москвой-рекой – другое, называемое Заречье. Литовцы сожгли все, не щадя ни церквей, ни монастырей; возвращаясь назад, они разоряли Московскую волость, жгли строения, грабили имущества, забирали скот, убивали или гнали в плен тех людей, которые не успевали спастись от них в леса. По известию современника, Москва потерпела от Ольгерда такое бедствие, какого не испытывала со времени нашествия Батыя. Таковы были последствия неловкой московской политики: хотя москвичи и действовали в духе, указанном Калитой, но до крайности неудачными способами; думая сломить силу опасного тверского князя, они сделали его еще опаснее для себя и легкомысленно навлекли на свою землю беду от нового врага, который, до того времени постоянно занятый другими войнами и делами собственной страны, не делал никаких покушений на Московскую землю.

Этим дело не окончилось. Москва за разорение, нанесенное ей литовцами, хотела вознаградить себя разорением Тверской и Смоленской земель. Сначала москвичи и с ними волочане (то есть жители Волока-Ламского) разграбили Смоленскую волость в отмщение за то, что смольняне ходили с литовцами на Москву; а потом московский великий князь послал объявить войну тверскому. Михаил Александрович тотчас убежал в Литву. Московская рать два раза вступала в Тверскую землю, разоряла села и волости, взяла под начальством самого Дмитрия Зубцов и Микулин. Москвичи пригнали тогда из Тверской земли множество пленных и скота в свою разоренную литовцами землю. Пленные из Тверской земли заменяли в Московской земле тех людей, которых угнали литовцы. Тверичи были «смирены до зела», по выражению летописца.



А.М. Васнецов. Московский Кремль при Дмитрие Донском

Ольгерд на этот раз не мог оказать скорой помощи шурина, потому что был занят войной с Орденом. Михаил Тверской, услышав о бедствии своей земли, сильно опечалился и принял решение, вероятно, с согласия Ольгерда, иным способом отомстить своему врагу. Он отправился в Орду и без труда выхлопотал себе там великокняжеское достоинство от Мамант-Салтана, хана, посаженного Мамаем, но об этом узнали в Москве и поставили заставы, чтобы изловить Михаила на обратном пути. К счастью, у Михаила были доброжелатели в Москве; они дали ему знать, и он опять пробрался в Литву. По усиленной просьбе своей жены Ольгерд решился наконец помогать ее брату. Он двинулся на Московскую землю с братом Кейстутом, литовскими князьями, Святославом Смоленским и Михаилом Тверским. Простояв несколько дней у Волока и не взяв его, литовцы пришли к Москве 6 декабря 1370 года. Дмитрий заперся в Кремле, а Владимир Андреевич, собрав свою рать, стоял в Перемышле. С ним были заодно рязанская и пронская рати. Литовцы сожгли часть только что возобновленного посада и окрестные села, но, простояв 8 дней под Кремлем, Ольгерд заключил с московским князем перемирие до Петрова дня; он хотел даже вечного мира и предлагал родственный союз, обещая выдать свою дочь Елену за князя Владимира Андреевича. Но дело на этот раз пока ограничилось одним перемирием. В том году была необыкновенно теплая зима, преждевременно наступила оттепель и распустились реки; пути испортились; отступать было трудно; а между тем на Ольгерда русские готовились ударить с тыла. Кроме того, Ольгерда торопили домой дела с немецким Орденом. Все эти обстоятельства побудили его оставить Михаила.

Лишенный помощи зятя, тверской князь опять отправился в Орду. На этот раз ему предлагали там татарское войско, но он не решился подвергать русские земли разорению, сообразив, что в таком случае вызовет к себе всеобщую ненависть русских. Михаил думал, что достаточно будет одного ханского посла с ярлыком, повелевающим русским признавать Михаила великим князем, но Орда до того ослабела от внутренних междоусобий, что ее уже не боялись, как прежде, и Дмитрий Московский приводил к присяге владимирцев и жителей других городов сохранять ему верность, не обращая внимания на татарские ярлыки, повелевающие повиноваться тверскому князю; сам Дмитрий остановился с войском в Переяславле вместе с Владимиром Андреевичем. Михаил с ханским послом Сарыходжой прибыл к городу Владимиру; владимирцы не пустили их. Сарыходжа звал Дмитрия во Владимир слушать ярлык;

Дмитрий отвечал ему так: «К ярлыку не еду, на великое княжение не пушу, а тебе, послу цареву, путь чист». Вместе с тем он послал дары Сарыходже. Сарыходжа оставил Михаила и поехал в Москву. Его приняли там с таким почетом и так щедро одарили, что он окончательно перешел на сторону Дмитрия, уговорил его ехать к Мамаю и обещал ходатайствовать за него.



Битва русских с ордынцами на реке Божье в 1378 г. Миниатюра XVI в.



Н. Некрасов. Куликовская битва

Михаил с досады разорил Мологу, Углич, Бежецкий Верх и вернулся в Тверь, а в Орду выслал своего сына Ивана. Тогда по общему совету с митрополитом и боярами Дмитрий сам отправился вместе с Андреем Ростовским и московскими боярами и слугами искать милости Мамаю. Митрополит Алексей проводил его до Оки и благословил на путь. Несмотря на то что Дмитрий уже раздражал Мамаю, еще нетрудно было приобрести его благосклонность, потому что Мамай был милостив к тому, кто давал ему больше. Дмитрий привез ему обильные дары; притом же Сарыходжа настраивал его в пользу Дмитрия. Москва, несмотря на разорение, нанесенное Ольгердом, была все еще очень богата в сравнении с прочими русскими землями; сборы ханских выходов обогащали ее казну. Дмитрий не только имел возможность подкупить Мамаю, но даже выкупил за 10 000 рублей серебра²⁰ Ивана, сына Михаила, удержанного в Орде за долг, и взял его себе в заложники в Москву: там этот князь находился в неволе на митрополичьем дворе до выкупа. Дмитрий получил от хана ярлык на княжение, и даже Мамай сделал ему такую уступку, что положил брать дань в меньшем размере, чем платилось при Узбеке и Джанибеке; а Михаилу Мамай послал сказать так: «Мы дали тебе великое княжение; мы давали рать и силу, чтобы посадить тебя на великом княжении; а ты рати и силы нашей не взял, говорил, что своею силою сядешь на великом княжении; сиди теперь с кем любо, а от нас помощи не ищи!»

²⁰ Тогдашний рубль приблизительно равнялся гривне, то есть полфунту серебра.

Михаил снова обратился в Литву. На Ольгерда была, по-видимому, надежда плоха: во время поездки Дмитрия в Орду прибыли в Москву послы Ольгерда и обручили с Владимиром Андреевичем дочь Ольгерда Елену, а следующей зимой совершилась их свадьба. Зато Михаил уговорил Кейстута, его сына Витовта, Андрея Ольгердовича Полоцкого и других литовских князей идти с ним на Московскую землю. Дмитрий в то время расправлялся с Олегом Рязанским, вероятно, благоприяствовавшим Михаилу. Этот князь не менее тверского питал родовую неприязнь к московскому княжескому роду, преемственно переходившую от прадеда, некогда задушенного в Москве Юрием Даниловичем. Рязанцы ненавидели москвичей за их надменность и высокомерное обхождение с русскими из других земель. Москвичи называли их «полуумными людищами»; рязанцы обзывали москвичей «трусами» и говорили, что «против них надо брать на войну не оружие, а веревки, чтоб вязать их». Олег потерпел поражение при Скорнищеве; Дмитрий овладел Рязанью и отдал ее князю Владимиру Пронскому в надежде, что новый князь будет ему повиноваться, но от этого не произошло никакой пользы для Москвы: Дмитрий должен был обратиться на Михаила, который приближался с литовской ратью, а Олег, воспользовавшись этим обстоятельством, выгнал пронского князя и стал по-прежнему княжить в Рязани.



Куликовская битва. Поединок Пересвета с Челубеем

Весной 1372 года Михаил с литовцами захватил по дороге у новгородцев Торжок, посадил там своего наместника, а потом ворвался в Московскую землю, покушался взять Переяславль, но был отбит, захватив, однако, Дмитров. Литовцы сожгли много селений, наловили пленников... Тем дело окончилось.

Михаил возвратился в Тверскую землю и принудил кашинского князя действовать с ним заодно, потом двинулся на Торжок, узнав, что новгородцы выгнали оттуда его наместников, которых он там только что посадил. Его союзники литовцы не слишком дружелюбно обраца-

лись с Тверской землей, когда проходили через нее: Михаил должен был все терпеть и спешил только поскорее вывести их из своих владений в Новоторжскую волость.

У новгородцев были с Михаилом давние недоразумения. Тверские бояре покупали земли в Новгородской земле, а тверской князь, считая себя господином над этими боярами, показывал притязания на их владения, несмотря на то что они находились в черте Новгородской волости. Новгород долго и напрасно добивался прекращения этих злоупотреблений. Кроме того, когда Михаил собирался искать великого княжения в Орде, новгородцы, недовольные Москвой, обещали признать его великим князем, если его утвердит хан, но теперь не хотели знать его, когда услышали, что великим князем остается Дмитрий. Поэтому Михаил захватил Торжок. Когда до него дошла весть, что новгородцы не только выгнали его наместников, но и ограбили тверских купцов, Михаил сильно озлобился на Новгород и, оставив войну с Москвой, устремил все свои силы против новгородцев. 31 мая 1372 года он подошел к Торжку, требовал выдать тех, которые ограбили тверских купцов, и принять вновь его наместников. Начальствовал в Торжке новгородский воевода Александр Абакумович, удалой предводитель ушкуйников²¹; он отказал Михаилу наотрез, вышел на битву против него и пал в ней со многими товарищами. Новгородцы покинули Торжок и бежали в Новгород, а тверичи и литовцы в это время успели зажечь посад. Случилась буря, множество новоторжцев погибло в пламени, другие бросались в воду, а тех, которые попадались в плен неприятелю, убивали и мучили с особенным поруганием. «Тверичи, – говорит летописец, – обнажали честных женщин и девиц и заставляли их от стыда бросаться в воду». Тогда ограбили и сожгли все церкви, и весь Торжок был стерт с лица земли. Варварски мстил Михаил новгородцам, но зато нажил себе в них опасных мстителей на будущее время.

Михаил возвратился с добычей в Тверь, должен был дожидаться прихода Дмитрия и опять умолял Ольгерда о помощи. Сестра его еще раз уговорила мужа заступиться за брата, несмотря на родство его с московским князем, тем более, что выданная за Владимира Андреевича Елена была дочерью Ольгерда от первого брака. Ольгерд пошел с войском на Москву летом 1373 года. Этим походом он временно приостановил поход Дмитрия на Тверь. Михаил присоединился к Ольгерду. Москвичи на этот раз не сплеховали, как прежде, и не допустили врагов к Москве. Они встретили Ольгерда у Любутска (близ Калуги). Обе рати долго простояли по обеим сторонам крутого оврага, но битвы между ними не произошло. Великие князья московский и литовский заключили перемирие. Дмитрий обязался не беспокоить Михаила в Твери, а Михаил не должен был искать великого княжения, обязался возвратить все похищенное в земле Дмитрия и вывести оттуда своих наместников, а если тверской князь не выполнит своих обещаний и если на него окажется какая-нибудь жалоба в Орде, то Ольгерд не будет за него заступаться.

²¹ Ушкуйники были удалые новгородские молодцы, ездившие разбойничать по Каме и Волге.



О.А. Кипренский. Дмитрий Донской на Куликовом поле

Михаил, лишившись в очередной раз помощи Ольгерда, по-видимому, уже не мог вскоре надеяться на нее, однако все-таки он не оставил своей борьбы с Москвой. Получилось, что люди, пришедшие из Москвы, сами подстрекали его. В Москве умер последний тысяцкий Василий Вельяминов. Великий князь решился упразднить этот важный древний сан вечевого Руси. Тысяцкий выбирался землей, минуя князя, предводительствовал земской ратью, был представителем земской силы, опорой вечевого строя. Эта старинная должность с ее правами стояла вразрез с самовластными стремлениями князей; она также была не по сердцу и боярам, которые окружали князя, хотели быть его единственными советниками и разделять с ним управление землей, не обращаясь к воле народной громады. У последнего тысяцкого остался старший сын Иван, недовольный новыми распоряжениями. С ним заодно был богатый купец Некомат, торговавший так называемым суровским товаром (то есть дорогим, красным). Они оба убежали в Тверь к Михаилу и побуждали его опять добиваться великого княжения. Михаил препоручил им же выхлопотать для него новый ярлык в Орде, а сам уехал в Литву, пытаясь все-таки найти там себе помощь. Из Литвы Михаил вскоре вернулся с одними обещаниями, но 14 июля 1375 года Некомат привез ему ярлык на великокняжеское достоинство, и Михаил, недолго думая, послал объявить войну Дмитрию. Он надеялся сокрушить московского князя силами Орды и Литвы и обманулся жестоко.

За Дмитрия кроме сил Московской и Владимирской волостей ополчились подручные Москве князя, обязанные помогать ей в войне. Его тесть, князь суздальский, с братьями и детьми вел рати суздальские, нижегородские и городецкие, шли князя ростовские, ярославские; кроме того к Москве пристали тогда князя смоленский и южные, из древней земли вятичей, – новосильский, оболенский, тарусский. Последние не хотели подчиняться власти литовской и потому добровольно признали над собой первенство Москвы и вступили в число ее подручников. Были еще в этом ополчении и князя только «по имени», называвшиеся по бывшим своим уделам, так как их уделы находились в руках других князей, поставленных

Ольгердом, как, например, стародубский и брянский; а иные, как белозерский и моложский, не были уже владельцами своих уделов, непосредственно присоединенных к Москве, и состояли на службе у московского великого князя; такая участь впоследствии постигла без различия и всех удельных князей. Наконец, за Дмитрия был тогда Новгород, с радостью увидевший возможность отомстить Михаилу за разорение Торжка. Новгородцы так горячо бросились помогать Москве, что на призыв Дмитрия в три дня собрали свою рать. Русские князья, как и вообще русские люди в то время, негодовали на тверского князя за то, что он поднимает смуту, призывает на Русь литовцев и, главное, возбуждает Мамаю; уже тогда на Руси созрело сознание, что приходит пора не кланяться татарам, а помериться с ними силами. «Мамай дышит яростью на всех нас, – говорили тогда. – Если мы спустим тверскому князю, то он, соединившись с Мамаем, наделает нам беды».



Чудов монастырь Московского Кремля

В августе 1375 года Дмитрий с союзниками вступил в Тверскую землю, взял Микулин, осадил Тверь. Он простоял там четыре недели, а между тем его воины жгли в Тверской области селения, травили на полях хлеб, убивали людей или гнали их в плен. Михаил, не дождавшись ниоткуда помощи, выслал владыку Евфимия к Дмитрию просить мира. Казалось, пришла самая благоприятная минута покончить навсегда тяжелую и разорительную борьбу с непримиримым врагом, уничтожить тверское княжение, присоединить Тверскую землю непосредственно к Москве и тем самым обеспечить с этой стороны внутреннее спокойствие Руси. Но Дмитрий удовольствовался вынужденным смирением врага, который в крайней беде готов был согласиться на какой угодно унижительный договор, лишь бы оставалась возможность его нарушить в будущем. Михаил обязался за себя и своих наследников находиться в таких отношениях к Москве, в каких был Владимир Андреевич, считать московского князя старейшим, ходить на войну или посылать своих воевод по приказанию московского князя, не искать и не принимать от хана великокняжеского достоинства, отречься от союза с Ольгердом и не помогать ему, если он пойдет на смоленского князя за его участие в войне против Твери. Михаил обязывался не вступаться в дела Кашинской земли, и, таким образом, Тверская земля разделялась с этих пор на две независимые половины, и власть Михаила Александровича простиралась только на одну из них. В удовлетворение Новгороду тверского князя обязали возвратить цер-

ковное и частное имущество, награбленное в Торжке, и освободить всех новгородских людей, которых он закабалил себе посредством грамот. Михаил обязался возвратить Новгороду все земли, купленные его боярами, и все товары, когда-либо захваченные у новгородских гостей. Наконец, что важнее всего в этом договоре, постановлено было по отношению к татарам: если решено будет жить с ними в мире и давать им выход, то и Михаил должен давать, а если татары пойдут на Москву или на Тверь, то обеим сторонам быть заодно против них; если же московский князь сам захочет идти против татар, то и тверской должен идти вместе с московским. Таким образом, Москва, возвысившись прежде исключительно татарской силой, теперь уже имела настолько собственной силы, что обязывала князей других земель повиноваться ей и в войне против самих татар. Несчастные беглецы, подстрекавшие Михаила на новую борьбу с Дмитрием, были, по договору, преданы Михаилом на произвол судьбы. Всем другим боярам и слугам обеих земель предоставлялся вольный отъезд, и князья не должны были «вступаться» в их села, а имения Ивана и Некомата предоставлялись без изъятия московскому князю. Через несколько лет после того их самих заманили хитростью и привезли в Москву. Там, на Кучковом поле (где теперь Сретенский монастырь), 30 августа 1379 года над ними была совершена публичная смертная казнь, насколько известно – первая в Москве. Народ с грустью смотрел на смерть Ивана, красивого молодца; вместе с головой Ивана отсекались для народа все заветные предания старинной вечевой свободы. Казнь Ивана, однако, не помешала его братьям служить Дмитрию и воеводствовать у него.



Русские воины XI–XIV вв.

Усмирение тверского князя возмутило Ольгерда, но не против Дмитрия, а против смоленского князя, потому что последний, которого он считал уже своим подручником, участвовал в войне против Михаила. Ольгерд опустошил в отместку Смоленскую землю и взял много людей в плен. Гораздо сильнее разгневался за Тверь Мамай, и притом на всех вообще русских князей: он видел явное пренебрежение к своей власти; его последний ярлык, данный Михаилу, был поставлен русскими ни во что. Тогда один татарский отряд напал на Нижегородскую землю, объявляя ей наказание за то, что ее рать ходила на Тверскую землю; другой отряд за то же самое опустошил землю Новосильскую. Вслед за тем в 1377 году татарский царевич Арапша из Мамаевой Орды опять совершил нападение на Нижегородскую землю. Соединен-

ные суздальская и московская рати по собственной оплошности были разбиты у реки Пьяны, и последствием этого поражения явились взятие и разорение Нижнего Новгорода. Наконец в 1378 году Мамай послал мурзу Бегича на великого князя. Ополчение его шло через Рязанскую землю. Великий князь упредил Бегича, перейдя Оку, вступил в Рязанскую землю и здесь, на берегах реки Вожи, 11 августа разбил татар наголову.

В то время сподвижником Дмитрия являлся сын Ольгерда Андрей. Ольгерда уже не было в живых. Воинственный князь не только принял христианство, но перед смертью постригся в монахи и умер, как говорят, схимником. Андрей Ольгердович не поладил с преемником отца, своим единокровным братом Ягеллом, и бежал в Псков, где был посажен князем, а потом со псковичами служил Москве против татар. После битвы на Воже этот князь вместе с Владимиром Андреевичем и с воеводой (называемым в летописях иногда и князем) Дмитрием Михайловичем Боброком, волынцем, взяли бывшие под властью Литвы города Трубчевск и Стародуб в Северской земле с их волостями. Брат Андрея Дмитрий Ольгердович, княживший в Брянске и Трубчевске, также недовольный Ягеллом, перешел добровольно под руку великого князя, который дал ему Переяславль-Залесский со всеми пошлинами, то есть доходами княжескими. Эти недружеские отношения к Литве вызвали со стороны преемника Ольгерда Ягелла вражду против Москвы и заставили его войти в союз против нее с Мамаем.



Русские воины XIV–XVI вв.

После битвы на Воже Мамай прежде всего подверг каре Рязанскую землю за то, что поражение татар произошло в Рязанской земле. Татарские полчища ворвались туда, разорили много сел, угнали в плен много людей и сожгли Переяславль-Рязанский. Олег не успел собрать своих сил и убежал, а потом, чтобы не подвергать вновь опасности свою волость, поехал к хану, поклонился ему и обещал верно служить Мамаю против Москвы.

Мамай перестал уже возводить на престол призрачных ханов для того, чтобы управлять под их именем: он сам назвался ханом. Дмитрий не повиновался ему; русские оказывали явное пренебрежение к татарскому могуществу: это раздражало Мамаю до крайности. Он замыслил проучить непокорных рабов, напомнить им батыевщину, поставить Русь в такое положение,

чтобы она долго не посмела помышлять об освобождении от власти ханов. Мамай собрал всю силу Волжской Орды, нанял хивинцев, буртасов, ясов, вошел в союз с генуэзцами, основавшими свои поселения на Черном море, и заключил с литовским князем Ягеллом договор заодно напасть на московского великого князя. И Олег Рязанский посылал от себя своего боярина к Ягеллу, совещался о том, чтобы литовский князь прибыл в срок на Дон для соединения с Мамаем; однако в то же время Олег Рязанский отправлял сообщения Дмитрию о замыслах Мамаю и Ягелла. Дмитрию уже прежде стало известно об этих замыслах. Когда Мамай, летом 1380 года заложив свой стан при устье реки Воронеж, назначил там место сбора для своих полчищ и ждал Ягелла, Дмитрий собирал подручных князей на общее дело защиты Руси. Желание разделаться с поработителями настолько уже созрело и овладело чувствами русского народа, что московскому князю не предстояло необходимости ждать ратных и понуждать к скорейшему прибытию. Кроме тверского князя, непримиримого врага Москвы, да Олега, который поневоле должен был держаться Мамаю из расчета спасти свою землю, все русские князья и все русские земли охотно готовились участвовать в предстоящей борьбе русского народа с татарами. С Дмитрием были силы земель Московской, Владимирской, Суздальской, Ростовской, Нижегородской, Белозерской, Муромской; псковичи со своим князем Андреем Ольгердовичем и брянцы с братом Андрея Дмитрием Ольгердовичем. Летопись говорит, что у Дмитрия набралось тогда 150 000 воинов. Если это количество и преувеличено, то все-таки ополчение, готовое выступить против Мамаю, было, вероятно, очень велико, как можно судить по всеобщему сочувствию русских к этому делу.



Успенский Дубенский монастырь в 1765 г.

Митрополита Алексия уже не было в живых. Он скончался в 1378 году. Этот архипастырь, главнейший советник Дмитрия, во все время своего первосвятительства употреблял свою духовную власть для возвышения Москвы и служил ее интересам. Такой образ действий навлек на него врагов. После задержания Михаила Александровича в Москве тверской князь жаловался на коварство Алексия царьградскому патриарху Каллисту и требовал над ним соборного суда. Со своей стороны Ольгерд жаловался тому же патриарху, что Алексий, посвятив себя исключительно Москве, не желает вовсе знать ни Киева, ни всего Литовского княжества. Патриарх требовал Алексия к себе на суд, но вместе с тем советовал ему во избежание такого суда помириться с Михаилом и Ольгердом. «Мы, – писал он Алексию, – рукоположили тебя митрополитом всей Руси, а не одной какой-нибудь ее части». Митрополит не обращал внимания на эти убеждения. После смерти Каллиста такие же жалобы на Алексия обращались и преемнику Каллиста патриарху Филофею. Ольгерд среди прочего обвинял митрополита в том, что он разрешает от крестного целования тех, кто убегает из Литвы в Москву, и наоборот, предает проклятию тех, которые не хотят служить московскому князю, а последнего благослов-

ляет на кровопролитие. Филофей и писал Алексею увещания, и требовал его на суд: все было напрасно. Алексей твердо служил московским видам, не хотел посещать ни Киева, ни литовских владений; наконец по просьбе Ольгерда в 1376 году патриарх посвятил в сан киевского митрополита серба Киприана, который еще прежде, будучи послан от патриарха для проверки жалоб на Алексея, заявил себя недоброжелателем последнего. Новый митрополит намеревался было оторвать Новгород от власти Алексея, но это ему не удалось: новгородцы сказали, что они тогда признают митрополитом Киприана, когда его признает московский великий князь. Киприан жил в Киеве, управлял церковью в областях, подчиненных литовскому великому князю, а после смерти Алексея попытался было приехать в Москву, но Дмитрий прогнал его. Великий князь представил для рукоположения в митрополиты прирожденного москвича, давнего своего любимца архимандрита Михаила, известного под именем Митяя. Московскому князю не хотелось иметь в Москве иных первосвященителей, кроме таких, каких само московское правительство будет представлять патриарху для посвящения. Но тогдашнее московское духовенство не терпело Митяя; сам преподобный Сергей не благоволил к нему; несмотря, однако, на это, Дмитрий все-таки отправил Митяя в Царьград в полной надежде на успех, потому что преемник Филофея патриарх Макарий не терпел Киприана и готов был исполнить желание московского великого князя. Таким образом, в то время, когда приходилось Дмитрию идти на войну, Москва оставалась без митрополита: и это обстоятельство лишало предпринимаемый поход обычного первосвященительского благословения; однако Дмитрий обратился за благословением к преподобному Сергию, хотя и был с ним в размолвке по поводу Митяя. Сергей пользовался всеобщим уважением; его молитвам приписывали большую силу; за ним признавали дар пророчества. Сергей не только ободрил Дмитрия, но и предсказал ему победу. Такое предсказание, ставшее известным, вызвало в войске отвагу и надежду на победу.

Дмитрий выступил из Москвы в Коломну в августе; русские силы отовсюду присоединялись к нему. В это же время пришли к нему послы от Мамаю с требованием «выхода» в том размере, в каком русские платили дань при Узбеке и Джанибеке, но Дмитрий отвечал, что он готов дать только такую дань, какую постановил в свою последнюю поездку в Орду. 20 августа коломенский епископ Герасим благословил Дмитрия идти против «окаянного сыроядца Мамаю, нечестивого Ягелла и отступника Олега», и Дмитрий двинулся из Коломны на устье Лопасни; здесь присоединились к нему Владимир Андреевич и остальные отряды московского ополчения. 26 и 27 августа русские переправились через Оку и пошли по Рязанской земле к Дону. На пути прискакал к Дмитрию гонец от преподобного Сергия с благословенной грамотой: «Иди, господин, – писал Сергей, – иди вперед. Бог и Св. Троица поможет тебе!»



Вид Серпуховского Владычного девичьего монастыря с северо-восточной стороны

6 сентября русские увидели Дон. Мамай уже шел от Воронежа навстречу русской рати. Все русские полки со своими князьями и воеводами выстроились в боевом порядке в своих местных одеждах. Тогда князья, бояре и воеводы стали держать совет. Одни говорили: «Перейдем через Дон»; другие: «Не ходи, князь, враг силен; с татарами литва и рязанцы». Больше всех побуждали русских идти вперед литовские князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи. «Если, – говорили они, – останемся здесь, то слабо будет войско русское, а перейдем через Дон, так все будут биться мужественно, не надеясь спастись бегством: одолеем татар – будет тебе, князь, и всем слава, а если они перебьют нас, то все умрем одною смертью!» Дмитрий согласился с ними. 7 сентября он приказал наскоро мостить мосты через Дон и искать брод, а 8-го, в субботу, на заре русские уже были на другой стороне реки и при солнечном восходе двигались стройно вперед к устью реки Непрядвы.

День был пасмурный; густой туман расстилался по полям, но часу в десятом стало ясно. Около полудня показалось несметное татарское полчище. Сторожевые (передовые) полки русских и татар сцепились между собой, и сам Дмитрий выехал вместе со своей дружиной «на первый суйм» открывать битву. По старинному прадедовскому обычаю следовало, чтобы князь как предводитель собственным примером вызывал у воинов отвагу. Побившись недолго с татарами, Дмитрий вернулся назад устраивать полки к битве. В первом часу началась сеча, какой, по выражению летописца, не бывало на Руси. На десять верст огромное Куликово поле покрылось воинами. Кровь лилась, как дождевые потоки; все смешалось; битва превратилась в рукопашную схватку, труп валился на труп, тело русское на татарское, татарское на русское; там татарин гнался за русским, там – русский за татариним. В московской рати было много не бывавших в бою; на них нашел страх, и они пустились в бегство. Татары со страшным криком ринулись за ними и били их наповал. Дело русских казалось проигранным, но к трем часам пополудни все изменилось.

В дубраве на западной стороне поля стоял избранный русский отряд, отъехавший туда заранее для засады. Им предводительствовали князь Владимир Андреевич и волынец Дмитрий Михайлович Боброк, прибывший из литовских областей служить Москве. Увидев, что русские пустились бежать, а татары погнались за ними, Владимир Андреевич порывался ударить на врагов, но рассудительный Боброк удерживал его до тех пор, пока татарская рать, устремившись в погоню за русскими, окончательно не повернулась к ним тылом. Тогда на счастье рус-

ским ветер, дувший до того времени в лицо сидевшим в засаде, изменил свое направление. «Вот теперь час пришел, господин князь, – сказал Боброк, – подвизайтесь, отцы и братья, дети и друзья». Весь отряд стремительно бросился на татар, которые никак не ожидали нападения сзади²². Убегающие русские ободрились и бросились на татар. Тогда в свою очередь на полчище Мамай нашел панический страх. Поражаемые с двух сторон татары бросали свое оружие, покинули свой стан, обоз и бежали опрометью. Множество их утонуло в реке. Бежал сам тучный Мамай, бежали все его князья. Русские гнали татар верст на тридцать до реки Красивой Мечи.

Победа была совершенная, но за то много князей, бояр и простых воинов пало на поле битвы²³. Сам великий князь хотя не был ранен, когда открывал битву с татарами «на первом суйме», но доспехи на нем были помяты²⁴. Похоронив убитых, великий князь со своим ополчением не преследовал более разбитого врага, а вернулся с торжеством в Москву и хотел немедленно послать войско в Рязанскую землю, чтобы разорить ее за измену Олега; но рязанцы приехали к нему с поклоном, извещали, что князь их бежал, и изъявляли желание быть в послушании у московского князя. Дмитрий отправил к ним своих наместников.

Мамай, убежавший в свои степи, столкнулся там с новым врагом: то был Тохтамыш, хан Заяицкой Орды, потомок Батыея. Он шел отнимать у Мамаея престол Волжской Орды как похищенное достояние потомков Батыея. Союзник Мамаея Ягелло, не успевший вовремя на помощь ему против Дмитрия, услышал о куликовском поражении, поспешно вернулся в Литву и оставил Мамаея на произвол судьбы. Тохтамыш разбил Мамаея на берегах Калки и объявил себя владетелем Волжской Орды. Мамай бежал в Кафу (нынешняя Феодосия на восточном берегу Крыма) и там был убит генуэзцами.

Тохтамыш, воцарившись в Сарае, отправил дружественное посольство к Дмитрию объявить, что общего врага их нет более и что он, Тохтамыш, теперь владыка Кипчакской Орды

²² Известие о засаде взято из «Повести о Мамаевом побоище», которая существует во множестве отдельных списков и также вошла целиком в Никоновский свод летописи. Повесть эта заключает в себе множество явных выдумок, анахронизмов, равным образом и преданий, образовавшихся в народном воображении о Куликовской битве уже позднее. Эта повесть вообще в своем составе никак не может считаться достоверным источником, но известие о засаде мы считаем себя вправе признавать достоверным не только по своему правдоподобию, но по совпадению с рассказом в старейших списках летописи. В последних так же, как и в повести, говорится, что русские обратились в бегство и татары гнались за ними, а потом в девятом часу дня (то есть в третьем или в три часа по нашему времяисчислению) дело изменилось внезапно, и, неизвестно по какой причине, татары в свою очередь обратились в бегство. Летописец приписывает такую перемену заступничеству ангелов с архистратигом Михаилом и Святым воинам – Георгию, Димитрию, Борису и Глебу. Рассматривая события с земной точки зрения, мы невольно должны прийти к такому заключению, что подобная перемена обстоятельств могла всего скорее произойти от движения русских в тыл неприятеля, и таким образом известие о засаде дополняет для нас то, о чем мы и без того должны были догадываться, тем более что в описании самой битвы в старейших списках ничего не говорится о действиях Владимира Андреевича, тогда как и по предыдущим событиям мы знаем, что он был храбрейшим из тогдашних князей.

²³ Князь Феодор Романович Белозерский и сын его Иван, князь Феодор Тарусский, брат его Мстислав, князь Димитрий Монастырев, Семен Михайлович Микула, сын Василья тысяцкого, Михайло, Иван, сыны Акинфовичи, Иван Александрович, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич (другой сын тысяцкого), Акатьевичи, называемые Волюи, Михайло Бренок, Лев Морозов, Семен Мелисов, Дмитрий Минич, Александр Пересвет, бывший прежде боярин брянский, и многие другие.

²⁴ В «Повести о Мамаевом побоище» рассказывается, будто Дмитрий еще перед битвой надел свою княжескую «подволоку» (мантию) на своего любимца Михаила Бренка, сам же в одежде простого воина замешался в толпе, а впоследствии, когда Бренок в великокняжеской одежде был убит и битва закончилась, Дмитрия нашли лежавшим в дубраве под срубленным деревом, покрытым его ветвями, едва дышавшим, но без ран. Такое переодевание могло быть только из трусости, с целью подставить на место себя другого во избежание опасности, грозившей великому князю, которого черное знамя и особая одежда издали отличали от других; естественно, врагам было всего желательнее убить его, чтобы лишить войско главного предводителя. Если принимать это сказание, то надо будет допустить, что Дмитрий оделся, как простой воин, под предлогом биться с татарами вместе с другими, а на самом деле для того, чтобы скрыться от битвы в лесу. Судя по поведению Дмитрия во время случившегося позднее нашествия татар на Москву, можно было бы допустить правдивость такого рассказа; но следует обратить внимание на то, что в той повести говорится, будто русские гнали татар до реки Мечи и начали искать великого князя, уже возвратившись из погони. Искали его долго, наконец нашли лежавшим под ветвями срубленного дерева. От места побоища до реки Мечи верст тридцать с лишком; неужели пока русские гнали татар до Мечи и возвращались оттуда (вероятно, возвращались они медленно вследствие усталости и обремененные добычей), Дмитрий, не будучи раненым, все это время пролежал под «срубленным деревом»? Очевидная нелепость!

и всех подвластных ей стран. Дмитрий отпустил этих послов с большой честью и дарами, но не изъявлял знаков рабской покорности. На другой год Тохтамыш отправил ко всем русским князьям царевича Акхозя с требованием покорности и дани; Акхозя, доехав до Нижнего, не посмел ехать в Москву. Это показывает, что в Москве считали дело с Ордой поконченным и не боялись ее: там после сокрушения Мамаю не предпринималось никаких мер ни к дальнейшему истреблению татар, ни даже к собственной обороне.

В следующем году (1382) Тохтамыш двинулся наказывать Русь за попытку освободиться от татар. Он начал с того, что послал слуг своих в Булгар, приказал ограбить там русских купцов и задержать, чтобы они не отправили вести в Москву, а суда их доставить к себе на перевоз. Переправившись через Волгу, Тохтамыш намеревался совершить такой быстрый набег, чтобы захватить Москву врасплох; по-видимому, он принял в соображение оплошность русских, слишком возгордившихся своими победами. Путь татар шел к Рязанской земле; князь суздальский, чтобы избавить свою Нижегородскую землю от разорения, отправил к Тохтамышу своих сыновей Василия и Семена изъявить покорность; но Тохтамыш не позволял татарам тратить время на обычные разорения по пути и так спешил, что нижегородские князья с трудом успели догнать его. На границах Рязанской земли встретил Тохтамыша рязанский князь Олег, бил ему челом и изъявлял готовность вести татарское войско, указывать ему пути и переправы; он уверял, что есть полная возможность взять Москву и захватить в ней Дмитрия. Ставший проводником у татар, Олег намеренно повел их так, чтобы миновать Рязанскую землю, и навел на Серпухов, который был истреблен.



Князь Дмитрий Иванович Донской. Гравюра 1850 г.

Весть о походе Тохтамышша, однако, хотя поздно, но все-таки дошла к Дмитрию прежде, чем татары приблизились к Москве. Дмитрий с воеводами и ратью выехал из столицы, соединился с некоторыми князьями и совещался, как им отражать врага. Внезапность нашествия произвела такое впечатление, что князья, воеводы и бояре совсем потеряли голову. Между ними началась рознь, взаимное недоверие; великий князь побоялся идти навстречу хану, повернул назад и, покинув Москву на произвол судьбы, бежал в Переяславль, оттуда в Ростов, а затем в Кострому.

Отправленный Дмитрием в Царьград для посвящения в митрополиты Митяй утонул на пути, а один из его спутников, Пимен, составив подложную грамоту от имени великого князя, был посвящен царьградским патриархом, но по прибытии в Москву подвергся гневу Дмитрия и был сослан в Чухлому. Тогда великий князь пригласил в Москву Киприана и признал его первосвященником: это было в 1381 году. Теперь, во время нашествия татар, этот митрополит оставался в Москве. Киприан был чужеземцем, не мог иметь на народ такого влияния, какое оказал бы митрополит, русский по происхождению, да и сам Киприан был чужд национальных русских интересов и думал прежде всего о себе. Когда в Москву дошла весть о том, что вели-

кий князь убежал, народ пришел в ужас и смятение. Грозный враг не сегодня-завтра должен появиться, а в столице не было ни князя, ни воевод. Одни кричали, что надо затвориться в Кремле, другие хотели бежать. Зазвонили во все колокола на вече. Поднялся вопль. Народ кричал: затворять ворота и не пускать никого из города. Митрополит и бояре бросились первыми из города: их выпустили, но ограбили; а когда за ними стали убегать другие, то ворота закрыли; одни встали у ворот с рогатинами и обнаженными саблями, угрожали бить бегущих, а другие метали в них камни со стен. Наконец это смятение несколько утихомирил приехавший в Москву князь Остей, внук Ольгерда. Он убедил москвичей выпустить часть народа и затворился в Кремле с теми, кто решил остаться; бояре, купцы, суконники и сурожане сносили в Кремль свои товары; кроме москвичей в город набежал народ из окрестностей: все надеялись на крепость каменных стен и спешили в Кремль со своими пожитками; женщины с детьми толпами бежали туда же. По позднейшим спискам летописи, сами москвичи сожгли тогда посад около Кремля.



Князь Василий I. Гравюра 1850 г.

23 августа, в понедельник, подъехали передовые татарские конники к кремлевским стенам. Москвичи смотрели на них со стен. «Здесь ли великий князь Дмитрий?» – спрашивали татары. Им отвечали: «Нет». Татары объехали вокруг Кремля, осматривали рвы, стены, бой-

ницы, заборолы, ворота. В городе благочестивые люди молились Богу, наложили на себя пост, каялись в грехах, причащались Св. Тайн, а удалые молодцы вытаскивали из боярских погребов меда, доставали из боярских кладовых дорогие сосуды и напивались из них для бодрости. «Что нам татары, – говорили они во хмелю, – не боимся поганых; у нас город крепок, стены каменные, ворота железные. Недолго простоят под городом! Страх на них найдет с двух сторон: из города мы их будем бить, а сзади князья наши на них устремятся».

Пьяные влезали на стены, кричали на татар, ругались, плевали и всячески оскорбляли их и их царя; а раздраженные татары махали на них саблями, показывая, как будут рубить русских. Москвичи расхрабрились так, думая, что татар всего столько и пришло, сколько они их видели под стенами. Но к вечеру появилась вся ордынская громада с их царем, и тут многие храбрецы пришли в ужас. Началась перестрелка; стрелы в изобилии летали с обеих сторон, словно дождь. Татарские стрелки были искуснее русских; наездники на своих легких конях скакали взад и вперед, то приближаясь к стенам, то удаляясь от них, на всем скаку пускали стрелы в стоявших на стенах москвичей и не делали промаха; много русских на заборолах падало от стрел татарских. Другие татары тащили лестницы, приставляли к стенам и лезли на них; москвичи обдавали их кипятком, бросали на татар камни, бревна, поражали самострелами. Один из москвичей, суконник, по имени Адам, заметив татарина, знатного по виду, ударил его из самострела стрелой прямо в сердце. Этот татарин был сыном мурзы, любимец хана. Его смерть вызвала большую скорбь у Тохтамыша. Три дня повторяли татары свои приступы; граждане упорно отбивали их. Наконец Тохтамыш сообразил, что не взять ему Кремля силой, и решил взять его коварством. На четвертый день в полдень подъехали к стенам знатнейшие мурзы и просили слова. С ними стояли двое сыновей суздальского князя, шурины великого князя. Мурзы сказали: «Царь наш пришел показнить своего холопа Дмитрия, а он убежал; приказал вам царь сказать, что он не пришел разорять своего улуса, а хочет соблюсти его и ничего от вас не требует – только выйдите к нему с честью и дарами. Отворите город; царь вас пожалует!» Суздальские князья говорили: «Нам поверьте: мы ваши христианские князья; мы ручаемся за то, что это правда». Москвичи положились на слово русских князей, открыли ворота и вышли мерным ходом: впереди князь Остей, за ним несли дары, потом шли духовные в облачении, с иконами и крестами, а за ними – бояре и народ. Татары, дав москвичам выйти из ворот, бросились на них и начали рубить саблями без разбора. Прежде всех пал Остей. Духовные, умирая, выпускали из рук кресты и иконы: татары топтали их ногами. Истребляя кого попало направо и налево, ворвались они внутрь Кремля: одни через ворота, другие по лестницам через стены. Несчастные москвичи – мужчины, женщины, дети – метались в беспомощности туда и сюда; напрасно думали они избавиться от смерти; множество их искало спасения в церквах, однако татары разбивали церковные двери, врвались в храмы и истребляли всех от мала до велика. По известию летописца, резня продолжалась до тех пор, пока у татар не утомились плечи, не притупились сабли. Церковные сокровища, великокняжеская казна, боярское имущество, купеческие товары – все было ограблено. Тогда множество книг, снесенных со всего города в соборные церкви, оказалось уничтоженным; вероятно, в это же время безвозвратно утрачены многие памятники древней литературы, которые представили бы нам в гораздо более ясном свете прошлую духовную жизнь русского народа, если бы уцелели до нашего времени. Наконец город был зажжен. В огне погибали те немногие люди, которые успели избежать татарского меча. Так покарав Москву, татары отступили от нее.

Страшное зрелище представляла собой русская столица, незадолго до этого еще многолюдная и богатая. Не было в ней ни одной живой души; кучи трупов лежали повсюду на улицах среди обгорелых бревен и пепла, и растворенные церкви были завалены телами убитых.

Некому было ни отпевать мертвых, ни оплакивать их, ни звонить по ним.

Татары рассеялись и по другим городам: одни разоряли волости Звенигорода, Юрьева, другие шли к Дмитрову, иные – к Волоку и Можайску; полчище татарское зажгло Переяславль:

жители, покинув свой город, спаслись на судах посреди озера. Повсюду татары убивали людей или гнали их толпами в плен. Припомнились давно забытые времена Батгя с той разницей, что в батыевщину русские князья умирали со своим народом, а теперь глава Руси сидел, запершись в Костроме со своей семьей, другие князья или также прятались, или спешили раболепством получить пощаду у разгневанного владыки. Только один Владимир Андреевич не изменил себе: выехав из Волока, ударил он на татарский отряд, разбил его наголову и взял много пленников. Этот подвиг так подействовал на хана, что он начал отступать назад к Рязанской земле, опасаясь, чтобы русские, собравшись с силами, не ударили на него: вот доказательство, что это нашествие не имело бы такого печального исхода для Москвы и всей Руси, если бы русские не были так оплошны и великий князь своим постыдным бегством не предал своего народа на растерзание варварам. Татары, возвращаясь в Орду через Рязанскую землю, не пощадили владений своего союзника, разорили их и увели из Рязанской земли много пленных. Олег бежал.

Дмитрий вместе с Владимиром Андреевичем, прибыв в Москву, тотчас занялся погребением мертвых, чтобы предупредить распространение заразы. Он давал за восемьдесят погребенных тел по рублю, и пришлось ему заплатить 300 рублей. Этот счет показывает, что в Кремле погибли от татарского меча 24 000 человек, не считая сгоревших и утонувших. Потом мало-помалу начали собираться остатки населения и отстраивать сожженный город. Тогда за невозможностью мстить татарам Дмитрий обратил мщение на Рязанскую землю: московская рать вступила в эту землю и вконец разорила ее без всякого милосердия, хуже татар. Олега в ней не было.

Киприана вызвали из Твери. Он прибыл 7 октября; великий князь Дмитрий укорял митрополита за малодушное бегство, хотя сам был виновен в этом более Киприана. Прежняя ненависть великого князя к митрополиту возобновилась не столько оттого, что Киприан бежал, как оттого, что он убежал именно в Тверь к заклятому врагу Дмитрия. Киприан покинул Москву и уехал в Киев, а Дмитрий позвал на русскую митрополию сосланного Пимена; но через несколько месяцев, опять невзлюбив Пимена, отправил для посвящения в митрополиты епископа суздальского Дионисия и вместе с ним послал просьбу о низложении Пимена. В этом случае впервые проявляется произвол московского великого князя в духовных делах. Как самовластный государь он считает себя вправе выбирать по своему нраву кандидатов в митрополиты, отправлять в заточение, возводить их на кафедру снова, когда захочет почтить своей милостью, и опять подвергать опале.

Князья русские, напуганные страшной карой под Москвой, один за другим ездили в Орду кланяться хану. Надежда на свободу блеснула для русских на короткое время и была уничтожена малодушием Дмитрия. Хан, уходя из Москвы, задержал при себе одного из сыновей суздальского князя Василия, а другого отправил к отцу; он, по-видимому, не доверял покорности тестя князя Дмитрия и потому счел нужным взять к себе его сына в заложники. Дмитрий Константинович, чтобы показать свою покорность, весной отправил Симеона к хану с поклоном и дарами. Туда же поехал сын Бориса Городецкого Иван, а за ним поехал и его отец Борис и выпросил себе нижегородское княжение после скончавшегося в то время Дмитрия Константиновича (1383). Затем Михаил Александрович Тверской с сыном Александром отправился в Орду окольной дорогой, чтобы не попасть в руки Дмитрия: он надеялся вновь выпросить себе великое княжение. Но Дмитрий весной отправил к хану своего сына Василия, который был удержан в Орде заложником верности и долга в 8000 рублей, насчитанного на Дмитрия. Московский князь так усердно унижался тогда перед Тохтамышем, что хан объявил ему свою царскую милость, однако в наказание наложил на его владения тяжелую дань в таком большом размере, что со всякой деревни приходилось платить по полтине, а в те времена деревня состояла порой из двух дворов, иногда даже из одного. Городам приходилось давать золото. Но этого было мало: по-прежнему стали шататься на Руси ханские послы и бесчинствовать над

жителями. Уступчивость московского князя Дмитрия являлась причиной того, что тверской князь, несмотря на все свои старания, не мог добиться великого княжения. «Я свои улусы знаю сам, – сказал ему Тохтамыш, – каждый князь русский пусть служит мне по старине, а что мой улусник провинился предо мною, так я его поустрашил, а теперь он мне служит правдою». Хан никому не хотел потакать и не доверял тверскому князю, несмотря на все его поклоны; отпустив его в Тверь, он удержал в Орде его сына Александра. Должно быть, Тохтамыш рассчитывал, что князь Дмитрий, проявивший себя таким малодушным трусом во время нашествия татарского хана на Москву, управляя разоренной землей, менее представлял опасности, чем предприимчивый и упрямый тверской князь. Через несколько лет (в 1385 году) сын Дмитрия Донского Василий убежал из Орды, пробрался в Молдавию, а оттуда в Литву; однако не таким удачным оказался побег Василия, сына суздальского князя: он был пойман татарами, приведен в Орду и там, по выражению летописца, «принял большую истому».

Вражда московского князя с Олегом прекратилась в 1385 году. Поводом к уступчивости со стороны Дмитрия было то, что Олег, овладев снова Рязанской землей, взял Коломну, и посланная против него московская рать ничего не могла с ним сделать. Мир был заключен при посредничестве преподобного Сергия. В утверждение этого мира, названного «вечным», сын Олега Федор женился на дочери Дмитрия. Летописцы наши постоянно рисуют этого Олега самыми черными красками и наделяют его всякими ругательствами, однако, рассуждая беспристрастно, мы должны признать, что этот князь оказался ничем не хуже других. Он скорее был несчастен, чем преступен перед судом истории. Ни одна русская земля в то время не терпела столько разорений, как Рязанская. Ее, как мы видели, беспрестанно опустошали то татары, то москвичи. Олегу приходилось выбирать из двух зол меньшее. После того как Рязанскую землю разорили татары за поражение при Воже, нанесенное им москвичами, Олег примкнул к Мамаю поневоле, потому что иначе, прежде чем бы пришли к нему на помощь русские из других земель, он был бы вынужден с одними силами своей земли выдерживать напор всей Орды Мамаю. То же повторялось и с Тохтамышем. Заботливость, с какой удалил татар от своей земли Олег во время этого нашествия, показывает его любовь к своим подчиненным. За то рязанцы и любили его.



Благословение Дмитрия Донского Сергием. Миниатюра из «Жития преподобного Сергия Радонежского». Конец XVI в.

Разорение татарами Москвы и обязанность платить тяжелую дань, естественно, довели казну великого князя до оскудения, и Дмитрий задумал поправить ее за счет Новгорода. Были благовидные причины напасть на новгородцев. В последнее время сильно разгулялась новгородская вольница: ушкуйники два раза ограбили Кострому, напали на Ярославль, на Нижний, на Вятку и не только наживались чужим добром, но хватали людей и продавали их в неволю восточным купцам. Эти поступки вызывали по всей Руси негодование, и потому-то под знаменами великого князя с охотой встали против Новгорода рати 29 городов; даже из волостей новгородских – Торжка, Бежичей, Вологды – были рати с Дмитрием, и только большие люди новоторжские (вероятно, и из других волостей) оставались верны Новгороду и убежали в Новгород. Поход был предпринят в 1386 году зимой, перед праздником Рождества Христова. Великий князь двинулся со всеми своими ратями, на пути сжигая и разоряя села Новгородской земли. Новгородцы послали к нему своих послов просить мира. Дмитрий не

хотел их слушать, шел дальше и в начале января 1387 года расположился за пятнадцать верст от Новгорода. Новгородцы в отчаянии зажгли около города посады. Сгорели 24 монастыря. Сам город наскоро укрепили острогом по земляному валу. Новгородцы еще раз послали к великому князю посольство с владыкой Алексием. «Господин князь, – говорил Алексей, – я тебя благословляю, великий Новгород бьет тебе челом: пусть не будет кровопролития между нами, а за вину людей своих, что ходили на Волгу, Новгород заплатит тебе 8000 рублей». Дмитрий не принял просьбы, грозил идти далее и взять Новгород. Страшный переполох произошел тогда в Новгороде, когда прибыл туда владыка Алексей с таким известием. Все решились защищаться до последнего. В Новгороде начальствовал в то время призванный новгородцами на княжение литовский князь Патрикий Наримонтович (племянник Ольгерда). 10 января разнесся слух, что великий князь приблизился к Жилотугу (одному из протоков Волхова на восточной стороне города). Все годные к войне – и пешие и конные – бросились за город, а между тем еще раз послали к Дмитрию двух архимандритов, семь попов и пять человек от житых людей пяти концов города. Дмитрий, рассудив, что его упорство доведет Новгород до отчаяния, перестал сопротивляться и согласился на мир.

Новгород положил заплатить 8000 рублей, из которых 3000 рублей отсчитали тотчас же, а остальные предоставили великому князю взять с Заволочья (Двинская земля), потому что заволочане также участвовали в поволжских разбоях и посылали туда своих новгородских бояр для сбора этих денег. Это была пеня за разбой, но, кроме того, великий князь выговорил для себя еще и «черный бор» (ежегодную подать с черных людей, собираемую великокняжескими наместниками через особых чиновников, называемых «черноборцами»). Заключив мир на таких условиях, великий князь Дмитрий повернул назад, но его посещение тяжело отозвалось на всей Новгородской земле: много мужчин, женщин и детей увели москвичи в неволю; много ограбленных ратными людьми и выгнанных из своих пепелищ новгородцев погибло от стужи.

Тогда как Москва прикрепляла к себе Новгород наложением на него дани, на западе отнимали у Москвы власть над Смоленском. В Литве произошел важный переворот: сын Ольгерда, литовский великий князь Ягелло, в 1386 году женился на польской королеве Ядвиге, принял католичество, крестил в римско-католическую веру своих языческих литовских подданных и сделался главой как Польши, так и всей Литвы и Западной Руси с ее удельными князьями. С этого времени начинаются постепенное соединение Великого княжества Литовского с Польшей и распространение католичества в Западной Руси в ущерб православию. Подручник Ягелла, его брат Скрыгайло, человек свирепый, получивший от Ягелла право на Полоцк, схватил находившегося там князя Андрея Ольгердовича и убил его сына; тогда друг Андрея Святослав, смоленский князь, стал мстить за Андрея и совершать жестокие разорения в Литве, но потом был разбит Скрыгайлом и его братьями и пал в битве. Победители хотя и дали княжение на Смоленской земле сыну Святослава Юрию, но с условием, чтобы он был подручником Ягелла. Это было предвестием дальнейшего покорения Смоленска: оно совершилось уже после смерти Дмитрия (в 1404 году), когда Витовт прогнал князя Юрия и посадил в Смоленске своих наместников. (При Дмитрии Смоленск со своей землей в течение некоторого времени признавал первенство Москвы, но со вступлением на княжение Василия Москва надолго лишилась его).

Дмитрий скончался 19 мая 1389 года на сороковом году от рождения. Он оставил великим князем сына Василия, наделил других сыновей уделами и обязал их находиться под рукой старейшего брата, великого князя.

Княжение Дмитрия Донского принадлежит к самым несчастным и печальным эпохам истории многострадального русского народа. Беспрестанные разорения и опустошения то от внешних врагов, то от внутренних усобиц следовали одни за другими в громадных размерах. Московская земля, не считая мелких разорений, была два раза опустошена литовцами, а потом

потерпела нашествие Орды Тохтамыша; Рязанская – страдала два раза от татар, два раза от москвичей и была приведена в крайнее разорение; Тверская – несколько раз разорялась москвичами; Смоленская – терпела и от москвичей, и от литовцев; Новгородская – понесла разорение от тверичей и москвичей. К этому присоединялись физические бедствия. Страшная зараза, от которой Русская земля пострадала в сороковых и пятидесятых годах XIV века наравне со всей Европой, повторялась и в княжение Дмитрия с большой силой в разных местах Руси. В 1363–1364 годах она поражала Нижний Новгород с его волостью, потом Переяславль, Владимир, Тверь, Суздаль, Дмитров, Ростов, Можайск, Волок и другие города. Из описаний признаков, сопровождавших смерть пораженных заразой, видно, что в те времена свирепствовало сразу несколько эпидемических болезней. У одних больных опухали железы на разных частях тела; у других появлялось кровохарканье; третьи чувствовали сначала жар, потом озноб. Смерть постигала больного обычно в течение одного или двух дней болезни: редкие доживали до третьего дня. Живые не успевали хоронить мертвых. В одну могилу приходилось сваливать по сто и полтораста трупов. В Белозерске вымерли все жители; земля опустела. Подобное бедствие повторялось и в другие годы. В 1387 году в Смоленске – если только верить рассказу летописи, вероятно, преувеличенному, – случился такой сильный мор, что осталось в живых всего пять человек, которые вышли из города и закрыли за собой ворота. Вслед за тем мор поразил Псков, потом Новгород. К заразе присоединялись неоднократные засухи, как, например, в 1365, 1371 и 1373 годах, которые повлекли за собой голод, и, наконец, пожары – обычное явление на Руси. Если принять во внимание эти бедствия, соединявшиеся с частыми разорениями жителей от войн, то должны представить себе Восточную Русь того времени страной малолюдной и обнищавшей. Сам Дмитрий не был князем, способным мудростью правления облегчить тяжелую судьбу народа; действовал ли он от себя или по внушениям бояр своих – в его действиях виден ряд промахов. Следуя задаче подчинить Москве русские земли, он не только не умел достигать своих целей, но даже упускал из рук то, что ему доставляли сами обстоятельства; он не уничтожил силы и самостоятельности Твери и Рязани, не умел и поладить с ними так, чтобы они были заодно с Москвой для общих русских целей; Дмитрий только раздражал их и подвергал напрасному разорению ни в чем не повинных жителей этих земель; раздражал Орду, но не воспользовался ее временным разорением, не предпринял мер к обороне против опасности; и последствием всей его деятельности стало то, что разоренная Русь опять должна была ползать и унижаться перед издыхающей Ордой.

Великий князь и государь Иван Васильевич

Эпоха великого князя Ивана Васильевича составляет перелом в русской истории. Эта эпоха завершает собой все, что выработали условия предшествовавших столетий, и открывает путь тому, что должно было выработаться в последующие столетия. С этой эпохи начинается бытие самостоятельного монархического Русского государства.

После смерти Дмитрия Донского великим князем стал сын его Василий (1385–1425), который, насколько мы его понимаем, превосходил своего отца умом. При нем значительно двинулось расширение московских владений. Москва приобрела земли Суздальскую и Нижегородскую. Получив от хана великое княжение, Василий Дмитриевич настолько впал к нему в милость, что получил от него еще Нижний Новгород, Городец, Мещеру, Тарусу и Муром. Москвичи взяли Нижний изменой: нижегородский боярин Румянец предал своего князя Бориса Константиновича; Василий Дмитриевич приказал взять под стражу этого князя, его жену и детей; Нижний Новгород навсегда присоединился к московским владениям. Племянники Бориса, суздальские князья, были изгнаны, и Суздаль также достался Василию. Впоследствии, хотя суздальские князья помирились с московским великим князем и получили от него вотчины, но уже из рода в род оставались московскими слугами, а не самобытными владельцами. В 1395 году случилось событие, поднявшее нравственное значение Москвы: по поводу ожидаемого нашествия Тамерлана, которое, однако же, не состоялось, Василий Дмитриевич приказал перенести из Владимира в Москву ту знаменитую икону, которую Андрей некогда унес из Киева в свой любимый город Владимир; теперь эта икона служила освящением первенства и величия Москвы над другими русскими городами.

По следам своих предшественников Василий Дмитриевич притеснял Новгород, однако не достиг цели своих замыслов. Два раза он покушался отнять у Новгорода его двинские колонии, пользуясь тем, что на Двинской земле образовалась партия, предпочитавшая власть московского великого князя власти Великого Новгорода. Новгородцы благополучно отстояли свои колонии, но заплатили за это недешево: великий князь произвел опустошение в Новгородской волости, приказал передуть новгородцев, убивших в Торжке одного доброжелателя московского великого князя, заставил новгородцев давать «черный бор», захватил в свою пользу имения в волостях Бежецкого Верха и Вологды, а главное, Новгород сам не мог обойтись без великого князя и должен был обращаться к нему за помощью, так как другой великий князь, литовский, собирался овладеть Новгородом.



Великий князь и государь Иван Васильевич. Титулярник 1672 г.

Орда в то время до того уже разлагалась от внутренних междоусобий, что Василий несколько лет не платил выхода хану и считал себя независимым; но в 1408 году на Москву неожиданно напал татарский князь Эдигей, который подобно Мамаю, не будучи сам ханом, помыкал носившими имя хана. Василий Дмитриевич не остерегался, рассчитывая, что Орда ослабела, и не предпринял заранее мер против хитрого врага, обольстившего его лицемерным благорасположением. Подобно отцу, Василий Дмитриевич бежал в Кострому, но лучше своего отца распорядился защитой Москвы, поручив ее дяде, храброму серпуховскому князю Владимиру Андреевичу. Москвичи сами сожгли свой посад. Эдигей не мог взять Кремля, зато Орда опустошила много русских городов и сел. Москва испытала, что если Орда не в силах была держать Русь в порабощении, как прежде, зато еще долго могла оставаться страшной для нее своими внезапными набегами, разорениями и уводом в плен жителей. Уже впоследствии, в 1412 году, Василий ездил в Орду, поклонился новому хану Джелаледдину, принес ему выход, одарил вельмож, и хан утвердил за московским князем великое княжение, тогда как перед тем

намеревался отдать его изгнанному нижегородскому князю. Власть ханов над Русью висела уже на волоске; однако московские князья еще в течение какого-то времени могли пользоваться ею для усиления своей власти на Руси и прикрывать свои поползновения значением ее старинной силы, но между тем должны были принимать меры обороны против татарских вторжений, которые могли быть тем беспокойнее, что делались с разных сторон и от разных обломков разрушающейся Орды.



Великий князь Василий Дмитриевич. Титулярник 1672 г.

На западе литовское могущество, возникшее при Гедимине и выросшее при Ольгерде, достигло своих высших пределов при Витовте. По праву верховная власть над Литвой и поко-

ренной ею Русью находилась в руках Ягелла, польского короля; но Литвой в звании его наместника самостоятельно управлял его двоюродный брат Витовт, сын Кейстута, некогда задушенного Ягеллом. Витовт по примеру своих предшественников стремился расширить пределы Литовского государства за счет русских земель и постепенно подчинял себе последние одну за другой. Василий Дмитриевич был женат на дочери Витовта Софье; в продолжение своего княжения он должен был соблюдать родственные отношения и вместе с тем был настороже против покушений тестя. Московский князь вел себя с большой осторожностью, насколько возможно было, уступал тестю, но охранял себя и Русь от него. Он не помешал Витовту овладеть Смоленском; это происходило главным образом потому, что последний смоленский князь Юрий был злодеем в полном смысле слова, и сами смольняне предпочитали отдаться Витовту, чем повиноваться своему князю. Когда же Витовт показал слишком явно свое намерение овладеть Псковом и Новгородом, московский великий князь открыто вооружился против тестя, так что дошло было до войны, однако в 1407 году дело окончилось между ними миром, по которому река Угра поставлена была границей между московскими и литовскими владениями.



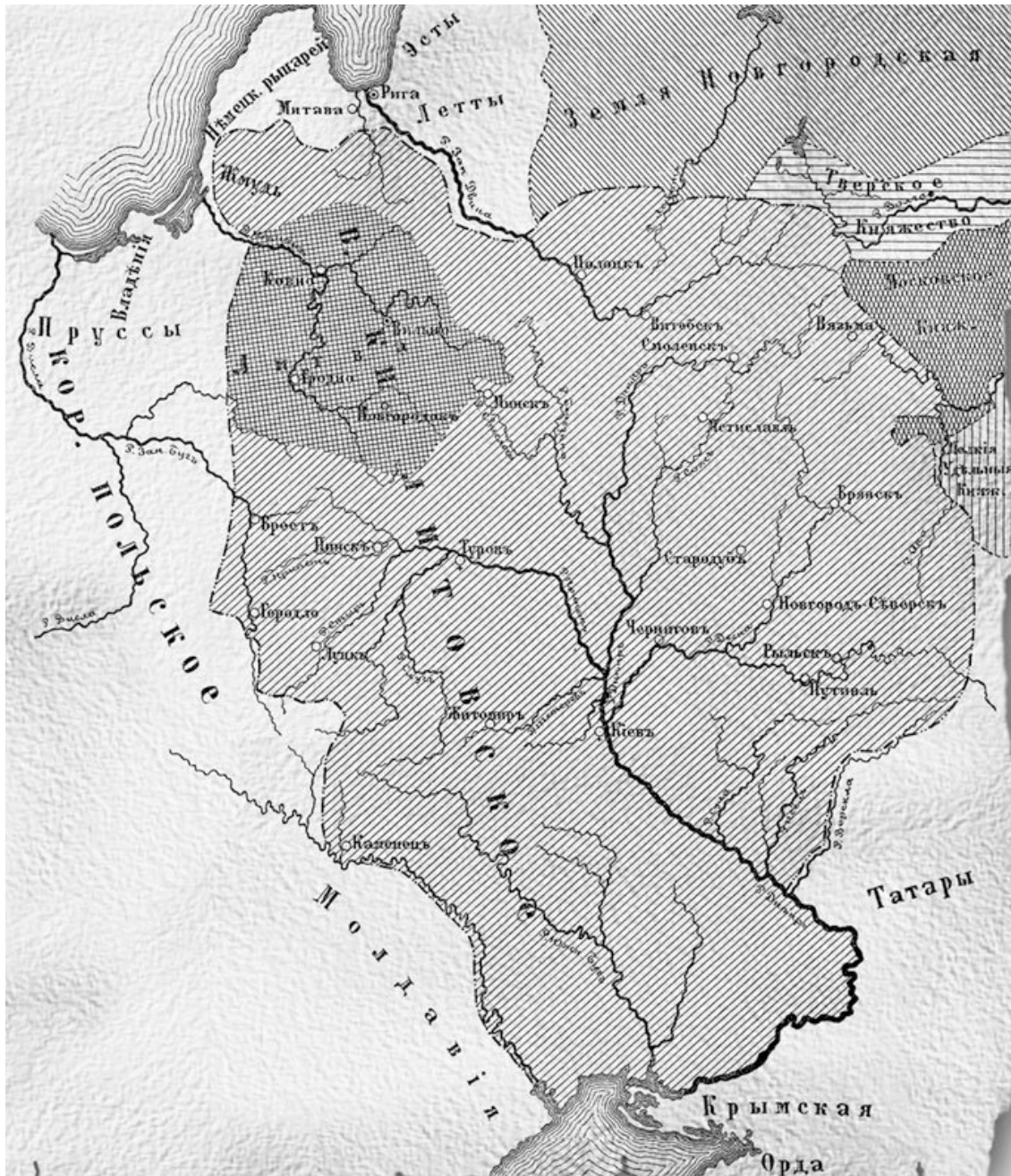
Великий князь Василий Васильевич. Титулярник 1672 г.

Тесть пережил зятя, и при малолетнем наследнике Василии спор за первенство над Русью в течение какого-то времени склонялся на сторону Литвы. Татарское порабощение образовало в русских княжествах такой строй, который несколько походил на феодальный, господствовавший в Западной Европе: князья, получившие свои владения от ханов в качестве вотчин, находились в подчинении одни у других, и само это подчинение, смотря по обстоятельствам, имело разные степени. Московский князь стал великим князем всей Руси, но на его земле, в его княжестве были князья подручные, обязанные ему повиноваться: одни сохраняли больше самостоятельности над своими уделами, другие становились уже его слугами. За пределами Московского княжества были князья, также называвшиеся великими, считавшие подручни-

ками князей своей земли. Таким образом, после уничтоженного Великого княжества Суздальского оставались еще довольно сильные великие князья – тверской и рязанский; кроме того, пронский князь, подручник рязанского, также начал называться великим. Тот же титул носил старейший из ярославских князей. Эти так называемые великие князья, будучи старейшими над подручными князьями, сами должны были признавать над собой старейшинство московских великих князей и, видя со стороны Москвы дальнейшее посягательство на свою независимость, естественно, искали ей противовес в Литве. Таким образом, после смерти Василия Дмитриевича рязанский великий князь Иван Федорович, а за ним и князь пронский отдалась на службу Витовту (1427). Одновременно с ними тверской великий князь Борис также отдался литовскому великому князю, выговорив себе право власти над своими подручниками, князьями Тверской земли. Сама Москва, находясь под властью несовершеннолетнего князя, мать которого была дочерью Витовта, очутилась под рукой литовского великого князя; по крайней мере, сам Витовт именно так смотрел на нее и писал немцам, что Софья с сыном и со всем Великим княжеством Московским отдалась ему в опеку и охранение. Витовту недоставало только полной независимости и королевского венца; он усиленно добивался его и склонил уже на свою сторону императора Сигизмунда, но польские прелаты и вельможи не допустили такой опасной новизны, представив папе, что отделение Литвы и Руси от Польши может поставить преграду распространению римского католичества среди православных. Папа отказал дать корону Витовту. Витовт умер в 1430 году, не достигнув своих целей, а после его смерти в Литве начались междоусобия. Долгое время и в Москве происходили беспорядки.

Преемник Василия Дмитриевича Василий Васильевич был человеком ограниченных дарований, слабого ума и слабой воли, но вместе с тем способным на всякие злодеяния и вероломства; члены московского княжеского дома находились в полном повиновении у Василия Дмитриевича, а после его смерти подняли голову. Дядя Василия Васильевича Юрий добивался в Орде великого княжения. Хитрый и ловкий боярин Иван Дмитриевич Всеволожский в 1432 году сумел устранить Юрия и доставить великое княжение Василию Васильевичу. Когда Юрий ссылался на свое родовое старейшинство (как дядя) и когда по этому поводу указывал на прежние примеры предпочтения дядей племянникам как старших годами и степенью родства, Всеволожский указал хану, что Василий уже получил княжение по воле хана, и эта воля должна быть выше всяких законов и обычаев: ничем не стесняясь, хан может кому угодно отдать свой улус. Это признание безусловной воли хана понравилось последнему – Василий Васильевич был оставлен великим князем. Через некоторое время этот же боярин рассердился на Василия (он, обещав жениться на его дочери, женился на внучке Владимира Андреевича Серпуховского Марии Ярославне) и сам побудил Юрия отнять у племянника княжение. Тогда возобновились на Руси междоусобия, ознаменованные на этот раз гнусными злодеяниями. Юрий, захватив Москву, снова был изгнан из нее и вскоре умер. Сын Юрия Василий Косой заключил с Василием мир, а потом, вероломно нарушив договор, напал на Василия, но был побежден, взят в плен и ослеплен (1435). Через несколько лет в Золотой Орде случилось такое событие: хан Улу-Махмет лишился престола и искал помощи московского великого князя. Великий князь не только не подал ему помощи, но еще прогнал его из пределов Московской земли; тогда Улу-Махмет со своими приверженцами основался на берегах Волги в Казани и положил начало татарскому Казанскому царству, которое в продолжение целого столетия причиняло Руси опустошения. Улу-Махмет уже в качестве казанского царя мстил московскому государю за прошлое, победил его в битве и взял в плен. Василий Васильевич освободился от плена не иначе, как заплатив огромный выкуп. Вернувшись на родину, он поневоле должен был облагать народ большими податями и, кроме того, начал принимать в свое княжество татар и раздавать им поместья. Это вызвало против него ропот, которым воспользовался брат Косого, галицкий князь Дмитрий Шемяка; соединившись с тверским и Можайским князьями, он в 1446 году приказал вероломно схватить Василия в Троицком монастыре и ослепить. Шемяка овла-

дел великим княжением и держал слепого Василия в заточении, но, видя в народе волнение, уступил просьбе рязанского епископа Ионы и отпустил пленного Василия, взяв с него клятву не искать великого княжения. Василий не сдержал клятвы: в 1447 году приверженцы слепого князя опять возвели его на княжение.



Карта Великого княжества Литовского в XIV–XV вв.

Примечательно, что характер княжения Василия Васильевича с этих пор совершенно изменяется. Пользуясь зрением, Василий был самым ничтожным государем, но с тех пор, как он потерял глаза, остальное время его правления отличается твердостью, умом и решительностью. Очевидно, что именем слепого князя управляли умные и деятельные люди. Таковы были бояре князя Патрикеевы, Ряполовские, Кошкины, Плещеевы, Морозовы, славные воеводы Стрига-Оболенский и Федор Басенок, но более всех митрополит Иона.



П.П. Чистяков. Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбе великого князя Василия Темного в 1433 году срывает с князя Василия Косого пояс, принадлежавший некогда Дмитрию Донскому

Духовные власти всегда благоприятствовали стремлению к единой державе. Во-первых, оно сходилась с их церковными понятиями: церковь русская, несмотря на политическое раздробление Русской земли, была всегда единая и неделимая и постоянно оставалась образцом для политического единства. Во-вторых, духовные как люди, составлявшие единственную умственную силу страны, лучше других понимали, что раздробление ведет к беспрестанным междоусобиям и ослабляет силы страны, необходимые для защиты от внешних врагов: только при сосредоточении верховной власти в одних руках представлялась им возможность безопасности для страны и ее жителей. Пока сан митрополита возлагался на людей нерусских, понятно, что, будучи чужды русскому краю по рождению и по связям, они не принимали слишком близко к сердцу его интересов, ограничиваясь преимущественно областью церковных дел; но не так относились к Русской земле урожденные русские, достигшие высшей духовной власти. Митрополиты Петр и Алексей показали уже себя политическими деятелями; еще более проявил себя в этом отношении умный митрополит Иона, которому пришлось занимать важное место при слепом и ничтожном Василии.

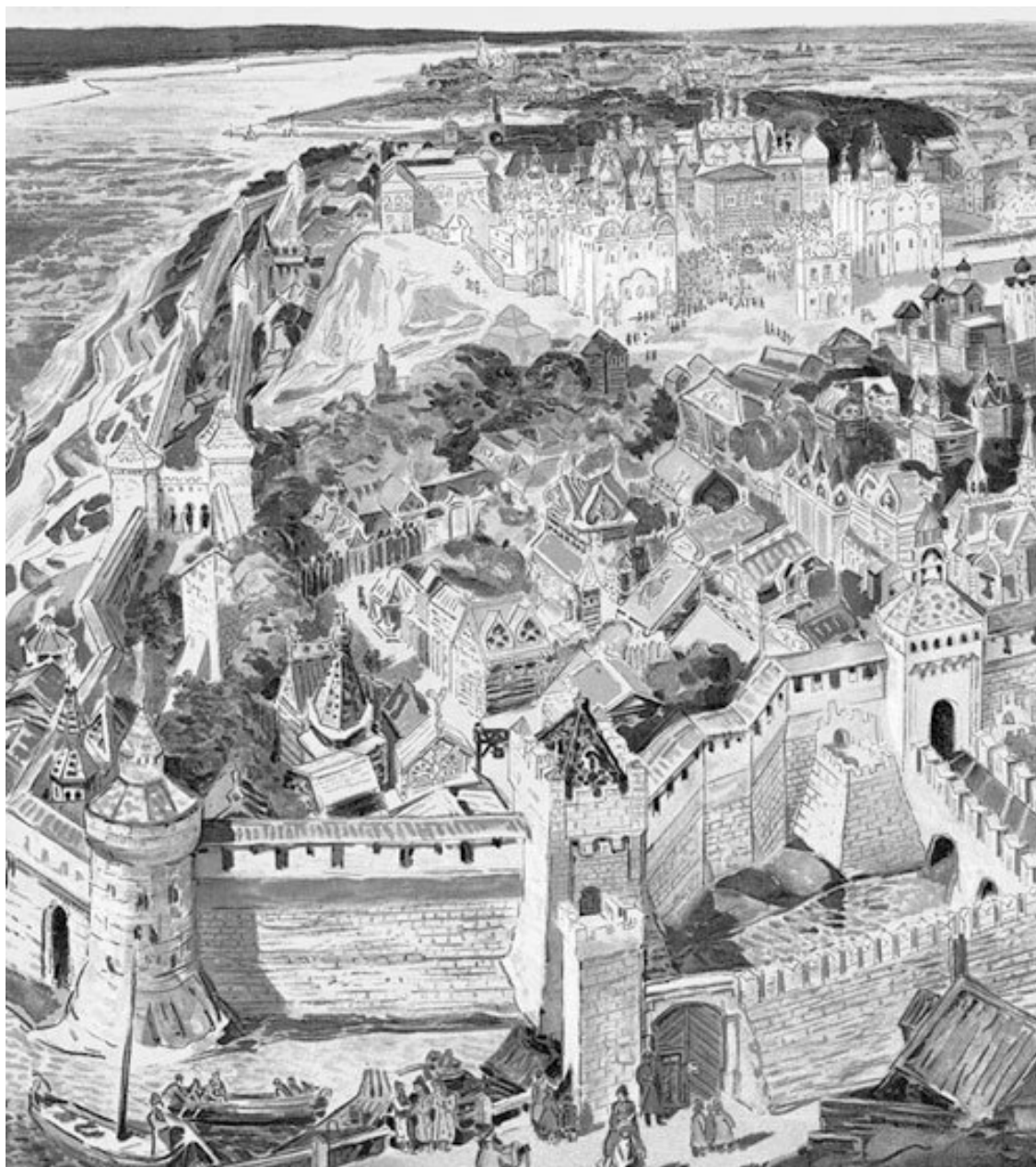
Иона, по прозвищу Одноуш, был родом из Костромской земли. Достигнув сана рязанского епископа, он не стал, однако, приверженцем местных рязанских выгод; сочувствие его клонилось к Москве, потому что Иона, соответственно тогдашним условиям, в одной Москве видел центр объединения Руси. В 1431 году, после смерти митрополита Фотия, Иона был избран митрополитом, но царьградский патриарх вместо него еще раньше назначил грека Исидора. Этот Исидор в звании русского митрополита был на Флорентийском соборе, где провозгласили унию, или соединение греческой церкви с римской на условиях признания римского первосвященника главой вселенской церкви. Исидор вместе с царьградским патриархом

и византийским императором подчинился папе: Исидор был грек душой; все цели он обращал на спасение своего погибающего отечества и, как и некоторые другие греки, надеялся при посредничестве папы поднять силы Европы против турок. Эти виды и побуждали тогдашних греков жертвовать вековой независимостью своей церкви. Русь в глазах Исидора должна была служить орудием греческих патриотических целей. Но в Москве не приняли унии и прогнали Исидора. Несколько лет место московского митрополита оставалось незанятым. В Киеве после учреждения Витовтом отдельной митрополичьей кафедры были свои митрополиты, но Москва не хотела их знать. Рязанский епископ Иона, как уже нареченный русскими духовными митрополит, имел среди них главенствующее значение и влияние. Наконец в 1448 году этого архиерея возвел в сан митрополита собор русских владык, минуя патриарха. Событие это было решительным переворотом: с того времени восточнорусская церковь перестала зависеть от царьградского патриарха и получила полную самостоятельность. Средоточие ее верховной власти было в Москве. Обстоятельство это окончательно подняло то нравственное значение Москвы, которое намечено было еще митрополитом Петром, поддерживалось Алексием, получило большой блеск от перенесения иконы Богородицы из Владимира. С тех пор русские земли, еще непокорные Москве и надеявшиеся оградить от нее свою самобытность – Тверь, Рязань, Новгород – привязывались крепче к Москве духовной связью.



К.В. Лебедев. Ушкуйники. (Поселение вольной новгородской дружины в финском Заволжье)

Усевшись в Москве, слепой великий князь назначил своим соправителем старшего сына Ивана, который с тех пор стал называться, как и отец его, великим князем: так показывают договорные грамоты того времени. Тогда началась и постепенно расширялась политическая деятельность Ивана; достигнув совершеннолетия, он, без сомнения, вместо слепого родителя еще при его жизни руководил совершавшимися событиями, которые клонились к укреплению Москвы. Князь Дмитрий Шемяка, вынужденный дать так называемую «проклятую грамоту», в которой клятвенно обещал отказаться от всяких покушений на великое княжение, не переставал показывать враждебность к Василию Темному. Духовенство писало Шемяке увещательную грамоту; Шемяка не слушал нравоучений, и московское ополчение, напутствуемое благословениями Ионы, двинулось на Шемяку в Галич вместе с молодым великим князем. Шемяка потерпел поражение и бежал в Новгород, где новгородцы дали ему приют. Галич со своей властью был вновь присоединен к Москве. Шемяка продолжал злоумышлять против Василия, взял Устюг и там было утвердился, но молодой великий князь Иван Васильевич выгнал его оттуда; Шемяка опять бежал в Новгород. Митрополит Иона своей грамотой объявил Шемяку отлученным от церкви, запрещал православным людям с ним есть и пить и обвинял новгородцев за то, что они приняли его к себе. Тогда в Москве решили расправиться с Шемякой тайным убийством: дьяк Степан Бородатый при посредничестве боярина Шемяки Ивана Котова в 1453 году подговорил повара Шемяки приправить ему курицу ядом. Вслед за тем, в 1454 году, союзник Шемяки князь Иван Андреевич Можайский, не дожидаясь прибытия московского войска, бежал в Литву. Великие князья тверской и рязанский, искавшие против Москвы опоры в Литве, увидели, что на Литву надежды мало, и пристали к Москве заблаговременно, прежде чем Москва употребила против них насилие. Первый отдал свою дочь Марию за молодого московского великого князя Ивана Васильевича, а в 1454 году при посредничестве митрополита Ионы заключил договор, в котором обещал со своими детьми быть во всем заодно с Москвой; последний же в 1456 году, перед своей смертью, отдал восьмилетнего сына на попечение московскому великому князю. Московский великий князь перевез отрока в Москву, а в Рязанскую землю послал своих наместников. В то же время князь московской Серпуховской земли Василий Ярославич, ревностный слуга и товарищ в несчастье Василия Темного, по какому-то наговору был схвачен и заточен в Вологде, где и умер со своими детьми, а его старший сын убежал в Литву. Затем суздальские князья, получившие от московского великого князя вотчины, почуяв над собой беду, сами убежали из дарованных им вотчин, чтобы избежать опасных столкновений с Москвой.



Н. Некрасов. Московский Кремль при Иване III



Русский боярин

В 1456 году расправилась Москва с Новгородом. Еще ранее этого времени великий князь наложил на Новгород 8000 рублей. Прием, оказанный Шемяке Новгородом, раздражал московских великих князей. Новгородцы досадовали на то, что Москва их обирает, не хотели платить наложенной по договору суммы; кроме того, между Москвой и Новгородом возникали поземельные недоразумения: новгородские бояре покупали себе владения в Ростовской и Белозерской землях, а Новгород оказывал притязание, чтобы эти владения новгородцев тянули (подчинялись) к Новгороду. Московский великий князь объявил Новгороду войну. Московские подручные князья Стрига-Оболенский и Федор Басенок овладели Русой; новгородцы, успешные на вырубку Русы, были разбиты. Великий князь с сильным войском пошел к Новгороду и остановился в Яжелбицах. Тогда Новгород выслал к нему епископа Евфимия со старыми посадниками, тысяцкими и житыми (то есть зажиточными домовладельцами) от пяти концов Нов-

города. Заключили договор. Новгород кроме прежних 8000 рублей должен был заплатить великому князю еще 8500 рублей, вернуть все земли, приобретенные новгородцами в областях, тянувших к Москве, давать великому князю «черный бор» в своих волостях и судные пени; но главное – Новгород обязался отменить «вечные» (вечевые, исходившие от веча) грамоты, писать грамоты от имени великого князя и употреблять великокняжескую печать. Последним условием поражалась сущность новгородской свободы и предвещалось скорое падение независимости Новгорода.

Новгородцы чувствовали свою близкую беду и ненавидели московского государя. В 1460 году Василий Темный прибыл в Новгород с сыновьями Юрием и Андреем. Новгородцы собрались на вече у Св. Софии и собирались убить его с детьми, но владыка новгородский Иона отговорил их: «Из этого нам не будет пользы, – представлял он, – останется еще один сын, старший, Иван: он выпросит у хана войско и разорит нас».

Притесняя Новгород, Москва налагала тяжелую руку и на две его самостоятельные колонии – Псков и Вятку.

Псков не проявлял по отношению к Москве никакой враждебности, хотя московским князьям не могло нравиться то, что псковичи в 1459 году встретили сына Шемяки с крестным ходом и в продолжение трех недель оказывали ему почести. Псков как земля вольная по-прежнему принимал к себе князей отовсюду, и таким князем был там Александр Черторижский, из литовского княжеского рода.



Русский боярин

В 1460 году московский великий князь потребовал, чтобы Черторижский, если желает оставаться псковским князем, присягнул в верности Москве. Черторижский не захотел присягать и уехал из Пскова, а псковичи с тех пор стали принимать себе князьями наместников московского государя.

Вятка, новгородская колония, основанная в XIII веке выходцами, недовольными Новгородом, и потому постоянно остававшаяся независимой от Новгорода и даже враждебной к нему, помогала Шемяке в его борьбе с Василием Темным. За это она понесла наказание, когда Василий вышел из борьбы победителем. Два раза отправлялось против нее московское войско – в 1458 и 1459 годах. Первый поход был неудачным; во второй – московские воеводы князья Ряполовский и Патрикеев взяли вятские города Орлов и Котельнич и заставили вятичей признать над собой верховную власть Василия.

Василий Темный скончался 5 марта 1462 года от неудачного лечения тела зажженным трупом. Он на один год пережил своего важнейшего советника, митрополита Иону, умершего 31 марта 1461 года.

Сын Василия Иван, и без того уже управлявший государством, остался единовластным великим князем. Начало его княжения не представляло в сущности никакого нового поворота против прошлых лет. Ивану оставалось идти по прежнему пути и продолжать то, что было им уже сделано при жизни Василия. Печальные события, связанные с его отцом, внушили ему с детства непримиримую ненависть ко всем остаткам старой удельно-вечевой свободы и сделали его поборником единодержавия. Это был человек крутого нрава, холодный, рассудительный, с черствым сердцем, властолюбивый, непреклонный в преследовании избранной цели, скрытный, чрезвычайно осторожный; во всех его действиях видна постепенность, даже медлительность; он не отличался ни отвагой, ни храбростью, зато умел превосходно пользоваться обстоятельствами; он никогда не увлекался, зато поступал решительно, когда видел, что дело созрело до того, что успех несомненен. Забирание земель и возможно прочное присоединение их к Московскому государству было заветной целью его политической деятельности; следуя в этом деле за своими прародителями, он превзошел всех их и оставил пример подражания потомкам на долгие времена. Вместе с расширением государства Иван хотел дать этому государству строго самодержавный строй, подавить в нем древние признаки земской раздельности и свободы, как политической, так и частной, поставить власть монарха единым самостоятельным двигателем всех сил государства и обратить всех подвластных в своих рабов, начиная от близких родственников до последнего земледельца. И этому Иван Васильевич положил твердые основы; его преемникам оставалось дополнять и вести дальше его дело.

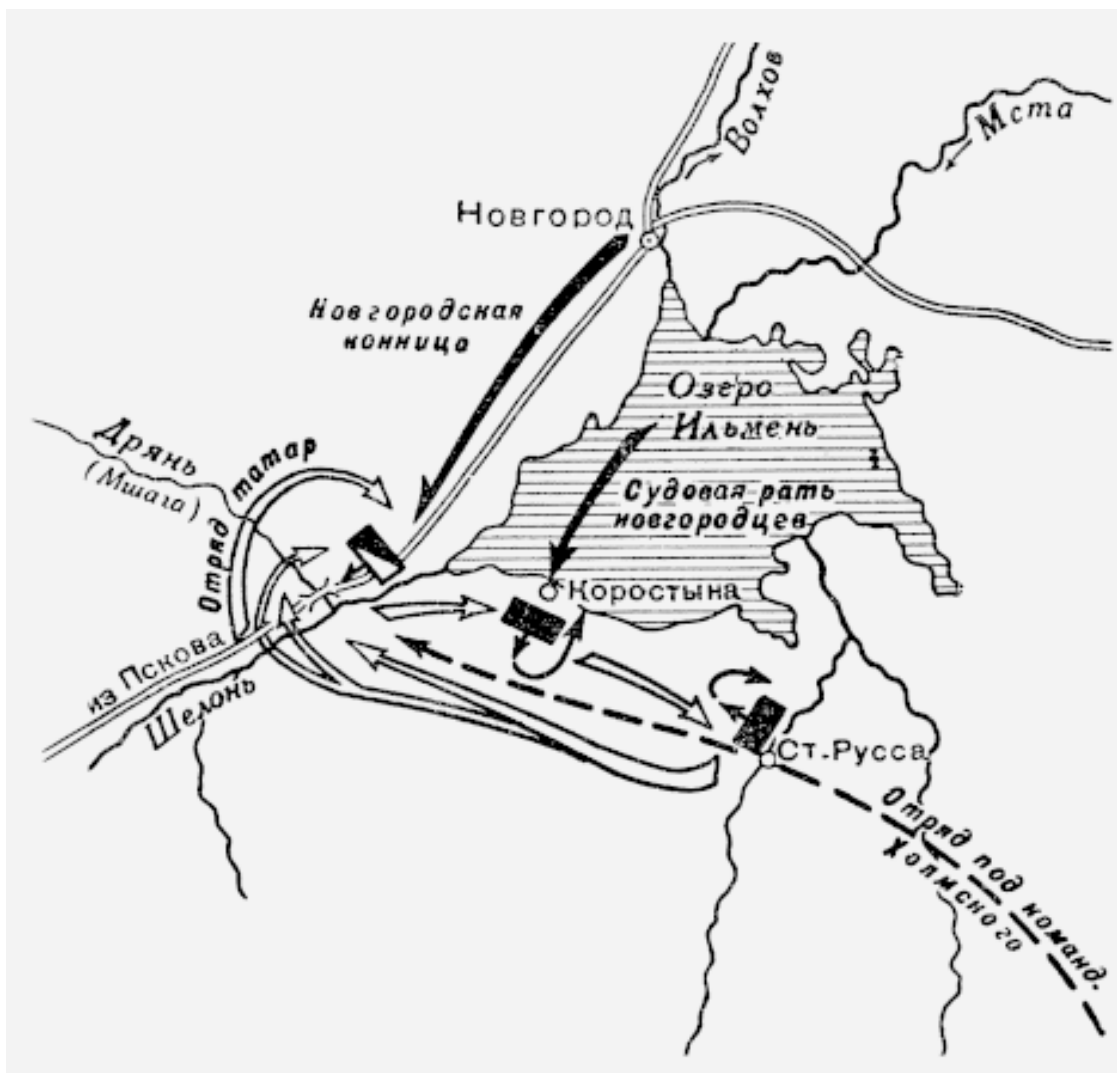


Схема битвы на реке Шелони в 1471 г.

В первые годы своего единовластия Иван Васильевич не только уклонялся от резких проявлений своей главной цели – полного объединения Руси, но оказывал при всяком случае видимое уважение к правам князей и земель, представляя себя ревнителем старины, и в то же время заставлял чувствовать как силу тех прав, какие уже давала ему старина, так и ту степень значения, которую ему обеспечивал его великокняжеский сан. У Ивана Васильевича, как показывают его поступки, было правилом прикрывать все личиной правды и законности, казаться противником насильственного введения новизны; он вел дела свои так, что полезная для него новизна вызывалась не им самим, а другими.

Решительный и смелый, Иван был до крайности осторожен там, где могло возникнуть какое-нибудь противодействие его предприятиям. Он не затруднился вскоре после смерти отца, в 1463 году, покончить с ярославским княжеством, потому что там не могло быть никакого сопротивления. До тех пор Ярославль со своей волостью находился во власти особых князей, хотя уже давно подручных московскому великому князю. Эти князья происходили из рода Федора Ростиславича, князя племени смоленских князей, жившего в XIII веке и причисленного к лику святых; в описываемое нами время их род разделился на многие княжеские фамилии – Курбские, Засекины, Прозоровские, Львовы, Шехонские, Сонцевы, Щетинины, Сицкие, Шаховские, Кубенские, Трокуровы, Шастуновы, Юхотские и др. Все их владения составляли Ярославскую землю, и над всеми ними, точно как в других землях, например в Тверской или в Рязанской, был из их рода главный старейший князь, носивший титул «великого»: ему принад-

лежал Ярославль. Таким великим князем Ярославской земли был в то время князь Александр Федорович. Этот ярославский великий князь оказался столь же бессилён, как и его многочисленные подручники. Иван Васильевич приобрёл Ярославль со всей землей старанием дьяка Алексея Полуэктова; неизвестно, все ли князья Ярославской земли подчинились московскому государю добровольно: мы не знаем обстоятельств этого события; само собой разумеется, что волей-неволей эти князья должны были делать все, чего хотел от них сильный властитель, и все они поступили в число его слуг.

Но не так относился Иван Васильевич к более сильным князьям – тверскому и рязанскому. С тверским, своим шурином, он тотчас после смерти своего отца заключил договор, в котором положительно охранялось владетельное право тверского князя над своей землей; не в политике Ивана Васильевича было раздражать без нужды соседа, жившего на перепутье между Москвой и Новгородом, в то время, когда московский великий князь предвидел неминуемую развязку с Новгородом и должен был подготавливать союзников себе, а не Новгороду против себя. Рязанский великий князь уже прежде был в руках Москвы. Иван Васильевич не отнял у него земли, а в 1464 году женил его на своей сестре, признал самостоятельным владетелем, однако совершенно взял в свои руки; никогда уже после того Иван Васильевич не имел повода обращаться со своим зятем иначе, так как рязанский князь не выходил из повиновения московскому.

Возникло у Ивана дело со Псковом; и тут-то Иван показал столько же внешнего уважения к старине, насколько и псковичей заставил уважать свою власть и значение своего сана. В 1463 году псковичи прогнали от себя присланного к ним против их воли великокняжеского наместника и отправили к Ивану послов просить другого. Иван Васильевич разгневался, три дня не пускал к себе на глаза псковских послов; наконец на четвертый день как бы смиростивился и, допустив их, сначала пригрозил им, а потом сказал: «Я хочу жаловать отчину Псков по старине: какого князя хотите, такого вам и дам!» И отдал им тогда того самого (звенигородского) князя, которого псковичи сами желали. Иван Васильевич в этом случае, хотя и сделал угодное псковичам по обычаям старины, однако вместе с тем внушил им, что они обязаны этим соблюдением их старинных прав единственно его воле и милости, а если бы он захотел, то могло быть и иначе. Сделав псковичам угодное как бы из уважения к старине, он потом поступил и против их желания, также из уважения к старине. Псковичи, недовольные новгородским владыкой, затевали отложиться от этого владыки и просили себе особого епископа. Иван Васильевич, опираясь на старину, отказал им в их просьбе вместе с митрополитом Феодосием, заступившим на место Ионы. Не в видах московской политики было восстанавливать против московского великого князя высшую новгородскую духовную власть, которая, напротив, склоняясь в силу своих интересов к Москве, могла обессиливать новгородские стремления, противодействовавшие московскому единовластию. Псковичи в этом деле вынуждены были согласиться с волей великого князя и отказались от своих планов именно потому, что в Москве решили так великий князь и митрополит. Но не давал московский государь по этому делу слишком зазнаваться и Новгороду. Когда Новгород попросил у него воевод, чтобы действовать оружием против Пскова за то, что Псков не повинуетя новгородскому владыке, Иван Васильевич сделал новгородцам выговор за такую просьбу.



Иосифо-Волоколамский монастырь

В 1467 году наступило тяжелое время для Руси. Открылась повальная болезнь, так называемая в те времена «железа» (чума); она свирепствовала в Новгородской и Псковской землях, захватила зимой и Московскую землю: множество людей умирало и по городам, и по селам, и по дорогам.

Умами овладели уныние и страх. Толковали о близком конце мира; говорили, что вскоре окончится шестая тысяча лет существования мира и тогда настанет страшный суд; рассказывали о чудных явлениях в природе, предзнаменующих что-то роковое: ростовское озеро две недели выло по ночам, не давая спать людям, а потом был слышен в нем странный стук. Посреди этой всеобщей тревоги и уныния умерла жена Ивана, тверская княжна Мария. Говорили, что она была отравлена²⁵. Смерть княгини остается темным событием: она освободила Ивана и дала ему возможность вскоре вступить в другой брак, важный по своим последствиям.

Служил у Ивана в то время какой-то итальянец; его называют в современных летописях Иван Фрязин²⁶; он занимал при дворе московского великого князя должность денежника (то есть чеканщика монет). Вероятно, именно ему принадлежала идея сочетать великого князя с греческой царевной, и он дал знать в свое отечество, что московский государь овдовел. Через два года, в 1469 году, явилось в Москву посольство от римского кардинала Виссариона. Этот кардинал, по происхождению грек, был прежде митрополитом никейским и на Флорентийском соборе вместе с русским митрополитом Исидором принимал унию. Тогда как его товарищ Исидор вернулся в отечество и погиб, сражаясь против турок, в роковой день взятия Константинополя, Виссарион остался в чести в Риме. От него с посольством приехали грек по имени Юрий и два итальянца: один Карл, старший брат денежника Ивана, а другой – их племянник по имени Антоний. Они по поручению своего кардинала сообщили великому князю, что в Риме проживает племянница последнего греческого императора Константина Палеолога, дочь

²⁵ Видели доказательство этому в том, что ее тело необычно раздулось, так что положенный на него покров сначала висел до земли, а потом оказался недостаточным для прикрытия. После ее погребения в Вознесенском монастыре в Кремле великий князь разгневался на жену дьяка Алексея Полуэктова Наталью, которая послала к ворожею пояс покойной княгини, и самого ее мужа Алексея Иван Васильевич шесть лет не пускал к себе на глаза.

²⁶ Прозвище «фрязин» означало не более как принадлежность к западным европейцам: «фрягами» называли вообще последних, и название это, как кажется, было не что иное, как переиначенное с течением веков древнее слово «варяг», сначала означавшее северных скандинавов, а впоследствии получившее значение «европеец» вообще.

его брата Фомы, который, продержавшись в течение некоторого времени в Пелопоннесе в звании деспота морейского, был вынужден, наконец, по примеру многих своих соотечественников искать убежища в чужой земле, перешел в Италию с сыновьями Андреем и Мануилом и умер в Риме. Его дочь Зинаида-Софья (ставшая известной более под последним именем), не хотела выходить замуж за принца римско-католической веры. Ее сватали французский король и миланский герцог, но она отказала обоим; и было бы подручно – представляли послы кардинала – московскому великому князю как государю православной Восточной церкви сочетаться с ней браком. Иван Васильевич в 1469 году послал сватом к папе Павлу II и кардиналу Виссариону своего денежника Ивана, прозываемого Фрязином.



А.Д. Кившенко. Покорение Великого Новгорода: Марфу посадницу и вечевой колокол отправляют в стан Иоанна III. 1478 г.

Между тем политическая деятельность московского государя обратилась тогда на восток. Казанское царство, недавно только основанное и так грозно заявившее себя при Василии Темном, сильно беспокоило Русь: из его пределов совершались беспрестанные набеги на русские земли; туда уводились русские пленники. Набеги эти осуществляли татары и подвластные им черемисы – самое свирепое из финско-татарских племен, населявших восток нынешней европейской части России. Иван отправлял отряды разорять Черемисскую землю, а в 1468 году ему представился случай посадить в Казани своего подручника и таким образом сделать ее подвластной себе. Некоторые казанские вельможи, недовольные своим тогдашним ханом Ибрагимом, приглашали к себе Касима, одного из тех царевичей, которым еще Василий Темный дал приют и поместья на Русской земле. Иван Васильевич отправил два войска против Казани. Предприятие не удалось, отчасти потому, что Вятка боялась усиления Москвы и не хотела помогать ей против Казани, а встала на сторону последней. Иван не остановился на первых неудачах и в 1470 году послал снова под Казань рать со своими братьями. Хан Ибрагим заключил мир с Москвой, освободив всех русских пленников, какие находились в неволе за истекшие сорок лет. Современные известия сообщают, что Ибрагим заключил мир на всей воле

Затем ввиду обстоятельств деятельность Ивана Васильевича обратилась к северу. Целые полтора века Москва подтачивала самостоятельность и благоденствие Новгорода; Новгород терпел частые вымогательства денег, захваты земель, разорение новгородских волостей, и потому было вполне естественно, что в Новгороде издавна ненавидели Москву. Озлобление к Москве достигло высшей степени в княжение Василия Темного. Самостоятельность Великого Новгорода висела на волоске. Пришла пора прибегнуть к последним средствам. В Новгороде, как часто бывало в купеческой республике, количество людей, которые личную выгоду предпочитали всему на свете и подчиняли ей патриотические побуждения, было очень велико. Еще за двадцать пять лет до того летописец жаловался, что в Новгороде не найдешь ни правды, ни суда; ябедники сталкивались между собой, поднимали тяжбы, целовали ложно крест; в городе, по селам и волостям – грабеж, неумеренные поборы с народа, вопли, рыдания, проклятия на старейших и на весь Новгород, поэтому стали новгородцы предметом поругания для соседей. Такие явления неизбежны там, где выше всего ценятся своекорыстные интересы. Но когда слишком очевидно приближалась опасность падения независимости, в Новгороде образовался кружок лиц, соединившихся во имя общего дела и думавших во что бы то ни стало спасти свое отечество от московского самовластия. Душой этого кружка была женщина, вдова посадника, Марфа Борецкая. К сожалению, источники дают нам чрезвычайно мало сведений для определения ее личности; во всяком случае несомненно, что она оказывала тогда важнейшее влияние на ход событий. Она имела двух взрослых женатых сыновей, а также внука²⁷. Марфа была очень богата; в своем новгородском дворе на Софийской стороне, который современники прозвали «чудным», она привлекала своим хлебосольством и собирала около себя людей, готовых стоять за свободу и независимость отечества. Кроме сыновей Марфы с ней заодно были люди знатных боярских фамилий того времени: Арбузовы, Афанасьевы, Астафьевы, Григоровичи, Лошинские, Немиры и др. Люди этой партии имели влияние на громаду простого народа и могли, по крайней мере до первой неудачи, управлять вечем. Так как им ясно казалось, что Великий Новгород не в силах сам защитить себя от Москвы, которая могла двинуть на него кроме своих сил еще силы других, уже подчиненных ей, земель, то патриоты пришли к убеждению, что лучше всего отдаться под покровительство литовского великого князя и короля польского Казимира. Иван Васильевич узнал обо всем, что делается и замышляется в Новгороде, не заявил гнева Новгороду, напротив, кротко послал сказать: «Люди новгородские, исправьтесь, помните, что Новгород – отчина великого князя. Не творите лиха, живите по старине!»

²⁷ Двое других ее сыновей утонули в море, и в память об этом грустном событии Мария основала монастырь на Белом море (Корельский монастырь в 34 верстах от Архангельска).



Рынды в XV–XVII столетиях

Новгородцы на вече оскорбили послов великого князя и дали такой ответ на увещание Ивана Васильевича: «Новгород не отчина великого князя, Новгород сам себе господин!»

И после того не показал гнева великий князь, но еще раз приказал сказать Великому Новгороду такое слово: «Отчина моя, Великий Новгород, люди новгородские! Исправьтесь, не вступайтесь в мои земли и воды, держите имя мое честно и грозно, посылайте ко мне бить челом, а я буду жаловать свою отчину по старине».



Русский боярин

Бояре замечали великому князю, что Новгород оскорбляет его достоинство. Иван хладнокровно сказал: «Волны бьют о камни и ничего камням не сделают, а сами рассыпаются пеной и исчезают как бы в посмеяние. Так будет и с этими людьми новгородцами».

В конце 1470 года новгородцы пригласили к себе князя из Киева, Михаила Олельковича. Это был так называемый «кормленный» князь, каких прежде часто приглашали к себе новгородцы, уступая им известные доходы с некоторых своих волостей. В то время скончался владыка новгородский Иона. Избранный на его место по жребию Феофил был человек слабый и бесхарактерный; он колебался то на ту, то на другую сторону; патриотическая партия взяла тогда верх до того, что заключен был от всего Великого Новгорода договор с Казимиром: Новгород поступал под верховную власть Казимира, отступал от Москвы, а Казимир обязывался охранять его от покушений московского великого князя.

Узнав об этом, Иван Васильевич не изменил своему прежнему хладнокровию. Он отправил в Новгород кроткое увещание и припоминал, что Новгород от многих веков знал один только княжеский род – Владимира Святого: «Я, князь великий, – приказал он сказать Новгороду через своего посла, – не чиню над вами никакого насилия, не налагаю на вас никаких тягостей более того, сколько было налагаемо при моих предках, я еще хочу больше вас жаловать, свою отчину».

Вместе с этим послал новгородцам увещание и митрополит Филипп, заступивший место Феодосия, удалившегося в монастырь. Архипастырь представлял им, что отдача Новгорода под власть государя латинской веры есть измена православию. Это увещание расшевелило было религиозное чувство многих новгородцев, однако ненависть к Москве на время взяла верх. Патриотическая партия пересилила. «Мы не отчина великого князя, – кричали новгородцы на вече, – Великий Новгород извека вольная земля! Великий Новгород сам себе государь!»

Великокняжеских послов отправили с бесчестьем.

Иван Васильевич и после этого не разгневался и еще раз послал в Новгород своего посла, Ивана Федоровича Торопкова, с кротким увещанием: «Не отступай, моя отчина, от православия; изгоните, новгородцы, из сердца лихую мысль, не приставайте к латинству, исправьтесь и бейте мне челом; я вас буду жаловать и держать по старине».



Улица в Москве XVI в.

И митрополит Филипп еще раз послал увещание; насколько хватало у него учености, обличал он латинское неверие и убеждал новгородского владыку удерживать свою паству от соединения с латинами.

Это было весной 1471 года. Ничто не помогло, хотя в то время призванный новгородцами из Киева князь ушел от них и оставил по себе неприятные воспоминания, так как его дружина позволяла себе разные бесчинства. Партия Борецких поддерживала надежду на помощь со стороны Казимира.

Только тогда Иван Васильевич решился действовать оружием.

31 мая он отправил свою рать под начальством воеводы Образца на Двину отнимать эту важную волость у Новгорода; 6 июня двинул другую рать в двенадцать тысяч под предводительством князя Даниила Дмитриевича Холмского к Ильмену, а 13 июня отправил за ним на побе-

режье реки Меты третий отряд, под начальством князя Василия Оболенского-Стриги. Великий князь дал приказание сжигать все новгородские пригороды и селения и убивать без разбора и старых, и малых. Цель его была обессилить до крайности Новгородскую землю. Одновременно с этими войсками подвигнуты были великим князем на Новгород силы Пскова и Твери.

Московские ратные люди, исполняя приказание Ивана Васильевича, вели себя бесчеловечно; разбив новгородский отряд у Коростыня, на берегу Ильменя, московские военачальники приказывали отрезать пленникам носы и губы и в таком виде отправляли их показаться своим собратьям. Главное новгородское войско состояло в основном из непривычных к битве людей: из ремесленников, земледельцев, чернорабочих. В этом войске не было согласия. 13 июля на берегу реки Шелони, близ устья впадающей в Шелонь реки Дряни, новгородцы были разбиты наголову. Иван Васильевич, прибыв с главным войском вслед за высланными им отрядами, остановился в Яжелбицах и приказал отрубить головы взятым в плен четверым предводителям новгородского войска и в их числе сыну Марфы Борецкой Дмитрию Исаакиевичу²⁸. Из Яжелбиц Иван двинулся в Русу, оттуда к Ильменю и готовился добывать Новгород оружием.

Поражение новгородского войска произвело переворот в умах. Народ в Новгороде находился в уверенности, что Казимир явится или пришлет войско на помощь Новгороду; но из Литвы не было помощи. Ливонские немцы не пропустили новгородского посла к литовскому государю. Народ завопил и отправил своего архиепископа просить у великого князя пощады.

Владыка с послами от Великого Новгорода прежде всего одарил братьев великого князя и его бояр, а потом был допущен в шатер великого князя и в таких выражениях просил его милости: «Господине великий князь Иван Васильевич вся Руси, помилуй, Господа ради, виновных перед тобою, людей Великого Новгорода, своей отчины! Покажи, господине, свое жалованье, уйми меч и огонь, не нарушай старины земли своей, дай видеть свет безответным людям твоим. Пожалуй, смилуйся, как Бог тебе на сердце положит».

Братья великого князя, а за ними московские бояре, принявшие подарки от новгородцев, кланялись своему государю и просили за Новгород.

Перед этим Иван Васильевич получил от митрополита грамоту: московский архипастырь просил оказать пощаду Новгороду. Как бы снисходя усиленному заступничеству за виновных митрополита, своих братьев и бояр, великий князь объявил новгородцам свое милосердие: «Отдаю нелюбие свое, унимаю меч и грозу в земле Новгородской и отпускаю полон без окупа».

²⁸ Кроме него Василию Селезневу-Губе, Киприану Арбузьеву (или Арзубьеву) и Иеремею Сухошоку, архиепископскому чашнику.



Свадебный пир (по А. Олерию)

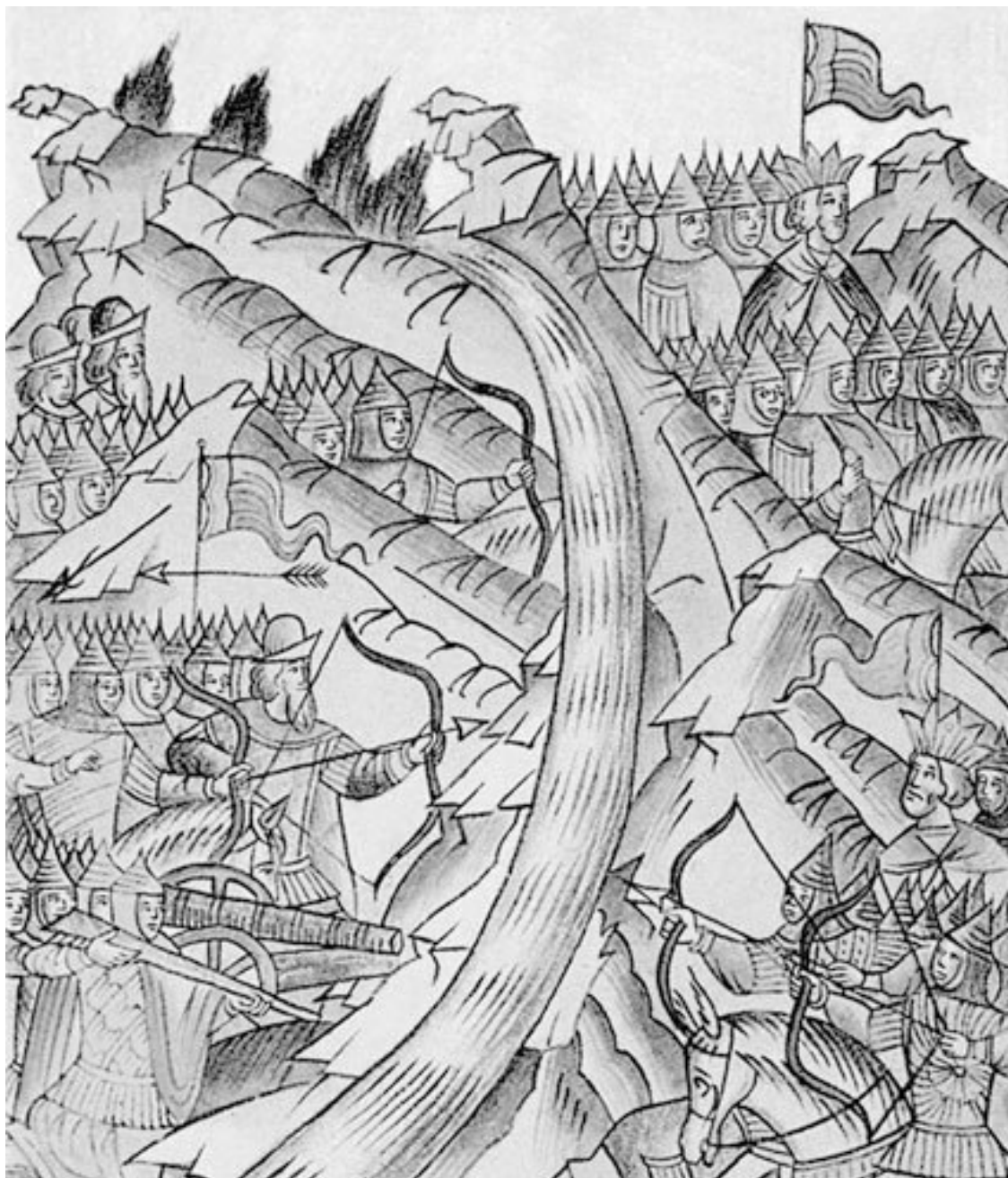
Заключили договор. Новгород отрекся от связи с литовским государем, уступил великому князю часть Двинской земли, где новгородское войско было разбито московским. Вообще в Двинской земле (Заволочье), которую Новгород считал своей собственностью, издавна была чересполосица. Посреди новгородских владений были населенные земли, на которые предъявляли права другие князья, особенно ростовские. Это было естественно, так как население подвигалось туда из разных земель Руси. Московский великий князь как верховный глава всех удельных князей и обладатель их владений считал все такие спорные земли своей отчиной и отнял их у Новгорода, как бы опираясь на старину. Новгород, кроме того, обязался заплатить «копейное» (контрибуцию). Сумма «копейного» означалась в пятнадцать с половиной тысяч, но великий князь скинул одну тысячу. Во всем остальном договор этот был повторением того, какой заключили при Василии Темном. «Вечные» грамоты также уничтожались.

Верный своему правилу действовать постепенно, Иван Васильевич не уничтожил самобытности Новгородской земли, а предоставил новгородцам подать ему вскоре повод сделать дальнейший шаг к тому, чего веками домогалась Москва над Великим Новгородом. Ближайшим последствием этой несчастной войны было то, что Новгородская земля была так разорена и так обезлюдела, как еще не бывало никогда во время прошлых войн с великими князьями. Этим разорением московский государь обессилил Новгород и на будущее время подготовил себе легкое уничтожение всякой его самобытности.

Иван Васильевич удержал за собой Вологду и Заволочье, а в следующем году (1472) отнял у Великого Новгорода Пермь. Эта страна управлялась под верховной властью Новгорода своими князьками, принявшими христианство, которое с XIV века, со времени проповеди Св. Стефана, распространилось в этом крае. В Перми обидели каких-то москвичей. Иван Васильевич придрался к этому и отправил в Пермскую землю рать под начальством Федора Пестрого. Московское войско разбило пермскую военную силу, сожгло пермский город Искор и другие городки; пермский князь Михаил был схвачен и отослан в Москву. Пермская страна признала

над собой власть московского великого князя. Иван Васильевич и здесь поступил согласно своей обычной политике: он оставил Пермь под управлением ее князей, но уже в подчинении Москве, а не Новгороду; по крайней мере до 1500 года там управлял сын Михаила князь Матвей и только в том году был сведен с княжения и заменен русским наместником.

Между тем посланный в Рим Иван Фрязин выполнил данное ему поручение. Папа отпустил его, дав полное согласие на брак московского великого князя с греческой царевной, и вручил грамоту на свободный проезд московских послов за невестой. Возвращаясь назад, Иван Фрязин заехал в Венецию, назвался там большим послом московского великого князя и был принят с честью венецианским правителем (дожем) Николаем Троне. Венеция вела тогда войну с Турцией; представилось соображение отправить вместе с московским послом посла от Венецианской республики к хану Золотой Орды, чтобы подвигнуть его на турок. Послом для этой цели избран был Джованни Баттиста Тревизано. Иван Фрязин почему-то счел за лучшее скрыть перед великим князем цели этого посольства и настоящее звание посла, которого назвал купцом, своим родственником. Он отправил его частным образом в дальнейший путь.



Сражение на реке Угре, положившее конец ордынскому игу. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

Иван Васильевич, получив с Фрязином от папы согласие на брак, немедленно отправил за невестой в Рим того же Ивана Фрязина с другими лицами. Когда же Иван Фрязин уехал, вдруг открылось, что Тревизано не купец, а посол: за ним отправили погоню, догнали в Рязани и привезли в Москву. Великий князь естественно подозревал, что тут кроется что-то дурное, и приказал посадить Тревизано в тюрьму. Ивану Фрязину по возвращении в Москву готовилась заслуженная кара за обман.



С. Герберштейн в жалованном русском платье, полученном им при втором посольстве в 1526 г.

Иван Фрязин явился в Рим уполномоченным представлять своего государя. Папой вместо недавно умершего стал тогда Сикст IV. Этот папа и все его кардиналы увидели в сватовстве московского великого князя случай провести заветные цели римской церкви: во-первых, ввести в Русской земле Флорентийскую унию и подчинить русскую церковь папе, во-вторых – двинуть силы Русской земли против турок, так как в тот век мысль об изгнании турок из Европы являлась популярной на Западе. У римского двора было вообще в обычае, что если к нему

обращались или хотели с ним сблизиться те, которые не признавали власти папы, то это толковалось готовностью со стороны последних добровольно подчиниться власти римского первосвященника. И теперь достаточно было одного сватовства московского великого князя и отправки посольства в Рим по поводу этого сватовства, чтобы в таком событии видеть не только желание присоединения, но уже как бы совершившееся присоединение московского государя к римско-католической церкви. Папа в своем ответе Ивану Васильевичу прямо хвалил его за то, что он принимает Флорентийскую унию и признает римского первосвященника главой церкви; папа, как будто по желанию московского великого князя, отправлял в Москву легата исследовать на месте тамошние религиозные обряды и направить на истинный путь великого князя и его подданных. Вероятно, Иван Фрязин со своей стороны подал к этому повод неосторожным заявлением преданности папе от лица великого князя; наши летописи уверяют, что он сам прикидывался католиком, тогда как, находясь в Русской земле, уже принял восточное православие.

24 июня 1472 года нареченная невеста под именем царевны Софьи выехала из Рима в сопровождении папского легата Антония. С ней отправилась толпа греков: среди них был Дмитрий – посол от братьев Софьи. Она плыла морем, высадилась в Ревеле и 13 октября прибыла во Псков, а оттуда в Новгород. В обоих городах встречали ее с большим почетом; во Пскове пробыла Софья пять дней, благодарила псковичей за гостеприимство и обещала ходатайствовать перед великим князем об их правах; однако псковичи с удивлением смотрели на папского легата в красной кардинальской одежде, в перчатках; более всего поражало их то, что этот высокопоставленный духовный сановник не оказывал уважения к иконам, не полагал на себя крестного знамения и, только подходя к образу Пречистой Богородицы, перекрестился, но и то, как было замечено, сделал это по указанию царевны.

Такое поведение легата еще соблазнительнее должно было показаться в Москве, где менее, чем во Пскове и в Новгороде, имели возможность знать приемы западных католиков. Уже невеста приближалась к Москве, как туда дошла весть о том, что везде, где невеста останавливается, перед папским легатом, который сопровождал ее, несли серебряное литое распятие – «латинский крыж»; великий князь стал советоваться со своими боярами: можно ли допустить такое шествие легата с его распятием по Москве? Некоторые полагали, что не следует ему препятствовать; другие говорили: «На земле нашей никогда того не бывало, чтобы латинская вера была в почете». Великий князь послал спросить об этом митрополита. «Нельзя тому стать, – сказал митрополит, – чтоб он так входил в город, да и приближаться к городу ему так не следует: если ты его почтишь, то он – в одни ворота в город, а я – в другие ворота вон из города! Не только видеть, и слышать нам о том не годится; кто чужую веру хвалит, тот над своей верою ругается». Тогда великий князь послал к легату сказать, чтобы он спрятал свое литое распятие. Легат, подумав, повинился. Иван Фрязин при этом усиленно доказывал, что следует оказать честь папе в лице его легата, так как папа оказывал у себя честь русскому посольству. Бедный итальянец был слишком смел, надеялся на свои услуги, оказанные великому князю, и не знал, что его ожидает. За пятнадцать верст от Москвы выехал навстречу невесте боярин великого князя Федор Давидович: тут Ивана Фрязина заковали и отправили в Коломну; его дом и имущество разграбили, а жену и детей взяли в неволю.

12 ноября прибыла невеста в Москву; там все уже было готово к бракосочетанию. Митрополит встретил ее в церкви; он благословил крестом как царевну, так и православных людей, сопровождавших ее. Из церкви она отправилась к матери великого князя; туда прибыл Иван Васильевич. Там происходило обручение. Летописец говорит, что и венчание совершилось в тот же день²⁹. Митрополит служил литургию в деревянной церкви Успения, поставленной вре-

²⁹ День был четверг.

менно вместо обвалившейся каменной, до постройки новой, а после литургии коломенский протопоп Иосия обвенчал московского великого князя с греческой царевной.

Посольство пробыло в Москве одиннадцать недель. Великий князь угощал его, честил и щедро дарил, но легат увидел, что не было надежды на подчинение русской церкви папе. Великий князь предоставлял это церковное дело митрополиту; митрополит выставил против легата для состязания о вере какого-то Никиту, книжника поповича. Но из этого состязания не вышло ничего. Русские говорили, будто легат сказал книжнику: «Нет книг со мною», – и потому не мог с ним спорить.

Иван Васильевич отправил в Венецию Антона Фрязина за объяснением по поводу Тревизано: «Что это делают со мной, – укорял он венецианское правительство, – с меня честь снимают: через мою землю посылают посла, а мне о том не объявляют!» Венецианский дож отправил Антона назад с извинениями и с убедительной просьбой отпустить задержанного Тревизано. Иван Васильевич по этой просьбе освободил венецианского посла и не только отпустил его исполнить свое поручение в Орде, но еще придал ему и своего собственного посла: вступив в брак с греческой царевной, Иван Васильевич, так сказать, взял с нею в приданое неприязнь к Турции и потому со своей стороны желал побуждать Ахмата к войне против Турции. Посольство это не имело успеха.

Иван Васильевич, отпуская венецианского посла, дал ему на дорогу семьдесят рублей, а потом отправил своего посла в Венецию и велел сказать, что венецианскому послу дано семьсот рублей. Этот посол Ивана Васильевича, Толбузин, был первый московский посол русского происхождения на Западе и открыл собой ряд русских посланников. Посольство это еще замечательно и тем, что Иван Васильевич поручил Толбузину найти в Италии мастера, который бы мог строить церкви. Много было тогда в Италии архитекторов, но не хотели они ехать в далекую неведомую землю; сыскался один только Фиораванти, названный Аристотелем за свое искусство, родом из Болоньи. За десять рублей жалованья в месяц отправился он в Москву с Толбузиным и взял с собой сына Андрея и ученика по имени Петр. Этот Аристотель был первый, открывший дорогу многим другим иноземным художникам. Ему поручили строить Успенский собор. Церковь эта была построена еще при Калите; она обветшала, была разобрана; вместо нее русские мастера Кривцов и Мышкин взялись строить новую, да не сумели вывести свод. Аристотель нашел, что русские не умеют ни обжигать кирпичей, ни приготавливать извести. Он приказал все построенное разбить стенобитной машиной, которая вызывала простодушное удивление у русских. «Как это, – говорили они, – три года церковь строена, а он ее меньше чем в неделю развалил!» Еще больше удивлялись русские колесу, которым Аристотель поднимал камни при постройке верхних стен здания. Церковь окончена была в 1479 году и освящена с большим празднеством. Аристотель стал полезным человеком в Москве не только по строительному делу: он умел лить пушки, колокола и чеканить монету.



Максим Грек. Неизвестный художник начала XIX в.

Брак московского государя с греческой царевной был важным событием в русской истории. Собственно как родственный союз с византийскими императорами это не было новостью: много раз русские князья женились на греческих царевнах и такие браки кроме первого из них, брака Владимира Святого, не имели важных последствий, существенно не изменяли ничего в русской жизни. Брак Ивана с Софьей заключен был при особых условиях. Во-первых, невеста его прибыла не из Греции, а из Италии, и ее брак открыл путь сношениям московской Руси с Западом. Во-вторых – Византийского государства уже не существовало; обычаи, госу-

дарственные понятия, приемы и обрядность придворной жизни, лишенные прежней почвы, искали себе новой и нашли ее в единой Руси. Пока существовала Византия, Русь хотя усваивала всю ее церковность, но в политическом отношении оставалась всегда только Русью, да и у греков не было помысла переделать Русь в Византию; теперь же, когда Византии не стало, возникла мысль, что Греция должна была воплотиться в Руси и Русское государство будет преемственно продолжением Византийского настолько, насколько русская церковь преемственно была костью от кости и плотью от плоти греческой церкви. Кстати, Восточная Русь освобождалась от порабощения татарского именно в ту эпоху, когда Византия порабощена была турками. Появлялась надежда, что молодая Русская держава, усилившись и окрепнув, послужит главным двигателем освобождения Греции. Брак Софьи с русским великим князем имел значение передачи наследственных прав потомства Палеологов русскому великокняжескому дому. Правда, у Софьи были братья, которые иначе распорядились своими наследственными правами: один из ее братьев, Мануил, покорился турецкому султану; другой, Андрей, два раза посещал Москву, оба раза не ужился там, уехал в Италию и продавал свое наследственное право то французскому королю Карлу VIII, то испанскому – Фердинанду Католику. Православным людям передача прав византийских православных монархов какому-нибудь латинскому королю не могла казаться законной, и в этом случае гораздо более права представлялось за Софьей, которая оставалась верна православию, была супругой православного государя, должна была сделаться и сделалась матерью и праматерью его преемников и при своей жизни заслужила укор и порицания папы и его сторонников, которые очень ошиблись в ней, рассчитывая через ее посредничество ввести в Московскую Русь Флорентийскую унию. Первым видимым знаком той преемственности, которая образовалась в отношении Московской Руси к Греции, было принятие двуглавого орла, герба Восточной Римской империи, ставшего с того времени русским гербом. С этих пор многое на Руси изменяется и принимает подобие византийского. Это делается не вдруг, происходит во время княжения Ивана Васильевича, продолжается и после его смерти. В придворном обиходе появляются громкий титул царя, целование монаршей руки, придворные чины ясельничего, конюшего, постельничего (появившиеся, впрочем, к концу княжения Ивана); значение бояр как высшего слоя общества падает перед самодержавным государем; все делались равны, все одинаково были его рабами. Почетное наименование «боярин» становится саном, чином: в бояре жалует великий князь за заслуги; кроме боярина был уже другой, несколько меньший, чин – окольничего. Таким образом положили начало чиновной иерархии. К эпохе Ивана Васильевича, как должно думать, следует отнести начало учреждения приказов с их дьяками. По крайней мере тогда уже был «разряд», наблюдавший над порядком службы, был и Посольский приказ: последнее можно заключать из того, что существовал посольский дьяк. Но всего важнее и существеннее была внутренняя перемена в достоинстве великого князя, сильно ощущаемая и наглядно видимая в поступках медлительного Ивана Васильевича. Великий князь сделался государем-самодержцем. Уже при его предшественниках видна достаточная подготовка к этому, но московские великие князья все еще не были вполне самодержавными монархами. Первым самодержцем стал Иван Васильевич, особенно после брака с Софьей. Вся его деятельность с этих пор была последовательнее и неуклоннее посвящена укреплению единовластия и самодержавия.

И ближайшие к его времени потомки сознавали это. При его сыне Василии, который так последовательно продолжал отцовское дело, русский человек Берсень сказал греку Максиму: «Как пришла сюда мати великого государя, то наша земля замешалася». Грек заметил, что Софья была особа царского происхождения. Берсень на это сказал: «Максими господине, какая бы она ни была, да к нашему нестроению пришла; а мы от разумных людей слышали: которая земля переставляет свои обычаи, и та земля не долго стоит, а у нас князь великий обычаи переменил». Главная сущность таких перемен в обычаях, как показывают слова того же Берсени, состояла во введении самодержавных приемов, в том, что государь перестал по старине

советоваться со старейшими людьми, а запершись у постели, все дела сам-третей делал. Позднее Берсеня, спустя столетие после брака Ивана Васильевича с Софьей, Курбский, ненавидевший самовластие внука этой четы, приписывал начало противного ему порядка вещей Софье, называл ее чародейницей, обвинял в злодеяниях, совершенных над членами семьи великого князя. Несомненно, что сама Софья была женщина сильная волей, хитрая и имела большое влияние как на своего мужа, так и на ход дел в Руси.

Одним из важнейших событий после брака с Софьей была окончательная расправа с Новгородом. Иван воспользовался давним правом княжеского суда, чтобы лишить Новгород некоторых лиц, в которых видел противников своих самодержавных стремлений. В 1475 году он отправился в Новгород и был принят там с большим почетом. В Новгороде, как всегда бывало, происходили несогласия; в нем не было недостатка в лицах, готовых своими жалобами возбуждать великого князя к производству суда над новгородскими людьми. Появились жалобщики (старосты Славковой и Никитиной улицы и два боярина); так случилось, что они жаловались на тех именно лиц, которые были особенно ненавистны великому князю по прежней его ссоре с Новгородом. Великий князь, как будто уважая новгородскую старину, дав на обвиняемых своих великокняжеских приставов, велел дать на них же еще приставов от веча и, назначив день суда на Городище, приказал быть при своем суде новгородскому владыке и посадникам. Иван Васильевич признал тех, которых противная сторона обвиняла, виновными в наездах на дворы, в грабежах и убийствах и приказал своим боярам взять под стражу из числа обвиненных четырех человек (Василья Онаньина, Богдана Есипова, Федора Борецкого и Ивана Лошинского), противников Москвы, какими они показали себя в 1471 году. Великий князь тут же приказал присоединить к ним еще двух человек, не подвергавшихся его суду (Ивана Афанасьева и его сына Елевферия), припомнив им, что они затевали отдать Новгород польскому королю. Но на этом суде только для вида присутствовали посадники, и только по форме суд этот был, сообразно старине, двойственным, то есть и княжеским и вместе народным; на самом деле суд этот был судом одного только великого князя, как видно из того, что впоследствии и владыка, и посадники несколько раз просили московского великого князя, чтобы он выпустил задержанных новгородцев. Великий князь был неумолим: шестерых взятых под стражу приказал отправить в Москву, а оттуда на заточение в Муром и Коломну; прочих же обвиненных этим судом отдал на поруки, наложив на них в уплату истцам и себе за их вину большую сумму в полторы тысячи рублей. Затем Иван Васильевич пировал у новгородцев, и эти пирушки тяжело ложились на их карманы: не только те, которые устраивали пиры для великого князя, одаривали его деньгами, вином, сукнами, лошадьми, серебряной и золотой посудой, рыбьим зубом; даже те, которые не угощали его пирами, приходили на княжеский двор с подарками, так что из купцов и житых людей не осталось никого, кто бы тогда не принес великому князю от себя даров. По возвращении Ивана Васильевича в Москву в конце марта 1476 года приехал к нему новгородский архиепископ с посадниками и житыми людьми бить челом, чтобы он отпустил задержанных новгородцев. Иван Васильевич взял от них дары, но не отпустил взятых в неволю новгородцев, о которых они просили. Великокняжеский суд, произведенный на Городище, естественно, понравился тем, которые были оправданы этим судом; это побуждало некоторых новгородцев явиться в Москву и также искать великокняжеского суда на свою братию. Издавна одним из важнейших прав новгородской вольности было то, что великому князю нельзя было вызывать новгородца из его земли и судить не в новгородской земле. Это право теперь нарушалось. Великий князь выслушивал новгородских истцов в Москве и отправлял в Новгород своих московских, а не новгородских приставов за ответчиками. В числе таких челобитчиков и ответчиков были двое чиновников новгородского веча: подвойский (чиновник по поручениям) по имени Назар и дьяк веча (секретарь) Захар Овинов. В Москве их разумели как послов от веча. Вместо того чтобы по старине назвать великого князя и его сына (имя которого уже ставилось в грамотах как имя соправителя) господами,

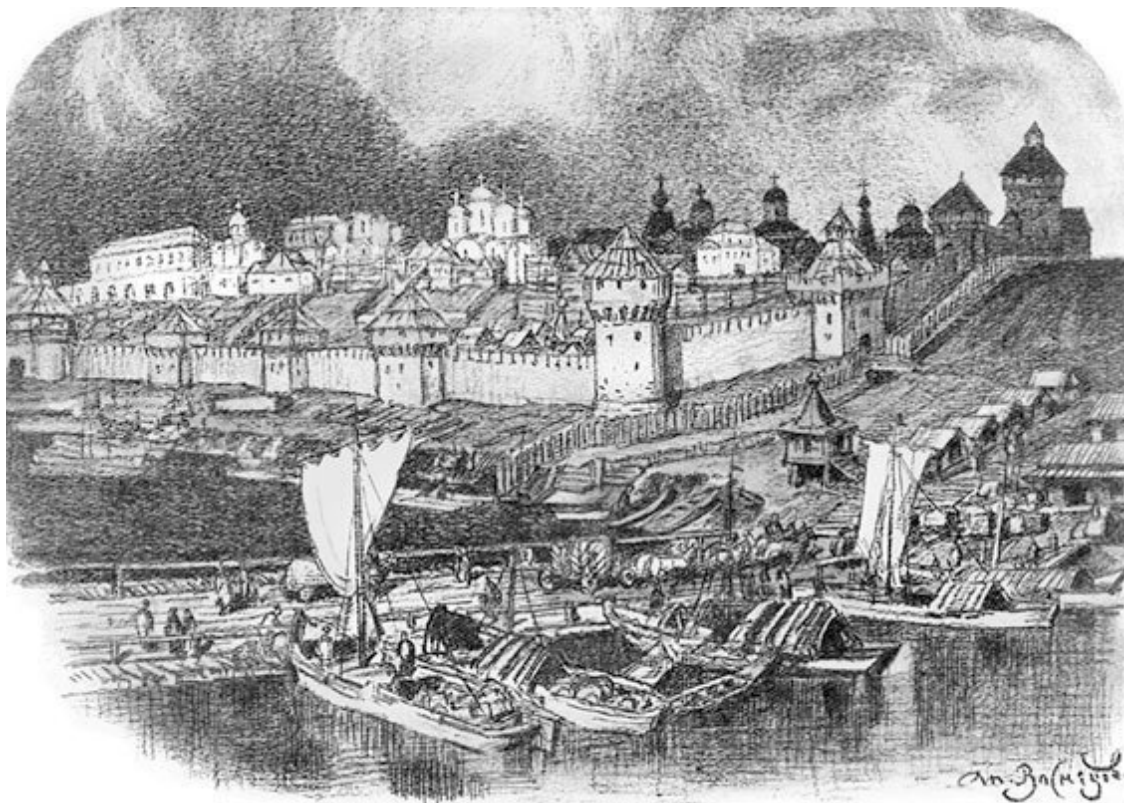
они назвали их государями. Великий князь ухватился за это и 24 апреля 1477 года отправил своих послов спросить: какого государства хочет Великий Новгород, так как об этом государстве говорили в Москве приехавшие от всего Великого Новгорода послы.



Вид Нижнего Новгорода (по А. Олеарию)

Новгородцы на вече отвечали, что не называли великого князя государем и не посылали к нему послов говорить о каком-то новом государстве; весь Новгород, напротив, хочет, чтобы все оставалось без перемены – по старине.

Еще послы великого князя не успели уехать из Новгорода, как там поднялось волнение: 31 мая вече казнило троих лиц – Василия Никифорова, Захара Овинова и его брата Козьму. Услыхав об этом, великий князь испросил благословения у митрополита Геронтия, заступившего на место умершего Филиппа, и в начале октября 1477 года двинулся с войском наказывать Новгород огнем и мечом. И Тверь, и Псков должны были посылать свои рати на Новгород. К ополчению московского великого князя присоединись люди из новгородских волостей – бежечане, новоторжцы, волочане (жители Волока-Ламского), так как в этих пограничных волостях имелись в чересполосности владения неновгородские. Неприятельские отряды распущены были по всей Новгородской земле от Заволочья до Наровы и должны были жечь людские поселения и истреблять жителей. Для защиты своей свободы у новгородцев не было ни материальных средств, ни нравственной силы. Они отправили владыку с послами просить у великого князя мира и пощады.



А.М. Васнецов. Московский Кремль при Иване III

Послы встретили великого князя в Сытынском погосте близ Ильменя. Великий князь не принял их, а велел своим боярам представить им на вид вино Великого Новгорода: «Сами новгородцы послали в Москву послов, которые назвали великого князя государем, а теперь Новгород отрекается от этого!» В заключение бояре сказали: «Если Новгород захочет бить челом, то он знает, как ему бить челом».

Вслед за тем великий князь 27 ноября переправился через Ильмень и остановился за три версты от Новгорода в селе, принадлежавшем опальному Лошинскому, близ Юрьева монастыря. Новгородцы еще раз отправили своих послов к великому князю, но московские бояре, не допустив их, как и прежде, до великого князя, сказали им все те же загадочные слова: «Если Новгород захочет бить челом, то он знает, как ему бить челом».

Великокняжеские войска, захватив подгородные монастыри, окружили весь город; Новгород оказался замкнутым со всех сторон.

Опять отправился владыка с послами. Великий князь и на этот раз не допустил их к себе; но бояре теперь не говорили им загадок, а объявили напрямик: «Вечу и колоколу не быть, посаднику не быть, государство Новгородское держать великому князю точно так же, как он держит государство в Низовой земле, а управлять в Новгороде его заместникам». За это их обнадеживали тем, что великий князь не станет отнимать у бояр земель и не будет выводить жителей из Новгородской земли.



Русское посольство

Шесть дней прошли в волнении. Новгородские бояре ради сохранения своих вотчин решились пожертвовать земской свободой, хотя в сущности с потерей этой свободы не оставалось никакого ручательства целостности достояния частных лиц. Народ не в силах был защищаться оружием; не у кого было просить помощи, и не могла она ниоткуда прийти к Новгороду: город был отрезан от всего.

Владыка с послами снова поехал в стан великого князя и объявил, что Новгород соглашается на все. Послы предложили написать договор в этом же смысле и утвердить его с обеих сторон крестным целованием. Но бояре сказали, что великий князь не станет целовать креста.

«Пусть бояре поцелуют крест», – сказали новгородские послы.

«И боярам не велит государь целовать креста», – отвечали бояре, доложив прежде об этом великому князю.

«Так пусть наместник великого князя поцелует крест», – говорили новгородцы.

«И наместнику не велит государь целовать креста», – отвечали бояре.

Новгородские послы с таким ответом хотели идти в Новгород, но их задержали, не сообщив причины, за что задерживают.

Иван Васильевич нарочно медлил для того, чтобы тем временем новгородцы в осаде дошли до крайнего состояния от голода и распространившихся болезней, а Новгородская земля потерпела бы еще сильнее от его рати. Наконец в январе 1478 года потребовали от послов, чтобы Новгород отдал великому князю половину владычных и монастырских волостей и все новоторжские волости, чьи бы они ни были.

Новгород на все согласился, выговорив только льготу для бедных монастырей. Условились, чтобы с каждой сохи, то есть с пространства в три обжи или в три раза более того, сколько один человек может вспахать одной лошадью, брать дань по полугривне.

15 января все новгородцы были приведены к присяге на полное повиновение великому князю. По этой присяге каждый новгородец был обязан доносить на своего брата новгородца,

если услышит от него что-нибудь о великом князе хорошего или худого. В тот же день снят был вечевой колокол и отвезен в московский стан.

Несмотря на обещание никого не выводить с Новгородской земли, великий князь в феврале того же года приказал схватить, заковать и отправить в Москву несколько лиц, стоявших еще прежде во главе патриотического движения. В их числе была Марфа Борецкая с внуком, сыном уже умершего тогда в заточении в Муроме Федора. Имущество опальных досталось великому князю – было «отписано на государя», как тогда начали выражаться.

Великий князь назначил в Новгороде четырех наместников и уехал в Москву. Современники говорят, что по его приказанию отправилось туда триста возов с добычей, награбленной у новгородцев. Повезли в Москву и вечевой колокол Великого Новгорода; и «вознесли его на колокольницу, – говорит летописец, – с прочими колоколами звонити».

Москва, расширяя пределы своей волости, со времен Ивана Калиты еще не приобретала такой важной добычи: все огромное пространство севера нынешней Европейской России, от Финского залива до Белого моря, теперь принадлежало ее государю. Но этот успех навлек на нее бурю. Казимир пропустил удобное время, не помог Новгороду тогда, когда бы еще мог овладеть им и тем поставить преграду распространявшемуся могуществу Москвы; теперь, казалось, он испугался этого могущества и думал исправить испорченное дело. Он отправил посла к хану Золотой Орды возбуждать его на Москву, обещал действовать с ним заодно со своими литовскими и польскими силами. В то же время он стал ласкать и обнадеживать новгородцев. Естественно, в Новгороде после покорения должна была оставаться партия, готовая на всякие действия ради восстановления павшего здания. Составился заговор. Заговорщики вошли в сношения с Литвой. У новгородцев явились союзниками даже братья великого князя, Андрей Старший и Борис; они были недовольны Иваном Васильевичем: с ним заодно покоряли они Новгород, однако Иван Васильевич присоединил покоренную землю к своей державе, а братьям не дал части в добыче³⁰.

Иван Васильевич узнал вовремя об опасности и поспешил в Новгород осенью 1479 года. Он утаивал свое настоящее намерение и пустил слух, будто идет на немцев, нападавших тогда на Псков; даже его сын не знал истинной цели этого похода. Между тем новгородцы, понадеявшись на помощь Казимира, прогнали великокняжеских наместников, возобновили вечевой порядок, избрали посадника и тысяцкого.

Великий князь подошел к городу со своим иноземным мастером Аристотелем, который поставил напротив Новгорода пушки; его пушкари стреляли метко. Тем временем великокняжеская рать захватила посады, и Новгород оказался в осаде. Поднялась в Новгороде безледица; многие сообразили, что нет надежды на защиту, и поспешили заранее в стан великого князя с поклоном. Наконец патриоты, будучи не в силах обороняться, послали к великому князю просить «опаса», то есть грамоты на свободный проезд послов для переговоров. Но времена переговоров с Москвой уже минули для Новгорода.

«Я вам опас, – сказал великий князь, – я опас невинным; я государь вам, отворяйте ворота, войду – никого невинного не оскорблю».

Новгород открыл ворота; архиепископ вышел с крестом; новый посадник, новый тысяцкий, старосты от пяти концов Новгорода, бояре, множество народа – все пали на землю и молили о прощении. Иван пошел в храм Св. Софии, молился, потом разместился в доме новоизбранного посадника Ефрема Медведева.

Доносчики представили Ивану Васильевичу список главных заговорщиков. По этому списку он приказал схватить пятьдесят человек и пытаться. Они под пытками показали, что вла-

³⁰ Кроме того, он не позволил боярам отъезжать к его братьям: одного из них, князя Оболенского-Лыка, приказал схватить во владениях Бориса. Младший брат Андрей не пристал к своим братьям, когда они сговаривались против Ивана; он задолжал великому князю 30 000 рублей и впоследствии завещал ему за это свой удел.

дыка с ними был в соумышлении; владыку схватили 19 января 1480 года и без церковного суда отвезли в Москву, где заточили в Чудовом монастыре. «Познаваю, – написал он, – убожество моего ума и великое смятение моего неразумения». Архиепископская казна досталась государю. Обвиненные наговорили на других, и таким образом схвачены были еще сто человек; их пытали, а потом всех казнили. Имение казненных отписано было на государя.

Вслед за тем более тысячи семей купеческих и детей боярских было выслано и поселено в Переяславле, Владимире, Юрьеве, Муроме, Ростове, Костроме, Нижнем Новгороде. Через несколько дней после того московское войско погнало более семи тысяч семей из Новгорода на Московскую землю. Все недвижимое и движимое имущество переселяемых становилось достоянием великого князя. Многие из сосланных умерли на дороге, так как их погнали зимой, не дав собраться; оставшихся в живых расселили по разным посадам и городам; новгородским детям боярским давали поместья, а вместо них поселяли на Новгородскую землю москвичей. Точно так же вместо купцов, сосланных на Московскую землю, отправили других из Москвы в Новгород.

Расправившись с Новгородом, Иван поспешил в Москву; приходили вести, что на него двигается хан Золотой Орды.

Собственно говоря, московский великий князь на деле уже был независим от Орды: она тогда настолько ослабла, что вятские удалыцы, спустившись по Волге, могли разграбить Сарай, столицу хана. Великий князь перестал платить вынужденную определенную дань, ограничиваясь одними дарами; а это не могло уже иметь смысл подданства, так как подобным образом дары от московских государей и впоследствии долго давались татарским владетелям во избежание разорительных татарских набегов. Итак, освобождение Руси от некогда страшного монгольского владычества совершилось постепенно, почти незаметно. Бывшую державу Батые, распавшуюся на многие царства, постоянно раздирали междоусобия, и если одно татарское царство угрожало Москве, то другое мешало ему поработить Москву; хан Золотой Орды досадовал, что раб его предков, московский государь, не повинуется ему; но Иван Васильевич нашел себе союзника в крымском хане Менгли-Гирее, враге Золотой Орды. Только после новгородского дела обстоятельства временно сложились так, что хан Золотой Орды увидел возможность попытаться восстановить свои древние права над Русью. Союзник Ивана Васильевича Менгли-Гирей был изгнан и заменен другим ханом – Зенибеком. Литовский великий князь и польский король Казимир побуждал Ахмата против московского государя, обещая ему большую помощь, да вдобавок московский государь поссорился со своими братьями³¹; для Ахмата представлялись надежды на успех; но многое изменилось, когда Ахмат собрался в поход; Менгли-Гирей прогнал Зенибека и снова овладел крымским престолом; московский государь помирился с братьями, дав им обещание сделать прибавку к тем наследственным уделам, которыми они уже владели; наконец, когда хан Золотой Орды шел из волжских стран степью к берегам Оки, Иван Васильевич отправил вниз по Волге на судах рать под начальством звенигородского воеводы Василия Ноздреватого и крымского царевича Нордоулата, брата Менгли-Гирея, чтобы потревожить Сарай, оставшийся без обороны.

³¹ Существуют такие известия: ханы, отправляя своих послов в Москву, передавали с ними свое изображение, называемое «басма»; великие князья должны были кланяться этому изображению и выслушивать ханскую грамоту, стоя на коленях. Иван Васильевич уклонялся от этой церемонии, сказываясь больным; наконец, когда Ахмат послал потребовать дани, Иван Васильевич изломал ханскую басму, растоптал ее ногами и велел умертвить послов: вследствие этого Ахмат пошел на Москву. Сказание это не имеет достоверности; гораздо правдоподобнее, что Ахмат был настроен против московского государя Казимира, как объясняют другие современные известия.



Старая карта Европы Николая Вишера

Несмотря на все эти меры, показывающие благоразумие Ивана Васильевича, нашествие Ахмата сильно беспокоило его: он по природе не был храбр; память о посещении Москвы Тохтамышем и Эдигием сохранялась в потомстве. Народ был в тревоге; носились слухи о разных зловещих предзнаменованиях: в Алексине, куда направлялись татары, люди видели, как звезды, словно дождь, падали на землю и рассыпались искрами, а в Москве ночью колокола звонили сами собой; в церкви Рождества Богородицы упал верх и сокрушил много икон – все это было сочтено за предвестие беды, наступавшей от татар. Иван Васильевич отправил вперед войско с сыном Иваном, а сам оставался шесть недель в Москве, между тем его супруга выехала из Москвы в Дмитров и оттуда водным путем отправилась на Белоозеро. Вместе с ней великий князь отправил свою казну. Народ с недовольством узнал об этом; народ не терпел Софьи, называл ее римлянкой; тогда говорили, что от сопровождавших ее людей и боярских холопов, «кровопийц христианских», хуже было русским жителям, чем могло быть от татар. Напротив того, мать великого князя инокиня Марфа изъявила решимость остаться с народом в осаде, и за то приобрела общие похвалы от народа, который видел в ней русскую женщину в противоположность чужеземке. Побуждаемый матерью и духовенством, Иван Васильевич оставил Москву под управлением князя Михаила Андреевича Можайского и своего наместника Ивана Юрьевича Патрикеева, а сам поехал к войску в Коломну; но там окружили его такие же трусы, каким был он сам: то были, как выражается летописец, «богатые сребролюбцы, брюхатые предатели»; они говорили ему: «Не становись на бой, великий государь, лучше беги; так делали прадед твой Димитрий Донской и дед твой Василий Димитриевич». Иван Васильевич поддался их убеждениям, которые сходились с теми ощущениями страха, какие испытывал он сам. Князь решился последовать примеру прародителей, уехал обратно в Москву и встретил там народное волнение; в ожидании татар толпы перебирались в Кремль; народ с ужасом

увидел неожиданно своего государя в столице, в то время, когда все думали, что он должен был находиться в войске. Народ и без того не любил Ивана, а только боялся его; теперь этот народ дал волю долго сдержанным чувствам и завопил: «Ты, государь, княжишь над нами так, что пока тихо и спокойно, то обираешь нас понапрасну, а как придет беда, так ты в беде покидаешь нас. Сам разгневал царя, не платил ему выходу, а теперь нас всех отдаешь царю и татарам!»

Духовенство со своей стороны подняло голос; всех смелее заявил себя ростовский архиепископ Вассиан Рыло: «Ты боишься смерти, – говорил он Ивану, – но ведь ты не бессмертен! Ни человек, ни птица, ни зверь не избегнут смертного приговора. Если боишься, то передай своих воинов мне. Я хотя и стар, но не пощажу себя, не отвращу лица своего, когда придется стать против татар». Невыносимы были эти обличительные слова великому князю: он и в Москве трусил, но уже не врагов, а своих, боялся народного восстания, уехал из столицы в Красное Село и послал сыну Ивану приказание немедленно приехать к нему. К счастью, сын был храбрее отца и не послушался его. Иван Васильевич, раздраженный этим непослушанием, приказал князю Холмскому силой привезти к нему сына; но и Холмский не послушался его и не решился употребить силу, когда сын великого князя сказал ему: «Лучше здесь погибну, чем поеду к отцу». Время было роковое для самодержавных стремлений Ивана; он чувствовал, что народная воля способна еще проснуться и показать себя выше его воли. Опаснее было оставаться или куда-нибудь бежать, чтобы скрыться от татар, чем отправиться на войну с татарами. Иван уехал к войску, в сущности побуждаемый той же трусостью, которая заставила его покинуть войско.



Н. Некрасов. Вече в Новгороде

Между тем хан Ахмат шел медленно по окраине Литовской земли, мимо Мценска, Любутска, Одоева, и остановился у Воротынска, ожидая помощи от Казимира. Литовская помощь не пришла к нему; союзник Ивана Васильевича Менгли-Гирей напал на Подол и тем отвлек литовские силы. Московский великий князь пришел с войском в Кременец, где соединился с братьями. Ахмат двинулся к реке Угре: начались стычки с передовыми русскими отрядами; тем временем река стала замерзать. Великий князь перешел от Кременца к Боровску, объявив, что здесь, на просторном поле, намерен вступить в бой; но тут на него опять напал страх. Были у него приближенные советники, которые поддерживали в Иване Васильевиче трусость и побуждали вместо битвы просить милости у хана. Иван Васильевич отправил к Ахмату Ивана Товаркова с челобитьем и дарами, просил пожаловать его и не разорять своего «улуса», как он называл перед ханом свои русские владения. Хан отвечал: «Я пожалую его, если он придет ко мне бить челом, как отцы его ездили к нашим отцам с поклоном в Орду». В это время пришло к Ивану послание от ростовского архиепископа Вассиана, один из красно-

речивых памятников нашей древней литературы: пастырь ободрял Ивана Васильевича примерами из Священного Писания и из русской истории, убеждал не поддаваться коварным советам трусов, которые покроют его срамом. Видимо, тогда некоторые представляли великому князю такой довод, что татарские цари – законные владыки Руси, и русские князья, прародители Ивана Васильевича, завещали потомкам не поднимать рук против царя. Вассиан по этому вопросу говорит: «Если ты рассуждаешь так: прародители заклинали нас не поднимать руки против царя, – то слушай, боголюбивый царь: клятва бывает невольная, и нам повелено прощать и разрешать от таких клятв; и святейший митрополит, и мы, и весь боголюбивый собор разрешаем тебя и благословляем идти на него, не так как на царя, а как на разбойника, и хищника, и богоборца. Лучше солгать и получить жизнь, нежели истинствовать и погибнуть, отдав землю на разорение, христиан на истребление, святые церкви на запустение и осквернение, и уподобиться окаянному Ироду, который погиб, не хотя преступить клятвы. Какой пророк, какой апостол, какой святитель научил тебя, христианского царя великих русских стран, повиноваться этому богостудному, скверному и самозванному царю? Не только за наше согрешение, но и за нашу трусость и ненадеяние на Бога попустил Бог на твоих прародителей и на всю землю Русскую окаянного Батыея, который пришел, разбойнически попленил нашу землю, поработил нас и воцарился над нами: тогда мы прогневали Бога и Бог Но Бог, потопивший Фараона и избавивший Израиля, все тот же Бог вовеки! Если ты, государь, покаешься от всего сердца и прибегнешь под крепкую руку Его и дашь обет всем умом и всею душою своею перестать делать то, что ты прежде делал, будешь творить суд и правду посреди земли, любить ближних своих, никого не будешь насиловать и станешь оказывать милость согрешающим, то и Бог будет милостив к тебе в злое время; только кайся не одними только словами, совсем иное помышляя в своем сердце. Такого покаяния Бог не принимает: истинное покаяние состоит в том, чтобы перестать делать дурное».

Не знаем, подействовала ли эта смелая обличительная речь, или, быть может, гордое требование Ахмата задело за живое Ивана, или, как говорят летописцы, страх опасности лично явиться к хану не допустил Ивана до последнего унижения. Ахмат прислал к нему с таким словом: «Если не приедешь сам, то пришли сына или брата». Иван не сделал этого. Тогда Ахмат прислал к нему еще раз: «Если не пришлешь ни сына, ни брата, то пришли Никифора Басенкова». Этот Никифор бывал в Орде, и хан знал его. Великий князь не послал Басенкова, а быть может, только не успел послать его, прежде чем пришла к нему неожиданная весть: хан бежал со всеми татарами от Угры. В то время, когда великий князь и его советники были одержимы страхом перед татарскими силами, сами татары боялись русских. Ахмат решился предпринять свой поход потому, что надеялся на помощь Казимира; но Казимир не приходил, наступали морозы: татары, по выражению современников, были и босы, и ободраны. Челобитье великого князя сначала ободрило Ахмата, но когда после того московский князь не исполнил его требования, Ахмат понял дело так, что русские не боятся его, а между тем посланный вниз по Волге отряд под начальством Ноздреватого и Нордоулата напал на Сарай, разграбил его, и до Ахмата, быть может, дошли об этом слухи. Ахмат, повернув назад, шел по Литовской земле и с досады разорял ее за то, что Казимир не помог ему вовремя.

Иван Васильевич с торжеством вернулся в Москву. Москвичи радовались, но говорили: «Не человек спас нас, не оружием избавили мы Русскую землю, а Бог и Пречистая Богородица». Тогда вернулась и Софья с Белоозера со своей свитой. «Воздай им, Господи, по делам их и по лукавству их», – говорит по этому поводу летописец.

К большому торжеству Москвы вскоре пришла весть, что у реки Донец на Ахмата напал Ивак, хан Шибанской или Тюменской Орды, соединившись с ногайскими мурзами; он собственноручно убил сонного Ахмата 6 января 1481 года и известил об этом московского великого князя, который за то послал ему дары.



Вид Ярославля



Базлика св. Марии в Риме

Эту эпоху обычно считают моментом окончательного освобождения Руси от монгольского ига, но в сущности, как мы заметили выше, Русь на самом деле уже прежде стала независимой от Орды. Во всяком случае событие это важно в нашей истории как эпоха окончательного падения той Золотой Орды, ханы которой держали в порабощении Русь и назывались в Руси ее царями. Преемники Ахмата были уже совершенно ничтожны. Достоинно замечания, что Казимир, подвигнувший последние силы Золотой Орды, не только не достиг цели своего

желания – остановить возрастающее могущество Москвы, но еще навлек на свои собственные области двойное разорение: и от Менгли-Гирея, и от самого Ахмата, а тем самым способствовал усилению враждебного Московского государства. Вскоре после того, думая поправить испорченное дело, Казимир пытался поднять на Москву бессильных сыновей Ахмата и в то же время выставил против Москвы свое войско в Смоленске; но прежде чем он мог нанести московским владениям какой-либо вред, союзник Москвы Менгли-Гирей напал на Киев, опустошил его, сжег кроме прочего Печерский монастырь, ограбил церкви и прислал в дар своему приятелю, московскому государю, золотую утварь – потир и дискос из Софийского храма. Между тем подручные Казимиру князя передавались Ивану Васильевичу. Трое из них – Ольшанский, Михаил Олелькович и Федор Вельский – намеревались отторгнуть от Литвы русские Северские земли вплоть до Березины и передать во владение московскому великому князю. Казимир успел схватить двух первых и казнил, а Вельский ушел в Москву и получил от Ивана Васильевича в вотчину на Новгородской земле Демон и Мореву; Казимир отомстил беглецу тем, что задержал его жену, с которой Вельский только что вступил в брак.

Тогда же неприятель Казимира, венгерский владетель Матфей Корвин, завел сношения с московским государем, и московский великий князь через посланного к Матфею дьяка Курицына просил его прислать в Москву инженеров и горных мастеров: в последних московский государь видел нужду, потому что узнал о существовании металлических руд на севере, но не было у него в Московском государстве людей, умеющих добывать руду и обращаться с ней. В то же время молдавский господарь Стефан, который боялся Казимира и хотел оградить свое владение от властолюбивых покушений Литвы и Польши, вступил в родственную связь с Иваном Васильевичем. Он предложил свою дочь Елену за Ивана Ивановича, сына московского государя. Иван Васильевич послал за Еленой своего боярина Плещеева. Елена ехала через Литву, и Казимир не только не остановил ее, но послал ей дары. Таким образом, втайне покушаясь навредить московскому государю и терпя за такие покушения вред, наносимый своим областям, Казимир явно боялся своего соперника и оказывал ему внешние знаки дружбы.

Сын Ивана Васильевича обвенчался с Еленой 6 января 1483 года, а в октябре того же года родился у них сын по имени Дмитрий: Иван Васильевич очень радовался рождению внука, не предвидев, что настанет время, когда он сделается мучителем этого внука.

Заметно возростала жестокость характера московского государя по мере усиления его могущества. Тюрьмы наполнялись; битье кнутом, позорная торговая казнь, стало частым повсеместным явлением; этого вида казнь была неизвестна в Древней Руси; насколько можно проследить по источникам, она появилась в конце XIV века и стала входить в обычай только при отце Ивана Васильевича; теперь от нее не избавлялись ни мирские, ни духовные, навлекшие на себя гнев государя. Страшные пытки сопровождали допросы. Иван Васильевич признавал нужду в иноземцах, и вслед за Аристотелем появилось их уже несколько в Москве; но московский властитель не слишком ценил их безопасность, когда что-нибудь было не по его нраву. У него был врач – немец по имени Антон; он пользовался почетом у великого князя. В то время, когда совершалась свадьба сына Ивана, этот врач лечил татарского князька Каракуча, находившегося при царевиче Даниаре, который служил Москве: вылечить его не удалось. Великий князь не только выдал бедного немца сыну умершего князька, но когда последний, помучив врача, хотел отпустить его, взяв с него окуп, Иван Васильевич настаивал, чтобы татары убили Антона; и татары, исполняя волю московского великого князя, повели Антона под мост на Москву-реку и там на льду зарезали ножом, как овцу, по выражению летописца. Это событие навело такой страх на Аристотеля, что он стал просить Ивана Васильевича отпустить его на родину, но московский властитель считал своим рабом всякого, кто находился у него в руках; он приказал ограбить все имущество архитектора и посадил в заключение на дворе немца Антона. Итальянец был выпущен для того, чтобы поневоле продолжать службу на земле, на которую он имел легкомыслие захватить добровольно.

Чем дальше, тем последовательнее и смелее прежнего Иван Васильевич занялся расширением пределов своего государства и укреплением своего единовластия. Разделался он с верейским князем по следующему поводу. После рождения внука Дмитрия Иван Васильевич хотел подарить своей невестке, матери новорожденного, жемчужное украшение, принадлежавшее некогда его первой жене Марии. Вдруг он узнал, что Софья, которая вообще не щадила великокняжеской казны на подарки своим родным, подарила это украшение своей племяннице гречанке Марии, вышедшей за Василия Михайловича Верейского. Иван Васильевич до того рассвирепел, что приказал отнять у Василия все приданое его жены и хотел взять под стражу его самого. Василий убежал в Литву вместе с женой. Отец Василия Михаил Андреевич вымолил себе самому пощаду единственно тем, что отрекся от сына, обязался не сноситься с ним и выдавать великому князю всякого посланца, которого вздумает его сын прислать к нему; наконец, написал завещание, по которому отказывал великому князю после своей смерти свои владения – Ярославль, Верею и Белоозеро – с тем, чтобы великий князь со своим сыном поминая его душу. Смерть не замедлила постигнуть этого князя (весной 1485 года); говорили впоследствии, что Иван Васильевич втайне ускорил ее.

Упрочив за собой владения верейского князя, в 1484 году великий князь обратился еще раз к Новгороду: нашлись такие новгородцы, которые подали ему донос на богатых людей, будто они хотят обратиться к Казимиру. Московскому властелину хотелось приобрести имущество обвиненных: предлог был благовиден. По такому доносу привезли из Новгорода человек тридцать самых «больших» из житейных людей и отписали на государя их дома и имущества в Новгороде. Привезенных посадили во дворе Товаркова, одного из приближенных Ивана Васильевича; великокняжеский подьячий Гречневик по приказанию государя принялся мучить их, чтобы вынудить сознание в том, в чем их оговорили. Новгородцы под пытками оговорили друг друга. Великий князь приказал их повесить. Когда обреченных повели к виселице, они стали просить взаимно друг у друга прощения и сознались, что напрасно наговорили друг на друга, не в силах будучи вытерпеть мук пытки. Услышав об этом, Иван Васильевич не велел их вешать; он поступил тогда так, как часто поступали самовластители, когда, отменяя смертную казнь и заменяя ее томительным пожизненным заключением, на самом деле усиливали кару своим врагам, а чернь прославляла за то милосердие своих владык. Иван Васильевич приказал посадить новгородцев в тюрьму в оковах, и они вместо коротких смертных страданий на виселице должны были многие годы томиться в тюрьме; жен их и детей Иван отправил в заточение.

В 1485 году, похоронив свою мать, инокиню Марфу, Иван Васильевич расправился с Тверью. Зимой в начале того же года московский великий князь обвинил тверского великого князя в том, что он сносится с Казимиром. Сначала Иван Васильевич взял с тверского князя договорную запись, в которой еще как будто признавал тверского князя владельцем лицом, только обязал его не сноситься с Литвой. Потом дело умышленно велось так, чтобы можно было опять придрасться. Князя Тверской земли, подручники тверского великого князя Андрей Микулинский и Иосиф Дорогобужский оставили службу своему великому князю и передались московскому; Иван Васильевич обласкал их и наделил волостями: первому дал город Дмитров, другому – Ярославль. По их примеру тверские бояре один за другим стали переходить к Москве; им нельзя уже было, как говорит современник, терпеть обиды от московского великого князя, его бояр и детей боярских: где только сходились их межи с межами московскими, там московские землевладельцы обижали тверских, и не было нигде на московских управах; у Ивана Васильевича в таком случае свой московский человек оказывался всегда прав; а когда московские жаловались на тверских, то Иван Васильевич тотчас посылал к тверскому великому князю с угрозами и не принимал в уважение его ответов. Наконец в конце августа того же года Иван Васильевич двинулся на Тверь ратью вместе со своими братьями; он взял и своего поработанного итальянца Аристотеля с пушками. Предлог был таков: перехватили тверского гонца с грамотами к Казимиру. Михаил Борисович присылал оправдываться своего подруч-

ного князя Холмского, но московский государь не пустил его к себе на глаза. 8 сентября Иван Васильевич подступил к Твери; 10 сентября тверские бояре оставили своего князя, приехали толпой к Ивану Васильевичу и били челом принять их на службу. Несчастный Михаил Борисович в следующую за тем ночь бежал в Литву, а 12 сентября оставшийся в Твери его подручник князь Михаил Холмский со своими братьями и с сыном, остальными боярами, земскими людьми, владыкой Кассианом приехали к Ивану Васильевичу; они ударили московскому государю челом и просили пощады. Иван Васильевич послал в город своих бояр и дьяков привести к целованию всех горожан и охранить от разорения. Потом московский государь сам въехал победителем в Тверь, так долго соперничествовавшую с Москвой. Он отдал Тверь своему сыну Ивану Ивановичу и тем как будто все еще сохранял уважение к наследственным удельным правам: Иван Иванович был сыном тверской княжны и по матери происходил от тех тверских князей, память которых еще могла для тверичей быть исторической святыней. Михаил Борисович напрасно просил помощи у Казимира; польский король дал приют изгнаннику, но отказался помогать ему и заявил об этом Ивану Васильевичу.

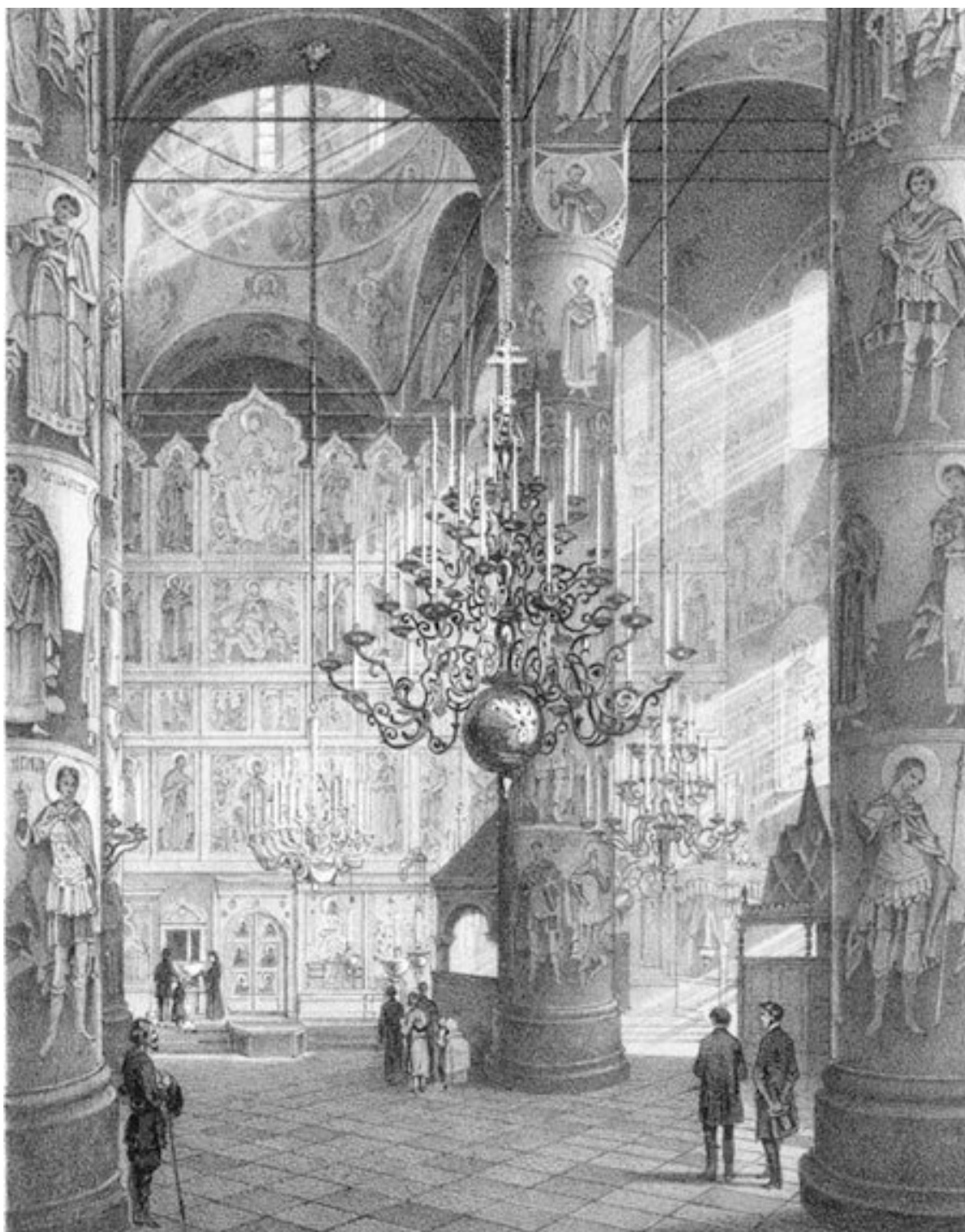


Успенский собор в Московском Кремле

В 1487 году московский государь снова обратился на Казань, на этот раз удачнее, чем прежде. Партия вельмож, недовольная своим царем Алегамом, обратилась к московскому

великому князю. Она хотела возвести на престол меньшого брата Алегама Махмет-Аминя, мать которого Нурсалтан после смерти своего мужа, казанского царя Ибрагима, вышла замуж за крымского хана Менгли-Гирея, друга и союзника Ивана. По приказанию московского государя русские после полуторамесячной осады взяли Казань и посадили там Махмет-Аминя. Это подчинение Казани, еще далеко не полное, сопровождалось со стороны московского государя жестокостями; он приказал передуть князей и уланов казанских, державшихся Алегама; самого плененного Алегама с женой заточил в Вологде, а его мать и сестер сослал на Белоозеро.

Овладевая новыми землями, Иван Васильевич продолжал добывать Новгород. Там состоялся заговор против наместника Якова Захарьевича; подробности его неизвестны, но по этому поводу схватили множество лиц: иным отрубили головы, других повесили, а затем более семи тысяч житых людей было выведено из Новгорода. На другой год вывели и поселили в Нижнем еще до тысячи житых людей. Иван Васильевич вывел с Новгородской земли тамошних землевладельцев и раздавал им поместья в Нижнем, Владимире, Муроме, Переяславле, Юрьеве, Ростове, Костроме, а в Новгородскую землю переводил так называемых детей боярских с Московской земли и там раздавал им поместья. Первоначально дети боярские были действительно потомки бояр, обедневшие и лишенные возможности поддерживать значение, какое имели их предки, но помнившие свое знатное происхождение, и потому вместо того, чтобы по примеру предков называться боярами, назывались только детьми их. Впоследствии этим именем стали называться служилые люди, получавшие земли с обязанностью нести службу; такое получение земли называлось «испомещением». Этой системой испомещений Иван Васильевич устроил новый род военного сословия; получавшие земли от великого князя приобретали их не в потомственную собственность, а пожизненно, с условием являться на службу, когда прикажут. Учреждение поместного владения не стало новостью: по своему основанию оно существовало издавна, но Иван Васильевич дал ему более широкий размах, заменяя таким образом господство вотчинного права господством поместного. Мера эта являлась выгодной для самодержавных целей: помещики были обязаны куском хлеба исключительно государю; земля их каждую минуту могла быть отнята, и они должны были заботиться заслужить милость государя для того, чтобы избежать несчастья потерять землю; дети их не могли по праву наследства надеяться на средства к существованию и, подобно своим отцам, должны были только в милости государя видеть свою надежду.



Интерьер Успенского собора Московского Кремля



А.М. Васнецов. У стен деревянного города

В 1489 году окончательно присоединена была Вятка. Сначала митрополит написал вятчанам грозное пастьерское послание, в котором укорял их за образ жизни, несообразный с христианской нравственностью; потом великий князь отправил туда войско под начальством Даниила Щени (из рода литовских князей) и Григория Морозова. Они взяли Хлынов почти без сопротивления. Иван Васильевич приказал сечь кнутом и казнить главных вятчан, которые имели влияние на народ и отличались приверженностью к старой свободе; с остальными жителями московский государь сделал то же, что с новгородцами: он вывел с Вятской земли землевладельцев и поселил в Боровске, Алексине, Кременце, а на их место послал помещиков Московской земли; вывел он также оттуда торговых людей и поселил в Дмитрове.

Иван Васильевич щадил Псков, потому что Псков боялся его. Не раз испытывал он терпение псковичей и приучал их к покорности. Перед покорением Новгорода псковичи были очень недовольны московским наместником князем Ярославом Васильевичем: «От многих времен, – говорит местный летописец, – не бывало во Пскове такого злосердного князя». Четыре года тяготились им псковичи, умоляли Ивана Васильевича переменить его; долго все было напрасно: Иван Васильевич то нарочно тянул дело и откладывал свое решение, то брал сторону своего наместника. Когда вражда к этому наместнику во Пскове дошла наконец до драки между его людьми и псковичами, тогда великий князь обвинил псковичей, хотя и видел, что виноват был наместник. Вслед за тем он вывел этого наместника и положил на него свой гнев, но давал псковичам знать, что делает это по своему усмотрению, а не по просьбе псковичей. После покорения Новгорода Иван Васильевич обещал псковичам держать их по старине, «а вы, наша отчина, – прибавил он, – держите слово наше и жалование честно над собою, знайте это и помните». И действительно, псковичи старались помнить это и заслужить милость великого князя. Братья великого князя, призванные псковичами для защиты от немцев, прибыли во Псков со своими ратями. Вдруг псковичи узнали, что они поссорились со старшим братом.

Тогда псковичи не только просили их удалиться, но даже не позволили оставить во Пскове их жен и детей. Иван, однако, не выказал псковичам большой благодарности за такое послушание: псковичи жаловались на бесчинные поступки великокняжеских послов, а Иван Васильевич сделал псковичам же за эту жалобу строгий выговор и оправдал своих послов.

В 1485 году возникло во Пскове волнение между черными и большими людьми. Князь Ярослав Владимирович, наместник великого князя, составил с посадниками грамоту, как кажется, определявшую работу смердов. Грамота эта не понравилась черным людям. Они взволновались, убили одного посадника, на лиц, убежавших от народной злобы, написали мертвую грамоту, то есть осуждавшую их на смерть, опечатали дворы и имущества своих противников, а несколько человек посадили в тюрьму. Иван Васильевич по жалобе больших людей и своего наместника рассердился за такое самовольство, приказал немедленно уничтожить постановления веча, состоявшего из черных людей, и всем велел просить прощения у наместника. Черные люди не поверили, что действительно такое решение дал великий князь, и отправили к нему посольство со своей стороны. Иван Васильевич не хотел слушать никаких объяснений, требовал, чтобы псковские черные люди немедленно исполнили его волю и просили прощения у наместника. Псковичи сделали все угодное князю, а потом послали в Москву просить у него прощения. Дело это тянулось целых два года и стоило Пскову до тысячи рублей. Таким образом, Иван давал чувствовать псковичам, как разорительно для них ослушиваться распоряжений московских наместников. После того псковичи приносили жалобы на великокняжеского наместника и на наместников последнего, которых тот рассадил по пригородам и волостям. Жалоб этих было такое множество, что, по словам летописца, и счесть их было невозможно. Иван Васильевич не принял этих жалоб, а сказал, что пошлет бояр разузнать обо всем. Великокняжеский наместник вслед за тем умер от мора, свирепствовавшего во Пскове, и дело это прекратилось само собой; но с тех пор великий князь назначал и сменял наместников уже не по просьбе псковичей, а по своей воле, и псковичи не смели на них жаловаться; так было до самой смерти великого князя. Из всех русских земель единственно в одном Пскове существовало еще вече и звонил вечевой колокол, но то была только форма старины, в сущности являвшаяся безвредной для власти Ивана над Псковом. Псковичам дозволялось совещаться об одних внутренних земских делах, но и то в своих решениях они должны были сообразоваться с волей наместников. Присылаемые против воли народа, эти наместники и их доверенные по пригородам позволяли себе разные насилия и грабительства, подстрекали ябедников подавать на зажиточных людей доносы, самовольно присваивали одним себе право суда вопреки вековым местным обычаям, обвиняли невинных с тем, чтобы сорвать что-нибудь с них; при требовании с жителей повинностей обращались с ними грубо; их слуги делали всякого рода бесчинства, и не было на их слуг управы. Даже те, которые были менее нахальны в своем обращении с жителями, не приобретали их любви. Псковичи не могли освоиться с московскими приемами, но с болью терпели тяжелую руку Ивана Васильевича.

Утверждая свою власть внутри Русской земли, великий князь заводил первые дипломатические сношения с Немецкой империей. Русская земля, некогда, в дотатарский период, известная Западной Европе, мало-помалу совершенно исчезла для нее и явилась как бы новооткрытой землей наравне с Ост-Индией. В Германии знали только, что за пределами Польши и Литвы есть какая-то обширная земля, управляемая каким-то великим князем, который находится, как думали, в зависимости от польского короля. В 1486 году один знатный господин, кавалер Поппель, приехал в Москву с целью узнать об этой загадочной для немцев стране. Но в Москве не слишком любили, чтобы иноземцы приезжали узнавать о житье-бытье русских людей и о силах государства. Несмотря на то что Поппель привез грамоту от императора Фридриха III, в которой Поппель рекомендовался как человек честный, ему не доверяли и выпроводили от себя. Через два года тот же Поппель прибыл уже послом от императора и его сына римского короля Максимилиана. На этот раз его приняли ласково, хотя все-таки не совсем

доверчиво. Поппель облакал свое посольство таинственностью, просил, чтобы великий князь выслушал его наедине, и не мог добиться этого. Иван Васильевич дал ему свидание не иначе, как в присутствии своих бояр князя Ивана Юрьевича Патрикеева, князя Даниила Васильевича Холмского и Якова Захарьевича.

Поппель предлагал от имени императора и его сына дружбу и родственный союз: отдать дочь московского государя за императорского племянника маркграфа баденского. На это отвечал не сам государь, а от имени государя дьяк Федор Курицын, что государь пошлет к цезарю своего посла. Поппель еще раз просил дозволения сказать государю несколько слов наедине и на этот раз добился только того, что государь отошел с ним от бояр, которые до тех пор находились вместе с ним, однако все-таки был не один на один с Поппелем, а приказал записывать своему посольскому дьяку Курицыну то, что будет говорить иноземный посол. Тайна, с которой тогда носился Поппель, заключалась в следующем: «Мы слышали, – говорил посол, – что великий князь посылал к римскому папе просить себе королевского титула, а польский король посылал от себя к папе большие дары и упрашивал папу, чтобы папа этого не делал и не давал великому князю королевского титула. Но я скажу твоей милости, что папа в этом деле власти не имеет; его власть над духовенством, а в светском имеет власть возводить в короли, князья и рыцари только наш государь цезарь римский: так если твоей милости угодно быть королем в своей земле, и тебе, и детям твоим, то я буду верным служебником твоей милости у цезаря римского. Только прошу твою милость молчать и ни одному человеку об этом не говорить, а иначе твоя милость и себе вред сделаешь, и меня погубишь. Если король польский об этом узнает, то будет денно и ночью посылать к цезарю с дарами и просить, чтоб цезарь этого не делал. Ляхи очень боятся, чтоб ты не стал королем на Руси; они думают, что тогда вся Русская земля, которая теперь находится под польским королем, от него отступит».

Поппель рассчитывал на простоту московского государя и очевидно пытался вкрасься к нему в доверие, но ошибся, не поняв ни местных обычаев и преданий, ни характера Ивана Васильевича. Великий князь похвалил его за готовность служить ему, а насчет королевского титула дал такой ответ: «Мы, – говорил он, – Божию милостию государь на своей земле изначала, от первых своих прародителей, и поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы, и просим Бога, чтоб и вперед дал Бог и нам и нашим детям до века так быть, как мы теперь есть государи на своей земле, а поставления ни от кого не хотели и теперь не хотим».

В переговорах с Курицыным Поппель еще раз заговорил о сватовстве и предлагал в женихи двум дочерям великого князя саксонского курфюрста и маркграфа бранденбургского, но на это не получил никакого ответа. 22 марта 1489 года Иван Васильевич отправил к императору и к его сыну Максимилиану послом Юрия Траханиота, грека, приехавшего с Софьей: своих русских людей, способных составлять посольство к иноземным государям, у московского великого князя было немного; нравы московских людей были до того грубы, что и впоследствии, когда посылались русские послы за границу, нужно было им писать в наказе, чтобы они не пьянствовали, не дрались между собой и тем не срамили Русской земли. И на этот раз только в товарищах с греком отправились двое русских. Подарки, посланные императору, были скупы и состояли только в сороке соболей и двух шубах: одной – горностаевой, а другой – беличьей. Грек повез императору от московского великого князя желание быть с императором и его сыном в дружбе, а относительно предложения о сватовстве грек должен был объяснить, что московскому государю отдавать дочь свою за какого-нибудь маркграфа не пригоже, потому что от давних лет прародители московского государя были в приятельстве и в любви со знатнейшими римскими царями, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Византии; но если бы захотел посватать дочь московского государя сын цезаря, то посол московский должен был изъявить надежду, что государь его захочет вступить в такое дело с цезарем. Иван Васильевич перед чужеземцами ценил важность своего рода и сана более, чем у себя дома, так как он впоследствии отдал дочь свою за своего подданного князя Холмского.

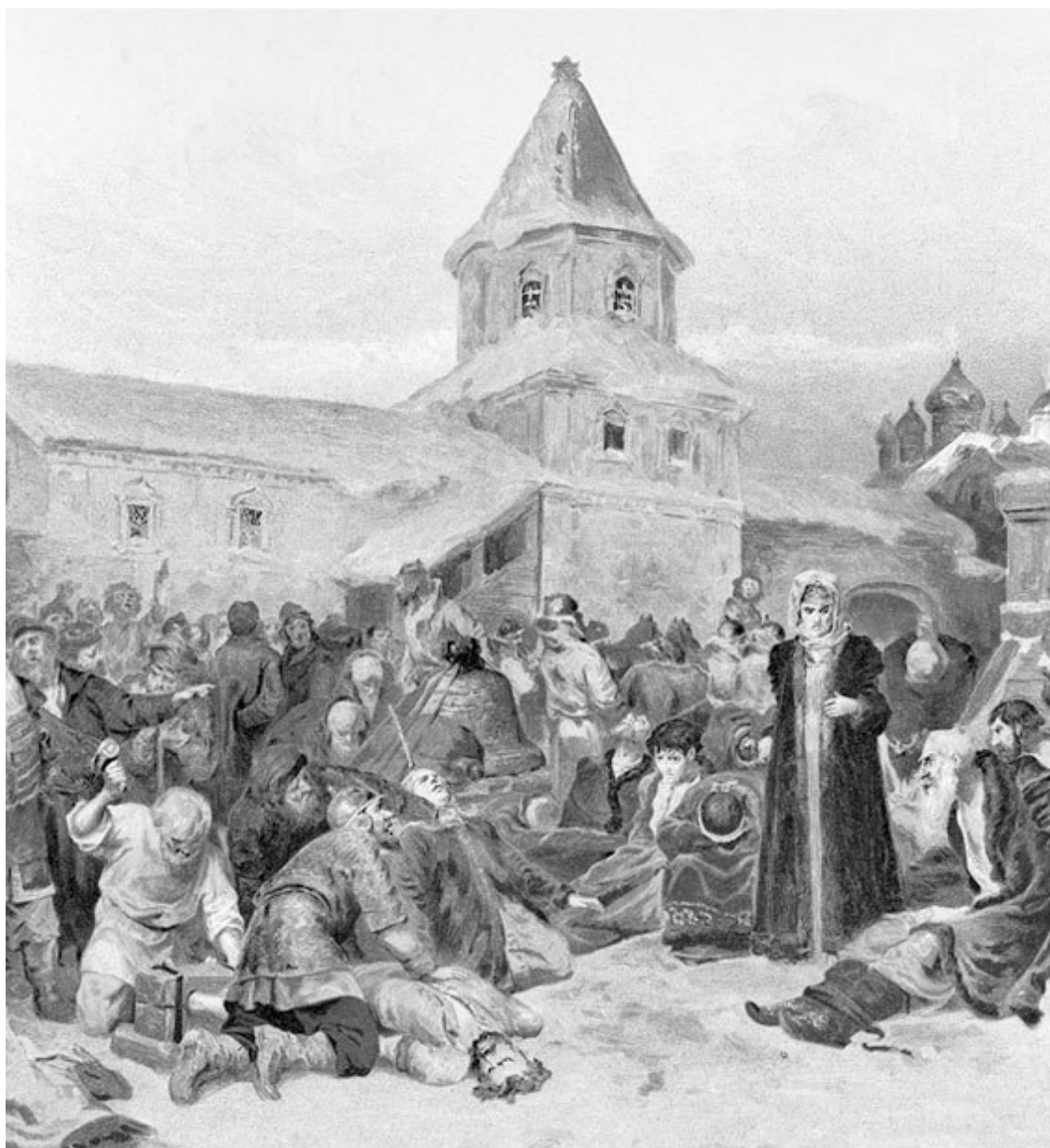


А.П. Рябушкин. Русские женщины в церкви

Посольство Траханиота имело еще и другую цель. Великий князь поручил ему отыскать в чужих землях такого мастера, который бы умел находить золотую и серебряную руды; и другого мастера, который бы знал, как отделять руду от земли; и еще такого хитрого мастера, который бы умел к городам приступать, да такого, который бы умел стрелять из пушек; сверх того – каменщика, умеющего строить каменные палаты, и наконец «хитрого» серебряного мастера, умеющего отливать серебряную посуду и кубки, чеканить и делать на посуде надписи. Юрий Траханиот имел поручение подрядить их и дать им задаток: для этой цели из-за недостатка в тогдашнем Московском государстве монеты он получил два сорока соболей и три тысячи белок; если же не нашлись бы такие мастера, согласившиеся приехать в Москву, то посол мог продать меха и привезти великому князю червонцев, которыми тогда дорожили, как редкостью.

Еще Траханиот не возвратился из своего посольства, как в семье Ивана Васильевича произошла важная перемена: у его старшего сына, соправителя и наследника, тридцати двух лет от роду, началась болезнь ног, которую в то время называли «камчюгом». Был тогда при дворе лекарь, незадолго перед тем привезенный из Венеции, мистер Леон, родом иудей. Он стал лечить сына князя прикладыванием «сткляниц», наполненных горячей водой, давал ему пить какую-то траву и говорил Ивану Васильевичу: «Я непременно вылечу твоего сына, а если не вылечу, то вели казнить меня смертною казнью». Больной умер 15 марта 1490 года, а спустя сорок дней Иван Васильевич приказал за неудачное лечение отрубить врачу голову на Болвановке. Через три недели после такого поступка, служившего образцом тому, чего могли ожидать приглашаемые иностранцы в Москве, вернулся Траханиот из Германии и привез с собой нового врача и разных дел мастеров: стенных, палатных, пушечных, серебряных и даже «арганного играца». Вместе с ним прибыл посол от Максимилиана Юрий Делатор с предложением дружбы и сватовства Максимилиана к дочери Ивана Васильевича. Ивану Васильевичу было

очень лестно отдать дочь за будущего императора, но он не показывал слишком явно радости, а напротив, по своему обычаю прибегнул к таким приемам, которые только могли затягивать дело. Когда посол пожелал видеть дочь Ивана и заговорил о приданом, государь приказал дать ему такой ответ через Бориса Кутузова: «У нашего государя нет такого обычая, чтобы раньше дела показывать дочь, а о приданом мы не слыхивали, чтобы между великими государями могла быть рья об этом». Московский государь в течение всей жизни любил брать, но не любил давать. Со своей стороны Иван Васильевич задал послу такое условие, которое поставило его в тупик. Князь требовал от Максимилиана обязательства, чтобы у его жены были греческая церковь и православные священники. Делатор отвечал, что у него на это нет наказа. Тогда был заключен между Максимилианом и московским государем дружественный союз, направленный против Литвы и Польши. Посольство повело к дальнейшим сношениям. Траханиоту еще два раза приходилось ездить в Германию, а Делатор еще раз приезжал в Москву. Максимилиан между тем посватался к Анне Бретанской, и московский государь так сожалел о прежнем, что наказывал Траханиоту узнать: не расстроится ли как-нибудь сватовство Максимилиана с бретанской принцессой, чтобы снова начать переговоры о своей дочери; но Максимилиан женился на Анне и с 1493 года сношения с Австрией прекратились надолго. Достоин замечания, что в этих сношениях великому князю давали титул царя и даже цезаря, и он сам называл себя «государем и царем всея Руси»; но иногда титул царя опускался, и он именовал себя только государем и великим князем всея Руси.



К.В. Лебедев. Уничтожение новгородской вольницы при Иоанне III



С.А. Кириллов. Погост Малы

Во время этих сношений Иван разделался со своим братом Андреем. Помирившись с братьями после их возмущения, Иван долго не трогал их, однако не доверял им, обязывал новыми договорными грамотами и крестным целованием сохранять ему верность и не сноситься ни с внутренними, ни с внешними врагами. Братья боялись его и постоянно ждали над собой беды. Однажды Андрей Васильевич уже собрался бежать, но при посредничестве боярина князя Патрикеева объяснился с братом: Иван Васильевич успокоил его и приказал высечь кнутом слугу, предостерегавшего Андрея. Великий князь только же ждал предлога, чтобы сделать с Андреем то, чего он боялся. В 1491 году разнесся слух, что сыновья Ахмата идут на союзника Ивана Менгли-Гирея. Государь отправил против них свои войска и приказал братьям послать против них своих воевод. Борис повиновался; Андрей не исполнил приказания. Этого ослушания было достаточно. Андрея позвали в Москву. Великий князь принял его ласково; целый вечер они беседовали и расстались дружески. На другой день дворецкий князь Петр Шестунов пригласил Андрея на обед к великому князю вместе с его боярами. Когда Андрей вошел во дворец, его попросили в комнату, называемую «западню», а бояр Андрея отвели в столовую гридню: там их схватили и развели по разным местам. Андрей ничего не знал о судьбе своих бояр. Великий князь, войдя в «западню», повидался с братом очень ласково, потом вышел в другую комнату, называемую «повалушу», а вместо него вошел в «западню» боярин князь Ряполовский и сквозь слезы сказал: «Государь князь Андрей Васильевич, пойман еси Богом и государем великим князем Иваном Васильевичем всея Руси, твоим старшим братом!» Андрей на это ответил: «Волен Бог да государь, Бог нас будет судить, а я неповинен». Его оковали цепями и посадили в тюрьму. Иван Васильевич послал в Углич боярина Патрикеева схватить двух сыновей Андрея, Ивана и Дмитрия, заковать и отправить в Переяславль в тюрьму. Андрей умер в темнице в 1493 году; его сыновья томились долго в тяжелом заключении, никогда уже не получив свободы. Другой брат был пощажен, потому что во всем повиновался великому князю наравне с прочими служебными князьями и боярами, но пребывал постоянно в страхе.

Со времени сношений с Австрией развились дипломатические сношения с другими странами; так в 1490 году чагатайский царь, владевший Хивой и Бухарой, заключил с московским государем дружественный союз. В 1492 году обратился к Ивану иверский (грузинский) царь Александр, прося его покровительства в письме, в котором, рассыпаясь на восточный лад в самых изысканных похвалах величию московского государя, называл себя его холопом. Это было первое сношение с Москвой той страны, которой впоследствии суждено было присоединиться к России. В том же году начались сношения с Данией, а в следующем – был заключен дружественный союз между Данией и Московским государством. Наконец в 1492 году было первое обращение к Турции. Перед этим временем Кафа и другие генуэзские колонии на Черном море подпали под власть Турции; русских купцов стали притеснять в этих местах. Московский государь обратился к султану Баязету с просьбой о покровительстве русским торговцам. То было началом сношений; через несколько лет при посредничестве Менгли-Гирея начались взаимные посольства. В 1497 году Иван посылал к Баязету своим послом Плещеева. Тогда, хотя Баязет и заметил Менгли-Гирею, что московский посол поразил турецкий двор своей невежливостью, но в то же время отвечал Ивану очень дружелюбно и обещал покровительство московским купцам. Все эти сношения пока не имели важных последствий, но они замечательны как первые в своем роде в истории возникшего Московского государства.

Важнее всех были сношения с Литвой. Казимир во все время своего царствования старался, насколько возможно, вредить своему московскому соседу, однако уклонялся от явной открытой вражды; под конец его жизни враждебные действия открылись сами собой между подданными Москвы и Литвы. Несмотря на крутое обращение Ивана со служебными князьями, власть Казимира для некоторых православных князей не казалась лучше власти Ивана, и вслед за князем Вельским передались московскому государю со своими вотчинами князья Одоевские, князь Иван Васильевич Белевский, князья Иван Михайлович и Дмитрий Федорович Воротыньские; став подданными московского великого князя, они нападали на владения своих родичей князей, остававшихся под властью Казимира, отнимали у них волости. Их противники делали с ними то же. Кроме этих пограничных столкновений были еще и другие: в пограничных местах как Московского, так и Литовского государства развелось такое множество разбойников, что купцам не было проезда, а в то время вся торговля Московского государства с югом шла через литовские владения и через Киев, так как прямой путь из Москвы к Азовскому морю лежал через безлюдные степи, по которым бродили хищнические татарские орды, и был совершенно непроходим. Москвичи жаловались на литовских разбойников, литовские подданные – на московских. Эти взаимные жалобы, продолжавшиеся уже значительное время после смерти Казимира, в 1492 году привели наконец к войне. Польша и Литва разделились между сыновьями умершего Казимира: Альбрехт избран польским королем; Александр оставался наследственным литовским великим князем. Иван рассчитал, что теперь держава Казимира ослабела, послал на Литву своих воевод и направил на нее своего союзника Менгли-Гирея с крымскими ордами. Дела пошли успешно для Ивана. Московские воеводы взяли Мещовск, Серпейск, Вязьму; Вяземские и Мезецкие князья и другие литовские владельцы волей-неволей переходили на службу московского государя. Но не всем приходилось там хорошо: в январе следующего 1493 года один из прежних перебежчиков, Иван Лукомский, был обвинен в том, будто покойный Казимир присылал ему яд для отравления московского государя; Лукомского сожгли живьем в клетке на Москве-реке вместе с поляком Матвеем, служившим латинским переводчиком. С ними вместе казнили двух братьев Селевиных, обвинив в том, что они посылали вести на Литву: одного засекли кнутом до смерти, другому отрубили голову. Досталось и прежнему беглецу Федору Вельскому, обласканному Иваном: его ограбили и заточили в тюрьму в Галиче. Литовский великий князь Александр сообразил, что трудно будет ему бороться сразу с Москвой и с Менгли-Гиреем; он задумал жениться на дочери Ивана Елене и таким образом устроить прочный мир между двумя соперничествова-

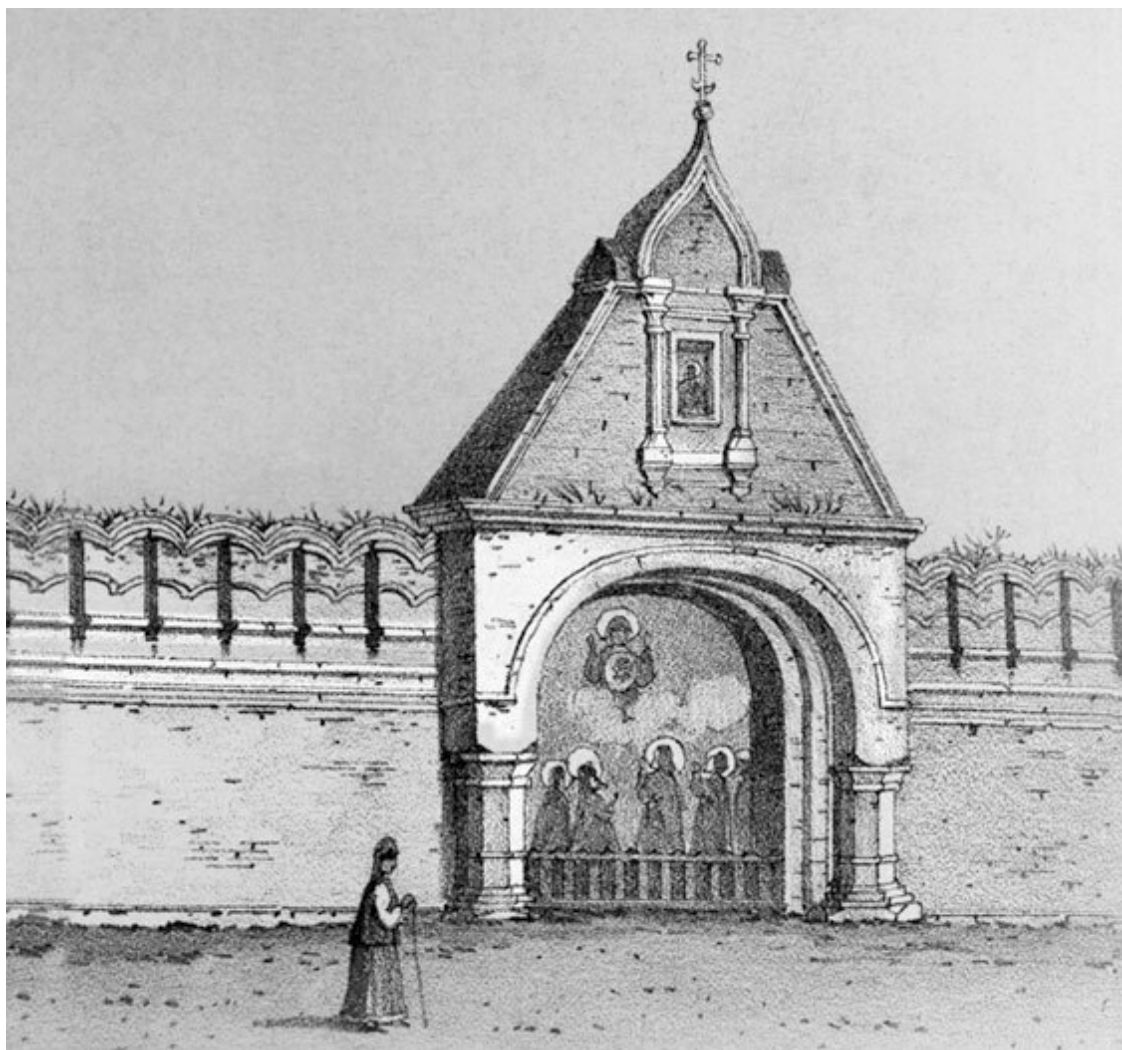
шими государствами. Переговоры о сватовстве начались между литовскими панами и главнейшим московским боярином Иваном Патрикеевым. Эти переговоры шли вяло до января 1494 года; наконец в это же время присланные от Александра в Москву послы заключили мир, по которому уступили московскому государю волости перешедших к нему князей. Тогда Иван согласился выдать дочь за Александра с тем, чтобы Александр не принуждал ее к римскому закону. В январе 1495 года Иван отпустил Елену к будущему мужу с литовскими послами, но с условием, чтобы Александр не позволял ей приступить к римскому закону даже и тогда, когда бы она сама этого захотела, и чтобы построил для нее греческую церковь у ее хором.



Иван III отказывается платить дань хану

Для Ивана Васильевича выдача дочери замуж была только средством, которым он надеялся наложить свою руку на Литовское государство и подготовить в будущем расширение пределов своего государства за счет русских земель, подвластных Литве. С той поры начался ряд разных придирок со стороны Ивана. Александр не стеснял своей жены в вере и жил с нею в любви, однако не построил для нее особой православной церкви, предоставляя ей посещать церковь, находившуюся в городе Вильне; светские паны-католики и преимущественно католические духовные и так были недовольны, что их великая княгиня не католичка, и пуще бы зароптали, если бы король построил для нее особую православную церковь. Кроме того, Александр не хотел держать при Елене московского священника и московскую прислугу, как этого требовал тесть с явной целью иметь при дворе зятя соглядатаев. Сама Елена не только не жаловалась отцу на мужа, как бы этого хотелось Ивану, но уверяла, что ей нет никакого притеснения, что священника московского ей не нужно, что есть другой православный священник в Вильне, которым она довольна; что ей также не нужно московской прислуги и боярынь, поскольку они не умеют себя держать прилично, да и жаловать их нечем, так как она не получила от отца никакого приданого. Иван этим не довольствовался, придирался по-прежнему ко всему, к чему только мог придраться, и среди прочего требовал, чтобы зять титуловал его государем всея Руси. Само собой разумеется, что Александру нельзя было согласиться на последнее, потому что сам Александр владел значительной частью Руси, а Иван, опираясь на титул,

мог заявить новые притязания на русские земли, состоявшие под властью Литвы. В то же время Иван сохранял прежние отношения с Менгли-Гиреем и не только не жертвовал ими ради зятя, а давал своим послам, отправляемым в Крым, наказ не отговаривать Менгли-Гирея, если он захочет идти на Литовскую землю, и объяснить ему, что у московского государя нет прочного мира с литовским, потому что московский государь хочет отнять у литовского всю свою отчину Русскую землю. Таким образом, относясь двоедушно к зятю, Иван Васильевич был искреннее и откровеннее с крымским ханом, который платил ему верной службой.



Восточные ворота Рождественского монастыря

Таковыми были отношения Ивана Васильевича к зятю и Литве вплоть до 1500 года.

Последние годы XV века особенно ознаменовались многими новыми явлениями внутренней жизни. Дипломатические сношения сближали мало-помалу с европейским миром Восточную Русь, долгое время отрезанную и отчужденную от него; появлялись начатки искусств, служившие главным образом государю, укреплению его власти, удобствам его частной жизни, а также и благолепию московских церквей. Вслед за церковью Успения, построенной Аристотелем, сооружали одну за другой каменные церкви в Кремле и за пределами Кремля в Москве. В 1489 году был окончен и освящен Благовещенский собор, имевший значение домового храма великого князя; примерно в то же время воздвигли церковь Риз Положения. До тех пор великие князья московские жили не иначе, как в деревянных домах, да и вообще на всем Русском Севере каменными зданиями были только церкви, жилые строения – исключи-

тельно деревянными. Иван Васильевич, слышав, что в чужих краях, куда ездили его послы, владетели живут в каменных домах, что у них есть великолепные палаты, где они дают торжественные празднества и принимают иноземных послов, приказал построить и себе каменную палату для торжественных приемов и собраний; она была сооружена (1487–1491) венецианцем Марком и другими итальянцами, его помощниками, и до сих пор сохранилась под названием Грановитой палаты. В 1492 году Иван Васильевич приказал построить для себя каменный жилой дворец, который вскоре после того был поврежден пожаром, а в 1499 году возобновлен миланским мастером Алевизом³². Кремль вновь обвели каменной стеной; итальянцы соорудили в разные годы башни и ворота и устроили посреди Кремля подземные тайники, в которых государи скрывали свои сокровища. Между Москвой-рекой и Неглинной проведен был ров, выложенный камнем. Следуя примеру государя, митрополиты Геронтий и Зосима построили себе кирпичные палаты, а также трое бояр построили для себя каменные дома в Кремле. Но это являлось исключением: каменные дома не вошли в обычай у русских. На Руси сложилось убеждение, что жить в деревянных домах – полезнее для здоровья. Сам государь и его преемники в течение долгого времени разделяли это мнение и держали у себя каменные дворцы только для пышности, а жить предпочитали в деревянных домах.

Иван Васильевич имел особую любовь к металлическому делу во всех его видах. Иноземные мастера лили для него пушки (таковы были среди прочих итальянцы Дебосис, Петр и Яков; Дебосис в 1482 году отлил знаменитую Царь-пушку, которая и теперь изумляет своей огромностью). В 1491 году Траханиот вывез из Германии рудокопов Иогана и Виктора. Вместе с русскими людьми они нашли серебряную и медную руды на реке Цильме в трех верстах от Печоры; однако местонахождение этих руд оказалось невелико – не более десяти верст.

Тогда же начали плавить металлы и чеканить серебряные мелкие монеты *из русского серебра*. Великий князь любовался серебряными и золотыми изделиями, и при его дворе работало несколько иноземных мастеров серебряных и золотых дел: итальянцев, немцев и греков.

Но собственно для распространения всякого рода уместности в русском народе не сделано было ничего. Достоинно замечания, что в тот век, когда греки, рассеявшись по Западной Европе, обновляли ее, знакомив с плодами своего древнего просвещения, и положили начало великому умственному перевороту, известному в истории под именем эпохи Возрождения, в Московском государстве, где исповедовалась греческая вера и где государь был женат на греческой царевне, они почти не оказали образовательного влияния. Долговременное азиатское варварство не давало для этого плодотворной почвы; к тому же деспотические наклонности Ивана Васильевича и бесцеремонное обращение с иноземцами не привлекали последних в значительном количестве в Москву и не предоставляли им необходимой свободы для деятельности. Торговля при Иване вовсе не находилась в цветущем состоянии; хотя в Москву и приезжали иноземные купцы, привлекаемые желанием великого князя иметь редкие изделия, неизвестные в Руси, однако народ русский почти не покупал их товаров. Торговля вообще в то время упала против прежнего. На юге Кафа, бывшая некогда средоточием черноморской торговли, досталась в руки турок. При новых владетелях она не могла уже так процветать, как при генуэзцах; купцы не пользовались там прежней безопасностью, а сообщение Москвы с Черным морем чрезмерно было затруднено по причине татарских орд и враждебных столкновений Литвы с Москвой. На севере Новгород лишился своего прежнего торгового населения, своей свободы, благоприятствовавшей торговле, и наконец в 1495 году Иван Васильевич окончательно добил тамошнюю торговлю. Придравшись к тому, что немцы в Ревеле сожгли русского человека, пойманного на совершении гнусного преступления, Иван Васильевич приказал схватить в Новгороде всех немецких купцов, и притом не из одного Ревеля, а из разных

³² Достоинно замечания, что во время построек дворца государь некоторое время проживал в частных домах: в доме боярина Патрикеева и в домах московских жителей у Николы Подкопай и близ Яузы.

немецких городов, посадить в погреба, запечатать новгородские гостиные двory (их было два – готский и немецкий), все имущество и товары этих купцов отписать на государя. Через год их выпустили (всего 49 человек) и отпустили на родину, совершенно ограбленных. Само собой разумеется, что подобные поступки не могли благоприятствовать ни развитию торговли, ни благосостоянию русской страны.

В Московском государстве при Иване ввели правильное земельное устройство: земли были разбиты на сохи. Эта единица не являлась новой, но теперь вводилась с большей правильностью и однообразием; итак, в 1491 году Тверская земля была разбита на сохи, подобные московской; в Новгородской – оставлялась своя соха, по размеру отличная от московской. Московская соха разделялась на три вида в зависимости от качества земли. Поземельной мерой была четь, то есть такая площадь земли, на которой можно было посеять четверть бочки зерна. Таким образом, на соху доброй земли полагалось 800, средней – 1000, а худой – 1200 четвертей. В соответствии с трехпольным хозяйством принималось количество земли тройное. Так, например, если говорилось «800 четей», то под этим подразумевалось 2400. Сенокосы и леса не входили в этот расчет, а приписывались особо к пахотной земле. В сохи входили села, сельца и деревни, которые были очень малолюдными, так что деревня состояла из двух-трех и даже одного двора. Населенные места, где занимались промыслами, назывались «посадами»: это были города в нашем смысле слова. Они также включались в сохи, но считались не по «четям», а по дворам. Для приведения в известность населения, имуществ посылались чиновники, называемые «писцами»: они составляли писцовые книги, в которые записывали по именам жителей, их хозяйства, размер обрабатываемой земли и получаемые доходы. В соответствии с доходами налагались подати и всякие повинности; в случае нужды с сох бралось определенное количество людей в войско, и это называлось «посошной службой». Кроме налагаемых податей жители платили чрезвычайное множество различных пошлин. Внутренняя торговля облагалась также множеством мелких поборов. При переезде из земли в землю, из города в город торговцы вынуждены были платить таможенные и проезжие пошлины, так называемые тамгу и мыт, не считая других, более мелких, поборов, взимаемых при покупке и продаже разных предметов. Все устраивалось таким образом, чтобы жители при каждом своем шаге доставляли доход государю. Иван Васильевич, уничтожая самобытность земель, не уничтожал, однако, многих частностей, принадлежавших древней раздельности, но обращал их исключительно в свою пользу. Оттого соединение земель под одну власть не избавляло народ от тех невыгод, которые он терпел прежде вследствие раздробленности Русской земли.



Русский боярин с XIV до XVIII столетия в горлатной шапке

1497 год ознаменовался в истории государственного управления Ивана Васильевича изданием Судебника, заключавшего в себе разные отрывочные правила о суде и судопроизводстве. Суд поручался от имени великого князя боярам и окольным. Некоторым детям боярским давали «кормление», то есть временное владение населенной землей с правом суда. В городах суд поручался наместникам и волостелям с разными ограничениями; им придавались «дворские», старосты и выборные из так называемых лучших людей (то есть зажиточных). При судьях состояли дьяки, занимавшиеся делопроизводством, и «недельщики» – судебные приставы,

исполнявшие разные поручения по приговору суда. Судьи получали в вознаграждение с обвиненной стороны судные пошлины в виде известного процента с рубля (различавшиеся в зависимости от существа дела) и не должны были брать «посулы» (взятки). Тяжбы решались посредством свидетелей и судебного поединка или «поля», а в уголовных делах допускалась пытка, но только в том случае, когда на преступника будут улики, а не по одному наговору. Судебный поединок облагался высокими пошлинами в пользу судей; побежденный, называемый «убитым», считался проигравшим процесс. В уголовных преступлениях только за первое воровство, и то кроме церковного и головного (кража людей), назначалась торговая казнь, а за все другие уголовные преступления определялась смертная казнь. Свидетельство честных людей ценилось так высоко, что показаний пяти или шести детей боярских или черных людей, подтверждаемых крестным целованием, было достаточно к обвинению в воровстве.

Относительно холопов оставались прежние условия, то есть холопом был тот, кто сам себя продал в рабство, или был рожден от холопа, или сочетался браком с лицом холопского происхождения. Холоп, попавший в плен и убежавший из плена, становился свободным. Но в быте сельских жителей произошла перемена: Судебник определил, чтобы поселяне (крестьяне) переходили с места на место, из села в село, от владельца к владельцу только однажды в год в продолжение двух недель около осеннего Юрьева дня (26 ноября). Это был первый шаг к закрепощению.

В 1498 году начался в великокняжеском семействе раздор, стоивший жизни многим из приближенных Ивана. Прошло более семи лет после смерти его старшего сына, оставившего сына Дмитрия. Мы не знаем подробностей, как держал себя великий князь по отношению к вопросу о том, кто после него должен быть наследником: второй ли его сын Василий от Софьи или внук Дмитрий, отец которого уже был объявлен соправителем государя. Всеобщее мнение современников и потомков приписывало смерть старшего сына великой княгине Софье; несомненно, что она не любила ни сына первой супруги Ивана, ни ее внука и желала доставить престол своему сыну Василию. Но против Софьи существовала сильная партия, во главе которой стояли два могучих боярина: князь Иван Юрьевич Патрикеев и его зять князь Семен Иванович Ряполовский; они были самыми доверенными и притом самыми любимыми людьми государя: все важнейшие дела проходили через их руки. Они употребляли все усилия, чтобы охладить Ивана к жене и расположить к внуку. Со своей стороны действовала на Ивана невестка Елена: свекор в то время очень любил ее. Но и противная сторона имела своих ревностных слуг. Когда Иван, еще не совершив решительного шага, оказывал больше ласки Дмитрию, сторонники Софьи стали пугать Василия, что его отец вскоре возведет на великое княжение внука и от этого Василию придется со временем плохо. Составился заговор, к которому присоединились князь Иван Палецкий, Хруль, Скрябин, Гусев, Яропкин, Поярок и др. Решено было, что Василий убежит из Москвы; у великого князя кроме Москвы сберегалась казна в Вологде и на Белоозере: Василий захватит ее, а потом погубит Дмитрия. Заговор этот, неизвестно каким образом, открылся в декабре 1497 года; в то же время государь узнал, что к его жене приходили какие-то лихие бабы с зельем. Иван Васильевич рассвирепел, не хотел видеть жену, приказал взять под стражу сына; всех поименованных выше главных заговорщиков казнили, отрубали сперва руки и ноги, потом головы; женщин, приходивших к Софье, утопили в Москве-реке и многих детей боярских заточили в тюрьмы. Наконец, назло Софье и ее сыну 4 января 1498 года Иван Васильевич торжественно венчал своего пятнадцатилетнего внука в Успенском соборе так называемой шапкой Мономаха и бармами. Это было первое коронование на Руси.

Но прошел год, и все изменилось. Иван Васильевич помирился с женой и сыном, охладил к Елене и внуку, разгневался на своих бояр, противников Софьи. Самолюбие его было оскорблено тем, что Патрикеев и Ряполовские взяли большую силу; вероятно, Иван Васильевич хотел показать и себе самому, и всем другим свою самодержавную власть, перед которой все без изъятия должны преклоняться. 5 февраля 1498 года князю Семену Ряполовскому отрубили

голову на Москве-реке за то, что он «высокоумничал» с Патрикеевым, как выражался Иван. Та же участь суждена была Патрикеевым, но митрополит Симон выпросил им жизнь. Князь Иван Юрьевич Патрикеев и его старший сын Василий должны были постричься в монахи, а младшего Ивана посадили под стражу.



Вид Златоустовского монастыря в Москве

После того Иван Васильевич провозгласил своего сына великим князем государем Новгорода и Пскова. Такое странное выделение двух земель поразило псковичей, недавно признавших своим будущим государем Дмитрия Ивановича. Они не понимали, что все это значит, и решили послать троих посадников и по три боярина с конца к великому князю за объяснениями. «Пусть, – били они челом, великий государь держит свою отчину по старине: который будет великий князь на Москве, тот и нам был бы государем». В то же время псковичи не дозволили приехавшему к ним владыке Геннадию поминать на ектениях Василия. Великий князь принял псковских послов гневно и сказал: «Разве я не волен в своих детях и внуках? Кому хочу, тому и дам княжение». С этим ответом он послал назад во Псков одного из посадников, а прочих послов посадил в тюрьму. Псковичи покорились, позволили поминать в церкви Василия и отправили новых послов с полной покорностью воле великого князя.

Тогда Иван Васильевич переменял тон, сделался ласковым и отпустил заключенных.

Венчанный Дмитрий продолжал в течение некоторого времени носить титул владимирского и московского великого князя, но находился с матерью в отдалении от деда; наконец 11 апреля 1502 года государь вдруг положил опалу на него и его мать. Видимо, в этом случае действовали внушения не только Софьи, но и духовных лиц, обвинявших Елену в том,

что она принимала участие в появившейся в то время «жидовской ереси». Василий был объявлен великим князем всея Руси. Запретили поминать Дмитрия на ектениях. Через два года Елена умерла в тюрьме, в то самое время, когда только что в Москве совершены были (в 1504 году) жестокие казни над еретиками. Несчастный сын ее должен был пережить мать и деда и изнывать в тяжком заключении по воле своего дяди, преемника Ивана. Событие с Дмитрием и Василием стало проявлением самого крайнего, небывалого еще на Руси самовластия; семейный произвол соединялся вместе с произволом правительственным. Ничем не осенялся тот, кто был в данное время государем; не существовало права наследия; кого государь захочет – того и облечет властью, тому и передаст свой сан; венчаный сегодня преемник завтра томился в тюрьме; другой, сидевший в заключении, возводился в сан государя; подвластные земли делились и соединялись по произволу властелина и не смели заявлять своего голоса. Государь считал себя вправе раздать по частям Русскую землю, кому он захочет, как движимое свое имущество. В то время Иван Васильевич, привыкший так долго повелевать и приучивший так долго и многообразно всех повиноваться себе, превратился окончательно в восточного властелина: одно его появление наводило трепет. Женщины, по словам современников, падали в обморок от его гневного взгляда; придворные со страхом за свою жизнь должны были в часы досуга забавлять его, а когда он, сидя в креслах, предавался дремоте, они раболепно стояли вокруг него, не смея кашлянуть или сделать неосторожно движения, чтобы не разбудить его. Таков был Иван Васильевич, основатель московского единоначалия.

В последние годы XV века Иван Васильевич, заключив союз с Данией, в качестве помощи союзникам вел войну со Швецией: эта война кроме взаимных разорений не имела никаких последствий. Важнее был в 1499 году поход московского войска в отдаленную Югру (в северо-западный угол Сибири и восточный край Архангельской губернии). Русские построили крепость на Печоре, привезли взятых в плен югорских князей и подчинили Югорский край Москве. Это стало первым шагом к тому последовательному покорению Сибири, которое решительно началось уже с конца XVI века.

В 1500 году вспыхнула война с Польшей и Литвой. Натянутые отношения между тестем и зятем разразились явной враждой по поводу новых переходов на сторону Москвы князей, подручных Литве. Сначала отрекся от подданства Александру князь Семен Иванович Вельский и поступил к Ивану Васильевичу на службу, за ним передались потомки беглецов из Московской земли – внук Ивана Андреевича Можайского Семен и внук Шемяки Василий; они отдавали под верховную власть московского государя пожалованные их отцам и дедам владения: первый обладал Черниговом, Стародубом, Гомелем и Любечем, второй – Новгородом-Северским и Рыльском. Так же поступили князья Мосальские, Хотетовские, мценские и серпейские бояре. Предлогом выставлялось гонение православной веры. Александр позволял римско-католическим духовным совращать православных и хотел посадить на упраздненный престол киевской митрополии смоленского епископа Иосифа, являвшегося ревностным сторонником флорентийского соединения церквей вопреки прежним митрополитам, из которых все, кроме Григория, преемника Исидора, сохраняли восточное православие. Иван Васильевич нарушил договор с зятем; по этому договору запрещено было принимать с обеих сторон князей с вотчинами, а Иван Васильевич их принял.



Литовцы на охоте. Гравюра XVII в.

Иван Васильевич послал зятю разметную грамоту и вслед за тем отправил на Литву войско. Русская военная сила в те времена делилась на отделы, называемые полками: большой или главный полк, по бокам его – полки правой и левой руки, передовой и сторожевой. Ими начальствовали воеводы. Среди начальников уже в то время существовал обычай местничества: воеводы считали долгом своей родовой чести находиться в такой должности, которая бы не была ниже по разряду другой, занимаемой лицом, отец или дед которого были ниже отца или деда первого. Это счет переходил и на родственников, а также принимались во внимание случаи, когда другие, посторонние, но равные по службе, занимали места выше или ниже. В татарский период между князьями нарушилось древнее равенство: одни стали выше, другие ниже; то же, вероятно, перешло и к боярам; когда же князья и бояре сделались слугами московского государя, тогда понятие об их родовой чести стало измеряться службой государю. Обычай этот, впоследствии усложнившийся в том виде, в каком мы застаем его в период Московского государства, мог быть еще недавним при Иване Васильевиче. С одной стороны, он был полезен для возникавшего самодержавия, так как потомки людей свободных и родовитых стали более всего гордиться службой государю, и потому понятно, отчего все государи до конца XVII века не уничтожали его; но, с другой стороны, этот обычай приносил также много вреда государственным делам, потому что начальники спорили между собой в такое время, когда для успеха дела нужно было дружно действовать и сохранять дисциплину. Иван Васильевич, конечно, мог бы уничтожить местничество в самом его зародыше. Он этого не сделал, но умерял его своей самодержавной волей. Таким образом, когда в походе против Литвы боярин Кошкин, начальствуя сторожевым полком, не хотел быть ниже князя Даниила Щени, то государь приказал ему сказать: «Ты стережешь не Даниила Щеню, а меня и мое дело. Каковы воеводы в большом полку, таковы и в сторожевом. Это тебе не позор». Итак, Иван Васильевич на этот раз лишил местничество своей силы на время войны. Этим он оставил пример

своим преемникам в известных случаях прекращать силу местничества, объявляя наперед, что все начальники будут без мест, но все-таки не уничтожая местничества в своем основании. Кроме русского войска московский государь отправил на Литву татарскую силу под начальством бывшего казанского царя Махмет-Аминя, которого он по желанию казанцев недавно заменил другим. Со своей стороны неизменный союзник Ивана Менгли-Гирей совершил нападение на Южную Русь. Война шла очень успешно для Ивана; русские брали город за городом; многие подручные Александру князья попали в плен или же сами предавались Москве: так сделали князья трубчевские (Трубецкие). 14 июля 1500 года князь Даниил Щеня поразил наголову литовское войско и взял в плен гетмана (главного предводителя) князя Острожского, потомка древних волынских князей: Иван силой заставил его поступить на русскую службу. Владения Александра страшно потерпели от разорения. Мало помогло Александру то, что в следующем году, после смерти брата Альбрехта, он был избран польским королем и заключил союз с Ливонским орденом. Ливонские рыцари под начальством своего магистра Плеттенберга сначала, вступив в русские края, одерживали было верх над русскими, но потом в их войске началась жестокая болезнь; рыцари, потеряв множество людей, ушли из Псковской области, а русские воеводы вслед за ними ворвались в Ливонскую землю и опустошили ее. Так же мало помощи оказал Александру союз с Шиг-Ахметом, последним ханом, носившим звание царя Золотой Орды. Шиг-Ахмет колебался и, служа Александру, в то же время предлагал свои услуги московскому государю против Александра, если московский государь отступит от Менгли-Гирея. Однако Иван Васильевич нашел, естественно, более выгодным дорожить союзом с крымским ханом. Менгли-Гирей поразил Шиг-Ахмета и вконец разорил остатки Золотой Орды. Шиг-Ахмет бежал в Киев, но Александр, вероятно, узнав об его предательских намерениях, заточил его в Ковно, где он и умер.



Свадебные обряды (по А. Олерию)

Положение дочери Ивана, жены Александра, было самое печальное. Она не могла отвратить войны, несмотря на все благоразумие, которое она до сих пор выказывала в сношениях с отцом, всеми средствами стараясь уверить его, что ей нет никакого оскорбления и притеснения в вере, что ему, следовательно, нет необходимости защищать ее. Польские и литовские паны не любили ее, называли причиной несчастья страны, подозревали ее в сношениях с отцом, вредных для Литвы. До нас дошли ее письма отцу, матери и братьям, очень любопытные, так как в них выявляются и личности Елены и ее отца, и дух того времени, когда они были написаны. «Вспомни, господин государь, отец, – писала она, – что я служебница и девка твоя и ты отдал меня за такого же брата, как и ты сам. Ведаешь государь, отец мой, что ты за мною дал и что я ему принесла; однако государь и муж мой король и великий князь Александр, ничего того не жалуячи, взял меня с доброю волею и держал в чести и в жаловании и в той любви, какая прилична мужу к своей подруге; и теперь держит в той же мере, ни мало не нарушая первой ласки и жалованья, позволяет мне сохранять греческую веру, ходить по своим церквам, держать на своем дворе священников, дьяконов и певцов для совершения литургии и другой службы божией как в Литовской земле, так и в Польше, и в Кракове, и по всем городам. Мой государь, муж не только в этом, да и в других делах, ни в чем перед тобой не отступил от своего договора и крестного целования; слыша великий плач и доuku украинных людей своих, он много раз посылал к тебе послов, но не только, господин, его людям никакой управы не было, а еще пушена тобою рать, города и волости побраны и пожжены. Король, его мать, братья, зятя, сестры, паны-рада, вся земля – все надеялись, что со мною из Москвы в Литву пришло все доброе, вечный мир, любовь кровная, дружба, помощь на поганство; а ныне, государь отец, видят все, что со мной все лихо к ним пришло: война, рать, осада, сожжение городов и волостей; проливается христианская кровь, жены остаются вдовами, дети сиротами, плен, плач, крик, вопль. Вот каково жалованье, какова любовь твоя ко мне... Чего на всем свете слыхом не слышать, то нам, детям твоим, от тебя, государя христианского, деется: если бы государь мой у кого другого взял себе жену, то оттого была бы дружба и житье доброе и вечный покой землям... Коли, государь отец, Бог не положил тебе на сердце жаловать своей дочери, зачем меня из земли своей выпускал и отдавал за такого брата, как ты сам? Люди бы из-за меня не гибли и кровь христианская не лилась бы. Лучше бы мне под ногами твоими в твоей земле умереть, нежели такую славу о себе слышать; все только то и говорят: затем отдал дочь свою в Литву, чтобы беспечнее было землю высмотреть... Писала бы я и шире, да от великой беды и жалости ума не могу приложить, только с горькими и великими слезами тебе, государю отцу, челом бью. Опомнись Бога ради, помяни меня, служебницу и кровь свою. Оставь гнев безвинный и нежитье с сыном и братом своим, соблюди прежнюю любовь и дружбу, какую сам записал ему своим крепким словом в докончальных грамотах, чтобы от вашей нелюбви не лилась христианская кровь и поганство бы не смеялось, и не радовались бы изменники предатели ваши, которых отцы изменяли предкам нашим в Москве, а дети их делают то же в Литве. Дай Бог им, изменникам, того, что родителю нашему было от их отцов. Они-то промеж вас государей замутили, а с ним Семен Вельский иуда, который, будучи здесь на Литве, братью свою князя Михаила и князя Ивана переел, а князя Феодора на чужую сторону загнал. Сам смотри, государь, годно ли таким верить, которые государям своим изменили и братью свою перерезали, и теперь по шею в крови ходят, вторые каины, а между вас государей мутят... Вся вселенная, государь, ни на кого, а только на меня вопиет, что это кровопролитие случилось от моего прихода в Литву, будто я государю моему пишу и тебя на это привожу; коли б, говорят, она хотела, никогда бы того лиха не было! Мило отцу дитя; какой отец враг детям своим! И сама разумею и вижу по миру, что всякий печалуется детками своими, только одну меня по моим грехам Бог забыл. Слуги наши через силу свою, трудно поверить какую, казну дают за дочерьми своими, и не только дают, но потом каждый месяц навещают и посылают, и дарят, и тешат, и не одни паны, все простые люди деток своих утешают; только на одну меня Господь Бог разгневался, что пришло

твое нежалование. Я, господин государь, служебница твоя, ничем тебе не согрubiла, ничем перед тобою не согрешила и из слова своего не выступила. А если кто иное скажет – пошли, господин, послов своих, кому веришь: пусть обо всем испытно доведаются и тебе откажут... За напрасную нелюбовь твою нельзя мне и лица своего показать перед родными государя моего мужа, и потому с плачем тебе, государю моему, челом бью, смилуйся над убогою девкою своей. Не дай недругам моим радоваться о беде моей и веселиться о плаче моем. Когда увидят твое жалованье ко мне, то я всем буду и грозна и честна, а не будет ласки твоей – сам, государь отец, можешь разуместь, что все родные и подданные государя моего покинут меня... Служебница и девка твоя, королева польская и великая княгиня литовская Олена со слезами тебе, государю отцу своему, низко челом бьет».

В таком же смысле и почти в таких же выражениях писала она своей матери Софье и братьям. Письма доставлены были через королевского посла, канцлера Ивана Сапегу. Ответ Ивана Васильевича также очень характерен. «Что ты, дочка, к нам писала, то тебе не пригоже было нам писать, – отвечал Иван. – Ты пишешь, будто тебе о вере греческого закона не было от мужа никакой посылки, а нам гораздо ведомо, что муж твой не раз к тебе посылал отметника греческого закона владыку смоленского и бискупа виленского и чернецов бернардинов, чтобы ты приступила к римскому закону. Да не к тебе одной посылал, а ко всей Руси посылал, которая держит греческий закон, чтоб приступали к римскому закону. А ты бы, дочка, помнила Бога и наше родство и наш наказ, и держала бы греческий закон крепко, и к римскому закону не приступала, и римской церкви и папе не была бы послушна ни в чем, и не ходила бы к римской церкви, и не норовила бы никому душою, и мне и себе и всему роду нашему не чинила бы бесчестия. Хотя бы тебе, дочка, пришлось за это и до крови пострадать – пострадай. Бей челом нашему зятю, а своему мужу, чтобы тебе церковь греческого закона поставил на сенех и панов и паней дал бы тебе греческого закона, а панов и паней римского закона от тебя отвел. А если ты поползнешься и приступишь к римскому закону волею или неволею, погибнет душа твоя от Бога и быть тебе от нас в неблагословении, и я тебя не благословлю и мать тебя не благословит, а зятю своему мы того не спустим. Будет у нас с ним непрерывная рать».



Вид Смоленска

Одновременно с Еленой папа Александр VI и король венгерский Владислав, брат Александра, ходатайствовали у московского государя о примирении с Литвой. Польские послы от имени Александра просили вечного мира с тем, чтобы Иван возвратил Александру завоеванные места. Иван отказал. Заключено было только перемирие на шесть лет. Иван Васильевич удержал земли князей, передавшихся Москве, и тогда уже ясно заявил притязание на то, что Москва, сделавшись средоточием русского мира, будет добиваться присоединения древних русских земель, доставшихся Литве. «Отчина королевская, – говорил он, – земля Польская и Литовская, а Русская земля наша отчина. Киев, Смоленск и многие другие города – давнее наше достояние, мы их будем добывать». В том же смысле через год отвечал он послам своего зятя, приехавшим хлопотать о превращении перемирия в вечный мир: «Когда хотите вечного мира, отдайте Смоленск и Киев».

7 апреля 1503 года скончалась Софья, а 27 декабря того же года произведена была в Москве жестокая казнь над приверженцами «жидовской ереси». В числе пострадавших был дьяк Курицын, один из способнейших слуг Ивана и один из немногих русских, которым можно было давать дипломатические поручения. Между тем Иван слабел здоровьем и, чувствуя, что ему жить осталось недолго, написал завещание. В нем он назначил преемником старшего сына Василия, а трем остальным сыновьям – Юрию, Семену и Андрею – дал по несколько городов, но уже далеко не на правах независимых владетелей. Братья великого князя не имели права в своих уделах ни судить уголовных дел, ни чеканить монеты, ни вступаться в государственный откуп; только старший брат обязан был давать младшим по сто рублей с таможенных сборов. Меньшие братья должны были признавать старшего своим господином *честно и грозно*. Младшие братья московского государя являлись теперь не более как богатыми владельцами, такими же подданными, как прочие князья и бояре. Единственное, чем обеспечивал их отец, было то,

что великий князь не должен был покупать в их уделах земель и вообще не вмешиваться в управление их владениями. Но то же предоставлялось по духовной всем боярам, и князьям, и детям боярским, которым государь дал свои жалованные грамоты, – и в их села не должен был вступаться новый государь. Таким образом, при укреплении единовластия и самодержавия не уничтожалось, однако, право свободной частной собственности, хотя на деле самодержавный государь всегда имел возможность и всегда мог иметь поползновение под любым предлогом нарушить его. Назначив определенным способом достояние своим младшим сыновьям, Иван Васильевич отдавал исключительно старшему сыну все свое богатое движимое имущество, состоявшее в дорогих каменных, золотых, серебряных вещах, мехах, платье и вообще в том, что тогда носило название *казны*. Все это хранилось у разных лиц – у казначеев, дворецких, дьяков, приказчиков – и кроме Москвы в Твери, Новгороде и Белоозере.

Василию между тем приходило время жениться. Отцу хотелось женить его на какой-нибудь особе царственного рода. В этих видах он поручил своей дочери королеве Елене найти для брата невесту. Но Елена прежде всего заметила, что ей самой трудно взять на себя хлопоты по этому делу, так как отец не заключил с ее мужем прочного мира, а кроме того извещала, что на Западе не любят греческой веры, считают православных нехристями и не отдадут дочери за православного государя. Иван Васильевич пытался сватать за сына дочь датского короля, своего постоянного союзника, которому в угоду он совершил вторжение в Швецию. Но датский король, ставший и шведским королем после Кольмарской унии, отказал ему. Пришлось брать Василию жену из числа дочерей его подданных. Говорят, что первый совет к этому дал один из греков, живших при дворе Ивана, Юрий, по прозванию Малый (вероятно, Траханиот). Пример им был взят из византийской истории: императоры не раз собирали ко двору девиц для выбора из них себе жены. Грек Юрий надеялся, что Василий женится на его дочери. Вышло не так. Ко двору велели привезти 1500 девиц на смотр. Из них выбрали наилучших; их приказано было осмотреть повивальным бабкам; вслед за тем из числа таким образом освидетельствованных Василий выбрал Соломонию, дочь незнатного дворянина Юрия Сабурова. Этот брак имеет вообще важное историческое значение по отношению к положению женщины в Московском государстве. Брак этот способствовал тому унижению и затворничеству, которое составляло резкий признак домашней жизни высших классов в XVI и XVII веках. Прежде князья женились на равных себе по сословию, но с тех пор как государи стали выбирать себе жен стадным способом, жены их, хотя и облекались высоким саном, в сущности не были уже равны мужьям; брак не имел значения связи между двумя равными семействами, не существовало понятия о приличии или неприличии соединиться браком с особой того или иного рода, не знали того, что на Западе называлось *mesalliance*. Жена государя, взятая из какой бы то ни было семьи, отрешалась от своих родных; отец не смел называть ее дочерью, братья – сестрой. Она не приносила с собой никакого родового достоинства; с другой стороны, о выборе жены по сердцу не могло быть и речи. Государь не знал ее нравственных качеств и не нуждался в этом; свидетельствовали только ее тело; она была в сущности не более, как самкой, обязанной производить детей для государя. Как подданная по происхождению она постоянно чувствовала себя рабой того, кто был ее супругом. Государь выбирал ее по произволу, государь мог и прогнать ее: вступаться за ее права было некому. Но будучи вечной рабой своего мужа, вместе с тем она была царицей, и по возложенному на нее сану ей не было ровни между окружающими; таким образом, она всегда была одинока и находилась в затворничестве. Зато самовластный супруг ее был так же одинок на своем престоле; избранная жена не могла быть ему равной подругой. В монархических государствах приемы и нравы двора всегда перенимаются подданными, преимущественно высшими классами. В Москве, где все уже начали называться холопами государя, такое влияние придворных нравов было неизбежнее, чем где-нибудь. Помимо прочего то время было по существу эпохой, когда утвердилось всеобщее порабощение, обезличение

и крайнее самоунижение русских людей: понятно, что и женщина должна была переживать период своего крайнего семейного порабощения.

Брак Василия совершился 4 сентября 1505 года; сам митрополит Симон венчал его в Успенском соборе, а 27 октября умер Иван Васильевич на 67 году своей жизни, прогосударствовав 43 года и 7 месяцев. Тело его было погребено в каменной церкви Михаила Архангела, которую он в последние годы своего царствования построил на месте прежней.

Русские историки называют Ивана «Великим». Действительно, нельзя не удивляться его уму, сметливости, устойчивости, с какой он умел преследовать избранные цели, его умению кстати пользоваться благоприятными обстоятельствами и выбирать надлежащие средства для достижения своих целей; но не следует, однако, упускать из вида при суждении о заслугах Ивана Васильевича того, что истинное величие исторических лиц в том положении, которое занимал Иван Васильевич, должно измеряться степенью благотворного стремления доставить своему народу возможно большее благосостояние и способствовать его духовному развитию: государственное управление Ивана Васильевича с этой стороны представляет мало данных. Он умел расширять пределы своего государства и скреплять его части под своей единой властью, жертвуя даже своими отеческими чувствами, умел наполнять свою великокняжескую сокровищницу всеми правдами и неправдами, но эпоха его мало оказала хорошего влияния на благоустройство подвластной ему страны. Сила его власти переходила в азиатский деспотизм, превращающий всех подчиненных в боязливых и безгласных рабов. Такой строй политической жизни завещал он сыну и дальнейшим потомкам. Его варварские казни развивали в народе жестокость и грубость. Его безмерная алчность способствовала не обогащению, а обнищанию русского края. Покоренный им Новгород был ограблен точно так, как будто его завоевала разбойничья орда, вместо того, чтобы с приобретением спокойствия под властью могучего государя ему получить новые средства к увеличению своих экономических богатств. Поступки Ивана Васильевича с немецкими купцами, как и с иноземцами, приглашаемыми в Москву, могли только отстранять от сношений с Русью и от прилива в нее полезных людей, в которых она так нуждалась. Ни малейшего шага не было сделано Иваном ко введению просвещения в каком бы то ни было виде, и если в последних годах XV и в первой четверти XVI века замечается некоторого рода оживленная умственная и литературная деятельность в религиозной сфере, то это вызвано было не им. На народную нравственность Иван своим примером мог оказывать скорее зловерное, чем благодетельное влияние. Был единственный случай в его жизни, когда он мог показать собой пример неустрашимости, твердости и готовности жертвовать жизнью за отечество; но тут он явился трусом и себялюбцем: князь отправил прежде всего в безопасное место свою семью и казну, а столицу и всю окрестную страну готов был отдать на расхищение неприятелю, покинул войско, с которым должен был защищать отечество, думал униженным миром купить себе безопасность, и за то сам вытерпел нравственное унижение, выслушивая резкие замечания Вассиана. До какой степени Иван Васильевич понимал честные отношения между людьми и какой пример мог подавать своим подданным в их взаимных делах, показывает его проделка с представителем Венецианской республики, когда, выдав ему 70 рублей, приказал сказать посланному его государству, что дал 700, – плутовство, достойное мелкого торгаша. Бесчисленные случаи его грабительства прикрывались разными благовидными предложениями, но современники очень хорошо понимали настоящую их цель. Поступки государя распространяли в нравах подданных пороки хищничества, обмана и насилия над слабейшим. Возвышая единовластие, Иван не укреплял его чувством законности. По произволу заключил он сначала в тюрьму сына, венчал на царство внука, потом заточил внука и объявил наследником сына; этим поступком он создал правило, что престол на будущее время зависит не от какого-нибудь права, а от своенравия лица, управляющего в данное время государством, правило, свойственное самому деспотическому строю и вовсе не представлявшее прочного залога государственного благоустройства и безопасности. При таких порядках мог господство-

вать бессмысленный рабский страх перед силой, а не сознательное уважение к законной власти. Можно было бы поставить в похвалу ему то, что он, как пишут иностранцы, хотел уменьшить пьянство в народе; но этот факт неясен, так как из сообщающих о нем иностранцев один говорит, что Иван совсем запретил частным лицам варить пиво и мед с хмелем, а другой – что он позволял это не всем. Мы знаем, что впоследствии в Московской земле продажа хмельных напитков производилась от казны, а в виде исключения дозволялось разным лицам и в разных случаях варить их в частных домах; это дает нам повод предположить, что и при Иване стеснительные меры по отношению к производству горячих напитков, вероятно, предпринимались более в видах обогащения казны, чем с целью улучшения народной нравственности. Да и само известие о господствовавшем тогда пьянстве едва ли не преувеличено, так как в то время еще не было распространено хлебное вино, которое впоследствии спoiло русский народ.

Истинно великие люди познаются тем, что опережают свое общество и ведут его за собой; созданное ими имеет прочные задатки не только внешней крепости, но духовного саморазвития. Иван в области умственных потребностей ничем не стал выше своей среды; он создал государство, завел дипломатические сношения, но это государство без задатков самоулучшения, без способов и твердого стремления к прочному народному благосостоянию, не могло двигаться вперед на поприще культуры, простояло два века, верное образцу, созданному Иваном, хотя и дополняемое новыми формами в том же духе, но застылое и закаменелое в своих главных основаниях, представлявших смесь азиатского деспотизма с византийскими, пережившими свое время, преданиями. И ничего не могло произвести оно, пока могучий ум истинно великого человека – Петра – не начал пересоздавать его в новое государство уже на иных культурных началах.

Сильвестр и Адашев

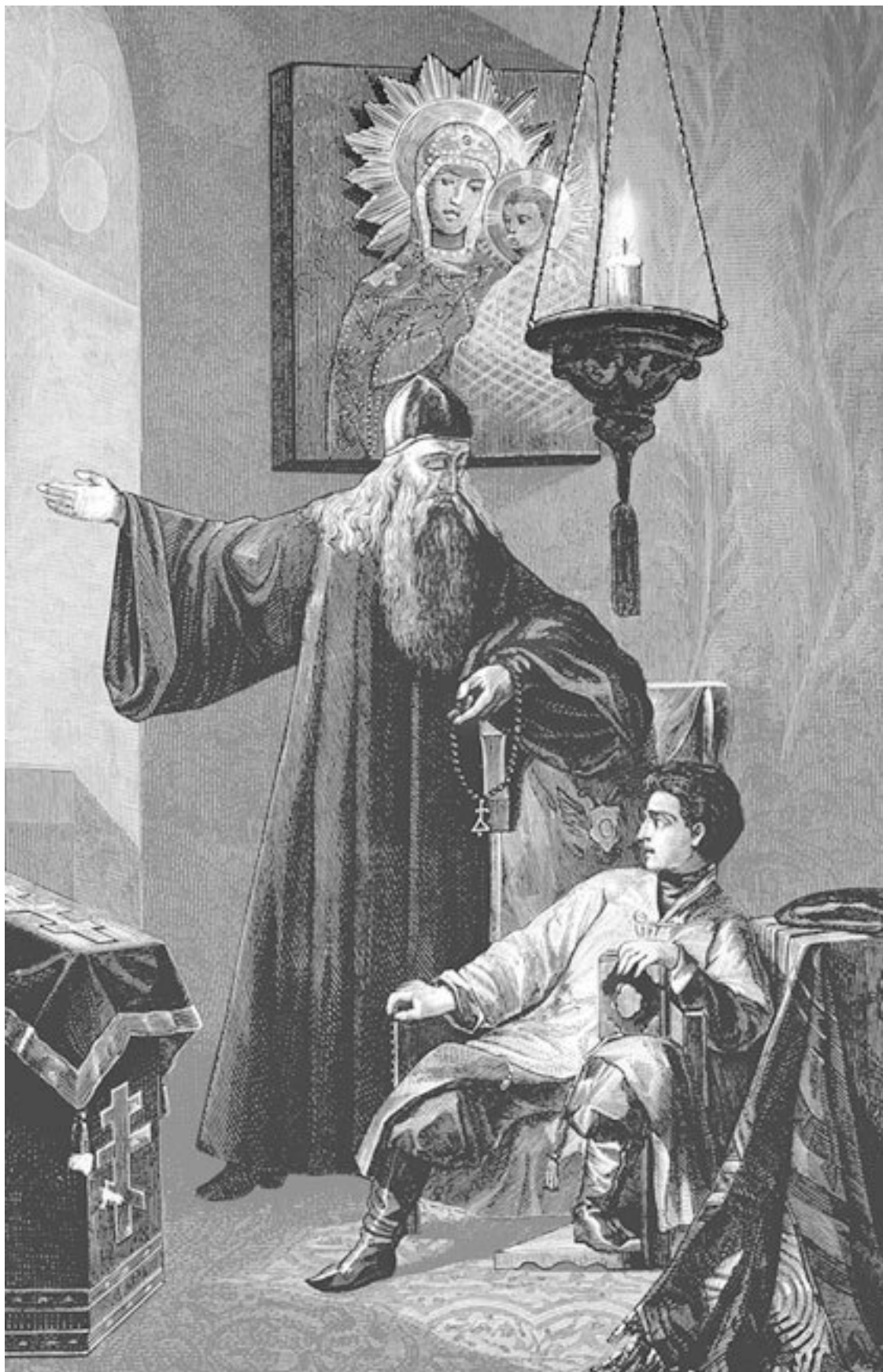
После смерти Василия ввиду малолетства нового государя правление перешло в руки вдовствующей великой княгини; дела решались под ее властью Боярской думой. В Московском государстве в первый раз верховная власть сосредоточилась в руках женщины. Это, однако, не противоречило русским понятиям, по которым после смерти отца семейства вдова вполне заменяла мужа на время малолетства детей. Елена совершенно отдалась своему любимцу Ивану Овчине-Телепневу-Оболенскому. Он был человек крутого нрава, не останавливался ни перед какими злодеяниями. Именем Елены правил он государством; бояре должны были сносить его произвол. Совершались варварства, превосходившие все, что представляла в этом отношении прежняя московская история. Одного брата покойного государя, Юрия, по подозрению засадили в тюрьму и там уморили голодом. Другой брат, Андрей, испугавшись той же участи, убежал; ради собственного спасения он замыслил восстание, но был схвачен и задушен; жену его и сына засадили в тюрьму. Вместе с ним было казнено много бояр и детей боярских, которых обвинили в расположении к Андрею; других били кнутом. Дядя Елены Михаил Львович Глинский стал укорять племянницу за ее связь с Телепневым; за это его посадили в тюрьму и уморили голодом. Знатные бояре за противоречие любимцу тотчас подвергались тяжелому тюремному заключению. Но во внешних делах Телепнев поддерживал достоинство Московского государства. Открывшаяся по истечению перемирия война с Литвой проведена была успешно и окончилась в 1537 году новым перемирием на пять лет с уступкой Москве двух крепостей: Себежа и Заволочья, построенных на Литовской земле. Татарские нападения были отражены. Такие успехи еще больше возвышали любимца Елены, но это возвышение ускорило его гибель. Враги отравили Елену 3 апреля 1538 года.

Правлением овладели князья Шуйские. Телепнева уморили в тюрьме голодом. Сестру его Аграфену заковали и засадили в тюрьму. Вслед за ними низложили митрополита Даниила, угождавшего Елене, а на его место возвели троицкого игумена Иоасафа.

В 1540 году при содействии нового митрополита его благодетель, глава правительства Иван Шуйский, был низвержен. На место Шуйского поставлен его враг боярин князь Иван Вельский, сидевший до того времени в тюрьме. Этот новый правитель не поступал подобно прежнему, оставил на свободе своих врагов Шуйских, выпустил из тюрьмы племянника покойного государя Владимира Андреевича с матерью, освободил других узников, возвратил Пскову его старинный самосуд, дозволив судить уголовные дела выборным целовальникам, минуя великокняжеских наместников и их тиунов. Крымский хан Саип-Гирей, услышав, что в Москве нет больше единодержавной власти, попытался сделать нашествие на пределы Московского государства, однако был отбит. Правление Вельского обещало много хорошего, но вскоре пало. Князь Иван Шуйский, склонив на свою сторону некоторых бояр и детей боярских, 3 января 1542 года схватил Вельского и потом велел задушить, а его сторонников засадил в тюрьму. Митрополит Иоасаф был низложен; на его место возведен новгородский архиепископ Макарий, один из знаменитых духовных деятелей русской истории. Князь Иван Шуйский, захвативший верховную власть, по болезни вскоре удалился от двора, передав правление своим родственникам Ивану и Андрею Михайловичам Шуйским и Федору Ивановичу Скопину-Шуйскому³³. Но недолго пришлось править и этим Шуйским. Молодому государю исполнилось в 1544 году тринадцать лет. Он находился под влиянием братьев Елены: Юрия и Михаила Васильевичей Глинских. Митрополит Макарий принял их сторону, изменив Шуйским, подобно тому как им изменил его предшественник. По наущению своих дядей отрок Иван приказал схватить Андрея Шуйского и отдать своим псарям, которые тотчас же растер-

³³ Деду знаменитого героя Смутного времени Михаила Скопина-Шуйского.

зали его. Федора Скопина-Шуйского и других бояр его партии сослали. Правлением овладели Глинские.



Царь Иван IV и Сильвестр



Царь Иван IV Грозный. Гравюра 1850 г.

Следствием смут, происходивших во время малолетства Ивана, было то, что отрок-государь получил самое дурное воспитание. Он от природы не имел большого ума, но зато был одарен в высшей степени нервным темпераментом и, как всегда бывает с подобными натурами, чрезмерной страстностью и до крайности впечатлительным воображением. В младенчестве с ним как будто умышленно поступали так, чтобы образовать из него необузданного тирана. С молоком кормилицы всосал он мысль о том, что рожден существом высшим, что со временем будет самодержавным государем, что могущественнее его нет никого на свете; и в то же время его постоянно заставляли чувствовать свое настоящее бессилие и унижение. Его разлучили с мамкой, к которой он был привязан; убили Телепнева, к которому он привык; на его глазах его именем бояре свергали друг друга, а зазнавшиеся Шуйские обращались с ним высокомерно и нагло. «Помню, – писал впоследствии Иван Васильевич, – как бывало мы с братом Юрием

играем по-детски, а князь Иван Шуйский сидит на лавке, локтем опершись на постель отца нашего, да еще ногу на нее положит, а с нами не то по-родительски, а по-властелински обращается, как с рабами. Ни в одежде, ни в пище не было нам воли; а сколько-то казны отца нашего и деда они перебрали, да на наш счет сосуды себе золотые и серебряные поделали и на них имена родителей своих подписали, будто это их родительское достояние! Всем людям ведомо, как при матери нашей у князя Ивана Шуйского была шуба кунья, покрыта зеленым мухояром, да и та ветха: если бы у них было прежде столько богатств, чтобы сделать сосуды, так лучше было шубу переменить!» Отрок-государь привязался было к боярину Семену Воронцову. Андрей Шуйский из опасения, чтобы Воронцов не взял на себя слишком многого, приказал схватить его в присутствии государя, и только слезные прошения Ивана да ходатайство митрополита спасли Воронцова от смерти, но все-таки его сослали. Раздражая такими поступками отрока, бояре в то же время дозволяли ему усваивать самые вредные привычки: молодой Иван для забавы бросал с крыльца или с вышек животных и тешился их муками; а когда власть перешла в руки Глинских, то Иван набрал около себя отроков из знатных семейств и с их толпой скакал верхом во всю прыть по городу, топтал и бил людей, а опекуны и их угодники похваливали его за это и говорили: «Вот будет храбрый и мужественный царь!» Со вступлением в юношеский возраст все более и более развивались в Иване дикие наклонности. К делу его никто не приучал. Он то ездил по монастырям, предпринимая для этой цели даже отдаленные путешествия, как, например, на Белоозеро, в Новгород, Вологду, Тихвин, Псков и т. п., то увлекался охотой или же пьянствовал и буйствовал со своими удалцами. Его шатания по Русской земле, как благочестивые, так и грешные, тяжело отзывались на жителях. Между тем, отведав крови на Шуйском, он получал к ней вкус, а Глинские пользовались этим и подстрекали его давать волю своей впечатлительной натуре. По минутному расположению духа он то клал опалы на сановников, то прощал их. Однажды, когда четырнадцатилетний Иван выехал на охоту, к нему явились пятьдесят новгородских пищальников жаловаться на наместников. Ивану стало досадно, что они прерывают его забаву; он приказал своим дворянам прогнать их; но когда дворяне принялись их бить, пищальники стали им давать сдачи, и несколько человек легло на месте. Взбешенный Иван приказал расследовать, кто подучал пищальников. Дьяк Василий Захаров, сторонник Глинских, которому дано было это поручение, обвинил князя Кубенского и двух Воронцовых; один из последних был Федор, любимец царя. Иван немедленно приказал отрубить им головы. Он неспособен был к долгим привязанностям, и для него ничего не значило убить человека, которого еще не так давно считал своим другом. Молодым сверстникам государя, разделявшим его забавы, была небезопасна его милость. Иван, рассердившись на них, не затруднялся изрекать им смертные приговоры. По его приказанию были задушены один из князей Трубецких и сын любимца Елены Федор.



Правительница Елена Глинская. Гравюра 1850 г.

Так достиг Иван семнадцать лет. 16 января 1547 года он венчался царским венцом в Успенском соборе. Уже прежде московские властители считали себя преемственно царями, с одной стороны, потому что заступили для Руси место ханов Золотой Орды, которых русские в течение веков привыкли называть царями, а с другой, потому что считали себя по женской линии преемниками византийских императоров, титул которых по-русски издавна переводился словом «царь». Выдумана была сказка о присылке царского венца византийским императором Константином Мономахом внуку своему Владимиру Мономаху, на которого будто бы возложил царский венец, цепь и бармы ефесский митрополит. Говорили, что Владимир Мономах завещал эти регалии своему сыну Юрию Долгорукому и приказал хранить из поколения в поколение до тех пор, пока Бог не воздвигнет на Руси достойного самодержца. Митрополит Макарий венчал на царство Ивана так называемыми шапкой, бармами и цепью Мономаха. Для придания большей важности царскому роду придумали вывести происхождение прадеда Вла-

димира Святого, Рюрика, от Цезаря Августа. Для этого воспользовались сочиненной в Литве сказкой, будто брат римского императора Октавия Августа переселился в Литву; признали потомками этого вымышленного Августа брата трех братьев – Рюрика, Синеуса и Тривора, которых, по нашим древним летописям, новгородцы вместе с другими русскими племенами призвали к себе на княжение в половине IX века.

Сказания эти составлялись, вероятно, с участием митрополита Макария: его время особенно отпечатлелось составлением всяких подложных сказаний о событиях давних веков. Вслед за венчанием Ивана Макарий с собором причислил к лику святых целый ряд русских князей, епископов и отшельников, уважаемых более или менее народной памятью; и так как жизнь многих из них оставалась неизвестной или малоизвестной, то сочинены были разными духовными лицами их биографии. Макарий был большой любитель старины, собирал памятники древней письменности и древней истории, сам продолжал Степенную Книгу – историческое сочинение, начатое митрополитом Киприаном, – и составил огромный сборник биографий, сказаний, поучений и богословских сочинений, как оригинальных, так и переводных, расположив их по месяцам и дням года, и дал этой книге название «Минеи Четьи». В своих ученых трудах Макарий не только не руководствовался ни малейшей критикой в признании подлинности собираемых сочинений, но допускал всякие вымыслы и не заботился о правильности редакции сочинений, помещенных в его Великих Минеях. В начале 1547 года по царскому повелению собраны были со всего государства девицы, и молодой царь выбрал из них дочь умершего окольного Романа Юрьевича Захарьина. Имя царской невесты было Анастасия. Свадьба происходила 3 февраля. Женильба не изменила характер царя. Он продолжал свою буйную, беспорядочную жизнь, не занимался делами правления, но постоянно заявлял, что он самодержавный государь и может делать, что ему угодно. Всем заправляли его родные Глинские, повсюду сидели их наместники, не было нигде правосудия, везде происходили насилия и грабежи. Сам царь не терпел, чтобы его беспокоили жалобами. 3 июня семьдесят псковских людей прибыли в Москву жаловаться на своего наместника князя Турунтая-Пронского, угодника Глинских. Они явились к царю в его сельце Островке. Ивану Васильевичу до того не понравилось это, что он велел раздеть псковичей, положить на земле, поливать горячим вином и палить им свечами волосы и бороды. Во время такого занятия государю пришла неожиданная весть, что в Москве, когда начали благовестить к вечерне, упал колокол. Иван бросил свои жертвы и поспешил в Москву.

Падение колокола считалось на Руси – как и теперь считается – предвестием общественного бедствия. Последовало и другое предвестие перед свершением ожидаемой уже беды. Был в Москве юродивый по имени Василий. О нем ходили чудные слухи. Он являлся на московских улицах и в летний зной, и в зимнюю стужу нагишом, «как Адам первозданный». 20 июня в полдень увидели его близ церкви Воздвижения на Арбате. Он смотрел на церковь и горько плакал. Все догадывались, что он чувствует что-то недоброе. На другой день, 21 июня, в этой самой церкви вспыхнул пожар и распространился с чрезвычайной быстротой по деревянным зданиям города; сильная буря помогла ему. В продолжение часа все Занеглинье³⁴ и Чертолье (нынешняя Пречистенка) обратились в пепел. Буря понесла пламя на Кремль: загорелся верх соборной церкви, а потом занялись деревянные кровли на царских службах (палатах); сгорели оружничья палата, постельная палата с домашней казной, царская конюшня и разрядные избы (где велось дело-производство о всяких назначениях по службе); огонь даже проник в погреба под палатами. Пострадала придворная церковь Благовещения: внутри нее сгорел иконостас работы знаменитого русского художника Андрея Рублева. Митрополичий двор и Успенский собор остались целы. Митрополит чуть было не задохнулся в церкви и едва успел убежать из Кремля через подземный ход (тайник). Сгорели монастыри и многие дворы в Кремле. Пожар сделался еще

³⁴ Место по ту сторону от Кремля, за рекой Неглинной, теперь заложеной сводом и застроенной зданиями.

ужаснее, когда дошел до пороха, хранившегося в стенах Кремля, и произошли взрывы. Огонь распространился по Китай-городу; и эта часть города сгорела, кроме двух церквей и десяти лавок. Пожар охватил большой посад вплоть до Воронцовского сада на Яузе. Тогда, говорят, сгорели тысяча семьсот взрослых людей и несчетное множество детей. Царь с супругой и с приближенными не был в Москве во время пожара, а после пожара проживал в своем загородном селе Воробьево; он мало заботился о потерпевших жителях столицы и велел прежде всего поправлять церкви и палаты на своем царском дворе.



М.И. Авилов. Царевич Иван на прогулке

Между тем большая часть москвичей находилась в ужасном положении, без хлеба, без крова; многие не могли отыскать своих ближних, пропавших без вести. Отчаяние овладело народом. В те времена всегда готовы были приписать общественное бедствие лихим людям и колдовству. Разнеслась молва, что лихие люди вражьем наветом вынимали из человеческих трупов сердца, мочили их в воде и этой водой кропили московские улицы, и оттого Москва сгорела. Донесли об этом царю. Царь сам поверил такой причине пожара и приказал своим боярам сделать розыск.

Тогда знатные люди, ненавидевшие Глинских, воспользовались случаем погубить их. Эти враги Глинских были брат царицы Анастасии Григорий, благовещенский протопоп Федор Бирлин, боярин Иван Федоров, князь Федор Скопин-Шуйский, князь Юрий Темкин, Федор Нагой и др. Они пустили в народе слух, что злодеи, учинившие своим чародейством пожар в Москве, были не кто иные, как Глинские. Легко было убедить народ, так все не любили Глинских и были недовольны их могуществом. У Глинских в милости было много людей не московского происхождения – переселенцев из Северной земли и Южной Руси; Глинские некоторым из них раздавали должности. Любимцы эти пользовались своим возвышением; где только могли, доставляли они себе выгоды на счет народа; другие, опираясь на покровительство Глинских, позволяли себе в Москве разные своеволия и бесчинства. На пятый день после пожара настроенная заговорщиками народная толпа бросилась к Успенскому собору и кричала: «Кто зажи-

гал Москву?» На этот вопрос последовал из толпы такой ответ: «Княгиня Анна Глинская со своими детьми и со своими людьми вынимала сердца человеческие и клала в воду, да тою водою, ездячи по Москве, кропила, и оттого Москва выгорела». Толпа, услышав такую речь, пришла в неистовство. Из двух Глинских, братьев умершей великой княгини Елены, Михаил с матерью Анной, бабкой государя, был во Ржеве, а другой, Юрий, не подозревая, какие сети ему сплели бояре, приехал к Успенскому собору вместе со своими тайными врагами. Услышал он страшные крики и вопли против его матери и всего их рода и скрылся в церкви. Народ вломился за ним в церковь. Его вытащили оттуда, убили дубьем, повлекли труп его по земле и бросили на торгу.



Н.С. Самокиш. Церковь Вознесения в Коломенском, построенная в честь рождения Ивана IV



Русские бояре в XVI–XVII столетиях

Истребили всех людей Глинских. Досталось и таким, которые вовсе не принадлежали к их числу. В Москве были тогда на службе дети боярские из Северной земли. Народ перебил их потому только, что в их речи слышался тот же говор, как и у людей Глинского. «Вы все их люди, – кричала толпа, – вы зажигали наши двory и товары».

Так прошло два дня. Народ не унимался. Из Глинских погиб только один; народу нужны были еще жертвы. Раздались такие крики: «Государь спрятал у себя на Воробьева княгиню Анну и сына ее Михаила!» Толпа хлынула на Воробьево.

Событие было поразительное. Самодержавие верховной власти, казалось, в эти минуты утрачивало свое обаяние над народом, потерявшим терпение. Иван до сих пор слишком верил в свое всемогущество и потому держал себя нагло и необузданно; теперь он впал в крайнюю трусость и совершенно растерялся. Тут явился перед ним человек в священнической одежде по имени Сильвестр. Нам неизвестна прежняя жизнь этого человека. Говорят только, что он был пришлец из Новгорода Великого. В его речи было что-то потрясающее. Он представил царю печальное положение Московской земли, указывал, что причиной всех несчастий пороки царя: небесная кара уже висела над Иваном Васильевичем в образе народного бунта. В довершение всего Сильвестр поразил малодушного Ивана какими-то чудесами и знаменами. «Не знаю, – говорит Курбский, – истинные ли то были чудеса... Может быть, Сильвестр выдумал это, чтобы ужаснуть глупость и ребяческий нрав царя. Ведь и отцы наши иногда пугают детей

мечтательными страхами, чтобы удержать их от зловредных игр с дурными товарищами». Царь начал каяться, плакать и дал обещание с этих пор во всем слушаться своего наставника.

Толпу разогнали выстрелами, несколько человек убили. Остальные разбежались.

С тех пор Иван Васильевич очутился под опекой Сильвестра и в то же время сдружился с Алексеем Адашевым, одним из молодых людей, уже известных царю. Адашев случайно попал в число тех, которых Иван приближал к себе ради забавы. Это был человек большого ума и в высокой степени нравственный и честный. «Если бы, – говорит Курбский, – все подробно писать об этом человеке, то это показалось бы совсем невероятным посреди грубых людей; он, можно сказать, был подобен ангелу». Под влиянием Сильвестра Иван предался Адашеву всей душой. Сильвестр и Адашев подобрали кружок людей, более других отличавшихся широким взглядом и любовью к общему делу. То были люди знатных родов: князь Дмитрий Курлятов, князь Андрей Курбский, Воротынский, Одоевский, Серебряный, Горбатый, Шереметевы и др. Кроме того, Адашев и Сильвестр стали выбирать из толпы людей незнатных, но честных, и поверяли им разные должности. Таким образом, из детей боярских возвышались люди, какие нужны были Сильвестру и Адашеву: для этого употребили они существовавший уже обычай раздавать поместья и вотчины; а владея всеми помыслами царя, любимцы могли приближать к царю и возвышать кого хотели. Несмотря на то что в кругу людей, окруживших тогда царя, были знатные потомки удельных князей, возвышение новых людей вначале не оскорбляло их гордости. Сам Алексей Адашев, всеми уважаемый и несколько лет всеми заправлявший, был человек незнатного происхождения и небогатый. «Я из батожников его поднял, от гноища учинил наравне с вельможами», – говорил о нем впоследствии Иван.

И вот государство стало управляться кружком любимцев, который Курбский называет «Избранною радою». Без совещания с людьми этой Избранной рады Иван не только ничего не устраивал, но даже не смел мыслить, Сильвестр до такой степени напугал его, что Иван не делал шагу, не спросив у него совета; Сильвестр вмешивался даже в его супружеские отношения. При этом опекуны Ивана старались по возможности вести дело так, чтобы он не чувствовал тягости опеки и ему бы казалось, что он по-прежнему самодержавен. Впоследствии, когда Иван сбросил с себя власть этих людей, он в таких словах изображал горькое унижение своего самодержавия: «Они отняли у нас данную нам от прародителей власть возвышать вас, бояр, по нашему изволению, но все положили в свою и вашу власть; как вам нравилось, так и делалось; вы утвердились между собою дружбою, чтобы все содержать в своей воле; у нас же ни о чем не спрашивали, как будто нас на свете не было; всякое устройство и утверждение совершалось по воле их и их советников. Мы, бывало, если что-нибудь и доброе посоветуем, то они считают это ни к чему не нужным, а сами хоть что-нибудь неудобное и развращенное выдумают, так ихнее все хорошо! Во всех малых и ничтожных вещах, до обувания и до спанья, мне не было воли, а все по их хотению делалось. Что же тут неразумного, если мы не захотели остаться в младенчестве, будучи в совершенном разуме?»

Избранная рада не ограничивалась исключительно кружком бояр и временщиков; она призывала к содействию себе и целый народ. «Царь, – говорит один из членов этой неофициальной Избранной рады, Курбский, – должен искать совета не только у своих советников, но у всенародных человек». С таким господствующим взглядом тогдашние правители именем государя собрали земский собор или земскую думу из выборных людей всей Русской земли. Явление было новое в истории. В старину существовали вече в землях поодиночке, но никто не додумался до великой мысли образовать одно вече всех русских земель, вече веч. Раздоры между землями и князьями не допускали этого. Теперь, когда уже столько русских земель собрано было воедино, естественно было появиться такому учреждению. К большому сожалению, мы не знаем не только подробностей, но даже главных черт этого знаменитого события. Мы не знаем, как избирали выборных, кого выбирали, с каким полномочием посылали – все это для нас остается безответным; перед нами только блестящая картина народа, собранного

на площади, и образ царя посреди этого народа. Было это в один из воскресных дней. После обедни царь с митрополитом и духовенством вышел на площадь, кланялся народу, каялся в том, что правление его было дурно, приписывал это боярам и вельможам, пользовавшимся его юностью, и говорил: «Люди Божий, дарованные нам Богом! Умоляю вас ради веры к Богу и любви к нам! Знаю, что нельзя уже исправить тех обид и разорений, которые вы понесли во время моей юности, и пустоты и беспомощества моего, от неправедных властей, неправосудия, лихоимства и сребролюбия; но умоляю вас: оставьте друг к другу вражды и взаимные неувольствия, кроме самых больших дел; а в этом, как и во всем прочем, я вам буду, как есть моя обязанность, судьей и обороною». Тогда Иван пожаловал в окольные Адашева и повелел ему принимать и рассматривать челобитные, сказав (вероятно, по мысли других): «Не бойся сильных и славных, насилующих бедняков и погубляющих немощных. Но не верь и ложным слезам бедного, который напрасно клеветает на богатого. Все рассматривай с испытанием и доноси мне истину».

Тогда были избраны и «судьи правдивые»: вероятно, под этим следует подразумевать составителей будущего Судебника. Мы, к сожалению, не знаем, как и кем составлялись последовавшие за этим земским собором законоположения. Нам остались только редакция Судебника (собрания светских законоположений), Стоглав и Уставные грамоты – плод законодательной деятельности этого славного времени.

Недаром Иван жаловался на неправду, укоренившуюся в управлении. Летописцы того времени свидетельствуют то же. Из Судебника и Уставных грамот видно, что составление их вызвано насущной потребностью охранить народ от произвола правителей и судей. Более всего резко поражает нас в этих памятниках развитие двоевластия и двоесудия, что по очень малым признакам видно даже в Судебнике Ивана III, однако глубоко заметно во всей жизни древней удельно-вечевой Руси. Появляются две отличные, хотя взаимно действующие стихии: государство и земщина. Дело может быть государственное, но может быть и земское. Свадьба государя или венчание его на царство есть дело государево, поход под Казань – дело земское. Служба может быть государева, может быть земская. Много раз можно встретить и в последующие времена эту двоякость общественной жизни; но она проявляется всего ярче в то время, когда самовластие Ивана подпало под влияние Адашева и Сильвестра.

В Судебнике ощутительны два источника судопроизводства: государственный и земский.

Государственное правосудие и управление сосредотачиваются в столице, где существуют чети или приказы, к которым приписаны русские земли. В них судят бояре или окольные; дьяки ведут дела, а под ведомством дьяков состоят подьячие. В областях – судебное и административное деление на города и волости. При городах обычно посады (города в нынешнем смысле); иногда и без города посады: они составляли до известной степени особое управление, так как посадские люди, занимающиеся ремеслами, промыслами и торговлей, отличались от волостных. Волости были собранием земледельческих сел. Город с волостями составлял уезд, разделявшийся в полицейском отношении на станы. Уезд заменил старинное понятие о земле: как прежде городу нельзя было быть без земли, так теперь городу нельзя было быть без уезда, по выражению одного акта XVI века, подобно тому, как деревне нельзя быть без полей и угодьев. В городах и волостях управляли наместники и волостели, которые могли быть с боярским судом (с правом судить подведомственных им людей подобно боярам в своих вотчинах) или без боярского суда. Они получали города и волости себе «в кормление», то есть в пользование. Суд был для них доходной статьей, но это был собственно доход государя, который передавал его своим слугам вместо жалованья за службу. Там, где они сами не могли управлять, посылали своих доверенных и тиунов. На суде наместников были дьяки и разные судебные приставы с названиями «праветчиков» (взыскателей), «доводчиков» (звавших к суду и также производивших следствие), «приставов» (которые стерегли обвиненных) и «недельщиков» (посылаемых от суда с разными поручениями).



К.Б. Вениг. Царь Иван Грозный и его мамка



А.М. Васнецов. На крестце в Китай-городе

Рядом с этим государевым судебным механизмом существовал другой – выборный, народный. Представителями последнего были в городах городовые приказчики и дворские, а в волостях (впоследствии и в посадах) – старосты и целовальники. Старосты были двоякого рода: выборные полицейские и выборные судебные. Общества были разделены на сотни и десятки и выбирали себе блюстителей порядка: старост, сотских и десятских; они распоряжались раскладкой денежных и натуральных повинностей и вели разметные книги, где записаны были все жители с дворами и имуществами. Старосты и целовальники, которые должны были сидеть на суде наместников и волостелей, выбирались волостями или же вместе с ними и теми городами, где не было дворского. Всякое дело, производившееся в суде, писалось в двух экземплярах, и в случае надобности поверялось тождество между ними; как у наместников и волостелей были свои дьяки, так у старост – свои земские дьяки, занимавшиеся письмоводством, а у этих дьяков – свои земские подьячие.

Важные уголовные дела подлежали особым лицам – губным старостам, избранным всем уездом из детей боярских; в описываемое время их суду подлежали только разбойники. Это учреждение появилось в некоторых местах еще во время малолетства Ивана и вызвано было усилившимися разбоями. В некоторых уездах было по два губных старосты. Власть их была велика, и все равно должны были подчиняться их суду.

Судебник заботился об ограждении народа от тягости государственного суда и от произвола наместников и волостелей; последние в случае жалоб на них подвергались строгому суду. Выборные судьи могли посылать приставов за людьми наместников и волостелей; и если бы наместники и волостели взяли кого-либо под стражу и заковали, не заявив о том выборным судьям, последние имели право силой освободить арестованных. Только служилые государевы люди подлежали одному суду наместников и волостелей.

Желая обезопасить народ от произвола, законодатели, составляя Судебник, уже имели в виду постепенное устранение земства от суда наместников и волостелей и замену чем-нибудь другим отдачу им в кормление городов и волостей. Это отчасти видно из того, что в 1550 году раздавали во множестве детям боярским земли в поместья, разделяя их на три статьи и принимая во внимание, чтобы получали поместья те, которые своих отчин не имели. Современное известие объясняет, что это делалось именно для того, чтобы заменить доходы кормления наместников и волостелей дачей им земельных угодий. Мера эта, принятая в то время, вообще значительно увеличила военную силу. К этому времени относится и образование стрельцов из прежних пищальников; они составляли особый военный класс, жили при городах слободами, разделялись на приказы и вооружены были огнестрельным оружием и бердышами.



Русский ратник в XIV – второй половине XVII в.

Что намечено было Судебником, то продолжали и доканчивали Уставные грамоты того времени. Судебник пока только вводил двоесудие. Уставные грамоты дали перевес в суде выборному началу. Это доказывается историей Уставных грамот. По одной из них, устюженской, видно, что прежде наместники и волостели судили-рядили произвольно. При Василии

Ивановиче дана Уставная грамота, определяющая обязанности волостелей; в 1539 году – при боярском управлении – дана другая грамота, где доходы волостелей определялись несколько точнее; а в 1551 году, соответственно Судебнику, волостелям запрещалось творить суд без участия старосты и целовальников. Мало-помалу управление наместников и волостелей совершенно заменялось предоставлением жителям права самим управляться и судиться посредством выборных лиц за вносимую в царскую казну, как бы откупную, сумму оброка. В 1552 году дана грамота Важской земле. Заметим, что в этом крае древнее понятие о выборном праве могло укорениться более, чем во многих местах, так как это была исстари Новгородская земля. Жители сами подали об этом челобитную, жаловались на тягости, которые терпели они от наместников и волостелей; последние в этой челобитной изображаются покровителями воров и разбойников; многие из жителей, не находя возможным сносить такое управление, разбежались, а на оставшихся ложилось все бремя налогов, в которых уже не участвовали убежавшие. Жители просили дозволить им избрать десять излюбленных судей, чтобы бы они вместо наместников судили у них как уголовные дела (в душегубстве, и татьбе, и в разбое с поличным и костьюрем³⁵), так и земские, а за это жители будут ежегодно вносить в царскую казну оброка полторы тысячи рублей за все судные наместничьи пошлины, не отказываясь, однако, при этом от исполнения государственных повинностей и взносов (*посошной службы*, то есть обязанности идти в рать; *городового дела*, то есть постройки укреплений; *денег полонянничных*, то есть на выкуп пленных, и *ямских*, то есть на содержание почт). Правительство дало согласие на такую перемену управления с тем, что весь валовой сбор оброка будет разложен по имуществу и по промыслам жителей как посадских, так и волостных. Вместо наместников появились излюбленные головы или земские старосты, имевшие право суда и смертной казни, а для предотвращения злоупотреблений должны были выбираться целовальники, заседавшие в суде, – свидетели и участники суда. Управление в крае поручалось сотским, пятидесятским и десятским, которые обязаны были наблюдать за благочинием, хватать подозреваемых и отдавать суду излюбленных судей или голов. Вслед за тем одни уезды за другими стали получать подобные грамоты. Так, в той же Устюжне, упомянутой выше, вместо прежнего двоесудия по Судебнику появилась грамота, по которой устюжане вовсе освобождались от суда волостеля. Наконец в 1555 году эта мера сделалась всеобщей, как показывает одна грамота того времени, в которой говорится, что правительство совсем изъяло посадских и волостных людей от суда наместников и волостелей, предоставив им выбрать излюбленных старост с платежом за то оброка в казну. Но разбойные дела были изъяты от нового выборного суда и оставлялись за другими выборными судьями – губными старостами. Впоследствии мы опять встречаем признаки строя, противного этому нововведению, из чего следует заключить, что распространение выборного самосуда не на долгое время принялось в своей полноте, хотя измененные признаки его видимы и позднее того, даже в XVII столетии. Во время господства этого учреждения оно неодинаково применялось в вотчинных владениях – монастырей, церковных властей и частных собственников; видоизменения его зависели от местных владельцев, которые вводили среди крестьян, поселенных в их землях, выборное самоуправление с разными отличиями.

³⁵ Судить игроков в кости и карты.



Русские ратники в XIV – второй половине XVII в.

Выборное право суда и управления развивало общественные сходбища, которые, по закону, отправлялись в уездах с целью принятия мер общей безопасности. Все сословия – князья, дети боярские, крестьяне всех ведомств – присылали из своей среды выборных на сходбища, где председательствовал губной староста. Каждый мог и должен был говорить на этих сходбищах, указывать на лихих людей и предлагать меры к их обузданию. Дьяк записывал

такие речи, и они принимались в руководство при поисках и следствиях. Все члены общества обязаны были принимать деятельное участие в благоустройстве и содействовать своим выборным лицам в отправлении их должности. Очень важное значение получил тогда обыск. От него зависел способ суда над подсудимым. Если по обыску показывали, что подсудимый человек дурного поведения, то его подвергали пытке; также показание преступника о соучастии с ним в преступлении какого-нибудь лица поверялось обыском, и обвиняемый предавался пытке в таком случае, если по обыску оказывался худым человеком, а в противном случае речам преступника не давали веры. В сомнительных положениях, когда не было ни сознания, ни улики, судебное дело по жалобе истца решалось в его пользу тогда, когда обыск давал неудовлетворительный отзыв о поведении ответчика.

Судебник допускал поле, или судный поединок, но обыск в значительной степени вытеснял его из судопроизводства, так как во многих случаях, когда прежде прибегали к полю, теперь решали дело посредством обыска. Несмотря, однако, на уважение к форме обыска, законодатели сознавали, конечно, по опыту и по близкому знакомству с нравами своего народа, что обыск будет производиться со злоупотреблениями, а поэтому для предотвращения этих злоупотреблений установлено было жестокое наказание наравне с разбойниками (следовательно, смертная казнь³⁶) тем, которые окажутся солгавшими по обыску; кроме того, самим старостам и целовальникам обещано наказание, если они окажутся нерадивыми в преследовании и открытии такого рода преступления; в той же степени отвечали бояре и дети боярские за своих людей (холопов и служителей) и крестьян, живших на их землях, если последние окажутся виновными в даче ложного показания по обыску. Впоследствии, когда уже минуло господство Сильвестра и Адашева, значение обыска совершенно упало, хотя форма его не уничтожалась; отзывы, собранные по обыску, не служили уже главной нитью для избрания способов суда и почти не имели значения, так как одобренных по обыску можно было предавать пытке и казнить на основании показаний, вынужденных пыткой. В описываемую нами эпоху пытка допускалась единственно только в том случае, когда приговор по обыску признавал подсудимого худым человеком, если не причислять к пытке (так как не причислялся он к пытке в свое время) правежа – варварского обычая, возникшего в татарские времена, по которому неоплатного должника в определенное время всенародно били палками по ногам, чтобы истребовать лежащий на нем долг: по Судебнику, самый высший срок держания на правеже мог продолжаться месяц за сто рублей долга, а по истечении этого срока должник выдавался заимодавцу головою и должен был отслужить свой долг работой. Вскоре вместо месяца за сто рублей долга назначено было два месяца правежа. Одним из отличительных признаков выборного судопроизводства было то, что здесь не существовало никаких судных пошлин; правосудие уделялось прибегавшим к нему безденежно.

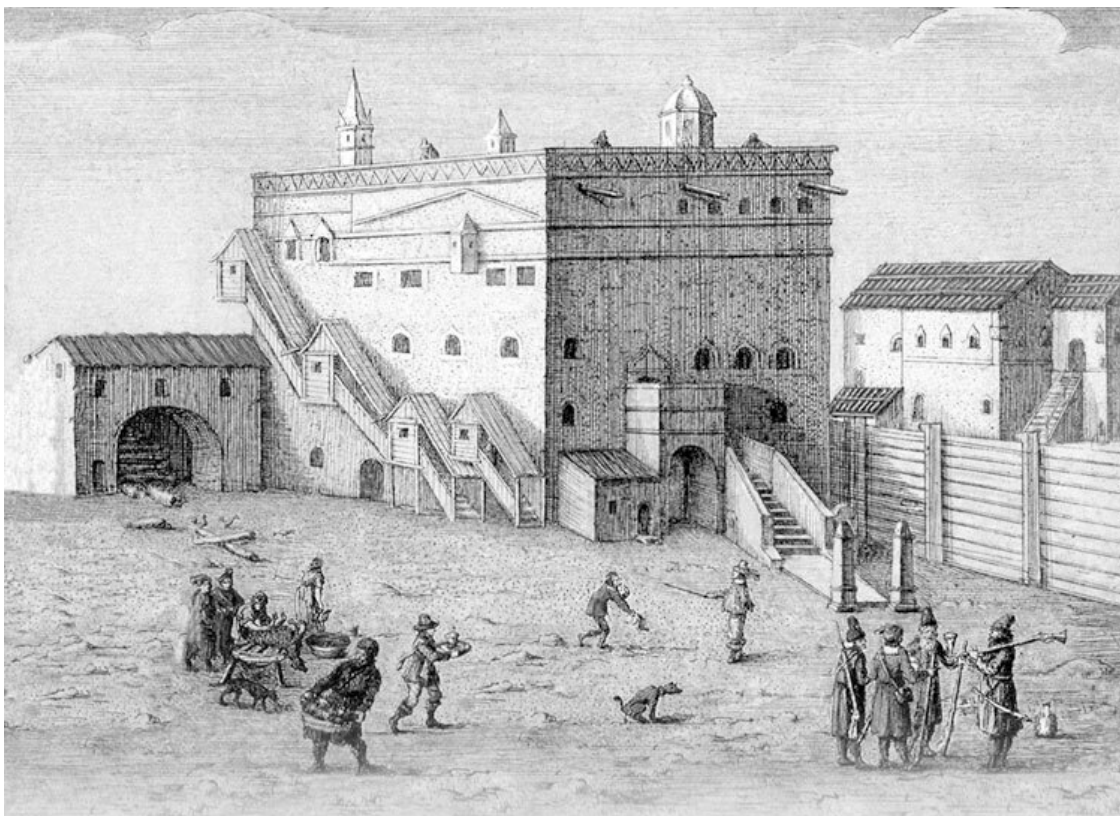
Из всего этого можно видеть, что характер законодательной деятельности той эпохи отличается духом общинности, намерением утвердить широкую общительность и самостоятельность русского народа и дать ему возможно большие льготы, способствующие его благоденствию. При ближайшей оценке этих учреждений нельзя не заметить влияния старых земских преданий, подавленных предшествовавшими обстоятельствами, но еще не совершенно исчезнувших из народной жизни. Тогдашнее земское самоуправление было не чем-нибудь новым, а старым, существовавшим прежде повсюду и долее сохранявшимся в землях Новгородской и Псковской. В Судебнике Ивана III уже видно участие земских лиц на суде наместников и волостелей, но это участие не имело силы, так как мы встречаем постоянные жалобы на то, что наместники и волостели судили произвольно. Василий Иванович возвратил Новгороду тень его прежних учреждений, установив в нем судных целовальников, хотя назначаемых, а не выби-

³⁶ По Судебнику наказания за уголовные преступления были следующие: денежная пеня, заключение в тюрьму, торговая казнь (кнут) и смертная казнь, постигавшая разбойников, государевых изменников, поджигателей, церковных татей и пр.

раемых; а во Пскове сделал подобное князь Иван Вельский во время своего непродолжительного правления государством (во время малолетства Ивана) и в большем размере, чем то было сделано Василием для Новгорода. Наконец, как мы видели, первая грамота такого рода дана была земле, некогда принадлежавшей Новгороду, и притом по просьбе жителей; само собой разумеется, что этим жителям уже было известно то, о чем они просили, а из этого можно заключить, что сущность того устройства, которое вводилось грамотами, еще ранее существовала в землях, подвластных Новгороду. Недаром Сильвестр, дававший всему почин в то время, был новгородец.



А.П. Рябушкин. Московская улица XVII века в праздничный день



Посольский двор в Москве (по рисунку А. Олеария)



Храм Василия Блаженного

По Судебнику, кроме духовных лиц все прочие составляли два отдела: служилых и неслужилых. Первые делились на два разряда: высших и низших. К высшим принадлежали князья, бояре, окольные, дьяки и дети боярские, ко вторым – простые ратные люди, ямщики и все казенные служители разных наименований (пушкарники, воротники, кузнецы и т. п.). К неслужилым или земским причислялись купцы, посадские и волостные крестьяне, жившие как на казенных землях (черносошные), так и на дворцовых и на частных землях. Служилые первого разряда пользовались явными преимуществами. Они занимали видные места и должности, владели поземельной собственностью, имели преимущество в судебных процессах: так, если кто в суде ссылался на их свидетельство, то оно считалось сильнее свидетельства простых людей. Бояре, окольные и дьяки освобождались от позорной торговой казни. Оттенки сословий изображались установленными размерами «бесчестия» за оскорбление. Боярин получал

600 рублей, дьяк – 200, дети боярские – соответственно получаемому на службе доходу. Из торговых людей гость (первостатейный купец) считался вдесятеро выше обыкновенного торговца и получал 50 рублей, тогда как всякий посадский получал только 5 рублей. Волостной человек, крестьянин, был поставлен в пять раз ниже посадского, получая «бесчестия» всего один рубль; но находясь на должности, получал наравне с посадским. Женщине платилось «бесчестие» вдвое против мужчины ее звания.

Во всяком судебном иске бралось в соображение имущество истца и ответчика и количество платимых ими податей. В тяжбах между посадскими и крестьянами вовсе не допускались иски на такую сумму, которой не имел тот, кто подавал жалобу или искал на том, кто не мог ее иметь. Это совпадало со способом наложения податей и повинностей: облагались не лица, а имущества и доходы, причем руководством служили писцовые книги, в которых в точности приводились в известность промыслы, средства и доходы жителей. Старое значение боярина как землевладельца еще удерживалось в то время, хотя слово «боярин» имело смысл сановника. Как владетель вотчины назывался боярином тот, кто не носил боярского сана в царской службе. Вотчины были боярские (вообще частных служилых владельцев) и монастырские; к ним следует причислить еще и владения новгородских земцев (крестьяне-собственники). Поземельные владения, как боярские вотчины, так и все поместья, делали службу обязательной для их владельцев. Кроме последних все земледельцы не владели землями в качестве частной собственности; у черносошных земли были в общинном владении. Крестьянам вообще предоставлялось прежнее право перехода с земли на землю в Юрьев день.



Святитель Макарий, митрополит московский. Икона конца XX в.

Относительно холопства в то время сделано было несколько распоряжений, видимо, направленных на уменьшение количества холопов. Таким образом, отменилось древнее правило, что поступивший в должность к хозяину без ряда делался его холопом. Детям боярским запрещалось продаваться в холопство не только во время службы, но и ранее. (Впоследствии это распоряжение было отменено для тех из них, которые еще не поступили в действительную службу). Судебник запрещал отдаваться в холопство за рост, следовательно, предотвращал случаи, когда человек в нужде делался рабом. Впрочем, неоплатный должник после правежа отдавался головою займодавцу, но чтобы меньше было таких случаев, постановлено было давать на себя кабалы не более, как на пятнадцать рублей. Кроме того, при всякой отдаче

головую излюбленные судьи должны были делать особый доклад государю. Наконец, беглый кабальный холоп не возвращался прямо хозяину, а ему предлагали прежде заплатить долг и только в случае решительной несостоятельности выдавали его головою.

Замечательно, что в совете людей, правивших тогда на деле государством, очевидно, были разногласия, проистекавшие от различных взглядов. Это особенно ощутимо в вопросе о местничестве. Таким образом, в 1550 году появляются распоряжения, показывающие намерение вовсе уничтожить местничество: например, было постановлено, чтобы в полках князьям, воеводам и детям боярским ходить без мест, «и в том отечестве их унижения нет». Один только первый воевода большого полка считался выше прочих; все же остальные были между собой равны. Но в следующем году другим распоряжением устанавливалась разница в достоинстве воевод между собой, и в одном современном списке летописи по этому поводу сказано: «А воевод государь прибирает, рассуждая отечество» (то есть подбирает воевод, принимая во внимание службу их отцов). Видно, что люди с более широкими взглядами не могли сразу сладить с предрассудками; впоследствии, когда господство Сильвестра и Адашева закончилось, местничество водворилось опять во всей силе.

Выборное земское начало, так широко развившееся в этот короткий промежуток времени, естественно, не могло достигнуть полной независимости, и только с течением времени могли разрешиться чрезвычайно сложные вопросы по управлению, вызывавшие вмешательство царских чиновников. Еще большая масса служилых подлежала суду наместников и волостелей. Когда происходили ссоры между волостями и частными владельцами и волости обращались с жалобой к царю, то царь, естественно, возлагал разбирательство дела на таких лиц, от которых выборное право освобождало посадских и крестьян. То же было и тогда, когда волостные крестьяне тягались между собой; тогда малые деревни, не будучи в состоянии противостоять большинству, обращались сами под защиту суда наместников. Наконец, люди, управлявшиеся выборными властями, находились во власти царских чиновников по государственным повинностям, какими, например, были городское дело, посошная служба и т. п. При этом следует заметить, что везде принимались во внимание местные условия, права и обязанности, чрезвычайно разнообразившие отношения жителей как к государству, так и взаимно между собой.

Вслед за земскими учреждениями приступили к церковному устройству. В 1551 году собрался собор для пересмотра порядков церкви, ее управления и религиозных обычаев. При открытии собора Иван говорил длинную речь, каялся в своем прежнем поведении и приглашал содействовать ему в управлении государством как духовенство, так и светских людей. Иван был настроен тогда в духе крайнего смирения и говорил совершенно противоположное тому, что он высказывал впоследствии в защиту своего самодержавия. Выше всего он почитал тогда церковь и отдавал ей на рассмотрение даже все земское устройство, составленное по Судебнику и Уставным грамотам. Акты этого знаменитого собора дошли до нас в форме вопросов, предлагаемых от имени царя на соборе, и ответов на эти вопросы, заключающих в себе соборные приговоры. Так как этих вопросов и ответов было сто, то и собор получил в истории название Стоглава.

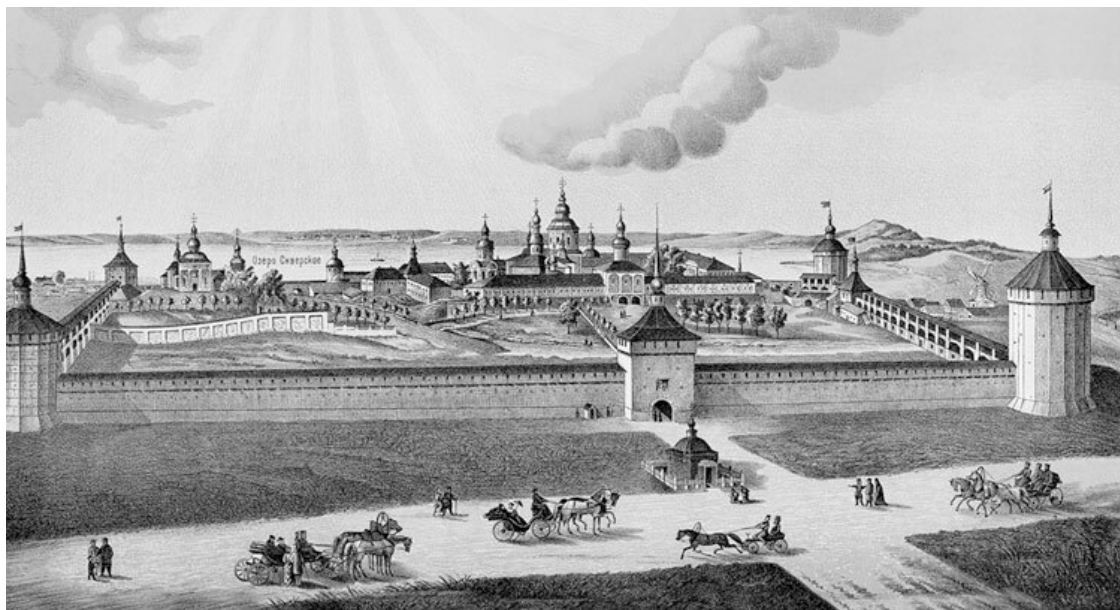
По отношению к церковному управлению предложено было исправить порядок, схожий с управлением наместников и волостелей в земском деле. Владыка в своей епархии в соборе напоминал собой удельного князя. У него был совет из собственных бояр, которые управляли и судили в епархии с докладом владыке. Судьями от владыки были его наместники и десятильники; при них были, как и в земстве, «недельщики» и «доводчики». Белое духовенство и монастыри были обложены множеством разнообразных пошлин³⁷, от которых некоторые осво-

³⁷ Например, дани зимняя и летняя, заездничье, въездное, благословенная куница (подать со священника при вступлении в должность), переходная куница (при переходе из одного прихода в другой), явленная куница (при явке ставленной гра-

божались по благоволению владыки. Владыки раздавали свои земли в поместья детям боярским – эти земли переходили от владельца к владельцу не по наследству, а по воле архиерея. Дети боярские были обязаны службой владыке, хотя в то же время призывались и на государственную службу. Суд у святителей, соответственно подлежащим этому суду предметам, был двух видов: духовный – в делах, относившихся к области веры и благочестия, как над духовенством, так и над мирскими людьми, и мирской – над лицами, исключительно состоявшими в церковном ведомстве. Вообще как суд, так и управление в церковном ведомстве страдали в те времена большими злоупотреблениями. Владычные бояре, дьяки и десятильники всеми неправдами притесняли сельских священников. Собор не решился отменить суда бояр и десятильников, потому что и при великих чудотворцах Петре, Алексии и Ионе были десятильники, но учредил из священников, старост и десятских, которые помимо прочих обязанностей должны были присутствовать на суде десятильников; кроме того, на этот суд допускались еще и земские старосты и целовальники вместе с земским дьяком. Всякое дело писалось в двух экземплярах, и одна сторона поверяла другую. Избираемые из священников поповские старосты и десятские должны были, каждый в своем пределе, наблюдать за церковным благочинием и за исполнением обязанностей духовенством. Они же собирали и доставляли к владыке все установленные сборы и пошлыны. Собор обратил внимание и на книги. Издавна переводились книги с греческого языка, отчасти с латинского, переписывались старые сочинения и переводы и продавались. Как переводы, так и переписки исполнялись плохо³⁸. Тогда все письменное без разбора относили к церкви; и оттого-то книги отреченные и апокрифы считались (по невежеству) наравне с каноническими книгами Священного Писания, и нередко приписывалось отцам церкви то, чего те никогда не писали. Это неизбежно вело к заблуждениям. Собор устанавливал род духовной цензуры, поверяя ее поповским старостам и десятским. Книгописцы состояли под их надзором. Старосты и десятские имели право просматривать и одобрять переписанные книги и отбирать из продажи неисправленные. Так как в те времена во всеобщем понятии учение грамоте связывалось с благочестием, то это учение вообще поставлено было в зависимость от духовных властей. Во времена Стоглава оставалась память, что некогда на Руси существовали училища, но потом исчезли; немногие теперь знали вполне грамоту, учились как-нибудь, и святители поневоле посвящали в священники людей малограмотных. Собор постановил завести училища и поверил их устройство избранным духовным, которые должны были открывать училища в своих домах; православные христиане приглашались отдавать детей своих в обучение грамоте, письму и церковному пению. Занимаясь вопросом о писании книг, Стоглавый собор коснулся вопроса об иконописании, заметил большие злоупотребления и определил установить особый класс иконописцев под надзором святителей так, чтобы кроме них никто не смел заниматься иконописанием.

моты), соборная куница, людское, полудная пшеница, казенные алтыны, вечная пошлына (с невесты), новоженный убрus (с жениха), десятильничьи пошлыны и пр.

³⁸ До сих пор в наших библиотеках можно видеть старые переводы с греческого языка, в которых нельзя добраться до смысла.



Вид первоклассного Кирилло-Белозерского монастыря

Монастыри с существовавшими в них злоупотреблениями составили одну из главных забот Стоглавого собора. Наделенные селами и пользуясь большими доходами, монастыри были земным раем для своих начальствующих лиц, которые всегда могли принудить к молчанию своих подчиненных лиц, если бы со стороны последних раздавались обличения. Архимандриты и игумены окружали себя своими родными и клевретами и превращали монастырское достояние в выгодные для себя аренды. Их родня под именем племянников поселялась в монастырях; настоятель раздавал им монастырские села, посылая их туда в качестве приказчиков. Управление монастырскими имениями, вместо того чтобы производиться собором старцев, зависело от произвола одного настоятеля. В его безусловной власти находились и братия, и священнослужители монастырских сел и часто терпели нужду, хотя и находились в ведомстве очень богатого монастыря, так как никто из них не пользовался доходами и не смел требовать участия в пользовании. Зато настоятели жили в полном удовольствии. В редких монастырях удерживалось общежитие в строгой его форме; если где и была скудная трапеза, то разве для бедняков, питавшихся от крупниц, падавших со стола властей. Нередко вкладчики в порыве благочестия отдавали в монастырь все свое достояние с тем, чтобы там доживать свою старость; лишившись добровольно имущества, они терпели и голод, и холод, и всяческие оскорбления от властвующих, которые не дорожили ими, зная, что с них после отдачи всего в монастырь уже более нечего взять. Зато те, которые хотя и отдали в монастырь часть своего достояния, но оставили значительный запас у себя, пользовались вниманием и услужливостью. В монастырях курили вино, варили пиво и меды, отправлялись пиры; в монастыри приезжали знатные и богатые господа, и настоятели раболепствовали перед ними, стараясь что-нибудь выманить от них. Вольное обращение с женским полом доходило до большого соблазна: были монастыри, в которых чернецы и черницы жили вместе. Нередко можно было встретить в монастырях мальчиков, «ребят голоурых», как выражались в то время.



Казанский Иоанно-Предтеченский монастырь



Кирилло-Белозерский монастырь

От деспотизма и алчности настоятелей, вообще снисходительных к себе и строгих к другим, нередко братия уходила из монастыря; бедняки иногда скитались с места на место, не находя приюта; в других монастырях их принимали неохотно; иные находили убежище у мирских церквей, построенных христороубцами не для прихода, а для себя. Таких церквей было множество, но большая часть их стояла пустой. То была своеобразная черта русского благочестия: построить церковь ради спасения своей души вследствие какого-нибудь сна или видения, назначить «ругу» на содержание ее, то есть на свечи, просфоры и вино, договорить какого-нибудь бродячего монаха, а то и светского иерея, которых тогда также скиталось немало на Руси, а впоследствии порывы благочестия минут – в церкви нет служения, и договоренный священник не может служить и жить при церкви, потому что ему перестали давать содержа-

ние! Часто бродячие чернецы и в особенности черницы промышляли пророчествами и видениями; нагие, босые, с отросшими и нечесаными волосами ходили они по селам и погостам, привлекали своим появлением толпу, всенародно тряслись, бились, кричали, что им являлись Святая Пятница или Святая Анастасия и будто бы заповедали им объявить всем христианам, чтобы в среду и пятницу ничего не делали, чтобы женщины не пряли, белья не мыли и камня не разжигали и т. п. Случалось, что бродяга-чернец строил маленькую деревянную церковь, ходил просить милостыню, выпрашивал себе «ругу», постоянное содержание, а потом пропивал все собранное им.

У нас часто думают, что в древности господствовало благочестие, по крайней мере внешнее; но Стоглав представляет нам в этом отношении совсем иной образ. При невежестве духовенства богослужения происходили самым нестройным образом, особенно заутреня и вечерня; в одно и то же время один читал канон, другой кафизмы; духовные машинально исполняли заученное, не имея никакого внутреннего благочестия, и потому позволяли себе во время богослужения непристойные выходки, приходили в церковь пьяные, ругались и даже дрались между собой. Глядя на них, миряне не оказывали никакого уважения к церкви: входили в храм в шапках, громко разговаривали друг с другом, смеялись, перебранивались, нередко даже среди божественного пения можно было услышать срамные слова. В поминальные дни церковь представляла совершенный рынок – приносили туда яйца, калачи, пироги, печеную рыбу, кур, блины, караваи; попы уносили все это в алтарь и ставили даже на жертвенник. В монастырях в этом отношении было не лучше; ожиревшие от изобилия настоятели часто вовсе не священнодействовали, братия пьянствовала, и по целым неделям не бывало в монастыре богослужения. Собор осудил все эти злоупотребления, между прочим совсем запретил держать в монастырях «пьянственное» питье кроме «фрязских вин»; запрещалось совместное жительство чернецов и черниц; для сохранения монастырской казны собор определил давать по книгам отчеты царским дворецким. Издали постановление против заведения новых пустынь, которые тогда сильно размножились: велено было такие мелкие пустыни соединять между собой, подчинять монастырям или даже уничтожать их вовсе. Собор поставил предел увеличению церковных вотчин; хотя право владения за владыками и монастырями было оставлено, но впредь церковные власти без особого царского разрешения не могли уже покупать земель. Постановлено было также, чтобы люди служилые не давали по душе своих вотчин без воли государя, и все вотчины, отданные боярами в монастыри после смерти великого князя Василия, велено отобрать. Кроме того, оказывалось, что владыки и монастыри незаконно присвоили у детей боярских земли под предлогом долгов, и такие земли велено обратить в собственность тех лиц, за кем они были прежде.

Из Стоглава видно, что в то время в церковном порядке и в приемах благочестия существовали многие особенности, отличные от того, что мы видим в настоящее время. При крещении в некоторых местах соблюдалось вместо погружения обливание, которое и воспрещено было правилами Стоглавого собора. Обычай брать восприемниками мужчину и женщину, кума и куму, – в настоящее время всеобщий – тогда только начал входить и был запрещен Стоглавым собором, постановившим, чтобы восприемником было одно лицо мужского или женского пола. Венчание положено было совершать непременно после обедни, а венцы полагать только на первобрачных. Жениху должно было быть не менее пятнадцати, а невесте – не менее двенадцати лет от роду. Языческий обычай наговаривания применен к христианским обрядам: просфирни наговаривали на просфоры, и таким просфорам приписывалась особая лечебная сила; подобно тому в Великий четверг приносили в церковь соль, которую священники клали под престол и держали до седьмого четверга по Пасхе – день народного праздника семика: приписывалась этой соли целебная сила против болезни скота. Такие суеверия воспрещены были Стоглавым собором, как равно различные гадания и гадательные книги: рафли, Ари-

стотелевы врата, наблюдения по звездам и «планидам», «шестокрыл, воронограй, альманах» и иные «составные и мудрости еретические и коби бесовские».



П. Коровин. Взятие Казани Иваном Грозным

В вопросах, предложенных на этом соборе, встречается много любопытных черт, указывающих на языческие обычаи, еще довольно сильные в то время, например, следующие: на поминках мужчины и женщины сходились на кладбищах; туда приходили скоморохи и гудцы (музыканты); справлялось веселье, шла попойка, пляска, песни. Таким веселым днем была в особенности суббота перед Пятидесятницей; в Великий четверг отправлялся языческий обычай «кликать мертвых», теперь уже совершенно исчезнувший; он сопровождался сожжением соломы. В этот же день клали трут в расселину дерева, зажигали его с двух концов, полагали в воротах домов или раскладывали там и сям перед рынком и перескакивали через огонь с женами и детьми. Ночь накануне Рождества Иоанна Предтечи повсеместно проводилась народом в плясках и песнях: то было древнее празднество Ивана Купалы. Подобные языческие празднества указываются, кроме того, накануне Рождества Христова и Богоявления и в понедельник Петрова поста: в последний из этих дней был обычай ходить в рощу и там отправлять «бесовские потехи». Запрещая эти языческие увеселения, собор вообще осуждал всякие

забавы – шахматы, зернь (карты), гусли, сопели, всякое гуденье, позорища (сценические представления), переряживание и публичное плясанье женщин.

Стоглавый собор узаконил выкуп русских людей, попавших в плен татарам. Прежде таких пленников выкупали греки, армяне, а иногда и турки, и приводили в Московское государство, предлагая выкупить, но если не находилось охотников, то уводили их назад. Теперь же постановили выкупать их за счет казны и издержки на выкуп разложить по сохам на весь народ. Никто не должен увольняться от такой повинности, потому что это общая христианская милость. Мы не знаем, в какой мере введены были и удержались все преобразования Стоглава, тем более что до нас не дошли его ранние списки, а те, которыми мы вынуждены довольствоваться, написаны уже в XVII веке, и в них есть разноречия³⁹.

После внутренних преобразований правители занялись покорением Казанского царства. Прежде подручное московскому государю, это царство находилось теперь в руках злейшего врага русских – Сафа-Гирея. Тогда Казань, по выражению современников, «допекала Руси хуже Батыева разорения; Батый только один раз протек Русскую землю, словно горящая головня, а казанцы беспрестанно нападали на русские земли, жгли, убивали и таскали людей в плен». Их набеги сопровождалась варварскими жестокостями; они выкалывали пленникам глаза, обрезали им уши и носы, обрубали руки и ноги, вешали за ребра на железных гвоздях. Русских пленников у казанцев было такое множество, что их продавали огромными толпами, словно скот, разным восточным купцам, нарочно приезжавшим для этой цели в Казань. Но Сафа-Гирей не крепко сидел в Казани, которая была постоянно раздираема внутренними партиями. В 1546 году враждебная ему партия выгнала его и опять пригласила в цари Шиг-Алея, освобожденного Еленой из заточения. Не мог ужиться с казанцами этот новый царь и вскоре бежал от них. Сафа-Гирей опять сел на престол, но не надолго. Напившись пьян, он зацепился за умывальник и расшиб себе голову. Казанцы провозгласили царем его малолетнего сына Утемиш-Гирея под опекой матери Сююн-Беки⁴⁰. В то время русские последовали примеру Василия, построившего Васильсурск, и возвели в 1550 году в тридцати семи верстах от Казани крепость Свияжск. Последствием такой постройки было полное покорение горных черемисов, или чувашей. Этот народ, хотя и единоплеменный луговым, или настоящим черемисам, был, однако, совершенно отличен от последних по нравам. Тогда как черемисы, жившие на левой стороне Волги, отличались дикостью и воинственностью, чуваша были народом смиренным и земледельческим. Они легко покорились русской власти, особенно когда им дали льготу на три года от платежа ясака, а царь в Москве подарил их князьям шубы, крытые шелковой материей. Близость русского поселения и подчинение правого берега Волги, находившегося прежде под властью Казани, произвели такое волнение в столице Казанского царства, что казанцы в августе 1551 года выдали Сююн-Беку с сыном, отпустили часть содержавшихся у них русских пленников и снова призвали Шиг-Алея в надежде, что русские возвратят им владение над горным берегом Волги. Русские посадили Шиг-Алея на казанском престоле, но не думали отдавать горной страны. Шиг-Алей поэтому не ладил с казанцами; они беспрестанно требовали от него, чтобы он старался восстановить прежние пределы царства, не хотели отпускать оставшихся у них русских пленников и, наконец, составили заговор убить своего царя за его преданность Москве, однако царь предупредил врагов, зазвал значительнейших из них к себе и приказал их перебить находившимся при нем русским стрельцам. Тогда многие казанцы поспешили в Москву жаловаться на Шиг-Алея, и вследствие этих жалоб в Казань приехал Адашев.

³⁹ Сюда, например, включено постановление о сугубой аллилуйе, которое, очевидно, внесено раскольниками, так как в сочинениях Макария, председательствовавшего на этом соборе, признавалась правильной трегубая аллилуйя и т. п.

⁴⁰ До сих пор в Казани уцелела башня, называемая ее именем.



Иван IV водружает крест на том месте, которое он назначил под постройку первого православного храма в Казани

«Мне в Казани нельзя оставаться, – сказал Шиг-Алей Адашеву, – я согрубил казанцам: я обещал им выпросить у царя нагорную сторону; пусть государь пожалует нам нагорную сторону, тогда мне можно будет оставаться здесь; а пока я жив – царю Казань будет крепка».

«Тебе уже сказано, – отвечал Адашев, – что горной стороны государю тебе не отдавать, Бог нам ее дал. Сам знаешь, сколько бесчестия и убытка наделали государям нашим казанцы; и теперь они держат русский полон у себя, а ведь когда тебя на царство посадили, то с тем, чтобы весь полон отдать».

«Если горной страны не отдадут, – сказал Шиг-Алей, – то мне придется бежать из Казани».

«Коли тебе из Казани бежать, – возразил Адашев, – то лучше укрепи Казань русскими людьми».

«Я своему государю не изменю, – сказал Шиг-Алей, – но я мусульманин: на свою веру не встану. Если мне не в меру будет жизнь в Казани, я лихих людей еще изведу и сам поеду к государю».

Адашев с тем и уехал. Но вслед за тем прибыли в Москву враждебные Шиг-Алею казанские князья и просили, чтобы царь удалил Шиг-Алея, а на его место прислал своего наместника. В Москве это предложение, естественно, понравилось.

Адашев снова поехал в Казань, свел Шиг-Алея с престола, захватил восемьдесят четыре человека противной Шиг-Алею партии и уехал в Свяжск, объявив казанцам, что к ним будет прислан царский наместник. Казанцы показали вид согласия, но когда вслед за тем из Свяжска их известили, что к ним едет назначенный воеводой в Казань князь Семен Микулинский, они заперли город, не пустили русских и кричали им со стен: «Ступайте, дураки, в свою Русь, напрасно не трудитесь; мы вам не сдадимся, мы еще и Свяжск у вас отнимем, что вы поставили на чужой земле».

Пробудилось чувство национальности и веры. В крайнюю минуту все партии примирились. Вся земля казанская вооружалась, даже чувашаи изменили Москве, испытав над собой

управление воевод московских. Казанцы пригласили к себе в цари ногайского царевича Едигера, который прибыл в Казань с десятью тысячами ногайцев.

Опыт показывал, что Москве невозможно управлять Казанью посредством подручных князей, а предоставить ее на волю – значило подвергать Восточную Русь нескончаемым разорениям. В Москве решили идти с сильным ополчением, покончить навсегда с неприязненным царством и обратить его земли в русские области. Собрано было войско, огромное по тому времени, более 100 000. Сам царь должен был идти в поход, хотя ему этого очень не хотелось, как он впоследствии сознавался в своем письме Курбскому: «Вы меня, как пленника, посадивши в судно, повезли сквозь безбожную и неверную землю. Если бы не всемогущая десница Божия защитила мое смирение, то я бы непременно лишился жизни».



Заседание Боярской думы

Крымский хан Девлет-Гирей хотел было помогать Казани и напасть на Москву с юга, но был отбит от Тулы. Русские осадили Казань 20 августа 1552 года и вели осаду до 1 октября. Способ осады состоял в том, что русские вокруг города поставили деревянные туры на колеса и все ближе и ближе подвигались к стенам города; между тем их беспокоили с тыла отряды черемисов и чувашей, а казанцы со стен пугали своими чарами, будто бы наводившими дождь, докучавший осаждавшим. «Бывало, – говорит Курбский, – солнце восходит, день ясный; мы и видим: взойдут на стены старики и старухи, машут одеждами, произносят какие-то сатанические слова и неблагочинно вертятся; вдруг поднимется ветер и прольется такой дождь, что самые сухие места обратятся в болото». Против бесов оставалось употребить духовное оружие. Послали в Москву за крестом, в котором была вделана частичка Животворящего Древа. Дух войска ободрился, когда через двенадцать дней привезли это сокровище. Дело решил немецкий розмысл (инженер), который сделал подкоп и заложил под стены порох. 1 октября разрушена была взрывом стена; русские ворвались в город и взяли его. Сам царь не участвовал в битвах, а только торжественно въехал в покоренную Казань, наполненную трупами. Пленный казанский царь Едигер поклонился победителю, просил прощения и изъявил намерение кре-

ститься. Русские обращались милостиво с побежденными, но казнили тех, которые оказались виновными в вероломстве. В Казани нашли несколько тысяч христианских пленников, удержанных казанцами вопреки договору, по которому давно уже они были обязаны их отпустить. Иностранцы черемисы и чувашаи покорились и обещали платить наложенный на них ясак. Замечательно, что бояре старались удержать на всю зиму Ивана в Казани и находили это необходимым для того, чтобы приучить к повиновению разнородные племена, населявшие обширное Казанское царство: мордву, чувашей, черемисов, вотяков и башкирцев. Но Иван на этот раз впервые не послушал своих опекунов. Царица Анастасия была на последних днях беременности; Ивану хотелось домой; шурья поддерживали его желание; и тут-то между ними и боярами произошло столкновение. «Шурья государя, – говорит Курбский, – направили к нему еще и других ласкателей вместе с попами». Иван не только уехал вопреки желанию бояр, но еще распорядился против их воли: он отправил конницу в осеннее время по такой дороге, на которой пропали чуть не все лошади.



Одежда русских и татар в XVII столетии. Одежния московского магната, знатного москвитя, воинское одежния москвитя, одежния татарина

В Москве царя ожидали торжественные встречи, поздравления. Царица Анастасия благополучно разрешилась от бремени сыном Дмитрием. Царь Едигер принял крещение и был наречен Симеоном. Тогда же крестилось много казанских князей, увеличивших количество татарских родов в русском дворянстве. В память завоевания Казани был заложен в Москве храм Покрова Богородицы на Красной площади, храм очень своеобразной и затейливой архитектуры (теперь известный под именем Василия Блаженного, от мошей этого юродивого, почивающих в этом храме). Строитель его, без сомнения, человек с большим талантом, остался неизвестен. В народе сохранилось предание, что царь в награду за построение храма приказал выколоть ему глаза для того, чтобы он уже не мог построить чего-нибудь подобного в ином месте.

Покорение Казанского царства подчинило Русской державе значительное пространство на востоке до Вятки и Перми, а на юг – до Камы и открыло путь дальнейшему движению русского племени. Но много еще нужно было труда, чтобы усмирить беспокойные племена этой

страны. Русь должна была несколько раз бороться с восстаниями татар и черемисов; но уже в следующем году (1553) учреждение казанской епархии послужило важным залогом господства русской стихии в новопокоренном крае. Первым архиепископом назначен был всеми уважаемый игумен селижарский⁴¹ Гурий. Начали строить церкви, монастыри, стали переселяться русские люди, и Казань мало-помалу приняла характер русского города.

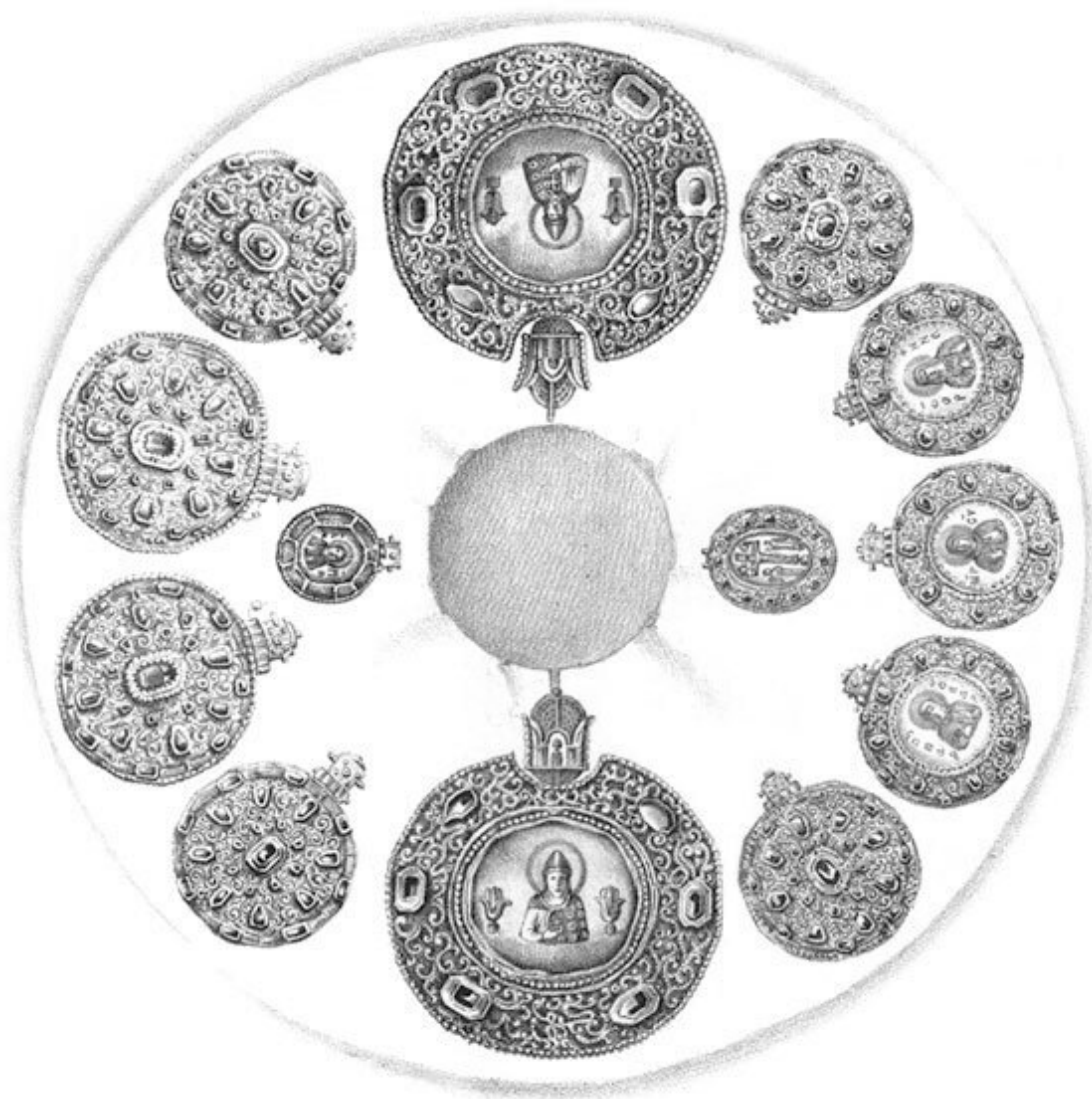
В душе царя уже шевелилось чувство недовольства своим зависимым положением. Иногда в минуты своенравия он проявлял его. Так, однажды, вскоре после завоевания Казани, по поводу этого события он сказал своим опекунам: «Бог меня избавил от вас!» Наступили обстоятельства, которые еще более развивали и поддерживали это долго сдерживаемое чувство.

В 1553 году Иван заболел горячкой и, придя в себя после бреда, приказал написать завещание, в котором объявлял младенца Дмитрия своим наследником. Но когда в царской столовой палате собрали бояр для присяги, многие отказывались присягать. Отец Алексея Адашева смело сказал больному государю: «Мы рады повиноваться тебе и твоему сыну, только не хотим служить Захарьиным, которые будут управлять государством именем младенца, а мы уже испытали, что значит боярское правление». Спор между боярами шел горячий. В числе не желавших присягать был двоюродный брат государя Владимир Андреевич. И это впоследствии подало царю повод толковать, что отказ бояр в присяге происходил от тайного намерения после смерти его возвести на престол Владимира Андреевича. Спор о присяге длился целый день и ничем не решился. На другой день Иван, призвав к себе бояр, обратился к Мстиславскому и Воротыньскому, которые раньше всех присягнули и уговаривали присягнуть других: «Не дайте боярам извести моего сына, бегите с ним в чужую землю», а Захарьиным царь сказал: «А вы, Захарьины, чего испугались? Думаете, что бояре вас пощадят? Нет, вы будете первые у них мертвецы!» После этих слов царя все бояре один за другим присягнули, Владимир Андреевич тоже. Трудно решить: действительно ли было у некоторых намерение возвести Владимира на престол в случае смерти царя или упорство бояр происходило от не любви к Захарьиным, от боязни подпасть под их власть, и бояре искали только средства в случае смерти Ивана устроить дело так, чтобы не дать господства его шурыям. Владимиру Андреевичу поставили в вину то, что в то время, когда государь лежал больной, он раздавал жалованье своим детям боярским. Не любившие его бояре стали тогда же подозревать его и вздумали не пускать к больному государю. За Владимира заступился всемогущий тогда Сильвестр и этим поступком подготовил враждебное к себе отношение царя Ивана на будущее время.

Иван не умер, как ожидали; он выздоровел и сделал вид, что ничего не помнит, ни на кого не сердится, но в его сердце заронила ожесточенная злоба. Люди такого склада, как Иван Васильевич, столько же боязливы в начале всякого предприятия, пока не уверены в удаче, сколько неуправляемо наглы впоследствии, когда перестают бояться. Зато чем долее боязнь заставляет их сдерживать свою страсть, тем сильнее эта страсть прорывается тогда, когда они освободятся от страха. Иван уже ненавидел Сильвестра и Адашева, не любил бояр, не доверял им, но у него не изгладились еще воспоминания об ужасных днях московского пожара, когда расшвырянный народ не поцеремонился с государевой родней и не далек был, по-видимому, от того, чтобы идти на самого государя. Иван не был еще уверен, что с ним не сделают чего-нибудь подобного, если он пойдет против своих опекунов и раздражит их. Притом Сильвестр внушал ему суеверную боязнь и умел постоянно оковывать его волю «детскими страшилами», как сам царь признавался позднее. Бояре, хотя уже не отличались прежним согласием, не заявляли себя ничем таким, за что можно было бы их укорить в измене царю; напротив, когда один из них, князь Семен Ростовский, слишком резко говоривший против присяги во время болезни царя, испугался, бежал и был пойман, бояре единогласно осудили его на смертную казнь, и сам царь (вероятно, по ходатайству Сильвестра) ограничил ему наказание ссылкой в

⁴¹ Селижаров монастырь в Тверской губернии в Осташковском уезде.

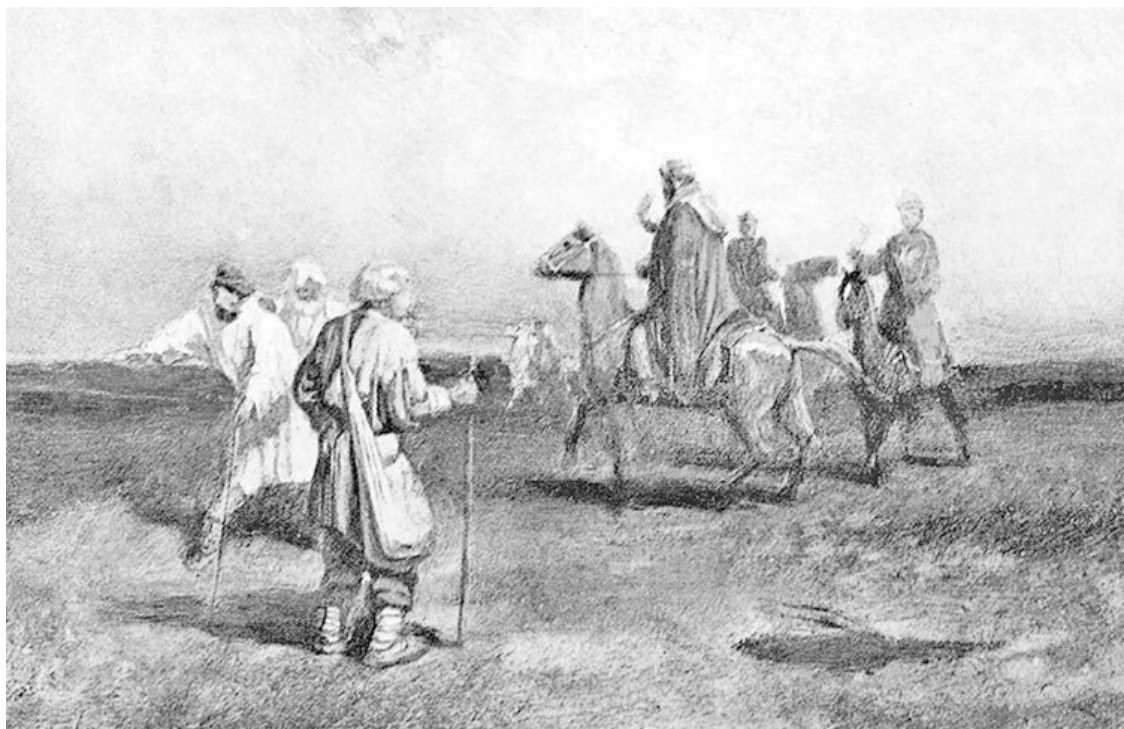
Белозерск. Иван еще несколько лет повиновался Сильвестру и его кружку, хотя все более и более ненавидел их, пока, наконец, уверившись в своей безопасности, мог дать своей злобе полную волю. Между тем произошли случаи, развившие в Иване сознание своего унижения и усилившие в нем желание освободиться от опеки. После выздоровления царь Иван Васильевич поехал с женой и ребенком по монастырям с целью, посещая их один за другим, доехать до отдаленного Кирилло-Белозерского монастыря. У Троицы жил тогда знаменитый Максим Грек, освобожденный при Иване из заточения. Иван посетил его. Максим откровенно сказал царю, что не одобряет его путешествия по монастырям. «Бог везде, – говорил он, – угождай лучше ему на престоле. После казанского завоевания осталось много вдов и сирот; надобно их утешать». Эти слова говорил Максим, вероятно, в согласии с Адашевым, Сильвестром и их сторонниками, которые все любили и уважали старца. Они боялись, чтобы царь, скитаясь по монастырям, не наткнулся на ненавистных для них осифлян, которые умели льстить и угождать властолюбию и щекотать дурные склонности сильных мира сего. Адашев и Курбский говорили Ивану, будто Максим им предрекал, что государь потеряет сына, если не послушает его и будет ездить по монастырям. Опасение их было не напрасно. Иван не послушался Максима Грека, продолжал свое набожное странствие и в Песношском монастыре (в нынешнем Дмитровском уезде) увиделся с одним из самых первостатейных осифлян – бывшим коломенским владыкой Вассианом. Этот Вассиан был когда-то в большой милости у Василия Ивановича, но во время боярского правления его удалили. «Если хочешь быть настоящим самодержцем, – сказал царю Вассиан, – не держи около себя никого мудрее тебя самого; ты всех лучше. Если так будешь поступать, то будешь тверд на своем царстве, и все у тебя в руках будет, а если станешь держать около себя мудрейших, то поневоле будешь их слушаться». Замечание попало в самое сердце. Царь поцеловал его руку и сказал: «Если бы отец родной был жив, так и тот не сказал бы мне ничего лучшего!» Предсказание Максима сбылось. Сын Ивана умер; это, без сомнения, должно было поразить Ивана и снова подчинить его своим опекунам, хотя он не переставал ими тяготиться. Пользуясь этим, они еще успели именем государя совершить несколько важных дел.



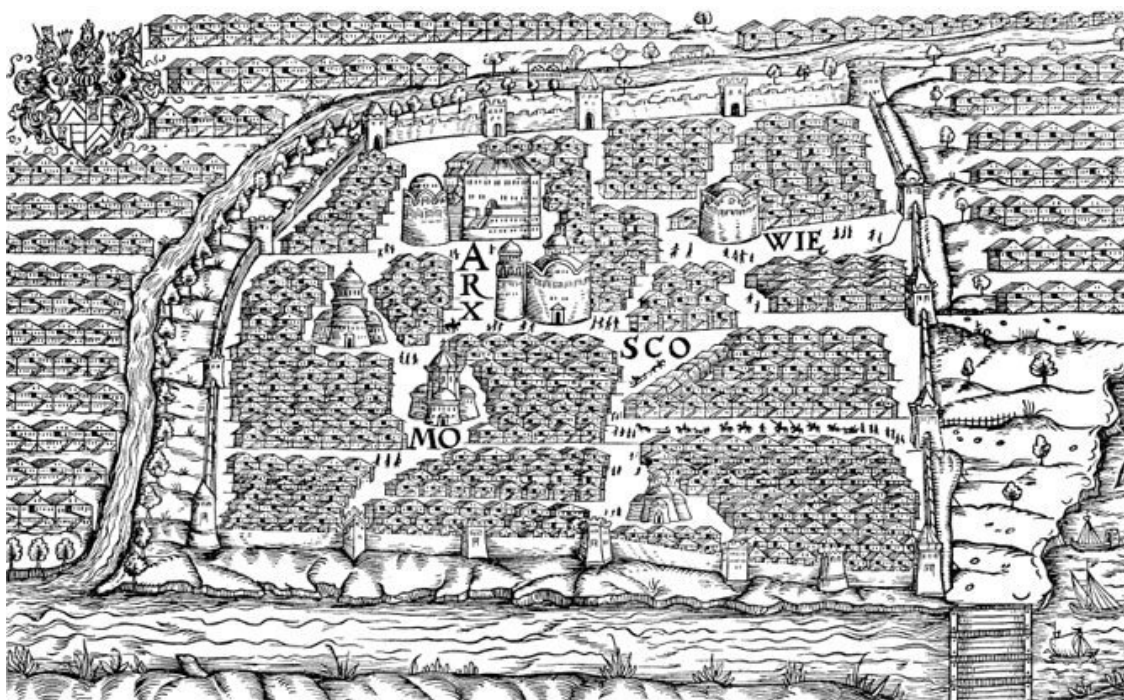
Бармы (или оплечия), найденные в 1822 г. на месте древней Рязани. Гравюра по рисунку Ф.Г. Солнцева

Необходимость сблизиться с Европой и усвоить ее культуру чувствовалась русскими. Еще в 1547 году, когда уже наступило влияние Сильвестра и Адашева, следовательно, с их участием от имени царя поручено было одному саксонцу Шлитту, знавшему по-русски, вызвать из Немецкой земли всякого рода умелых людей: ремесленников, художников, медиков, плавильщиков, юристов, аптекарей, типографов и даже богословов. Поручение это не удалось из-за зависти Ганзейского Союза и Ливонского ордена, которые полагали, что введение европейского образования, возвысив силы Московской земли, сделает ее опасной для Европы. Любекские сенаторы не пустили Шлитта в Москву, посадили его в тюрьму и разогнали толпу немцев, которых он вез с собой (123 человека). Обстоятельства неожиданно открыли путь к сближению с Европой совсем иным путем. В Англии образовалось общество под названием «The Mistry». Его основателем был знаменитый Себастьян Кабат, открывший материк Северной Америки. Ближайшей целью этой компании было открытие пути в Китай и Индию через северные страны старого полушария. Это общество снарядило три корабля: два из них были заперты льдом, их экипаж погиб вместе с адмиралом Гуго Виллоуби; третий корабль, «Эдуард Бонавентура», под начальством Ричарда Ченслера пристал 24 августа 1553 года к русским берегам у посада Неноксы в устье Двины. Ченслер с людьми отправился в Москву и представил

грамоту Эдуарда VI, написанную вообще ко всем владыкам северных стран. Англичане были приняты и обласканы как нельзя лучше. Царь отвечал Эдуарду дружелюбной грамотой, которой позволял англичанам приезжать свободно в его государство для торговли. В марте 1554 года Ченслер возвратился в отечество. Англичане смотрели на его путешествие как на открытие новой страны, наравне с открытиями, совершавшимися в Америке. Появились самые блестящие надежды на выгоды от торговли с неведомой Московскою землей. Устроилась компания уже специально с целью «торговли с Московиею, Персиею и северными странами»; она сокращенно называлась «русскою компаниею». Ее правление состояло из *governor'a* (первым пожизненно был назначен Кабат) и из двадцати восьми правительствующих членов, выбираемых ежегодно. Она получила право покупать земли, но не более как на 60 фунтов стерлингов в год, иметь свой самосуд, строить корабли, нанимать матросов, приобретать земли в новооткрытых странах и, торгуя в России при покровительстве русского государя, противодействовать совместничеству не только торгующих иностранцев, но и английских подданных, не принадлежащих компании. В 1555 году Ченслер снова прибыл в Москву, но уже в качестве посла, и выхлопотал льготную грамоту для английской компании. Ей дозволялась беспошлинная торговля оптом и в розницу, давалось право заводить дворы в Холмогорах и в Вологде, а в Москве ей был подарен двор от царя у церкви Максима Исповедника; в каждом дворе члены компании могли держать у себя по одному русскому приказчику; они имели свой суд и расправу; никакие царские чиновники не могли вмешиваться в их торговые дела, кроме царского казначея, которому принадлежал суд между компаниею и русскими торговцами. Когда Ченслер отправился в отечество, то с ним вместе отправился русский посол Непея. У берегов Шотландии Ченслер потерпел кораблекрушение, а Непея благополучно избежал опасности и был принят королевой Марией со знаками особого внимания. С тех пор между Англией и Россией завязались дружественные отношения и каждый год приходили к устью Двины английские корабли с товарами. Пустынные и дикие берега Северного моря оживлялись, населялись; Московская Русь разом познакомилась со множеством предметов, о которых не имела понятия; закипела новая торговая жизнь. Права английской компании и ее деятельность расширялись с каждым годом и превращались в монополию, которая отзывалась уже неприятно для русских, потому что выгода от торговли клонилась преимущественно на сторону иноземцев, особенно вследствие распоряжений, сделанных в позднейшее время царствования Ивана и после него. Во всяком случае завязавшаяся торговля с Англией имела чрезвычайно важное значение в истории русской культуры и составляет в ней перелом.



В.Т. Шварц. Иван Грозный на соколиной охоте, встречающий слепых



Вид города Москвы. Из «Записок» С.Герберштейна, изданных в Базеле в 1556 г.

Между тем правители продолжали расширение пределов государства за счет татарского племени и, как видно, признали настоящей задачей Руси подчинить татарские народы одних за другими. Покончили с Астраханью. Царство Астраханское было в руках ногайских князей, к которым принадлежал и Едигер, последний царь казанский. В Астрахани царем был Ямгурчей. Он дружил с Девлет-Гиреем и нанес оскорбление московскому послу. За это весной 1554 года отправлено было в Астрахань русское войско под начальством князя Пронского-Шемякина и Вешнякова. Они изгнали Ямгурчея и посадили в Астрахани царем дру-

гого ногайского князя, Дербыша, но уже в качестве московского подручника и оставив при нем русское войско. Дербыш на другой же год сошелся с Девлет-Гиреем и начал открытую войну против Москвы, но в марте 1556 года русские, находившиеся в Астрахани с головою Черемисиновым, разбили и прогнали Дербыша. Астрахань была непосредственно присоединена к Московскому государству и туда были назначены московские наместники. Это завоевание передало Московской державе огромные степи Поволжья, и вся Волга от истока до устья вошла во владение Москвы.

Оставалось разделаться с Крымом. Это было труднее, чем покорение Казани и Астрахани, но дело все-таки возможное. Удаче этого предприятия помешало то, что между советниками Ивана началась рознь. Тогда как Сильвестр и некоторые его единомышленники, в их числе Адашев и Курбский, были того мнения, что следует, не отвлекаясь ни на что, обратиться исключительно на Крым и уничтожить Крымское царство подобно Казанскому и Астраханскому, представилась возможность овладеть Ливонией. Ливонский орден был в полном разложении; немцы, избалованные долгим миром, отвыкли от войны, а большинство народонаселения, состоявшее из порабощенных чухон и латышей, готово было безропотно покориться власти Москвы. Иван Васильевич колебался между тем и другим предприятием и решился на то и другое разом, хотя сам более склонялся к последнему. Это раздвоение военных сил вредило расправе с Крымом, несмотря на то что обстоятельства благоприятствовали русским. В союзе с Москвой были днепровские казаки, которые тогда усиливались с каждым годом. Предводителем у них был князь Дмитрий Вишневецкий, один из потомков Гедимины, человек храбрый, предприимчивый и до чрезвычайности любимый подчиненными. Он просил прислать ему войско и предлагал московскому царю свою службу со всеми казаками, с Черкасами, Каневом, с казацкой Украиной на правом побережье Днепра, составлявшей ядро той Малой России, которая через столетие поклонилась другому московскому царю. Вишневецкий хотя считался подданным великого князя литовского и короля польского Сигизмунда-Августа, но не обращал внимания на запрещение последнего воевать с татарами и действовал совершенно независимо со своими казаками. В то время в Крыму и в степях у ногаев свирепствовали разные естественные бедствия: сначала жестокий холод, потом засуха, падеж скота и, наконец, мор на людей. Современники говорили, что во всей Орде не осталось десяти тысяч лошадей. Из Москвы в 1557 году к казакам был послан дьяк Ржевский с отрядом. Он соединился с тремястами казаков, разорил Ислам-Кермен и Очаков, разбил татар и бывших с ними турок. После удаления Ржевского Девлет-Гирей пошел с Ордой на Вишневецкого, который тогда укрепился на острове Хортице. (То был зародыш Запорожской Сечи, которая через несколько лет утвердилась ниже Хортицы, на другом острове – Томаковке). Вишневецкий двадцать четыре дня отбивался от хана и наконец прогнал его. В следующем году (1558) Сильвестр и бояре его партии убеждали Ивана двинуть все силы на Крым и самому идти во главе. Сильвестр, желая отвлечь его от Ливонской войны, резко осуждал ее, особенно за варварский образ, с каким она велась, за истребление старых и малых, за бесчеловечные муки над немцами, совершаемые татарами, распушенными по Ливонской земле под начальством Шиг-Алея; Сильвестр называл Ливонию «бедною, обижаемою вдовицею». Иван, как прежде, колебался, слушал с большей охотой советы противников Сильвестра, не думал в угоду последнему шадить Ливонию, однако не совсем решался действовать вразрез с ним и людьми его партии; он ограничился полумерами. Царь принял в свою службу Вишневецкого, подарил ему город Велев, но приказал ему сдать королю Черкасы и Канев, не желая принимать в подданство Украину и ссориться с королем. Он отправил брата Алексея Адашева Даниила с 5000 человек на Днепр против крымцев для содействия Вишневецкому, отправленному на Дон, но сам не двинулся с места и не посылал более войска. Между тем обстоятельства стали еще более благоприятствовать Москве. Черкесские князья, отдавшиеся московскому государю после завоевания Астрахани, собрались громить владения Девлет-Гирея с востока. В Крыму в довершение всех несчастий

поднялось междоусобие. Недовольные Девлет-Гиреем мурзы хотели его низвергнуть и возвести на престол Тохтамыш-Гирея. Покушение это не удалось. Тохтамыш бежал в Москву. Московскому государю было удобно покровительствовать этому претенденту и найти для себя партию в Крыму. Царь Иван этим не воспользовался. Даниил Адашев спустился на судах по Псе́лу, потом по Днепру, вошел в море и опустошил западный берег Крыма, а черкесские князья завоевали Таманский полуостров. Весь Крым был поражен ужасом. Но так как против него не было послано новых московских сил, то дело этим и ограничилось. Царь Иван имел тогда возможность уничтожить Девлет-Гирея, но только раздражил его и подготовил себе со стороны врага мщение на будущее время. Самая удобная минута к покорению Крыма была пропущена. Надо заметить, что для удержания Крыма в русской власти в те времена представлялось более удобства, чем впоследствии, потому что значительная часть тогдашнего населения Крыма состояла еще из христиан, которые, естественно, были бы довольны поступлением под власть христианского государя. Позднее потомки их перешли в мусульманство и превратились в татар.



С.В. Иванов. В Приказе Московского времени

Крымский вопрос еще более разъединил царя Ивана с людьми партии Сильвестра. Их влияние, видимо, падало. Ливонская война велась против желания многих, хотя некоторые из них, исполняя долг службы, не только участвовали в ней, но даже своими подвигами решали ее в пользу Москвы. Рыцари терпели поражение за поражением, город сдавался за городом; наконец в 1559 году Ливонский орден заключил с Сигизмундом-Августом договор, по которому отдавал ему часть своих владений и просил содействия против московского государя. Это событие готовило неизбежное столкновение с Польшей, и уже Сигизмунд-Август в следующем году (1560) писал царю Ивану, что должен будет оружием защищать страну, которая отдалась ему в подданство. Царь отвечал на это высокомерно: называл ливонцев, отдавшихся Сигизмунду-Августу, изменниками и требовал, чтобы Сигизмунд-Август вывел своих воевод

с Ливонской земли. Русские между тем успешно продолжали войну с Ливонией. В этой войне отличались преимущественно друзья Сильвестра: Курбский и Даниил Адашев.

В то время в московском правительстве совершился решительный перелом. Враги Сильвестра и Адашева постепенно довели царя до того, что он решился сбросить с себя опеку. Главными врагами Сильвестра были Захарьины и вооружили против него свою сестру царицу Анастасию. «Царь, – нашептывали Ивану, – должен быть самодержавен, всем повелевать, никого не слушаться; а если будет делать то, что другие постановят, то это значит, что он только почтен честию царского председания, а на деле не лучше раба. И пророк сказал: горе граду тому, им же мнози обладают. Русские владетели и прежде никому не повиновались, а вольны были поданных своих миловать и казнить. Священнику отнюдь не подобает властвовать и управлять; их дело священнодействовать, а не творить людского строения». В довершение всего Ивана убедили, что Сильвестр чародей, силой волшебства опутал его и держит в неволе. Сторонники Сильвестра сознаются, что Сильвестр обманывал царя, представлялся в глазах его богоугодным человеком, облеченным необыкновенной силой чудотворения, что он, одним словом, дурачил царя ложными чудесами, и оправдывают его поступки только тем, что все это делалось для хороших целей. Враги Сильвестра также представляли его царю чудотвором, но только получившим силу не от Бога, а от темных властей. Такой путь мог скорее всего поколебать суеверного царя. Сильвестра не терпели многие за его проницательность и желали удалить его для того, чтобы невозбранно можно было брать посулы и умножать всякими способами свое достояние. Уже охладевший к Сильвестру царь решительно разошелся с ним по случаю своего путешествия по монастырям с большой женой, предпринятого зимой в конце 1559 года. Тогда произошло у царя с Сильвестром и Адашевым какое-то крупное столкновение; подробностей его мы не знаем⁴²; известно только, что Сильвестр и его друзья старались удержать Ивана от путешествия по монастырям и от принесения благочестивых обетов; но после этого столкновения и Сильвестр, и Адашев сами нашли невозможным оставаться при царе. Сильвестр (вероятно, тогда уже овдовевший) удалился в какой-то отдаленный пустынный монастырь, а Алексей Адашев отправился к войску в Ливонию. В этом деле участие Анастасии почти несомненно; сторонники Сильвестра по поводу его удаления сравнивали его с Иоанном Златоустом, потерпевшим от злобы царицы Евдоксии. До царя доходили все эти толки и еще более раздражали его против прежних опекунов. Однако примирение с ними было бы еще возможно, если бы не случилось рокового обстоятельства: в июле 1560 года царица Анастасия, уже давно хворавшая, перепугалась пожара, опустошившего всю арбатскую часть в Москве. Болезнь ее усилилась, и она умерла 7 августа, оставив после себя двух сыновей – Ивана и Федора. Царь был в отчаянии; народ сожалел об Анастасии, считая ее добродетельной и святой женщиной, так как она отличалась набожностью и благотворительностью. Понятно, что с потерей любимой особы стали царю ненавистнее те, которые не любили ее при жизни. Этим воспользовались враги и начали уверять царя, что Анастасию извели лихие люди Сильвестр и Адашев своими чарами. Друзья сообщили об этом тотчас тому и другому; последние при посредничестве митрополита Макария просили суда над собой и дозволения прибыть в Москву для оправдания. Но враги не допустили этого. «Если ты, царь, – говорили ему, – допустишь их к себе на глаза, они очаруют тебя и детей твоих; да кроме того, народ и войско любят их, взбунтуются против тебя и нас перебьют камнями. Хотя бы этого не случилось – опять обойдут тебя и возьмут в неволю. Эти негодные чародеи уже держали тебя, как будто в оковах, повелевали тебе в меру есть и пить, не давали тебе ни в чем воли, ни в малых, ни в больших делах. Не мог ты ни людей своих миловать, ни царством своим владеть. Если бы не было их при тебе, при таком славном, храбром и мудром государе, если бы они не держали тебя, как на узде, ты бы почти всю вселенную обладал, а то они своим чародейством отводили тебе глаза, не давали тебе ни на что смотреть, сами

⁴² На него намекает царь в одном из своих писем Курбскому.

желали царствовать и всеми нами владеть. Только допусти их к себе, тотчас тебя ослепят! Вот теперь, отогнавши их от себя, ты истинно пришел в свой разум; открылись у тебя глаза; теперь ты – настоящий помазанник Божий; никто иной – ты сам один всем владеешь и правишь».



Пелевин. Царь и великий князь Иван IV Васильевич Грозный.

Так говорили не только шурья царя и некоторые бояре, но и те духовные, которые проповедовали из своекорыстных видов деспотизм всякого рода и старались угождать земной власти ради личных выгод. Это были все так называемые «осифляне». Всего более ярились против Сильвестра Вассиан, чудовский архимандрит Левкий и какой-то Мисаил Сукин. Царь созвал собор для осуждения Сильвестра. Епископы, завидовавшие возвышению Сильвестра, пристали к врагам его, когда увидели, что и царю угодно было, чтобы все выказали себя противниками павшего любимца. Один митрополит Макарий заявил, что нельзя судить людей заочно

и что следует выслушать их оправдание. Но угодники царя завопили против него: «Нельзя допускать ведомых злодеев и чародеев: они царя околдуют и нас погубят». Собор осудил Сильвестра на заточение в Соловки. Он был взят из своей пустыни, отвезен туда на тяжелое заключение. Но положение его там не могло быть очень тяжелым: игуменом в Соловках был Филипп Колычев, впоследствии митрополит, человек, как оказывается, сходящийся в убеждениях с Сильвестром. С тех пор имя Сильвестра уже не встречается в памятниках того времени. От Сильвестра осталось сочинение «Домострой», заключающее в себе ряд наставлений сыну – религиозных, нравственных, общежительных и хозяйственных. В этом сочинении, которое драгоценно как материал для знакомства с понятиями, нравами и домашним бытом древней Московской Руси, встречаются любопытные черты, объясняющие личность Сильвестра. Мы видим человека благодушного, честного, строго нравственного, доброго семьянина и превосходного хозяина. Самая характерная черта «Домостроя» – это заботливость о слабых, низших, подчиненных и любовь к ним, не теоретическая, не лицемерная, а чуждая риторике и педантизма, простая, сердечная, истинно христианская. «Как следует свою душу любить, – поучает он, – так следует кормить слуг своих и всяких бедных. Пусть хозяин и хозяйка всегда наблюдают и расспрашивают своих слуг и подчиненных об их нуждах, об еде и питье, об одежде, о всякой потребе, о скудости и недостатке, об обиде и болезни; следует помышлять о них, пещись сколько Бог поможет, от всей души, все равно как о своих родных». Вот такие-то правила внушались и царю по отношению к подвластным ему людям. Отсюда-то истекают грамоты и распоряжения лучших лет царствования Ивана, в которых явно видно желание дать народу как можно более льгот и средств к благосостоянию. Автор «Домостроя» сознает гнусность рабства, сам лично уже отрешился от владения рабами и то же заповедует сыну: «Я не только всех своих рабов освободил и наделил, но и чужих выкупал из рабства и отпускал на свободу. Все бывшие наши рабы свободны и живут добрыми домами; а домочадцы наши, свободные, живут у нас по своей воле. Многих оставленных сирых и убогих мужского и женского пола и рабов в Новгороде и здесь, в Москве, я вскормил и воспоил до совершенного возраста и выучил их, кто к чему был способен: многих выучил грамоте, писать и петь, иных писать иконы, иных книжному рукоделию, а некоторых научил торговать разной торговлей. Твоя мать воспитала многих девиц и вдов, оставленных и убогих, научила их рукоделию и всякому домашнему обиходу, наделила приданым и замуж выдавала, а мужеский пол поженила у добрых людей. И все те, дал Бог, – свободны: многие в священническом и дьяконском чине, во дьяках, в подьячих, во всяком звании, кто к чему способен по природе и чем кому Бог благословил быть; те рукодельничают, те в лавках торгуют, а иные ездят для торговли в различные страны со всякими товарами. И Божию милостью всем нашим воспитанникам и послуживцам не было никакой срамоты, ни убытка, ни продажи от людей; и людям от нас не бывало никакой тягбы: во всем нас до сих пор соблюдал Бог; а от кого нам, от своих воспитанников, бывали досады и убытки – все это мы на себе понесли; никто этого не слышал, а нам Бог все пополнил! И ты, дитя мое, так же поступай: всякую обиду перетерпи – Бог тебе все пополнит!» Нигде у Сильвестра не видно того поклонения монастырю и безбрачию, которое, как известно, проповедовали благочестивцы. Если он советует давать милостыню в монастыри, то только на заключенных там, равно как на содержащихся в тюрьмах и больницах; однако он враг всякого разврата и бесчинства. «Я, – пишет Сильвестр, – не знал никакой женщины, кроме твоей матери. Как мы с ней обещались, так я и сдержал свое обещание; и ты, дитя мое, храни законный брак, и кроме жены своей не знай никого; берегись пьянственного недуга: от этого порока все зло». И царю Ивану, без сомнения, подавал Сильвестр такие советы; и они, конечно, тягостны были для горячей и порывистой природы Ивана. Идеалом государя, до которого хотел возвести Сильвестр Ивана, был трезвый, строго нравственный, деятельный и благодушный человек; после освобождения от уз учения Сильвестра Иван, пьяный, развратный, кровожадный, как мы увидим, показал собой прямую противоположность этому идеалу.

Вместе с падением Сильвестра постиг конец и Алексея Адашева. Сначала ему велели оставаться в недавно завоеванном Феллине, но вскоре царь приказал перевести его в Дерпт и посадить под стражу. Через два месяца после своего заключения Адашев заболел горячкой и скончался. Естественная смерть избавила его от дальнейшего мщения царя, но клеветники распустили слух, будто он от страха отравил себя ядом. Долговременная близость его к царю и управление государственными делами давали ему возможность приобрести большие богатства, но он не оставил после себя никакого состояния: все, что приобретал, раздавал он нуждающимся.

Царь Иван Васильевич Грозный

Иван Васильевич, одаренный, как мы уже сказали, в высшей степени нервным темпераментом и с детства нравственно испорченный, уже в юности начал привыкать ко злу и, так сказать, находить удовольствие в картинности зла, как показывают его вычурные истязания над псковичами. Как всегда бывает с ему подобными натурами, он был до крайности труслив в то время, когда ему представлялась опасность, и без удержу смел и нагл тогда, когда был уверен в своей безопасности: самая трусость нередко подвигает таких людей на поступки, на которые не решились бы другие, более рассудительные. Пораженный московским пожаром и народным бунтом, он отдался безответно Сильвестру, который умел держать его в суеверном страхе и окружил советниками. С тех пор Иван надолго становится совершенно безличным; Русская держава правится не царем, а советом людей, окружающих царя. Но мало-помалу, тяготясь этой опекой, Иван сначала робко освобождался от нее, подчиняясь влиянию других лиц, а затем, когда вполне почувствовал, что он сильнее и могущественнее своих опекунов, им овладела мысль поставить свою царскую власть выше всего на свете, выше всяких нравственных законов. Его мучил стыд, что он, самодержец по рождению, был долго игрушкой хитрого попа и бояр, что с правом на полную власть он не имел никакой власти, что все делалось не по его воле; в нем загорелась свирепая злоба не только против тех, которые прежде успели стеснить его произвол, но и против всего, что впредь могло иметь вид покушения на стеснение самодержавной власти и на противодействие ее произволу. Иван начал мстить тем, которые держали его в неволе, как он выражался, а потом подозревал в других лицах такие же стремления, боялся измены, создавал в своем воображении небывалые преступления и, смотря по расположению духа, то мучил и казнил одних, то странным образом оставлял целыми других после обвинения. Мучительные казни стали доставлять ему удовольствие: у Ивана они часто имели значение театральных зрелищ; кровь «разлакомила» самовластителя: он долго лил ее с наслаждением, не встречая противодействия, и лил до тех пор, пока ему не приелось этого рода развлечение. Иван не был безусловно глуп, но не отличался, однако, ни здравыми суждениями, ни благоразумием, ни глубиной и широтой взглядов. Воображение, как всегда бывает с нервными натурами, брало у него верх над всеми способностями души. Напрасно старались бы мы объяснить его злодеяния какими-нибудь руководящими целями и желанием ограничить произвол высшего сословия; напрасно пытались бы мы создать из него образ демократического государя. С одной стороны, люди высшего звания в Московском государстве совсем не относились к низшим слоям общества так враждебно, чтобы нужно было из-за народных интересов начать против них истребительный поход; наоборот, в период правления Сильвестра, Адашева и людей их партии, большей частью принадлежавших к высшему званию, мы видим мудрую заботливость о народном благосостоянии. С другой стороны, свирепость Ивана Васильевича постигала не одно высшее сословие, но и народные массы, как показывают бойня в Новгороде, травля народа медведями для забавы, отдача опричникам на расхищение целых волостей и т. п. Иван был человек в высшей степени бессердечный: во всех его действиях мы не видим ни чувства любви, ни привязанности, ни сострадания; если среди совершаемых злодеяний, по видимому, находили на него порывы раскаяния и он отправлял в монастыри милостыни на поминовение своих жертв, то это делалось из того же, скорее суеверного, чем благочестивого, страха Божиего наказания, которым, между прочим, пользовался и Сильвестр для обуздания его диких наклонностей. Будучи вполне человеком злым, Иван представлял собой также образец чрезмерной лживости, как бы в подтверждение того, что злость и ложь идут рука об руку. Таким образом, Иван Васильевич в своих письмах сочинял небывалые события, явно опровергаемые известным нам ходом дел, как, например, в своем завещании он говорил: «Изгнан есмь от бояр, самовольства их ради, от своего достояния и скитаюся по странам»; или в посла-

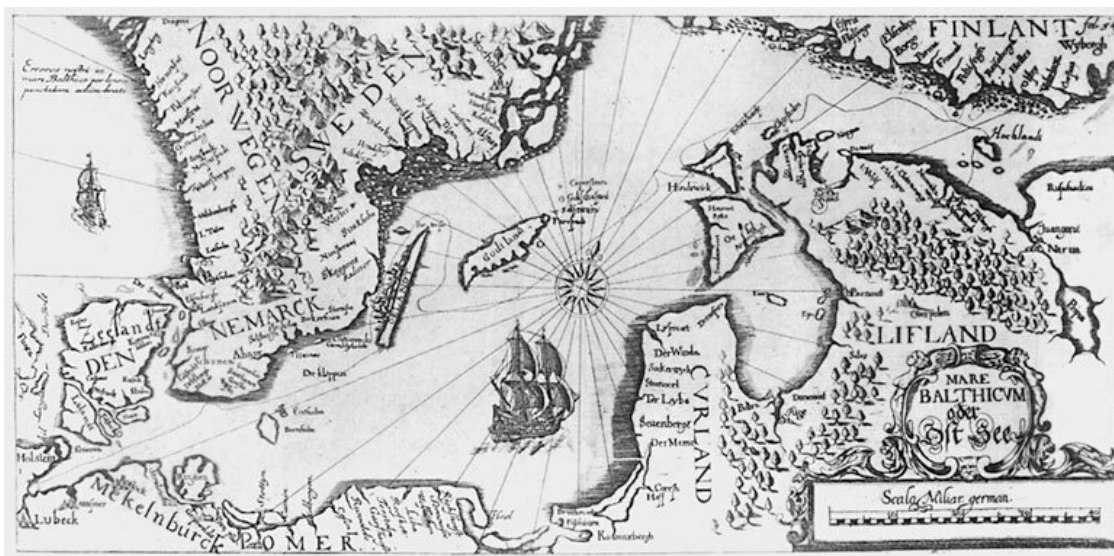
нии в Кирилло-Белозерский монастырь обвинял в измене своих бояр, которым в то же время поручал важные должности; или же перед польским послом сваливал вину разорения Москвы татарами на своих полководцев, а себя выставлял храбрцом, когда на деле было совсем не так.



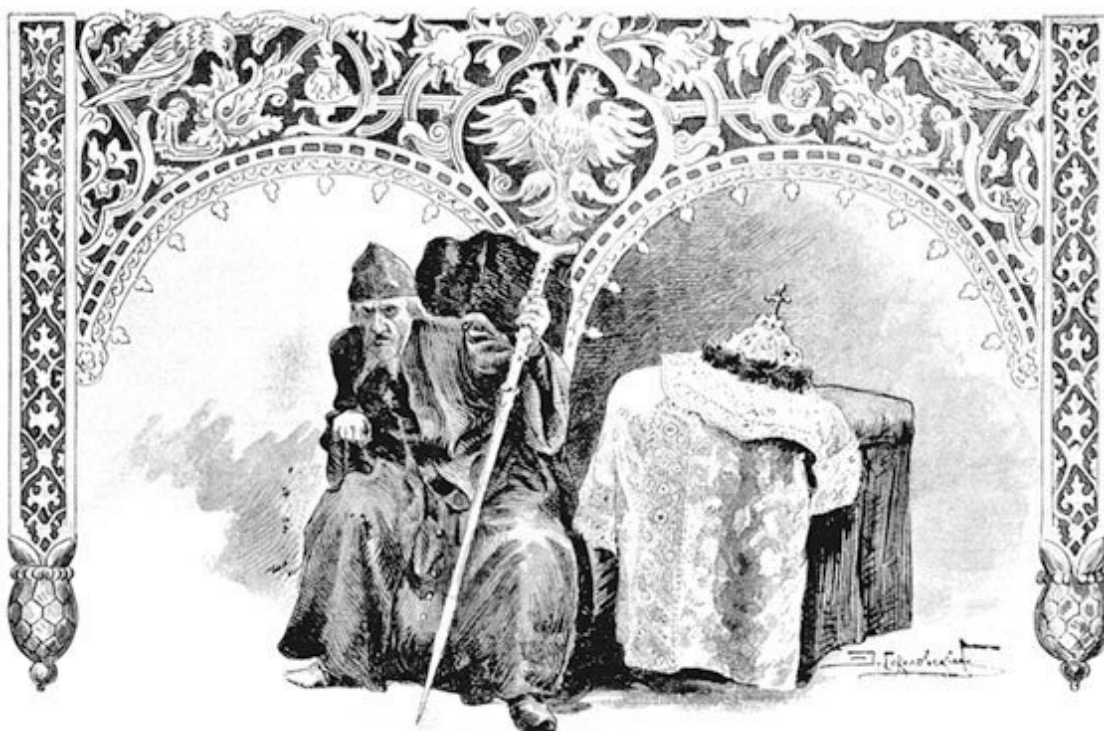
Царь и великий князь Иван IV Васильевич. Титулярник 1672 г.

Обычно думают, что Иван горячо любил свою первую супругу; действительно, на ее погребении он казался вне себя от горести и спустя многие годы после ее кончины вспоминал о ней с нежностью в своих письмах. Но тем не менее оказывается, что через восемь дней после ее погребения Иван уже искал себе другую супругу и остановился на мысли сватать сестру Сигизмунда-Августа Екатерину, а между тем, как бы освободившись от семейных обя-

занностей, предался необузданному разврату: так не поступают действительно любящие люди. Царь окружил себя любимцами, которые расшевеливали его дикие страсти, напевали ему о его самодержавном достоинстве и возбуждали против людей партии Адашева.



Карта Балтийского моря. 1656 г.



Э. Соколовский. Иван Грозный в монашеском облачении

Главными из этих любимцев были боярин Алексей Басманов, его сын Федор, князь Афанасий Вяземский, Малюта Скуратов, Вельский, Василий Грязной и чудовской архимандрит Левкий. Они теперь заняли место прежней «Избранной рады» и стали царскими советниками в делах разврата и злодеяний. Под их наитием царь начал в 1561 году свирепствовать над друзьями и сторонниками Адашева и Сильвестра. Тогда казнены были родственники Адашева: брат Алексея Адашева Даниил с двенадцатилетним сыном, его тесть Туров, трое братьев жены

Алексея Адашева, Сатины, родственник Адашева Иван Шишкин с женой и детьми и какая-то знатная вдова Мария, приятельница Адашева, с пятью сыновьями: по известию Курбского, Мария была родом полька, перешедшая в православие, и славилась своим благочестием. Эти люди открыли собой ряд бесчисленных жертв свирепства Ивана. Сватовство Ивана Васильевича к польской принцессе не удалось. Король Сигизмунд-Август, хотя не отказывал решительно московскому государю в руке сестры, но отговаривался под разными предложениями и, наконец, прислав своего посла, поставил условием брака мирный договор, по которому Москва должна уступить Польше Новгород, Псков, Смоленск и Северские земли. Само собой разумеется, что подобные условия не могли быть приняты и заявление их могло повести не к союзу, а к вражде. Иван Васильевич перестал думать о польской принцессе и, намереваясь выбрать время отомстить соседу за свое неудачное сватовство, 21 августа 1561 года женился на дочери черкесского князя Темрюка, названной в крещении Марией. Брат новой царицы Михаил, необузданный и развратный, поступил в число новых любимцев царя.

Женитьба эта не имела хорошего влияния на Ивана, да и не могла иметь: сама новая царица оставила по себе память злой женщины. Царь продолжал вести пьяную и развратную жизнь и даже, как говорят, предавался разврату противоестественным образом с Федором Басмановым. Один из бояр, Дмитрий Овчина-Оболенский, упрекнул этим любимца: «Ты служишь царю гнусным делом содомским, а я, происходя из знатного рода, как и предки мои, служу государю на славу и пользу отечеству». Басманов пожаловался царю. Иван задумал отомстить Овчине, скрыв от него причину. Он ласково пригласил Овчину к столу и подал большую чашу вина с приказом выпить одним духом. Тот не смог выпить и половины. «Вот так-то, – сказал Иван, – ты желаешь добра своему государю! Не захотел пить, ступай же в погреб, там есть разное питье. Там напьешься за мое здоровье». Овчину увели в погреб и задушили, а царь, как будто ничего не зная, послал на другой день в дом Овчины приглашать его к себе и потешался ответом его жены, которая, не ведая, что случилось с ее мужем, отвечала, что он еще вчера ушел к государю. Другой боярин, Михаил Репнин, человек степенный, не позволил царю надеть на себя шутовской маски в то время, когда пьяный Иван веселился со своими любимцами. Царь приказал умертвить его. Люди из совета Адашева исчезали один за другим по царскому приказу: князь Дмитрий Курлятов, один из влиятельнейших людей прежнего времени, вместе с женой и дочерьми был сослан в каргопольский Челмский монастырь (в 1563 году), а через некоторое время, как говорит Курбский, царь вспомнил о нем и приказал умертвить со всей семьей. Другой боярин, князь Воротынский, также один из влиятельных лиц кружка Адашева, был сослан со всей семьей на Белоозеро: к нему царь был милостивее, приказывал содержать его хорошо и впоследствии освободил, чтобы снова замучить, как увидим ниже. Третий из опальных бояр, князь Юрий Кашин, был без ссылки умерщвлен вместе с братом. Тогда же Иван начал преследовать семейство Шереметевых: один из них, Никита, был умерщвлен; другой, Иван Васильевич (Старший), был сначала посажен в тюрьму, но потом выпущен; вместе с братом Иваном Васильевичем (Меньшим) он оставался в постоянном страхе – царь подозревал их в намерении бежать и изменить⁴³.

Разногласия с Польшей, естественно возникшие после неудачного сватовства Ивана, усилились от политических обстоятельств. Ливонский орден не в силах был бороться с Москвой; завоевывая город за городом, русские взяли крепкий Феллин, пленили магистра Фирстенберга и овладели почти всей Ливонской страной. Тогда новый магистр Готгард Кетлер с согласия всех рыцарей, архиепископа рижского и городов Ливонии отдался польскому королю Сигизмунду-Августу. Ливония признала польского короля своим государем; Орден прекращал свое

⁴³ Иван Васильевич (Старший) спасся тем, что постригся в Кирилло-Белозерском монастыре, но и там царь не оставлял его в покое и ставил на вид игумену, что Шереметеву делают послабления: и по прошествии многих лет царь не мог забыть в нем прежнего друга Сильвестра.

существование в смысле военно-монашеского братства (секуляризировался); Кетлер вступал в брак и становился наследственным владельцем Курляндии и Семигалии; Ревель с Эстляндией не захотел поступать под власть Польши и отдался Швеции; кроме того, остров Эзель в значении епископства эзельского отдался датскому королю, который посадил там своего брата Магнуса. Сигизмунд-Август, сознавая себя государем страны, которая ему отдавалась добровольно, возымел, естественно, притязания на города, завоеванные Иваном. Уже в 1561 году, до формального объявления войны, начались неприязненные действия между русскими и литовцами в Ливонии. Сигизмунд-Август подстрекал на Москву крымского хана, а между тем показывал вид, что не хочет войны с Иваном, однако требовал, чтобы московский государь оставил Ливонию, так как она отдалась под защиту короля. Московские бояре не только отвечали от имени царя, что он не уступит Ливонии, но припомнили польскому посольству, что все русские земли, находившиеся во власти Сигизмунда-Августа, были достоянием предков государя, киевских князей, и сама Литва платила дань сыновьям Мономаха, а потому все Великое княжество Литовское есть вотчина государя. После таких заявлений началась война.



В.М.Васнецов. Царь Иван Васильевич Грозный

В начале 1563 года сам царь двинулся с войском к Полоцку. В городе начальствовал королевский воевода Довойна. Замечая, вероятно, в народе сочувствие к московскому государю, он приказал сжечь посад и выгнал из него холопов, или так называемую чернь, то есть простой тамошний русский народ. Эти холопы перебежали в русский лагерь и указали большой склад запасов, сохраняемых в лесу в ямах. Овладев этим складом, московское войско приступило к замку, и вскоре от стрельбы произошел там пожар. Тогда Довойна в согласии с полоцким епископом Гарабурдой решились отдаться московскому царю. Находившиеся в городе поляки под предводительством Вершхлейского упорно защищались, но наконец сдались, когда московский государь обещал выпустить их с имуществом. 15 февраля 1563 года Иван въехал в Полоцк, именовал себя великим князем полоцким и милостиво отпустил поляков в количестве пятисот человек с женами и детьми, одарил их собольими шубами, но ограбил полоцкого воеводу и епископа и отправил их в Москву пленными с другими литовцами. Иван не упустил здесь случая потешиться кровопролитием и приказал перетопить всех иудеев с их семьями в Двине⁴⁴. Тогда же по приказанию Ивана татары перебили в Полоцке всех бернардинских монахов. Все латинские церкви были разорены⁴⁵. Царь оставил в Полоцке воеводой Петра Шуйского с товарищами, приказал укреплять город и не впускать в него литовских людей, но дозволил последним жить на посаде, находясь под судом воевод, которые должны были творить суд, применяясь к местным обычаям.

Царь Иван, сообразно своему характеру, тотчас же возгордился до чрезвычайности этой важной, но легко доставшейся победой, и в переговорах с литовскими послами, искавшими примирения по прежнему обычаю, запрашивал и Киева, и Волыни, и Галича; потом великодушно уступал эти земли, ограничиваясь требованием себе Полоцка и Ливонии, и чванился своим мнимым происхождением от Пруса, небывалого брата римского Цезаря Августа.

⁴⁴ Уже прежде Иван был предубежден против этого народа и не терпел его: когда-то в Москве приехавших для торговли иудеев выгнали за то, что они торговали «мумией», продавали отравные зелья и отводили людей от христианства.

⁴⁵ В числе убитых тогда Иваном в Полоцке был Фома, товарищ известного проповедника ереси Феодосия Косого, бежавший с ним из Москвы в Литву.



Присяга русских в XVII столетии. С современной гравюры

Примирение надолго не состоялось; война продолжалась, но шла очень вяло, так что в течение нескольких лет ни с той, ни с другой стороны не случилось ничего замечательного. Между тем произошли события, подействовавшие на Ивана и усилившие его кровожадные наклонности. Раздраженный против бояр, сторонников Адашева и Сильвестра, он боялся измены от всех тех, кого подозревал в дружбе со своими прежними опекунами. Ему казалось, что из-за невозможности овладеть снова царем они перейдут к Сигизмунду-Августу или к крымскому хану или же будут в соумышлении с врагами действовать во вред царю. При такой подозрительности царь брал с них поручные записи в том, чтобы служить верно государю и его детям, не искать другого государя и не отъезжать в Литву и иные государства. Подобные записи взяты были еще в 1561 году с князя Василия Глинского, с бояр князя Ивана Мстиславского, Василия Михайлова, Ивана Петрова, Федора Умного, князя Андрея Телятевского, князя Петра Горенского, Данила Романова и Андрея Васильева. Всего замечательнее дошедшие до нас поручные записи князя Ивана Дмитриевича Вельского. В марте 1562 года царь заставил поручиться за него множество знатных лиц с обязанностью уплатить 10 000 рублей в случае его измены, а в апреле 1563 года с этого же боярина взята новая запись, в которой он сознается, что преступил крестное целование, ссылаясь с Сигизмундом-Августом и хотел бежать к нему. Едва ли Вельский справедливо показал на себя; едва ли бы Иван мог простить такую измену, которую не простил бы и более добрый государь! Судя по тому, что делалось позднее, вероятно, в угоду подозрительному и жадному Ивану, боярин сам наговорил на себя, а поручники поплатились за него; царь же простил его, зная, что он не виноват. Подобная запись взята была с князя Александра Ивановича Воротынского, и в числе поручителей был обвиненный Иван Дмитриевич Вельский; но за самих поручителей Воротынского в случае несостоятельности в уплате за него 15 000 рублей взяты еще записи с разных других лиц в качестве поручителей за поручителей. Подозрительность и злоба царя естественно усилились, когда произошли случаи действительного, а не только воображаемого отъезда в Литву. Князь Дмитрий Вишневецкий, прибывший в Московское государство с целью громить Крым, увидел, что цель его не достига-

ется, ушел к Сигизмунду-Августу и примирился с ним⁴⁶. Иван притворялся, будто это бегство нимало его не тревожило, и в наказе своему гонцу велел говорить в Литве, когда спросят про князя Вишневецкого: «Притек он к нашему государю, как собака, и утек, как собака, и нашему государю и земле не причинил он никакого убытка». Но тогда же царь приказал разведывать о Вишневецком под рукой. В то же время бежали в Литву Алексей и Гаврило Черкасские. Царь так был занят их отъездом, что стороной разведывал, не захотят ли они опять воротиться, и обещал им милость. Все это показывает, как сильно его тревожила мысль о побегах из его государства. Особенно подействовало на Ивана бегство князя Курбского. Этот боярин, один из самых даровитых и влиятельных членов кружка Адашева, начальствуя войском в Ливонии, в конце 1563 года бежал из Дерпта в город Вольмар, занятый тогда литовцами, и отдался королю Сигизмунду-Августу, который принял его ласково, дал ему в поместье город Ковель и другие имения. Поводом к этому бегству было (как можно заключить из слов Курбского и самого Ивана) то, что Иван глубоко ненавидел этого друга Адашевых, взваливал на него подозрение в смерти своей жены Анастасии, ожидал от него тайных злоумышлений, всякого противодействия своей власти и искал только случая, чтобы погубить его. Курбский не ограничился бегством, но посылал из нового отечества царю укоризненные, едкие письма, дразнил его, а царь писал ему длинные ответы и, хотя называл в них Курбского «собакою», старался оправдать перед ним свои поступки. Переписка эта представляет драгоценный материал, объясняющий более, чем все другое, характер царя Ивана. Поступок Курбского, но более всего его письма и невозможность наказать «беглого раба» за дерзость довели раздражительного и подозрительного царя до высшей степени злости и тиранства, граничившего уже с потерей рассудка. В 1564–1565 годах царь продолжал брать поручные записи со своих бояр в том, чтобы они не бегали в Литву (см. записи, взятые с Ивана Васильевича Шереметева Большого, бояр Яковлева, Салтыкова, князя Серебряного и других, в С.Г.А., ч. 1, стр. 496–526), а между тем происходили новые побегии; бежали уже не одни знатные люди. Убежали в Литву первые московские типографы Иван Федоров и Петр Мстиславец; бежали многие дворяне и дети боярские, среди прочих Тетерин и Сарыхозин. Последние написали дерптскому наместнику боярину Морозову замечательное письмо, показывающее, какие перемены в тогдашнем управлении вызывали неудовольствие. Поставляя на вид боярам, что царь плохо ценит их службу и окружает себя новыми людьми, дьяками, Тетерин говорит: «Твое юрьевское наместничество не лучше моего Тимохина невольного чернечества (то есть что Тетерин был также неволей пострижен в монахи, как Морозов посажен наместником), тебя государь жалует так, как турецкий султан молдавского; жену у тебя взял в заклад, а дохода тебе не сказал ни пула (мелкая монета), повелел еще 2000 занять себе на еду, а заплатить-то нечем; невежливо сказать: чай не очень тебе верят. Есть у великого князя новые верники, дьяки: они его половиной кормят, а большую половину себе берут. Их отцы вашим отцам и в холопство не годились, а ныне не только землей владеют, а и головами вашими торгуют. Бог, видно, у вас ум отнял, что вы за жен и детей и вотчины головы свои кладете, а их губите, а себе все-таки не пособите!

⁴⁶ Через два года со своими казаками пустился на турок, овладел Молдавией, но был разбит, взят в плен и умер мученической смертью в Константинополе.



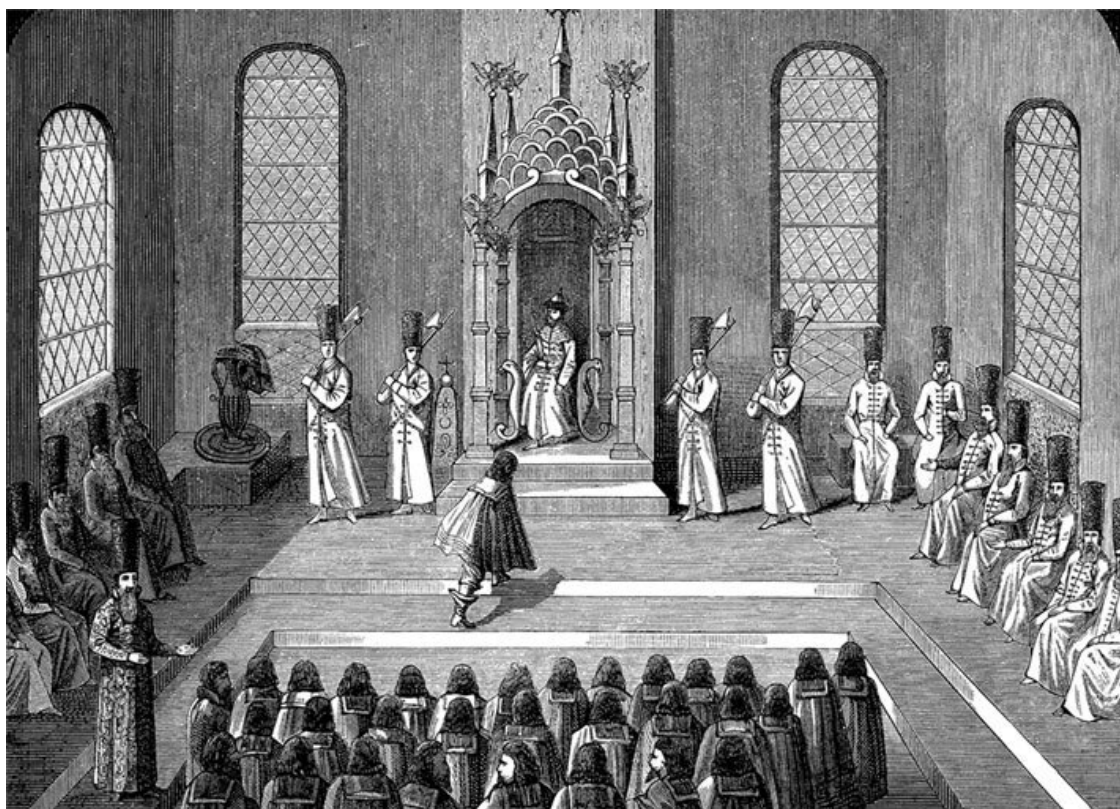
И.Е. Репин. Выбор невесты

Смею, государь, спросить: каково тем, у кого мужей и отцов различной смертью побили несправедно?..» Действительно, то была эпоха, когда значение породы уступало сильно значению службы. Из сословия детей боярских выдвигались прежде называемые дети боярские дворовые и стали называться дворянами: они составляли высший слой среди детей боярских и вскоре образовали отдельное сословие. Их значение состояло в относительной близости к царю; в звание дворян возводились из детей боярских по царской милости. Дьяки, прежде занимавшиеся письмоводством под начальством бояр и окольных, стали важными людьми: царь доверял им больше, чем родовитым людям.

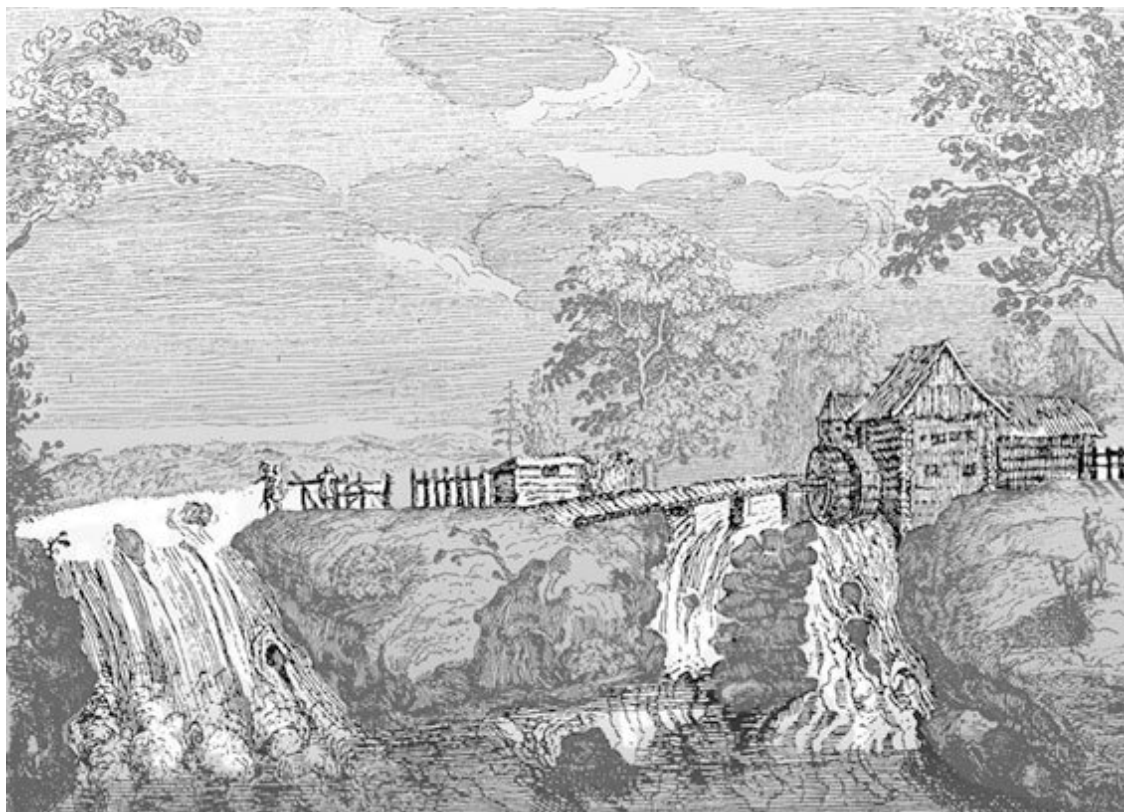
Курбский между тем давал Сигизмунду-Августу советы, как воевать московского царя, и сам предводительствовал отрядом против своих соотечественников. В конце 1564 года разнесся слух, что огромная сила движется из Литвы к Полоцку; а между тем Девлет-Гирей, побуждаемый Сигизмундом-Августом, идет в южные пределы Московского государства. Крымцам на этот раз не посчастливилось: они подходили к Рязани и отступили; но царь ожидал с двух сторон нового нашествия врагов, а внутри государства ему мерещились изменники. Он желал проливать кровь, но трусил, поэтому придумал такое средство, которое бы в народных глазах придавало законность самым необузданным его неистовствам. Трусость привела Ивана к мысли устроить, так сказать, комедию, в которой народу выпало бы на долю просить царя мучить и казнить, кого ему угодно.

В конце 1564 года царь приказал собрать из городов в Москву с женами и детьми дворян, детей боярских и приказных людей, выбрав их поименно. Разнесся слух, что царь собирался ехать неизвестно куда. Иван вот что объявил духовным и светским знатым лицам. Ему стало известно, что многие не терпят его, не желают, чтобы царствовали он и его наследники, злоумышляют на его жизнь; поэтому он намерен отказаться от престола и передать правление всей земле. Говорят, что с этими словами Иван положил свою корону, жезл и царскую одежду. На другой день со всех церквей и монастырей духовные привозили к Ивану образа; Иван кланялся перед ними, прикладывался к ним, брал от духовных благословение, потом несколько дней и ночей ездил по церквам; наконец 3 декабря приехало в Кремль множество

саней; начали из дворца выносить и укладывать всякие драгоценности: иконы, кресты, одежды, сосуды и пр. Всем прибывшим из городов дворянам и детям боярским приказано собираться в путь с царем. Выбраны были также для сопровождения царя некоторые из бояр и дворян московских с женами и детьми. В Успенском соборе велели служить обедню митрополиту Афанасию, заступившему на место Макария (31 декабря 1563 года). Отслушав литургию в присутствии всех бояр, царь принял благословение митрополита, дал целовать свою руку боярам и прочим, присутствовавшим в церкви; затем сел в сани с царицей и двумя сыновьями. С ним отправились его любимцы Алексей Басманов, Михаил Салтыков, князь Афанасий Вяземский, Иван Чоботов, избранные дьяки и придворные. Вооруженная толпа выборных дворян и детей боярских сопровождала их. Все в Москве были в недоумении. Ни митрополит, ни святители, съехавшиеся тогда в столицу, не смели просить у царя объяснения. Две недели из-за оттепели царь должен был пробыть в селе Коломенском, потом переехал со всем обозом в село Тайнинское, а оттуда через Троицкий монастырь прибыл в Александровскую слободу, свое любимое местопребывание.



Прием иноземных послов (по рисунку А. Оле ария)

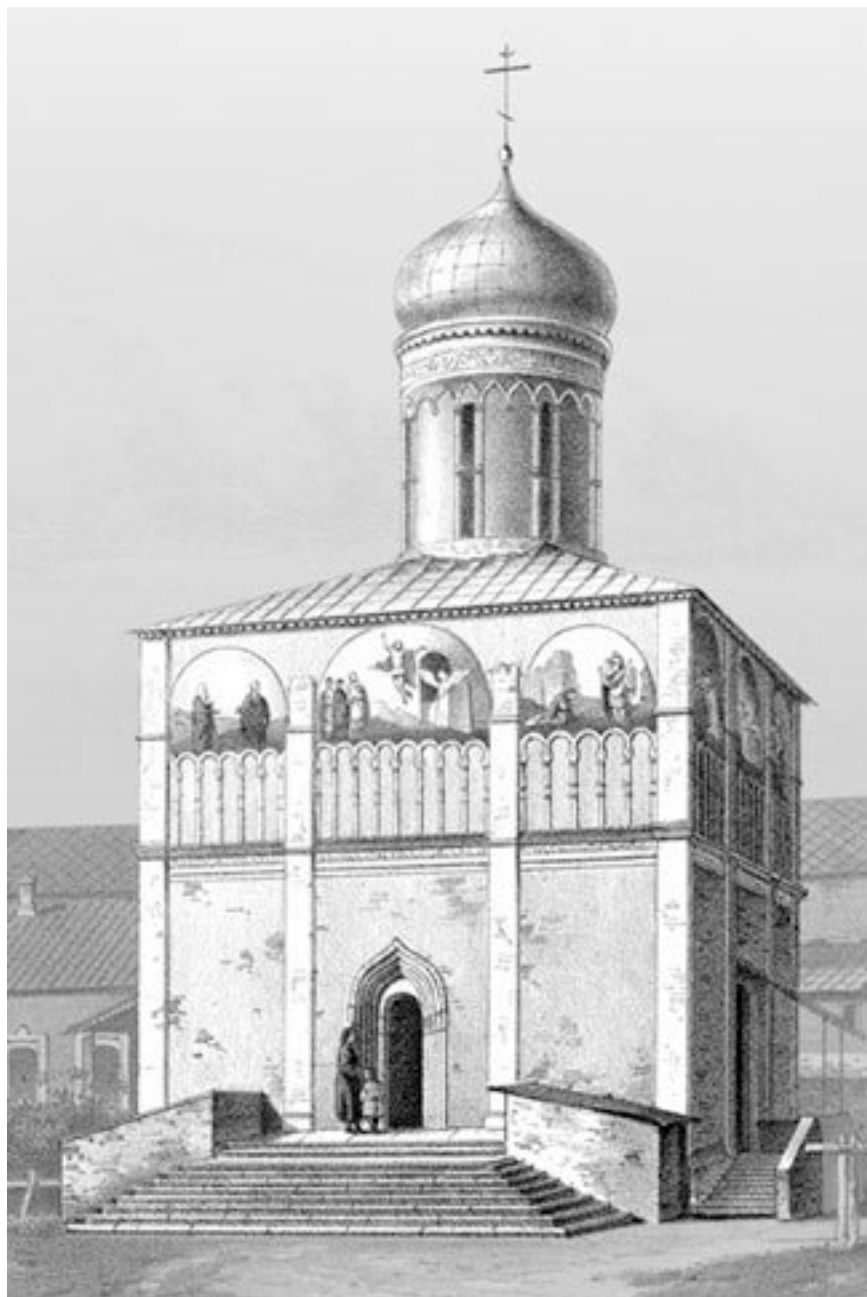


Сельский вид в окрестностях Нарвы (по А. Олеарию)

Никто из Москвы не осмелился обратиться к удалившемуся государю. Наконец 3 января приехал от него в столицу Константин Поливанов с грамотой к митрополиту. Иван объявлял, что он положил гнев свой на богомольцев своих, архиепископов, епископов и все духовенство, на бояр, окольных, дворецкого, казначея, конюшего, дьяков, детей боярских, приказных людей; припоминал, какие злоупотребления расхищения казны и убытки причиняли они государству во время его малолетства; жаловался, что бояре и воеводы разобрали себе, своим родственникам и друзьям государевы земли, собрали себе великие богатства, поместья, вотчины, не радят о государе и государстве, притесняют христиан, убегают от службы; а когда царь, – сказано было в грамоте, – захочет своих бояр, дворян, служилых и приказных людей понаказать, архиепископы и епископы заступаются за виновных; они заодно с боярами, дворянами и приказными людьми покрывают их перед государем. Поэтому государь от великой жалости не хочет более терпеть их изменных дел и поехал поселиться там, где его Господь Бог наставит.



К. Ф. Гун. Сцена из Варфоломеевской ночи



Церковь Чуда Архангела Михаила в Чудовом монастыре

Гонец привез от государя другую грамоту к гостям, купцам и ко всему московскому народу. В ней государь писал, чтобы московские люди нимало не сомневались: на них нет от царя ни гнева, ни опалы.

Понятно, что такое посольство произвело неописанный ужас в Москве; не говоря уже о том, что государство оставалось без главы в то время, когда находилось в войне с соседями, внутри него можно было ожидать междоусобий и беспорядков. Одним Иван объявлял гнев, другим – милость, таким образом разъединял народ, вооружал большинство против меньшинства, чернил перед толпой народа весь служилый класс и даже духовенство и тем самым заранее предавал огулом и тех и других народному суду, которого исполнителем должен быть он сам. Царь как бы становился заодно с народом против служилых. Само собой разумеется, что ни служилые, ни духовные не могли ни оправдываться, ни возвышать за себя голоса. Весь народ возопил: «Пусть государь не оставляет государства, не отдает на расхищение волкам, избавит нас из рук сильных людей. Пусть казнит своих лиходеев! В животе и смерти волен

Бог и государь!..» Бояре, служилые люди и духовные волей-неволей должны были произносить то же и говорили митрополиту: «Все своими головами едем за тобою бить государю челом и плакаться». Некоторые из простого народа говорили: «Пусть царь укажет своих изменников и лиходеев; мы сами их истребим».

Решили, чтобы митрополит остался в столице, где начинался уже беспорядок. Вместо него поехали святители, а главным среди них – новгородский архиепископ Пимен; в числе этих духовных был давний наушник Ивана, архимандрит Левкий; с духовенством отправились бояре князь Иван Дмитриевич Вельский, князь Иван Федорович Мстиславский и др. Были с ними дворяне и дети боярские. Как только они появились, то были тотчас по царскому приказанию окружены стражей. Царь принимал их, как будто врагов в военном лагере. Посольство в лстивых выражениях восхваляло его заслуги, его мудрое правление, величало его грозой и победителем врагов, распространителем пределов государства, единым правоверным государем во всей вселенной, обладающим богатой страной, над которой почиет свыше благословение Божие и явно показывающее свою силу во множестве святых, их же нетленные тела почивают в Русском царстве.



Богоматерь на престоле. Икона первой половины XVI в.

«Если, государь, – говорили они, – ты не хочешь помыслить ни о чем временном и преходящем, ни о твоей великой земле и ее градах, ни о бесчисленном множестве покорного тебе народа, то помысли о святых чудотворных иконах и единой христианской вере, которая твоим отшествием от царства подвергнется если не конечному разорению и истреблению, то осквернению от еретиков. А если тебя, государь, смущает измена и пороки в нашей земле, о которых мы не ведаем, то воля твоя будет и миловать и строго казнить виновных, все исправляя мудрыми твоими законами и уставами».

Царь сказал им, что он подумает, и через некоторое время призвал их снова и дал такой ответ: «С давних времен, как вам известно из русских летописцев, даже до настоящих лет русские люди были мятежны нашим предкам, начиная от славной памяти Владимира Мономаха, пролили много крови нашей, хотели истребить достославный и благословенный род наш. По кончине блаженной памяти родителя нашего готовили такую участь и мне, вашему законному наследнику, желая поставить себе иного государя; и до сих пор я вижу измену своими глазами;

не только с польским королем, но и с турками и крымским ханом входят в соумышление, чтоб нас погубить и истребить; извели нашу кроткую и благочестивую супругу Анастасию Романовну; и если бы Бог нас не охранил, открывая их замыслы, то извели бы они и нас с нашими детьми. Того ради, избегая зла, мы поневоле должны были удалиться из Москвы, выбрав себе иное жилище и опричных советников и людей».

Иван подал им надежду возвратиться и снова принять жезл правления, но не иначе как окружив себя особо wybranными «опричными» людьми, которым он мог доверять и с их помощью истреблять своих лиходеев и выводить измену из государства.

2 февраля царь прибыл в Москву и явился перед духовенством, боярами, дворянами и приказными людьми. Его едва узнали, когда он показался. Злоба исказила черты лица, взгляд был мрачен и свиреп; беспокойные глаза беспрестанно перебегали из стороны в сторону; на голове и бороде вылезли почти все волосы. Видно было, что перед этим он перенес потрясение, которое пагубно подействовало на его здоровье. С того времени поступки его показывают состояние души, близкое к умопомешательству. Вероятно, такой перемене в его организме содействовали его развратная жизнь и неумеренность во всех чувственных наслаждениях, которым он предавался в тот период своего царствования. Иван объявил, что он по желанию и челобитью московских людей, а наипаче духовенства, принимает власть снова с тем, чтобы ему на своих изменников и непослушников вольно было класть опалы, казнить смертью и отбирать на себя их имущество и чтобы духовные впредь не надоедали ему челобитьем о помиловании опальных. Иван предложил устав «Опричнины», придуманный им или, быть может, его любимцами. Он состоял в следующем: государь поставит себе особый двор и учинит в нем особый приход; выберет себе бояр, окольных, дворецкого, казначея, дьяков, приказных людей; отберет себе особых дворян, детей боярских, стольников, стряпчих, жильцов; поставит в царских службах (во дворцах – Сытном, Кормовом и Хлебном) всякого рода мастеров и приспешников, которым он может доверять, а также особых стрельцов. Затем все владения Московского государства раздвигались: государь выбирал себе и своим сыновьям города с волостями⁴⁷, которые должны были покрывать издержки на царский обиход и на жалованье служилым людям, отобранным в Опричнину. В волостях этих городов поместья исключительно раздавались тем дворянам и детям боярским, которые были записаны в Опричнину в количестве 1000 человек; те из них, кого царь выберет в иных городах, переводятся в опричные города, а все вотчинники и помещики, имевшие владения в опричных волостях, но не выбранные в Опричнину, переводятся в города и волости за пределами Опричнины. Царь сделал оговорку, что если доходы с отделенных в Опричнину городов и волостей будут недостаточны, то он будет брать еще другие города и волости в Опричнину. В самой Москве взяты были в Опричнину некоторые улицы и слободы, из которых жители, не выбранные в Опричнину, выводились прочь.

Вместо Кремля царь приказал строить себе другой двор за Неглинной (между Арбатской и Никитской улицами), но главное местопребывание свое назначал он в Александровской слободе, где приказал также ставить дворы для своих выбранных в Опричнину бояр, князей и дворян. Вся остальная Русь называлась «Земщиной», поверялась земским боярам: Вельскому, Мстиславскому и др. В ней были старые чины с теми же названиями, как в Опричнине: конюший, дворецкий, казначей, дьяки, приказные и служилые люди, бояре, окольных, стольники, дворяне, дети боярские, стрельцы и пр. По всем земским делам в Земщине относились к боярскому совету, а бояре в важнейших случаях докладывали государю. Земщина имела значение

⁴⁷ Города Можайск, Вязьму, Козелеск, Перемышль, два жеребья, Белев, Лихвин обе половины, Ярославец и с Суходровью, Медынь и с Товарковою, Суздаль и с Шуею, Галич со всеми пригородки, с Чухломою и с Унжею, и с Коряковым и с Белогородьем, Вологду, Юрьевец Повольской, Балахну и с Узолой, Старую Русу город, Вышегород на Поротве, Устюг со всеми волостями, гор. Двину, Каргополе, Вагу, а волости: Олешню, Хотунь, Гусь, Муромское сельцо, Аргуново, Гвоздну, Опаков на Угре, Круг Клинской, Числяки, Ординские деревни и стан Пахрянской в Московском уезде, Белгороде в Кашине, да волости Вселунь, Ошту, Порог Ладожской, Тотму, Прибут и иные волости.

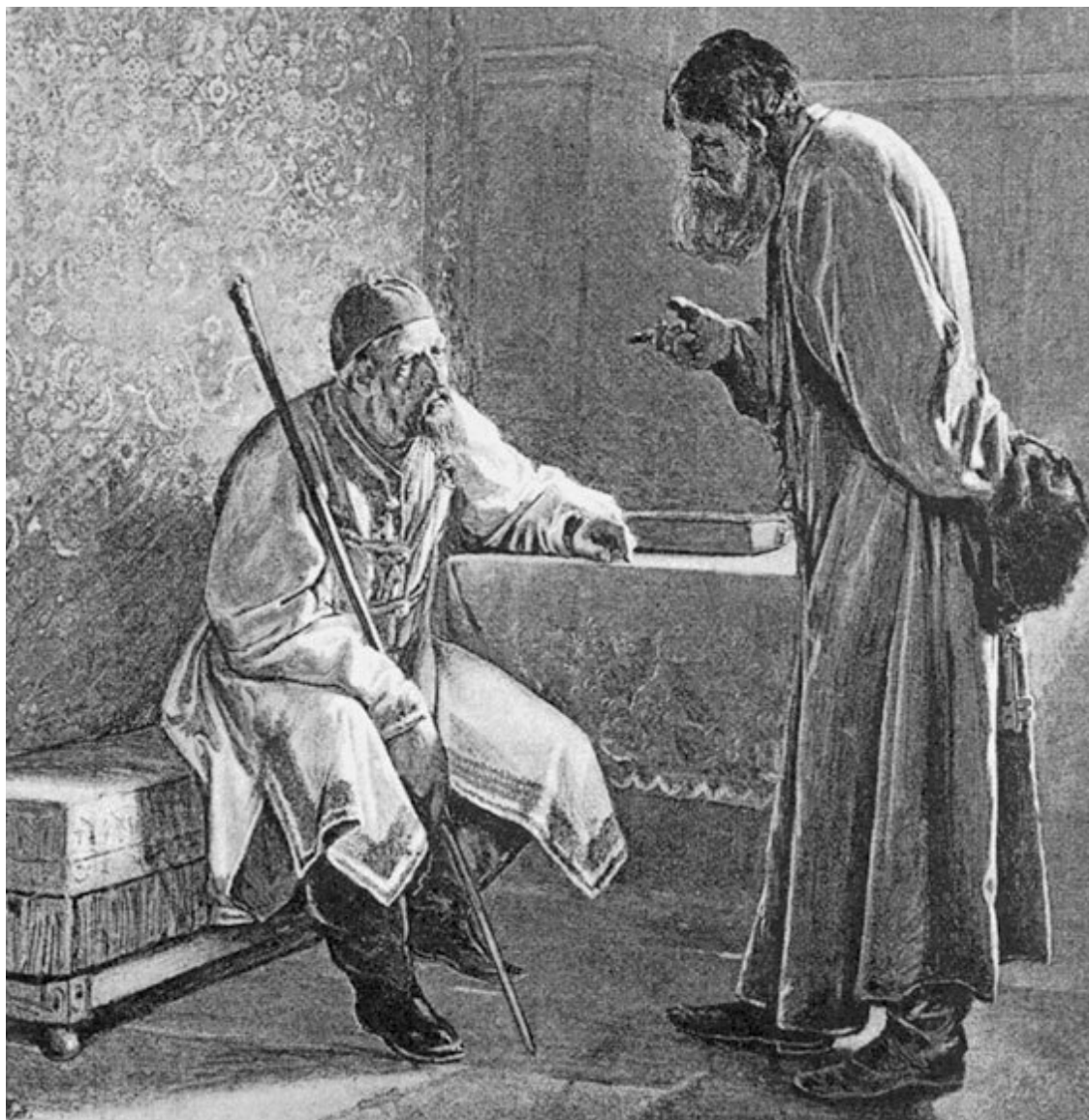
опальной земли, постигнутой царским гневом. За подъем свой государь назначил 100 000 рублей, которые надлежало взять из Земского приказа, а у бояр, воевод и приказных людей, заслуживших за измену гнев царский или опалу, определено было отбирать имения в казну.



Царь Иван Грозный

Царь уселся в Александровской слободе, во дворце, обведенном валом и рвом. Никто не смел ни выехать, ни въехать без ведома Ивана: для этого в трех верстах от Слободы стояла воинская стража. Иван жил тут, окруженный своими любимцами, среди которых Басмановы, Малюта Скуратов и Афанасий Вяземский занимали первое место. Любимцы набирали в Опричнину дворян и детей боярских, и вместо 1000 человек вскоре наверстали их до 6000, которым раздавались поместья и вотчины, отнимаемые у прежних владельцев, долженствовавших терпеть разорение и переселяться со своего пепелища. У последних отнимали не только земли, но даже дома и все движимое имущество; случалось, что их в зимнее время высылали пешком на пустые земли. Таких несчастных было более 12 000 семейств; многие поги-

бали на дороге. Новые землевладельцы, опираясь на особую милость царя, позволяли себе всякие наглости и произвол над крестьянами, жившими на их землях, и вскоре привели тех в такое нищенское положение, что казалось, как будто неприятель посетил эти земли. Опричники давали царю особую присягу, которой обязывались не только доносить обо всем, что они услышат дурного о царе, но не иметь никакого дружеского сообщения, не есть и не пить с земскими людьми. Им даже вменялось в долг, как говорят летописцы, насиловать, предавать смерти земских людей и грабить их дома. Современники иноземцы пишут, что символами опричников были изображение собачьей головы и метла в знак того, что они кусаются как собаки, оберегая царское здоровье, и выметают всех лиходеев. Самые наглые выходки позволяли они себе против земских. Так, например, подошлет опричник своего холопа или молодца к какому-нибудь земскому дворянину или посадскому; подсланный определится к земскому хозяину в слуги и подкинет ему какую-нибудь ценную вещь; опричник нагрянет в дом с приставом, схватит своего мнимо беглого раба, отыщет подкинутую вещь и заявит, что его холоп вместе с этой вещью украл у него большую сумму. Обманутый хозяин безответен, потому что у него найдено поличное. Холоп опричника, которому для вида прежний господин обещает жизнь, если он искренно сознается, показывает, что он украл у своего господина столько-то и столько и передал новому хозяину. Суд изрекает приговор в пользу опричника; обвиненного ведут на правож на площадь и бьют по ногам палкой до тех пор, пока не заплатит долга, или же в противном случае выдают голову опричнику.



Г.С. Седов. Иван Грозный и Малюта Скуратов

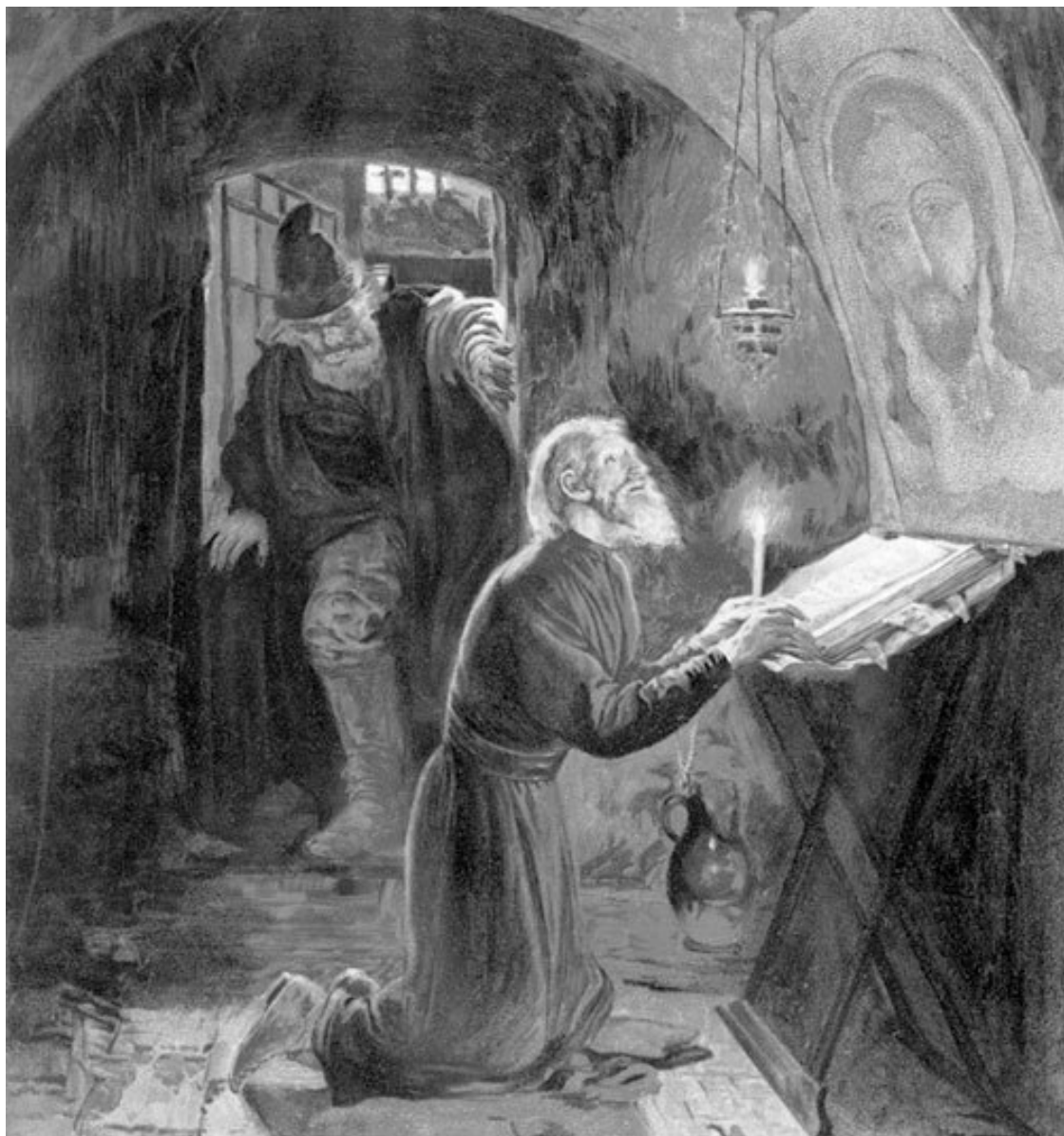


Н.В. Неврев. Опричники

Таким или подобным образом многие теряли свои дома, земли и обирались до ниточки; а иные отдавали жен и детей в кабалу и сами шли в холопы. Всякому доносу опричника на земского давали веру; чтобы угодить царю, опричник должен был отличаться свирепостью и бессердечием к земским людям; за всякий признак сострадания к их судьбе опричник был в опасности от царя потерять свое поместье, подвергнуться пожизненному заключению, а иногда и смерти. Случалось, едет опричник по Москве и завернет в лавку; там боятся его как чумы; он подбросит что-нибудь, потом придет с приставом и подвергнет конечному разорению купца. Случалось, заведет опричник с земским на улице разговор, вдруг схватит его и начнет обвинять, что земский ему сказал поносное слово; опричнику верят. Обидеть царского опричника было смертельным преступлением; у бедного земского отнимают все имущество и отдают обвинителю, а нередко сажают на всю жизнь в тюрьму, иногда же казнят смертью. Если опричник везде и во всем был высшим существом, которому надо угождать, то земский был существом низшим, лишенным царской милости, которое можно как угодно обижать. Так стояли друг к другу служилые, приказные и торговые люди на одной стороне в Опричнине, на другой – в Земщине. Что касается массы народа, крестьян, то в Опричнине они страдали от произвола новопоселенных помещиков; состояние рабочего народа в Земщине было во многих отношениях еще хуже, так как при всяких опалах владельцев разорение постигало массу людей, связанных с опальными условиями жизни, и мы видим примеры, что мучитель, казнив своих бояр, посылал разорять их вотчины. При таком новом состоянии дел на Руси чувство законности должно было исчезнуть. И в этот-то печальный период потеряли свою живую силу начатки общинного самоуправления и народной льготы, ранее установленные правительством Сильвестра и Адашева; правда, многие формы подобного рода оставались и позднее, но дух, оживлявший их, испарился под тиранством царя Ивана. Учреждение Опричнины, очевидно, было таким чудовищным орудием деморализации народа русского, с которым едва ли что-нибудь другое в его истории могло сравниться, и глядевшие на это иноземцы справедливо замечают: «Если бы сатана хотел выдумать что-нибудь для порчи человеческой, то и тот не мог бы выдумать ничего удачнее».



К.В. Неврев. Кончина митрополита Филиппа



А. Новоскодьцев. Убиение митрополита Филиппа Малютой Скуратовым

Свирепые казни и мучительства возрастали с введением Опричнины чудовищным образом. На третий день после появления царя в Москве казнены были зять Мстиславского, одного из первых бояр, которому поверена была Земщина, – Александр Горбатый-Шуйский с семнадцатилетним сыном и другие. Одни были насильно пострижены; иные сосланы. С некоторых Иван Васильевич брал новые записи в верности, а Михаила Воротынского освободил из ссылки, чтобы впоследствии замучить. Царский образ жизни стал вполне достоин полупомешанного. Иван завел у себя в Александровской слободе подобие монастыря, отобрал 300 опричников, надел на них черные рясы поверх вышитых золотом кафтанов, на головы – тафьи или шапочки; сам себя назвал игуменом, Вяземского назначил келарем, Малюту Скуратова – пономарем; сам сочинил для братии монашеский устав и сам лично с сыновьями ходил звонить на колокольню. В двенадцать часов ночи все должны были вставать и идти к продолжительной полуночнице. В четыре часа утра ежедневно по царскому звону вся братия собиралась к заутрене на богослужение, и кто не являлся, того наказывали восьмидневной епитимией. Утреннее богослужение, отправляемое священниками, длилось по царскому приказанию от четырех до семи часов утра. Сам царь так усердно клал земные поклоны, что у него на лбу образовались

пишки. В восемь часов шли к обедне. Вся братия обедала в трапезной; Иван как игумен не садился со всеми за стол, читал перед ними житие дневного святого, а обедал уже потом один. Все наедались и напивались досыта; остатки выносились нищим на площадь. Нередко после обеда царь Иван ездил пытать и мучить опальных; в них у него никогда не было недостатка. Их приводили целыми сотнями, и многих из них перед глазами царя замучивали до смерти. То было любимое развлечение Ивана: после кровавых сцен он казался особенно веселым. Современники говорят, что он всегда дико смеялся, когда смотрел на мучения своих жертв. Сама монашеская братия служила ему палачами, и у каждого под рясой был для этой цели длинный нож. В назначенное время отправлялась вечерня, затем братия собиралась на вечернюю трапезу, отправлялось повечерие, и царь ложился в постель, а слепцы попеременно рассказывали ему сказки. Иван хотя и старался угодить Богу прилежным исполнением правил внешнего благочестия, но любил временами и иного рода забавы. Узнает, например, царь, что у какого-нибудь знатного или незнатного человека есть красивая жена, прикажет своим опричникам силой похитить ее в собственном доме и привезти к нему. Поиграв некоторое время со своей жертвой, он отдавал ее на поругание опричникам, а потом приказывал отвезти к мужу. Иногда из опасения, чтобы муж не вздумал мстить, царь отдавал тайный приказ убить его или утопить. Бывало, что царь потешался над опозоренными мужьями. Ходил в его время рассказ, что у одного дьяка (историк Гваньини называет его Мясоедовским) Иван таким образом отнял жену, потом, вероятно, узнав, что муж изъявлял из-за этого свое неудовольствие, приказал повесить изнасилованную жену над порогом его дома и оставить труп в таком положении на две недели; а у другого дьяка по царскому приказу была повешена жена над его обеденным столом. Нередки были также случаи изнасилования девиц, и он сам хвастался этим впоследствии.



Русский воевода в XIV–XVII вв.

Царю особенно хотелось уличить своих главных бояр в измене. И вот князья Вельский, Мстиславский, Воротынский и конюший Иван Петрович Челяднин получили от короля Сигизмунда и литовского гетмана Ходкевича письма, приглашавшие их перейти в Литву на службу. Бояре доставили эти письма Ивану и отвечали королю с ведома царя не только отказом, но даже с бранью и насмешками вроде следующих: «Будь ты на Польском королевстве, – пишет Вельский Сигизмунду, – а я на Великом княжестве Литовском и на Русской земле, и оба будем под властью царского величества»; или как написал конюший Иван Петрович: «Я стар для того, чтобы ходить в твою спальню с распутными женщинами и потешать тебя "машкарством" (от слова "маска")». Ответы эти от четырех лиц обличают одну и ту же сочинившую их руку и, вероятно, написаны под диктовку царя; сомнительно, чтобы в самом деле существовали приглашительные письма московским боярам, они по крайней мере не сохранились в польских делах, тогда как в последних есть боярские (разумеется, черновые) ответы; видимо, все это была хитрость Ивана, желавшего испытать своих бояр и при малейшем подозрении погубить их. Но бояре представили письма царю, а у него не было повода придрасться к ним; однако ему нетрудно было найти другую причину погубить конюшего, которого он особенно не терпел.

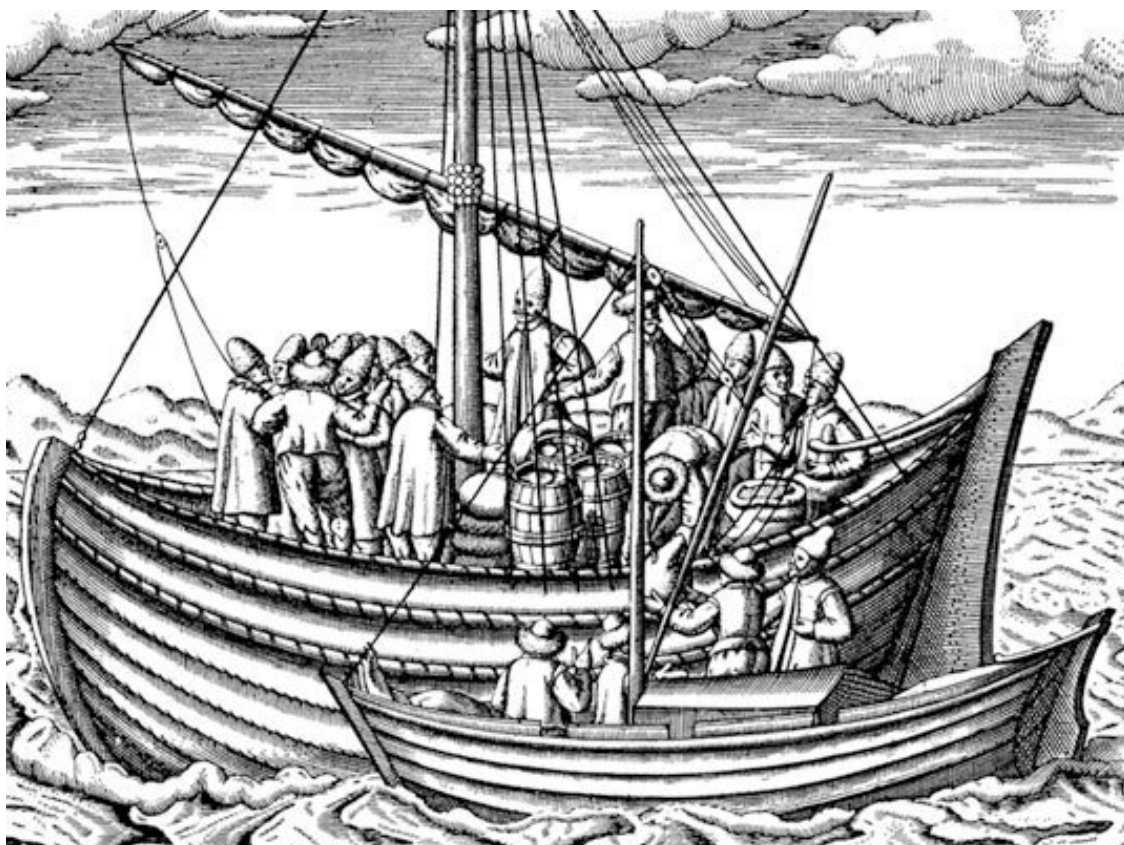
Иван обвинил несчастного старика, будто тот хочет свергнуть его с престола и сам сделаться царем, поэтому призвал конюшего к себе, приказал одеться в царское одеяние, посадил на престол, начал кланяться ему в землю и говорил: «Здрав буди, государь всея Руси! Вот ты получил то, чего желал; я сам тебя сделал государем, но я имею власть и свергнуть тебя с престола». С этими словами он вонзил нож в сердце боярина и приказал умертвить его престарелую жену. Вслед за тем Иван приказал замучить многих знатных лиц, обвиненных в соучастии с конюшим. Тогда погибли князья Куракин-Булгаков, Дмитрий Рязполовский, трое князей Ростовских, Петр Щенятев, Турунтай-Пронский, казначей Тютин, думный дьяк Казарин-Дубровский и много других. По приказанию царя опричники хватили жен опальных людей, насиловали их, некоторых приводили к царю, врываются в вотчины, жгли дома, мучили, убивали крестьян, раздевали донага девушек и в поругание заставляли их ловить кур, а потом стреляли в них. Тогда многие женщины от стыда сами лишали себя жизни.



Русский воевода в XIV–XVII вв.

Земщина представляла собой как бы чужую покоренную страну, преданную произволу завоевателей, но в то же время Иван допускал поразительную непоследовательность и проти-

воречие, вообще отличавшее его характер и соответствовавшее нездоровому состоянию души. Ту же Земщину, в которой он на каждом шагу видел себе изменника, царь собирал для совещания о важнейших политических делах. В 1566 году по поводу литовских предложений о перемирии царь Иван созвал земских людей разных званий и предложил им главным образом на обсуждение вопрос: уступать ли по предложению Сигизмунда-Августа Литве некоторые города и левый берег Двины, оставив за собой город Полоцк на правой стороне этой реки? Мнения отбирались по сословиям. Сначала подали свой голос духовные лица, начиная с новгородского архиепископа Пимена – три архиепископа, шесть епископов и несколько архимандритов, игуменов и старцев; потом – бояре, окольные, казначеи, печатник и дьяки, всего 29 человек, из них печатник Висковатый подавал особое мнение, впрочем, в сущности схожее в главном с остальными; за ними 193 человека дворян, разделенных на первую и вторую статью; за ними особо несколько торопецких и луцких помещиков; потом 31 человек от дьяков и приказных людей и, наконец, торговые люди, из которых отмечены 12 гостей, 40 торговых людей и несколько смолян, спрошенных особо, вероятно, по причине их близости к границе. Все они говорили в одном смысле: не отдавать ливонских городов и земли на правом берегу Двины, принадлежавшей Полоцку, но в сущности предоставляли государю поступить по своему усмотрению («ведает Бог да государь: как ему, государю, угодно, так и нам, холопом его»). В заключение все должны были целовать крест на том, чтобы служить царю, его детям и их землям, кто во что приходится, и стоять против государевых недругов. Дума эта, как нам кажется, была плодом подозрительности Ивана; везде видел он тайных изменников, мерещились ему тайные доброжелатели Литвы, которых он пытался подобным путем как-нибудь отыскать по их словам, если кто нечаянно проговорится, иначе трудно объяснить совещание с народом того царя, который предал уже этот народ своей опале. По крайней мере, нельзя предполагать, чтобы на соборе этом была одна Опричнина без Земщины. Созванные говорили то, что, по их соображению, было угодно Ивану.



Русский корабль в Ледовитом океане. Голландская гравюра 1598 г.



Вид Соловецкого монастыря

Замечательно, что во время сумасбродства московского царя в соседней стране, в Швеции, царствовал также полупомешанный сын Густава Вазы Эрик. Из страха за престол он посадил в тюрьму своего брата Иоанна, женатого на той самой польской принцессе Екатерине, за которую некогда сватался московский царь. Иван не мог забыть своего неудачного сватовства; неуспех этот он считал личным оскорблением. Царь сошелся с Эриком, уступал ему навеки Эстонию с Ревелем, обещал помогать против Сигизмунда и доставить выгодный мир с Данией и Ганзой, лишь бы только Эрик выдал ему свою невестку Екатерину. Эрик согласился, и в Стокгольм приехал боярин Воронцов с товарищами, а другие бояре готовились уже принимать Екатерину на границе. Но в Швеции члены государственного совета целый год не допускали русских до разговора с Эриком и не предоставляли им возможности исполнить такое незаконное дело; наконец в сентябре 1568 года они низложили своего сумасшедшего тирана и возвели на престол его брата Иоанна. Русские послы, задержанные еще на несколько месяцев в Швеции, как бы в неволе, со стыдом вернулись домой. Иван был вне себя от ярости и намеревался мстить шведам; а чтобы развязать себе руки со стороны Польши, он решился на перемирие с Сигизмундом-Августом, тем более, что война с Литвой велась до крайности лениво и русские не имели никаких успехов. Иван на этот раз сделал первый шаг к примирению, выпустил из тюрьмы польского посланника, задержанного ранее вопреки народным правам и, отправляя в Польшу своих гонцов, приказал им обращаться там вежливо, а не так грубо, как бывало прежде.



Филипп, митрополит московский и вся Руси

В то время Ивану пришлось вступить в борьбу с церковной властью за свой произвол, доведенный до сумасбродства. Иван задался убеждением, что самодержавный царь может делать все, что ему вздумается, что не должно быть на земле права, которое бы могло поставить преграды его произволу или даже осуждать его деяния, как бы они ни были безнравственны и неразумны. Митрополит Макарий был человек уклончивый. В прошлом он был заодно с партией Адашева, но когда государь разогнал ее, Макарий скромно глядел на то, что делал царь, и хотя не пристал из подобострастия к врагам своих прежних друзей, однако не пошел и с последними. Когда заочно судили Сильвестра, Макарий возвысил было за него голос, но очень слабый. Сильвестр был заточен, его друзья и сторонники подвергались гонениям или истреблялись. Макарий оставался митрополитом и только скромно и смиренно дерзал просить Ивана о милосердии к опальным; царю и это было не по сердцу. Преемник Макария Афанасий, бывший царский духовник, был, как кажется, еще покорнее, но царь был недоволен и им: он осмеливался иногда печалиться об опальных. Когда Иван оставлял Москву ради Александровской слободы и прикидывался, будто хочет покинуть престол, то в числе причин, побуждавших его к отречению, выставлял и то обстоятельство, что митрополит и епископы бьют ему челом за опальных. Опричнина была введена; Афанасий не смел прекословить. Но недолго этот пастырь выносил новый порядок вещей и удалился в Чудов монастырь на покой. Это было в 1566 году. Надлежало выбрать нового первопрестольника. Выбор пал на казанского архиепископа Германа из рода бояр Полевых, старца святой жизни, прославившегося своими подвигами распостранения христианства в Казанской земле. Представившись первый раз царю, нареченный

митрополит хотя не укорял Ивана прямо за его жизнь, но начал с ним беседу о христианском покаянии; беседа его очень не понравилась царю. Воспользовавшись этим, Алексей Басманов досказал царю то, что было в душе Ивана: этот Герман походил на Сильвестра и говорил с царем, как Сильвестр. Иван прогнал Германа. Старец вскоре умер. Разнесся слух, будто царь приказал тайно спровадить его.

Тогда царь предложил в митрополиты соловецкого игумена Филиппа. Духовные чины и бояре единогласно говорили, что нет человека более достойного.

Филипп происходил из знатного и древнего боярского рода Колычевых. Его отец, боярин Стефан, был важным сановником при Василии Ивановиче. Мать Филиппа Варвара наследовала богатые владения Новгородской земли. Во время правления Елены Колычевы держались стороны князя Андрея, и трое из них были казнены с падением этого князя.



Царь Иван Васильевич Грозный

Сын Стефана Федор молодым служил в ратных и земских делах. Царь Иван, будучи малолетним, видел его и, как говорят, любил. Достигнув тридцатилетнего возраста, Федор Колычев удалился от мира и постригся в Соловецком монастыре. Что собственно побудило его к этому – неизвестно, но так как вопреки всеобщему обычаю жениться рано он оставался безбрачным, то должно думать, что причиной тому было давнее недовольство жизненной средой того времени и расположение к благочестию. Через десять лет Филипп был поставлен игуменом Соловецкой обители.

Во всей истории русского монашества нет другого лица, которое бы при обычном благочестии столько же помнило обязанность заботиться о счастье и благосостоянии ближних и умело соединять с примерной набожностью практические цели в пользу других. Филипп был образцовым хозяином, какому не было равного в Русской земле в его время. Дикие, неприступные острова Белого моря сделались в его время благоустроенными и плодородными. Пользуясь богатством, доставшимся ему по наследству, Филипп прорыл каналы между множеством озер, осушил их, образовал одно большое озеро, прочистил заросли, засыпал болота, образовал превосходные пастбища, удобрил каменистую почву, унавозил, где было нужно, землю, соорудил каменную пристань, развел множество скота, завел северных оленей и устроил кожевенный завод для выделки оленьих кож, построил каменные церкви, гостиницы, больницы, продвинул производство соли в монастырских волостях, ввел выборное управление среди монастырских крестьян, приучал их к труду, порядку, ограждал от злоупотреблений, покровительствуя трудолюбию, заботился об их нравственности, выводил пьянство и тунеядство, одним словом, был не только превосходным настоятелем монастыря, но выказал редкие способности правителя над обществом мирских людей.

Неудивительно, что этого человека везде знали и уважали, а потому естественно было всем считать его самым достойным человеком для занятия митрополичьего престола. Но выбор со стороны подозрительного царя человека из боярского рода, который некогда заявлял себя против его матери Елены, может быть отнесен к тем противоречиям, которые были так нередки в поступках полоумного Ивана. Как бы то ни было, Филиппа призвали в Москву. Когда он проезжал через Новгород, к нему сошлись жители и молили ходатайствовать за них перед царем, так как носился слух, что царь держит гнев на Новгород. При первом представлении царю Филипп только просил отпустить его назад в Соловки. Это имело вид обычного смирения. Царь, епископы и бояре уговаривали его. Тогда Филипп открыто начал укорять епископов, что они до сих пор, молча, смотрят на поступки царя и не говорят царю правды. «Не смотрите на то, – говорил он, – что бояре молчат; они связаны житейскими выгодами, а нас Господь для того и отрешил от мира, чтобы мы служили истине, хотя бы и души наши пришлось положить за паству, иначе вы будете истязаемы за истину в день судный». Епископы, непривычные к такой смелой речи, молчали, а те, которые старались угодить царю, восстали на Филиппа за это.

Никто не смел говорить царю правды; один Филипп явился к нему и сказал: «Я повинуюсь твоей воле, но оставь Опричнину, иначе мне быть в митрополитах невозможно. Твое дело не богоугодное; сам Господь сказал: аще царство разделится, запустеет! На такое дело нет и не будет тебе нашего благословения».

«Владыка святой, – сказал царь, – воссташа на меня «мнози», мои же меня хотят поглотить».

«Никто не замышляет против твоей державы, поверь мне, – ответил Филипп. – Свидетель нам всевидящее око Божие; мы все приняли от отцов наших заповедь чтить царя. Показывай нам пример добрыми делами, а грех влечет тебя в геенну огненную. Наш общий владыка Христос повелел любить Бога и любить ближнего как самого себя: в этом весь закон».

Иван рассердился, грозил ему своим гневом, приказывал ему быть митрополитом.

«Если меня и поставят, то все-таки мне скоро потерять митрополию, – говорил Филипп. – Пусть не будет Опричнины, соедини всю землю воедино, как прежде было».

Царь разгневался. Епископы, с одной стороны, умоляли Филиппа не отказываться, с другой – кланялись царю и просили об утолении его гнева на Филиппа. Царь требовал, чтобы Филипп непременно ставился в митрополиты и дал запись не вступаться в Опричнину. Филипп наконец согласился. Неизвестно, что было поводом к этой уступке, но всего менее ее можно объяснить трусостью, так как это не оправдывается ни предыдущим, ни последующим поведением Филиппа. Вернее всего, царь подал ему какую-нибудь надежду на свое исправление. Филипп дал грамоту не вступаться в царский домовый обиход и был поставлен в митрополиты 25 июля 1566 года. В течение некоторого времени после того царь действительно воздерживался от своей кровожадности, но потом опять принялся за прежнее, опять начались пытки, казни, насилия и мучительства. Филипп не требовал уже больше уничтожения Опричнины, но не молчал, являлся к царю ходатаем за опальных и старался укротить его свирепость своими наставлениями. Царь оправдывал себя тем, что вокруг него тайные враги. Филипп доказывал ему, что страх его напрасен. «Молчи, отче, – говорил Иван, – молчи, повторяю тебе, и только благословляй нас по нашему изволению!» – «Наше молчание, – отвечал Филипп, – ведет тебя к греху и всенародной гибели. Господь заповедал нам душу свою полагать за други свои». – «Не прекословь державе нашей, – сказал царь, – а не то гнев мой постигнет тебя, или оставь свой сан!» – «Я, – отвечал Филипп, – не просил тебя о сани, не посылал к тебе ходатаев, никого не подкупал; зачем сам взял меня из пустыни? Если ты дерзаешь поступать против закона – твори, как хочешь, а я не буду слабеть, когда приходит время подвига».



Царь Иван Грозный. Гравюра со статуи М. Антокольского



Пытка водой. С рисунка, сделанного шведом Пальмквистом в 1674 г.

Царь вскоре невзлюбил настойчивого митрополита и не допускал его к себе. Митрополит мог видеть царя только в церкви. Царские любимцы возненавидели Филиппа еще пуще царя. 31 марта 1568 года, в воскресенье, Иван приехал к обедне в Успенский собор с толпой опричников. Все были в черных ризах и высоких монашеских шапках. По окончании обедни царь подошел к Филиппу и просил благословения. Филипп молчал и не обращал внимания на присутствие царя. Царь обращался к нему в другой, в третий раз. Филипп все молчал. Наконец царские бояре сказали: «Святой владыка! Царь Иван Васильевич требует благословения от тебя». Тогда Филипп, взглянув на царя, сказал: «Кому ты думаешь угодить, изменивши таким образом благолепие лица своего? Побойся Бога, постыдись своей багряницы. С тех пор как солнце на небесах сияет, не было слышно, чтобы благочестивые цари возмущали так свою державу. Мы здесь приносим бескровную жертву, а ты проливаешь христианскую кровь твоих верных подданных. Доколе в Русской земле будет господствовать беззаконие? У всех народов, и у татар, и у язычников, есть закон и правда, только на Руси их нет. Во всем свете есть защита от злых и милосердие, только на Руси не милуют невинных и праведных людей. Опомнись: хотя Бог и возвысил тебя в этом мире, но и ты смертный человек. Взыщется от рук твоих

невинная кровь. Если будут молчать живые души, то камни возопиют под твоими ногами и принесут тебе суд».

«Филипп, – сказал царь, – ты испытываешь наше благодушие. Ты хочешь противиться нашей державе; я слишком долго был кроток к тебе, щадил вас, мятежников, теперь я заставлю вас раскаиваться».

«Не могу, – возразил ему Филипп, – повиноваться твоему повелению паче Божиего повеления. Я пришлец на земле и пресельник, как и все отцы мои. Буду стоять за истину, хотя бы пришлось принять и лютую смерть».



Казнь колесованием

Иван был взбешен, но отвел свой гнев на других и на другой же день, как бы в досаду Филиппу, замучил князя Василия Пронского, только что принявшего монашество. Свирепость царя в то время все более и более возрастала. В июле того же года происходили описанные нами выше отвратительные сцены разорения вотчин опальных бояр. Царь с пьяной толпой приехал

в Новодевичий монастырь. Там был храмовой праздник и совершался крестный ход. Служил митрополит. Когда по обряду, читая Евангелие, митрополит обратился, чтобы сказать: «Мир всем!», то, заметив, что один опричник стоял в тафье, воскликнул: «Царь, разве прилично благочестивому держать агарянский закон?» – «Как? что? кто?» – завопил ему в ответ царь. «Один из ополчения твоего, из лика сатанинского», – сказал всенародно Филипп. Опричник поспешно спрятал свою тафью. Царь был вне себя от злости и, вернувшись домой, собрал духовных для того, чтобы судить митрополита. Царский духовник протопоп Евстафий, враг Филиппа, чернил митрополита, стараясь угодить Ивану. Составился план произвести следствие в Соловках и собрать разные показания монахов, которые бы могли уличить бывшего игумена в разных нечистых делах. Царю хотелось, чтобы митрополит был низложен как будто за свое дурное поведение. В Соловки отправился за этим суздальский епископ Пафнутий с архимандритом Феодосием и князем Темкиным. Соловецкие иноки сначала давали только хорошие отзывы о Филиппе. Но Пафнутий соблазнил игумена Паисия обещанием епископского сана, если он станет свидетелем против митрополита. К Паисию присоединилось несколько старцев, склоненных угрозами. Пафнутий привез их к царю. Собрали собор. Из духовных первенствовал на нем новгородский Пимен: из угождения царю он заявил себя врагом Филиппа, не подозревая, что через два года и его постигнет та же участь, какую теперь готовил митрополиту. Призвали Филиппа. Он, не дожидаясь суда, сказал: «Ты думаешь, царь, что я боюсь тебя, боюсь смерти за правое дело? Мне уже за шестьдесят лет; я жил честно и беспорочно. Так хочу и душу мою предать Богу, судье твоему и моему. Лучше мне принять безвинно мучение и смерть, нежели быть митрополитом при таких мучительствах и беззакониях! Я творю тебе угодное. Вот мой жезл, белый клобук, мантия! Я более не митрополит. А вам, архиепископы, епископы, архимандриты, иереи и все духовные отцы, оставляю повеление: пасите стадо ваше, помните, что вы за него отвечаете перед Богом; бойтесь убивающих душу более, чем убивающих тело! Предаю себя и душу свою в руки Господа!» Он повернулся к дверям, намереваясь уйти, но царь остановил его и сказал: «Ты хитро хочешь избежать суда; нет, не тебе судить самого себя; дожидайся суда других и осуждения; надевай снова одежду, ты будешь служить на Михайлов день обедню». Митрополит молча повиновался, надел одежду и взял свой жезл. В день архангела Михаила Филипп в полном облачении готовился начинать обедню. Вдруг входит Басманов с опричниками; богослужение приостанавливается; читают всенародно приговор церковного собора, лишаящий митрополита пастырского сана. Вслед за тем воины вошли в алтарь, сняли с митрополита митру, сорвали облачение, одели в разодранную монашескую рясу, потом вывели из церкви, заметая за ним след метлами, посадили на дровни и повезли в Богоявленский монастырь. Народ бежал за ним следом и плакал: митрополит осенял его на все стороны крестным знаменем. Опричники кричали, ругались и били едущего митрополита своими метлами.



Русские бояре (по А. Олерию)

Через несколько дней привезли на телеге низложенного митрополита слушать окончательный приговор. Игумен Паисий проговорил ряд обвинений. Пимен также говорил против Филиппа. Филипп сказал: «Да будет благодать Божия на устах твоих. Что сеет человек, то и пожнет. Это не мое слово – Господне». Среди прочего его обвиняли в волшебстве и приговорили к вечному заключению. Филипп не оправдывался, не защищался, а только сказал царю: «Государь, перестань творить богопротивные дела. Вспомни прежде бывших царей. Те, которые творили добро, и по смерти славятся, а те, которые дурно правили своим царством, и теперь вспоминаются недобрým словом. Смерть не побоятся твоего высокого сана; опомнись и прежде ее немилостивого пришествия принеси плоды добродетели и собери сокровище себе на небесах, потому что все собранное тобою в этом мире здесь и останется».

Его увели. По царскому приказанию ему забили ноги в деревянные колодки, а руки – в железные кандалы, посадили в монастыре Св. Николая Старого и морили голодом.

Рассказывают, что царь приказал отрубить голову его племяннику Ивану Борисовичу Колычеву, зашить в кожаный мешок и принести к Филиппу. «Вот твой сродник, – сказали ему, – не помогли ему твои чары».

Через несколько дней царь приказал отправить Филиппа в Отрочь монастырь в Тверь; с досады он казнил еще нескольких Колычевых. Вместо Филиппа царь велел избрать митрополитом троицкого архимандрита Кирилла. Бедному Пимену не удалось сесть на митрополичий престол, на что он надеялся.

Мужество Филиппа раздражило Ивана; оно подействовало на него не менее писем Курбского; оно усилило в нем склонность искать измены и лить кровь мнимых врагов своих. В характере царя, как мы уже заметили, было медлить гибелью тех, которых он особенно ненавидел; его воображение как бы тешилось образами будущих мук, которые ожидали ненавистных ему людей, а между тем он срывал злобу на других. Уже давно не терпел он своего двоюродного брата Владимира Андреевича; последний в глазах подозрительного царя был для изменников готовым лицом, которого бы они, если б только была возможность, посадили на престол, низвергнув Ивана, но Иван не решался с ним покончить, хотя уже в 1563 году положил свою опалу как на него, так и на мать его; после того мать Владимира постриглась. Иван держал Владимира под постоянным надзором, отнял у него всех его бояр и слуг, окружил своими людьми, с тем чтобы знать о всех его поступках и замыслах. В 1566 году царь отнял у него удел и дал вместо него другой. Наконец в начале 1569 года, после суда над Филиппом, царь покончил с Владимиром. Было подозрение, быть может, и справедливое, что Владимир, постоянно стесняемый недоверием царя, хотел уйти к Сигизмунду-Августу. Царь заманил его с женой в Александровскую слободу и умертвил обоих. О роде смерти этих жертв показания современников не сходятся между собой: по одним – их отравили, по другим – зарезали. Во всяком случае, несомненно, что они были умерщвлены⁴⁸. Вслед за тем была утоплена в Шексне под Горицким монастырем мать Владимира монахиня Евдокия. Та же участь вместе с ней постигла инокиню Александру, бывшую княгиню Иулианию, вдову брата Ивана Юрия, какую-то инокиню Марию, также из знатного рода, и с ними двенадцать человек.

⁴⁸ Иностранцы говорят, что с ними убили и их детей, но это известие неверно: двое дочерей Владимира и единственный сын были живы через несколько лет после того. Правдоподобнее известие о том, что вместе с Владимиром и его женой истребили их слуг.



Русский боярин в XIV–XVII вв.

Прошло еще несколько месяцев. Жажда крови усиливалась в Иване. Его рассудок все более и более затмевался. В сентябре 1569 года умерла его вторая жена Мария Темрюковна, никем не любимая. Ивану вообразилось, что и она подобно Анастасии отравлена лихими людьми. Постоянный ужас, ежеминутная боязнь за свою жизнь все более и более овладевали царем. Он был убежден, что вокруг него множество врагов и изменников, а отыскать их был не в силах; он готов был то истреблять повально чуть не весь русский народ, то бежать от него в чужие края. Уже и своим опричникам он не верил; уже он чувствовал, что Басмановы, Вяземские и их братья овладели им не хуже Адашева и Сильвестра; ненавидел он и их: уже близок был их конец. В то же время царь приблизил к себе голландского доктора Бомелия. Из угождения Ивану этот пришлец поддерживал в нем страх астрологическими суевериями, предсказывал бунты и измены; он-то, как говорят, внушил Ивану мысль обратиться к английской

королеве. Иван писал Елизавете, что изменники составляют против него заговоры, соумышляют с враждебными ему соседями, хотят истребить его со всем родом. Иван просил английскую королеву дать ему убежище в Англии. Елизавета отвечала, что московский царь может приехать в Англию и жить там сколько угодно, на всем своем содержании, соблюдая обряды старогреческой церкви. Но в то же время, готовясь убежать от русского народа, Иван нашел предлог досыта удовлетворить свою кровожадность и совершить над русским народом такое чудовищное дело, равного которому мало можно найти в истории.



Русский боярин еXIV–XVII вв.



Вид Нарвы в начале XVIII столетия. С современной гравюры Мериана

Московский царь давно уже не терпел Новгорода. При учреждении Опричнины, как выше было сказано, он обвинял весь русский народ в том, что в прошедшие века этот народ не любил царских предков. Видимо, Иван читал летописи и с особым вниманием останавливался на тех местах, где описывались проявления древней вечевой свободы. Нигде, конечно, он не видел таких резких, ненавистных для него черт, как в истории Новгорода и Пскова. Понятно, что к этим двум землям, а особенно к Новгороду, развилась в нем злоба. Новгородцы уже знали об этой злобе и чуяли над собой беду, а потому и просили Филиппа ходатайствовать за них перед царем. Собственно, тогдашние новгородцы не могли брать на себя исторической ответственности за прежних, так как они происходили в основном от переселенных Иваном III в Новгород жителей других русских земель; но для мучителя это обстоятельство проходило бесследно. В 1569 году Иван начал выводить из Новгорода и Пскова жителей с их семьями: из Новгорода взял сто пятьдесят, из Пскова – пятьсот; Новгород и Псков были в большом страхе. В то время какой-то бродяга, родом волынец, наказанный за что-то в Новгороде, вздумал сразу и отомстить новгородцам, и угодить Ивану. Он написал письмо как будто от архиепископа Пимена и многих новгородцев Сигизмунду-Августу, спрятал это письмо в Софийской церкви за образ Богородицы, а сам убежал в Москву и донес государю, что архиепископ со множеством духовных и мирских людей отдается литовскому государю. Царь с жадностью ухватился за этот донос и тотчас отправил в Новгород искать указанные грамоты. Грамоты действительно отыскались. Чудовищно развитое воображение Ивана и любовь к злу не допустили его до каких-нибудь сомнений в действительности этой проделки.

В декабре 1569 года предпринял Иван Васильевич поход на север. С ним были все опричники и множество детей боярских. Он шел как на войну: то была странная, сумасбродная война с прошлыми веками, дикая месть живым за давно умерших. Не только Новгород и Псков, но и Тверь была осуждена на кару как бы в воспоминанье тех времен, когда тверские князья боролись с московскими предками Ивана. Город Клин, некогда принадлежавший Твери, должен был первым испытать гнев Ивана. По царскому приказанию опричники ворвались в город, били и убивали кого попало. Испуганные жители, ни в чем не повинные, не понимавшие, что все это значит, разбежались куда ни попало. Затем царь пошел на Тверь. На пути все разоряли и убивали всякого встречного, кто не нравился. Подступив к Твери, Иван повелел окружить город со всех сторон войском, а сам расположился в одном из ближних монастырей. Малюта Скуратов отправился по царскому распоряжению в Отроч монастырь к Филиппу и собствен-

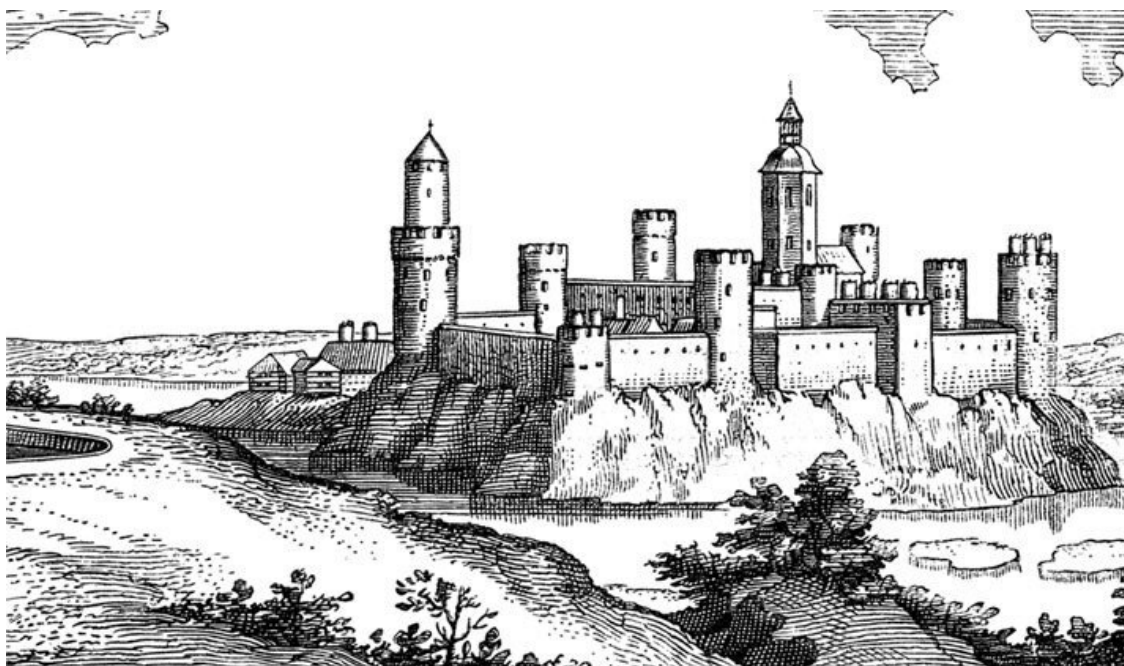
норучно задушил его, а монахам сказал, что Филипп умер от угара. Иноки погребли его за алтарем⁴⁹.

Иван стоял под Тверью пять дней. Сначала ограбили всех духовных, начиная с епископа. Простые жители думали, что тем дело и окончится, но через два дня по царскому приказанию опричники бросились в город, бегали по домам, ломали всякую домашнюю утварь, рубили ворота, двери, окна, забирали всякие домашние запасы и купеческие товары: воск, лен, кожи и прочее, свозили в кучи, сжигали, а потом удалились. Жители опять начали думать, что этим дело окончится, что, истребив их достояние, им по крайней мере оставят жизнь, как вдруг опричники опять врываются в город и начинают бить кого ни попало: мужчин, женщин, младенцев, иных жгут огнем, других рвут клещами, тащат и бросают тела убитых в Волгу. Сам Иван собирает пленных полочан и немцев, которые содержались в тюрьмах, а частью были помещены в домах. Их тащат на берег Волги, в присутствии царя рассекают на части и бросают под лед. Из Твери уехал царь в Торжок; и там повторялось то же, что делалось в Твери. В помяннике Ивана записано убитых там православных христиан 1490 человек. Однако в Торжке Иван едва избежал опасности. Там содержались в башнях пленные немцы и татары. Иван явился прежде к немцам, приказал убивать их перед своими глазами и спокойно наслаждался их муками; но, когда оттуда отправился к татарам, мурзы бросились в отчаянии на Малюту, тяжело ранили его, потом убили еще двух человек, а один татарин кинулся было на самого Ивана, но его остановили. Всех татар умертвили.



⁴⁹ В первый год после смерти Ивана гроб Филиппа перевезли в Соловки, где он долго был предметом народного почитания; в 1652 году, при царе Алексее Михайловиче, Филиппа причислили к лику святых, а открытые мощи его поставили в московском Успенском соборе, где они находятся до сих пор.

Вид крепости Копорья в конце XVII в. С современной гравюры



Вид Ивангорода в начале XVIII в. С современной гравюры Мериана

Из Торжка Иван пошел на Вышний Волочек, Валдай, Яжелбицы. По обе стороны от дороги опричники разбегались по деревням, убивали людей и разоряли их достояние.

Еще до прибытия Ивана в Новгород приехал туда его передовой полк. По царскому повелению тотчас окружили город со всех сторон, чтобы никто не мог убежать из него. Потом нахватали духовных из новгородских и окрестных монастырей и церквей, заковали в железа и в Городище поставили на правеж; каждый день били их на правеже, требуя по 20 новгородских рублей с каждого как бы на выкуп. Так продолжалось дней пять. Дворяне и дети боярские, принадлежащие к Опричнине, созвали в Детинец знатнейших жителей и торговцев, а также и приказных людей, заковали и отдали приставам под стражу, а дома их и имущество опечатали. Это происходило в первых числах января 1570 года.

6 января, в пятницу, вечером приехал государь в Городище с остальным войском и с 1500 московских стрельцов. На другой день было дано повеление перебить дубинами до смерти всех игуменов и монахов, которые стояли на правеже, и развезти тела их на погребение, каждого в свой монастырь. 8 января, в воскресенье, царь дал знать, что приедет к Св. Софии к обедне. По давнему обычаю архиепископ Пимен со всем собором, с крестами и иконами стал на Волховском мосту у часовни Чудного креста встречать государя. Царь шел вместе с сыном Иваном, не целовал креста из рук архиепископа и сказал так: «Ты, злочестивец, в руке держишь не крест животворящий, а вместо креста оружие; ты со своими злыми соумышленниками, жителями сего города, хочешь этим оружием уязвить наше царское сердце; вы хотите отчину нашей царской державы Великий Новгород отдать иноплеменнику, польскому королю Жигимонту-Августу; с этих пор ты уже не назовешься пастырем и сопрестольником Святой Софии, а назовешься ты волк, хищник, губитель, изменник нашему царскому венцу и багру досадитель!» Затем, не подходя к кресту, царь приказал архиепископу служить обедню.

Иван отслушал обедню со всеми своими людьми, а из церкви пошел в столовую палату. Там был приготовлен обед для высокого гостя. Едва уселся Иван за стол и отведал пищи, как вдруг завопил. Это был условный знак (ясак): архиепископ Пимен был схвачен; опричники бросились грабить его владычную казну; дворецкий Салтыков и царский духовник Евстафий с

царскими боярами овладели ризницей церкви Св. Софии, а отсюда отправились по всем монастырям и церквам забирать в пользу царя церковную казну и утварь. Царь уехал в Городище.



А.Д. Литовченко. Иван Грозный показывает сокровища английскому послу Горсею

Вслед за тем Иван приказал привести к себе в Городище тех новгородцев, которые до его прибытия были взяты под стражу. Это были владычные бояре, новгородские дети боярские, выборные городские и приказные люди и знатнейшие торговцы. С ними вместе привезли их жен и детей. Собрав всю эту толпу перед собой, Иван приказал своим детям боярским раздевать их и терзать «неисповедимыми», как говорит современник, муками, между прочим поджигать их каким-то изобретенным им составом, который у него назывался «поджар» («некоею составною мудростью огненною»), потом он велел измученных, опаленных привязывать сзади к саням, быстро везти вслед за собой в Новгород, волоча по замерзшей земле, и метать в Волхов с моста. За ними везли их жен и детей; женщинам связывали назад руки с ногами, привязывали к ним младенцев и в таком виде бросали в Волхов; по реке ездили царские слуги с баграми и топорами и добивали тех, которые всплывали. «Пять недель продолжалась неукротимая ярость царева», – говорит современник. Когда наконец царю надоела такая потеха на Волхове, он начал ездить по монастырям и приказал перед своими глазами истреблять огнем хлеб в скирдах и в зерне, рубить лошадей, коров и всякий скот. Осталось предание, что, приехав в Антониев монастырь, царь отслушал обедню, потом вошел в трапезную и приказал побить все живое в монастыре. Расправившись таким образом с иноческими обителями, Иван начал прогулку по мирскому жительству Новгорода, приказал истреблять купеческие товары, разметывать лавки, ломать дворы и хоромы, выбивать окна, двери в домах, истреблять домашние запасы и все достояние жителей. В то же самое время царские люди ездили отрядами по окрестностям Новгорода, по селам, деревням и боярским усадьбам разорять жилища, истреблять запасы, убивать скот и домашнюю птицу. Наконец 13 февраля, в понедельник на второй неделе поста, созвал государь оставшихся в живых новгородцев; ожидали они своей гибели, как вдруг царь окинул их милостивым взглядом и ласково сказал: «Жители Великого Новгорода, молитесь всемилостивого, всещедрого человеколюбивого Бога о нашем благочестивом

царском державстве, о детях наших и о всем христолюбивом нашем воинстве, чтоб Господь подаровал нам свыше победу и одоление на видимых и невидимых врагов! Судит Бог изменнику моему и вашему архиепископу Пимену и его злым советникам и единомышленникам; на них, изменниках, взыщется вся пролитая кровь; и вы об этом не скорбите: живите в городе сем с благодарностью; я вам оставляю наместника князя Пронского». Самого Пимена Иван отправил в оковах в Москву. Иностранные известия говорят, что он предавал его поруганию, сажал на белую кобылу и приказывал водить, окруженного скоморохами, игравшими на своих инструментах. «Тебе пляшущих медведей водить, а не сидеть владыкою», – говорил ему Иван. Несчастный Пимен был отправлен в Венев в заточение и жил там под вечным страхом смерти.

Количество истребленных показывается современниками различно и, вероятно, преувеличено⁵⁰. Псковской летописец говорит, что Волхов был запружен телами. В народе до сих пор осталось предание, что Иван Грозный запрудил убитыми новгородцами Волхов и с тех пор как бы в память этого события, от обилия пролитой тогда человеческой крови, река никогда не замерзает около моста, как бы ни были велики морозы. Последствия царского погрома еще долго отзывались в Новгороде. Истребление хлебных запасов и домашнего скота произвело страшный голод и болезни не только в городе, но и в его окрестностях; доходило до того, что люди поедали друг друга и вырывали мертвых из могил. Все лето 1570 года свозили кучами умерших к церкви Рождества в Поле вместе с телами утопленных, выплывавших на поверхность воды, и нищий старец Иван Жегальцо погребал их⁵¹.



К.В. Лебедев. К боярину с наветом

⁵⁰ Таубе и Крузе назначают до 15 000; Курбский говорит, будто бы он в один день умертвил 15 000 человек; у Гваньини показано 2770 кроме женщин и простого народа. В Псковском летописце количество казненных увеличено до 60 000; в Новгородской «повести» говорится, что царь топил в день по 1000 человек и в редкий – по 500. В помяннике глухо записано 1505 человек новгородцев, но ничто не дает повода заключить, что это было окончательное количество убитых.

⁵¹ Место погребения (скудельницу) и теперь легко приметить у церкви Рождества; стоит только слегка покопать палкой землю – тотчас оказывается, что она вся переполнена человеческими костями.

До той поры Новгород, оправившись после Ивана III, был сравнительно городом богатым; новый торговый путь через Белое море не погубил его; англичане сами посещали его и имели в нем, как в Ярославле, Казани, Вологде и Пскове, свое подворье. Новгород отправлял значительный отпуск воска, кож и льна. Новгородские купцы (а именно купцы из новгородских пригородов Орешка и Корелы) в большом количестве ездили в Швецию. Таким образом, в Новгороде были люди с капиталами и жители пользовались благосостоянием; с этим обстоятельством, конечно, совпадает и то, что Новгород перед другими краями русскими и в тот период славился преимущественно признаками умелости: так, в предшествовавшие годы приглашали в Москву из Новгорода каменщиков, кровельщиков, резчиков на камне и дереве, иконописцев и мастеров серебряных дел. С посещения Ивана Новгородский край упал, обезлюдел; недобитые им, ограбленные новгородцы стали нищими и осуждены были плодить нищие поколения.

Из Новгорода царь отправился во Псков с намерением и этому городу припомнить его древнюю свободу. Жители были в оцепенении, исповедовались, причащались, готовились к смерти. Псковский воевода князь Юрий Токмаков велел поставить на улицах столы с хлебом-солью и всем жителям земно кланяться и показывать знаки полнейшей покорности, как будет въезжать царь. Иван подъехал к Пскову ночью и остановился в монастыре Св. Николая на Любатове. Здесь он услышал звон в псковских церквях и понял, что псковичи готовятся к смерти. Когда утром он въехал в город, его приятно поразила покорность народа, лежавшего ниц на земле, но более всего подействовал на него юродивый Никола по прозвищу Салос (что значит по-гречески «юродивый»). Подобные люди, представлявшие из себя дурачков и пользовавшиеся всеобщим уважением, часто осмеливались говорить сильным людям то, на что бы не решился никто другой. Никола поднес Ивану кусок сырого мяса. «Я христианин и не ем мяса в пост», – сказал Иван. «Ты хуже делаешь, – сказал ему Никола, – ты ешь человеческое мясо». По другим известиям, юродивый предрекал ему беду, если он начнет свирепствовать во Пскове, и вслед за тем у Ивана издох его любимый конь. Это так подействовало на царя, что он никого не казнил, но все-таки ограбил церковную казну и частные имения жителей.

По возвращении Ивана в Москву заключено было, наконец, перемирие с Литвой литовскими послами. Срок перемирия назначен был три года, и в продолжение этого времени предполагали заключить окончательный мир. Один из находившихся в этом посольстве⁵² описывает выходки московского царя, подтверждающие наше убеждение, что он был тогда не в полном уме. Так, например, когда послы шли к нему на аудиенцию, государь стоял у окна с жезлом в руках, окруженный стрельцами, и громко закричал: «Поляки, поляки, если не заключите со мною мира, прикажу всех вас изрубить в куски». Взяв у одного из литовской свиты соболью шапку, Иван надел ее на своего шута, приказывал ему кланяться по-польски, приказал изрубить приведенных ему в подарок лошадей. Послы были свидетелями, как царь возвращался в Москву из своего новгородского похода: он сидел на коне с луком за спиной, а к шее коня была привязана собачья голова; возле него ехал шут на быке. Как бы желая опохмелиться от новгородской крови, он во время пребывания послов топил татарских пленников.

После новгородской бойни Ивану взбрело на ум, что в Москве были соучастники новгородской измены. Он начал розыск. Как мы сказали, он уже ненавидел Вяземского и Басмановых. Первый был перед тем до того любим царем, что Иван иногда ночью, встав с постели, приходил к нему побеседовать, а когда болел, то только от него принимал лекарство. Когда царь изменился к нему, благодетельствованный Вяземским и порученный им царской милости некто Федор Ловчиков донес на своего благодетеля, будто он предупредил архиепископа Пимена о грозившей Новгороду опасности от царя. Иван призвал к себе Вяземского, говорил

⁵² Английский приор, итальянец Джерио.

с ним очень ласково, а в это время по его приказанию были перебиты домашние слуги Вяземского. Ничего не подозревая, Вяземский вернулся домой, увидел трупы своих служителей и не показал вида, что это производило на него дурное впечатление. Вслед за тем его схватили, засадили в тюрьму, убили нескольких его родственников, а самого подвергли пытке, допрашивая, где его сокровища.

Вяземский отдал все, что нагрбил и нажил во времена своего благополучия, кроме того, показал на многих богатых людей, что они ему должны. Последние были ограблены царем. Вяземский умер в тюрьме, в невыносимых муках. Другой любимец, Иван Басманов, вместе с сыном также подверглись обвинению. Иван приказал сыну убить своего отца. К сыскному делу привлечено было множество лиц, в том числе знатные государственные люди, думный дьяк Висковатый, казначей Фуников, князь Петр Оболенский-Серебряный, Воронцов и др.



Стефан Баторий

25 июля на Красной площади поставлено было 18 виселиц и разложены разные орудия казни: печи, сковороды, острые железные когти («кошки»), клещи, иглы, веревки для перетирания тела пополам, котлы с кипящей водой, кнуты и пр. Народ, увидев все эти пригото-

ления, пришел в ужас и бросился в беспамятстве бежать куда попало. Купцы побросали в отворенных лавках товар и деньги. Выехал царь с опричниками, за ними вели 300 человек осужденных на казнь в ужасающем виде от следов пытки; они едва держались на ногах. Площадь была совершенно пуста, как будто все вымерло. Государю не понравилось это; он разослал гонцов по всем улицам и велел кричать: «Идите без страха, никому ничего не будет, царь обещает всем милость». Москвичи стали выползать, кто с чердака, кто из погреба, и сходиться на площадь. «Праведно ли я караю лютыми муками изменников? Отвечайте!» – закричал Иван народу. «Будь здоров и благополучен! – закричал народ. – Преступникам и злодеям достойная казнь!» Тогда царь велел отобрать 180 человек и объявил, что дарует им жизнь по своей великой милости. Остальных всех казнили мучительными казнями. Изобретательность Ивана была так велика, что почти каждому была особая казнь; так, например, Висковатого повесили вверх ногами и рассекали на части, Фуникова обливали попеременно то кипящей, то ледяной водой и т. п. На другой же день после казни потоплены были жены казненных⁵³, и некоторые перед тем подвергались изнасилованию и поруганию. Тела казненных лежали несколько дней на площади, терзаемые собаками.

Безумное бешенство, овладевшее Иваном, в то время приводило его в такое состояние, что, по словам иностранцев, он для забавы пускал медведей в народ, собравшийся на льду. Сказание это вероятно, так как нам известно, что Иван прибегал к такому способу мучений⁵⁴.

Русская земля, страдая от мучительства царя Ивана, терпела в то же время и от других причин: несколько лет подряд были неурожаи, свирепствовали заразные болезни, повсюду были нищета, смертность, всеобщее уныние («туга и скорь в людях велия»). Ливонская война истощала силы и труд русского народа. Посошные люди, сгоняемые в Ливонию, погибали там от голода и мороза. Их высылали из далеких замосковских краев с запасами, заставляли тянуть байдаки и лодки, а средств к содержанию не давали. Они бросали работу, разбегались по лесам и погибали. Толпы русских насильно переселялись в ливонские города на жительство, заменяя переведенных в Московское государство немцев, и пропадали на новоселье от недостатка средств или от немецкого оружия. Народ русский проклинал Ливонскую войну, и современник летописец замечает по этому поводу, что через нее чужие города наполнялись русскими людьми, а свои пустели. К довершению всех бедствий недоставало давнего бича русского народа – татарского нашествия; и это суждено было испытать русскому народу.



Успенский Александровский монастырь. Вид с западной стороны

⁵³ Количество их, по словам Гваньини, доходило до восьмидесяти.

⁵⁴ Над архиепископом Леонидом, как мы увидим позже.

Не послушавшись своих советников и Вишневецкого, Иван пропустил удобный случай покончить с Крымом, но раздражил Девлет-Гирея. Крымский хан с тех пор постоянно злобствовал против Москвы и дожидался случая отомстить ей за прежнее самым чувствительным образом. Несколько лет он уговаривал турецкого падишаха Сулеймана Великолепного нагрянуть на Москву с турецкими и татарскими силами, отнять Казань и Астрахань. Сулейман был слишком занят другими делами, но его сын Селим в 1569 году послал вместе с крымцами турецкое войско для завоевания Астрахани. Этот поход был веден до того нелепо, что не мог иметь успеха. Турки доходили до Астрахани, но из-за недостатка припасов, при неурядицах, господствовавших между ними и татарами, чуть все не погибли. Девлет-Гирей после этого хотел во что бы то ни стало поправить неудачу успехом другого рода и нашел, что лучше всего последовать примеру предков и напасть прямо на Москву. Разбойник Кудеяр Тишенков да несколько детей боярских, вероятно, его шайки (в числе их были природные татары), сообщили хану о плачевном состоянии Русской земли, о варварствах Ивана, о всеобщем унынии русского народа, указывали ему, что наступает самое удобное время напасть на Москву. Тогда как силы Руси истощались, Орда, бывшая прежде в расстройстве, поправилась. Девлет-Гирей с необыкновенной скоростью собрал до ста двадцати тысяч крымцев и ногаев и весной 1571 года бросился в середину Московского государства. Земские воеводы не успели загородить ему путь через Оку. Хан обошел их и направился к Серпухову, где был в то время царь с опричниками.

Иван Васильевич бежал и оставил столицу на произвол судьбы, как в подобных случаях поступали и все его предшественники, прежние московские государи.

Земские воеводы (князья Вельский, Мстиславский и др.) приготовились отстаивать столицу. Но татары успели пустить огонь в слободы; пожар распространился с изумительной быстротой по сухим деревянным строениям; за какие-нибудь три-четыре часа вся Москва сгорела. Уцелел один Кремль, куда не пускали народ, – там сидел митрополит Кирилл с царской казной. Тогда в Москве погибло такое множество людей, что современники в своих известиях преувеличивали количество погибших до 80 000. Трудно было бежать из обширного города, куда кроме жителей набилось много народа из окрестностей; одних захватил пламень, другие задохнулись от дыма и жара. В числе последних был главный воевода князь Иван Вельский. Огромные толпы народа бросились в ворота, находившиеся в той стороне, которая была удалена от неприятеля; толпа напирала на толпу, передние попадали, задние пошли по ним, за ними другие повалили их, и таким образом многие тысячи были задавлены и задушены. Москва-река была запружена телами. «В два месяца, – говорил англичанин очевидец, – едва можно будет убрать кучи людских и конских трупов». Татары не могли ничего наградить; все имущество жителей Москвы сгорело. Хан не стал осаждать Кремль, отступил и послал Ивану Васильевичу письмо в таком тоне: «Жгу и пустошу все за Казань и за Астрахань. Будешь помнить. Я богатство сего света применяю к праху, надеюсь на величество Божие, на милость для веры Ислама. Пришел я на твои земли с войсками, все пожег, людей побил; пришла весть, что ты в Серпухове, я пошел на Серпухов, а ты из Серпухова убежал; я думал, что ты в своем государстве, в Москве, и пошел туда; ты и оттуда убежал. Я в Москве посады сжег и город сжег и опустошил, много людей саблей побил, а других в полон взял, все хотел венца твоего и головы; а ты не пришел и не стал против меня. А еще хвалишься, что ты московский государь! Когда бы у тебя был стыд и способность (дородство), ты бы против нас стоял! Отдай же мне Казань и Астрахань, а не дашь, так я в государстве твоём дороги видел и узнал; и опять меня в готовности увидишь».



К.П.Брюллов. Осада Пскова польским королем Стефаном Баторием в 1581 г.



Вид Константинополя

Иван Васильевич был унижен, поражен, но в соответствии со своим характером столько же падал духом, когда постигало его бедствие, сколько чванился в счастье. Иван послал к хану гонца с челобитьем, предлагал деньги, писал, что готов отдать ему Астрахань, только просил отсрочки; он хотел как-нибудь хитростью и проволочкой времени оттянуть обещаемую уступку земель. Это ему и удалось. Ни Казани, ни Астрахани не пришлось отдать; на следующий год хан, поняв, что Иван Васильевич тянет время, опять пошел на Москву, но был отбит на берегу Лопасни князем Михаилом Воротынским. Эта победа не могла, однако, загладить бедствия, нанесенные в 1571 году. Русская земля потеряла огромную часть своего народонаселения, а столица помнила посещение Девлет-Гирея так долго, что даже в XVII веке, после новых бедствий Смутного времени, это событие не стерлось из памяти потомства. Иван, всегда подозрительный, боязливый, всегда страшившийся то заговоров, то измен и восстаний, теперь

более чем когда-нибудь вправе был ожидать вспышки народного негодования: оно могло прорваться подобно тому, как это сделалось некогда после московского пожара. Иван Васильевич, вероятно, из желания оградить себя на случай, подставить других вместо себя в жертву народной злобы, взял с воеводы, начальствовавшего земским войском, князя Мстиславского (второго после Вельского, лишившегося жизни при московском пожаре во время нашествия хана) запись в том, что он и воеводы, его товарищи, изменнически сносились с ханом и подвели последнего на разорение Русской земли и ее столицы. Дав на себя такую странную запись, Мстиславский и его товарищи остались не только целы и невредимы, но потом начальствовали войсками. Нелепость этого обвинения видна сама собой, однако царь после того мог уже без удержу объявлять даже иноземцам, что русские бояре-изменники навели на него крымцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.